

1135
1135 (н. п. ОСТРОУМОВЪ.)

САРТЫ.
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ САРТОВЪ.

Издание книжного магазина „Букинистъ“.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія торг. дома „Ф. и Г. Бр. Каменскіе“.

1896.

КНИГА ИМЕЕТ

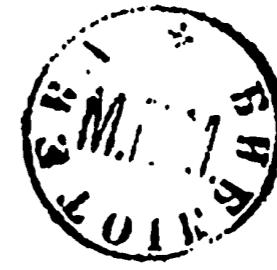

Сиядъ Каримъ Сиядъ Азимбаевъ.

Палванъ Ахмадъ Тапылбаевъ.

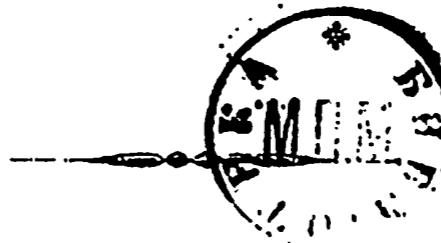
Н. П. ОСТРОУМОВЪ.

САРТЫ.
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

СЪ ПОРТРЕТАМИ САРТОВЪ.

Издание книжного магазина „Буинистъ“.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-литографія торг. дока „Ф. и Г. Бр. Каменскій“.

1896.

САРТЫ.

Этнографические материалы.

Дозволено цензурою 19 марта 1896 года, г. Ташкентъ.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Предисловіе и приложение къ стр. 166-й.	
Историческая и этнографическая свѣдѣнія о сартахъ	3— 54.
Общая характеристика сартовъ	55— 99.
Сближеніе сартовъ съ русскими и русское влияніе на сартовъ	100—163.
Туркестанская туземная газета и русско-туземные школы	164—189.
Воспоминанія Саттаръ-хана Абдулъ-Гафарова . .	190—215.
Мусульманскіе ишаны	216—234.
Поездка въ Россію самарканского купца Мирзы- Бухарила Мирзы-Абдуллиха	235—242.
Автобіографія кокандского поэта Закирджана Фирката	243—263.
Заключеніе	264—267.
Два приложения	268—272.

Редактируя с 1883 года Туркестанскую туземную газету, я находился въ постоянныхъ непосредственныхъ сношенияхъ съ сартами города Ташкента и другихъ мѣстностей Туркестанскаго края, знакомился съ ихъ жизнью и собирая разныя этнографические материалы: пословицы и поговорки, пѣсни, загадки сартовъ и т. п.

По случаю исполнившагося 15 июня 1890 г. двадцатипятилетнія русского управления городомъ Ташкентомъ, населеннымъ сартами (болѣе 100,000 душъ об. пола), я издалъ тогда, въ видѣ вступленія къ этнографическимъ материаламъ о сартахъ, первый выпускъ, который въ настоящемъ (второмъ) изданіи является значительно пополненнымъ напечатанными въ разное время въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ и Туземной газетѣ материалаами и статьюю объ шапахъ, перепечатанною изъ Православнаго Собесѣдника.

Безъ сомнѣнія, и въ настоящемъ новомъ изданіи первого выпуска есть недостатки и недосмотры, въ извиненіе которыхъ авторъ считаетъ себя въ правѣ ссылаться на недосугъ, обусловленный служебными обязанностями.

При этомъ авторъ считаетъ должнѣ признательности благодарить редакцію «Записокъ Восточного отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» и редакцію «Вѣстника Европы» за благосклонное вниманіе къ изданіямъ выпускаимъ этнографическихъ материаловъ.

Н. Остроуховъ.

Ташкентъ, 1896.

НА КОНЧИНУ
Государя Императора Александра III.

(Приложение къ стр. 166 настоящаго выпуска*).

Приходи сего́дня, шашкій **) народъ, и восплачъ!
Скончался Царь вселенной: облекись въ трауръ по Немъ!
Онъ былъ твоимъ покровителемъ, и ты душу свою положи за Него;
Подобно русскому народу, постоянно проливай слезы о Немъ.
День и ночь плачь и постоянно молись с Немъ.

Въ постоянномъ попечениі о тебѣ, у Него и во время сна успокоенія не было;
Среди попечений о тебѣ, у Него въ жизни отдохновенія не было;
Кромѣ попечениія о тебѣ, у Него въ сердцѣ другой радости и усмѣшия не было;
Кромѣ блага подданныхъ, въ Его мысли ничего другаго не было.
За упокой чистой души этого Государя постоянно молись.

Должно постоянно хранить въ сердцѣ дѣянія этого Государя.
Когда изъ этого таиннаго міра Онъ въ міръ вѣчный отошелъ,
Всѣ Его сановники остались здѣсь, на землѣ,—слугъ нѣть при Немъ,
Потому что въ этотъ моментъ Ему одному скончаться надлежало.
И теперь особенно о душѣ Его молись.

Подданные! Носите трауръ и плачьте о Государѣ своемъ.
Проливайте слезы о Немъ, какъ обѣ Отцѣ своемъ, какъ о Дѣдѣ своемъ,
Какъ о счастливѣшемъ, подобномъ царю Хисрау, Государѣ,
Какъ о знаменитѣшемъ въ мірѣ Государѣ.
Молитесь Богу за Него и вспоминайте Его качества.

Царь Царей изъ этого міра отошелъ;
Онъ закрылъ свои очи отъ міра таиннаго и въ міръ вѣчный отошелъ
Надежды подданныхъ (на Его долгую жизнь) не сбылись:
Онъ въ мѣсто упокойнія отошелъ.

*) Стохи это были напечатаны въ № 47 Туземной газеты за 1894-й годъ и перепечатаны въ № 2 Правителя. Вѣстника за 1895 годъ.

**) Ташкентскій.

Онъ оставилъ всѣхъ Великихъ Князей, и одинъ въ вѣчность отошелъ.
Оставилъ Царпцу оспротѣлой, Самъ изъ этого міра отошелъ.

Плачьте и горюйте: Самодержецъ міра отошелъ.
Самодержецъ міра, оставилъ насть, отошелъ.
Онъ былъ тѣнью Самого Бога и радостно отошелъ.
Духъ Его, преданный Богу, на небо отошелъ.
Весь народъ одѣся въ трауръ, и сердца всѣхъ наполнились горечью.

Онъ благоустроилъ свое царство и радостно отошелъ.
Подданные! постоянно плачьте: Государь міра отошелъ.
Къ вашему огорченію, Онъ недолго прожилъ и отошелъ.
Этотъ Цвѣтокъ вселенной преждевременно поблекъ и отошелъ.
Государь оставилъ Великихъ Князей въ печали и отошелъ.

Всѣ Егословищи остались на этомъ свѣтѣ, а Самъ Онъ въ вѣчный міръ отошелъ.
Царь царей, подобный Рустamu, показавшій свою державную силу, отошелъ:
Подобный Платону мудростью и Пушкину справедливостью отошелъ.
Отецъ своихъ подданныхъ, милостивый и сострадательный отошелъ.
Оставилъ ихъ въ долинѣ печали, а Самъ на небо отошелъ.

Распорядитель смерти коснулся Его, и Онъ въместо высочайшего отошелъ
Онъ безпрекословно отдалъ свою благочестивую душу и отошелъ.
Духъ Его къ душамъ другихъ царей отошелъ.
Такова участь всѣхъ; потому и Государь отошелъ.
Онъ уничтожилъ враговъ и спокойно отошелъ.

Онъ заставилъ весь міръ надѣть трауръ и незамѣтно отошелъ.
Онъ повергъ насть въ горе и печаль, а самъ одинъ отошелъ;
Царь царей, подобно Джамшиду, пенилъ чашу смерти и отошелъ.
Въ своемъ величиї подобный Александру и Дарію, Владѣтель сердецъ отошелъ.
Скорбите, что Русскій Царь царей отошелъ.

Онъ любилъ своихъ подданныхъ и спокойно отошелъ.
Онъ сохранилъ въ своемъ сердцѣ много задачъ и отошелъ.
Онъ былъ образцемъ хорошихъ качествъ, но звѣзда Его счастія отошла.
Онъ не достигъ конечной цѣли, и душа Его отошла.
Оставилъ свой народъ, Онъ одинъ отошелъ.

Подвергшись болѣзни, Онъ отошелъ.
Не нашлось лѣкарства и никакого средства,— и Онъ отошелъ.
Не могли помочь ученые доктора, и Онъ отошелъ.
Таково опредѣленіе Божіе: нашъ Государь изъ этого міра отошелъ.
Таково перво судьбы. Онъ закрылъ очи свои и отошелъ.

Онъ не могъ проживать въ холодномъ климатѣ и въ Крымъ отправился.
Но, отбывши туда, Онъ не понравился.
Изъ Петербурга Онъ съ Супругой и Дѣтьми отправился.
Счастливый Государь простился съ Великими Князьями и отправился.
Онъ отправился въ городъ Ливадію, но Его болѣзнь усилилась.

Онъ жилъ такъ, по положеніе его ухудшилось:
Нудьсь ослабѣлъ и одышка усилилась.
На ногахъ опухоль усилилась, отеки увеличивались.
Но и при такомъ тяжеломъ положеніи сознаніе Его не оставляло, и разсущество дѣйствовало.
Царь царей выполнилъ свою задачу и въ вѣчность отошелъ.

Смерть, кого застигнетъ,— и Царь, ни ишѣй не избѣгнуть ея.
Таково наслѣдіе отъ прародителей Адамы и Евы.
Всѣ посланники и пророки подверглись этой участіи.
Въ этомъ древнемъ мірѣ никто не остался,— всѣ отошли туда.
Въ свою очередь и нашъ счастливѣйший Государь отошелъ туда.

Онъ вручилъ царскій престолъ Своему Наслѣднику,
Сдѣлавъ завѣщаніе и Своей Августѣйшей Супругѣ,
Какое самъ Онъ въ своемъ сердцѣ находилъ.
И въ эту трудную минуту Онъ находился въ полномъ сознаніи.
И въ присутствіи Августѣйшей Семьи отошелъ.

Этотъ Государь при жизни отклонилъ войну.
Вступивъ на путь мира, Онъ присоединилъ къ нему другихъ царей.
И всегда Онъ въ своемъ сердцѣ этотъ порядокъ сохранилъ.
Смотрите, цари, въ какомъ настроеніи Онъ отошелъ.
Начавъ миролюбивую политику, Онъ отошелъ.

Когда другие государи склонились ко враждѣ
И приготовлялись къ войнѣ,

XII

Онъ говорилъ имъ: «Это не возможно, государи!»
И Государь не дозволялъ имъ воевать.
Такимъ образомъ Онъ утвердилъ миръ и отошелъ.

Всѣ цари земные опечалены и соболѣзнують о Немъ;
Всѣ подданные плачутъ и вздыхаютъ о Немъ,
Говоря: куда отошелъ нашъ Царь, царей,
Всѣ молятся Богу и испрашиваютъ ему милости.
И молитвы достигаютъ Его чистой души.

Онъ постоянно заботился и думалъ о мирѣ.
И въ этихъ заботахъ проводилъ свою жизнь,
Чтобы Его подданные наслаждались спокойствиемъ.
И послѣ себѣ Онъ оставилъ Своему Наслѣднику этотъ путь,
Какого самъ держался,—этотъ лучезарный путь.

Всѣ сановники и подданные о Немъ плачутъ.
А кроме нихъ и другіе народы о Царь міра плачутъ,
Говоря: не появится на землѣ другой такой Царь.
Всѣ міръ плачетъ о Немъ, говорятъ:
Онъ оставилъ насъ въ водоворотѣ, а Самъ отошелъ.

Сановники совѣщаются съ подданными:
«Государь очень любилъ городъ Москву,—
Устроимъ въ честь Его благословленного именіи великий памятникъ».
Новый Государь разрѣшилъ пригласить къ пожертвованіямъ,
И распространялось теперь по Россіи повелѣніе это.

По всему міру сдѣлялось известіе повелѣніе это.
И великій, по своему состоянию, дѣлаетъ пожертвованіе.
Его Свѣтлость^{*)} услышавъ объ этомъ,—воздадовлся
И отпустилъ на памятникъ 30.000 рублей.
А доставившій пожертвованіе въ свой городъ возвратился.

Всѣ государи собрали мастеровъ искусства и приказали имъ приготовить вѣнцы
Изъ серебра съ позолотой—на Его могилу и написать (на вѣнцахъ)
имена царей-жертвователей.
Когда изготоили были вѣнцы, цари положили ихъ въ назначенное мѣсто.

^{*)} Бухарскій Амиръ.

XIII

Пхъ приѣхѣ приѣхѣдоватъ и сынъ Его Свѣтлости (Амиръ Бухары).
Кромѣ него, и Персидскій Государь послалъ свое пожертвованіе (вѣнокъ).
Они написали имена свои на красныхъ вѣникахъ—

«Бухарскій Амиръ» и «Персидскій Шахъ».

Пожертвованія изъ Туркестана отправлены особо.

Пожертвованія есть и изъ другихъ государствъ, кромѣ Россіи,
Потому что многіе народы чтутъ покойнаго Государя,
И много царей соболѣзнують о Немъ.
Нѣть такого въ мірѣ, не соответствующаго Ему.—
Всѣхъ пожертвованій сдѣлало болѣе, чѣмъ на два миллиона.

Къ Нему относились съ почтеніемъ, какъ къ руднику добродѣти.
Изъ нихъ одна—миролюбіе Государя.
Всѣ государи поступали такъ, чтобы возвеличить Его.
И подданные, наслаждались спокойствіемъ въ Его время (надѣются, что)
такое положеніе продолжится.
Поэтому всѣ цари такъ и почтили Его.

Подданнымъ должно молиться Богу за Царя,
Въ царствованіе которого никого не коснулось несчастіе (войны).
Съ возрастающимъ счастіемъ правилъ Онъ государствомъ и былъ любимъ
народомъ.
День и ночь всѣ молились Богу за Него, проливая слезы.
И Мафхумъ^{**}), сложившій эти стихи, опечаленъ (смертью Государя).

Стихи ташкентскаго поэта Нихани**).

Кому па этомъ свѣтѣ не дается напитокъ пѣзъ смертной чаши?
Хотя бы то былъ царь, правитель, или жалкій нищій,
Хотя бы былъ па тронѣ, или па простой листениѣ,
Хотя бы добрый, хотя бы злой, хотя бы шейхъ святой,—
Всѣхъ мы видимъ подверженными жалу смерти.

^{*)} Псевдонимъ автора.

^{**) Напечатаны въ № 5 Тузем. газеты за 1895 г.}

XIV

Не видѣнъ я вѣдь, что и надъ Государемъ Александромъ Третьимъ,
Правлѣніе Котораго было подобно лунѣ въ лебесахъ,
Въ царствованіи Котораго отражалось величіе Александра (Македонскаго),—
И надъ Нимъ, день и ночь заботившимся о подданныхъ,
Исполнилось Божіе опредѣленіе: и Онъ испилъ изъ смертной чаши...

Пока не пресѣклась Его жизнь, днемъ и ночью
Сознаніе не оставляло Его, пока не сокнулись Его очи;
Хотя отъ тяжкой болѣзни силы Его ослабѣли,
Постоянно на Его устахъ были слова о подданныхъ...
О нихъ же Онъ завѣщалъ и своему Наслѣднику.

При Его жизни процвѣтали торговля и промыслы подданныхъ,
Ни одинъ человѣкъ не причинилъ стѣсненія другому поꙗнрасну:
Овцы съ волкомъ были вѣсты, голубь съ ястребомъ.
И стали рассказывать, что при Немъ не проливалась кровь.
Среди жителей городовъ и степей были вездѣ тишина и спокойствіе.

О горе! жизнь этого Государя преждевременно прекратилась...
И сожалѣли о Немъ другіе государи и Халифъ (Султанъ).
Всѣ подданные Его проливали потоки слезъ отъ печали.
Отъ смерти Его распространялась тѣнь даже надъ луной.
И лицо земли покрылось черпою тѣнью траура.

Тронная корона Его засияла ярче блеска;
Облака вздыхали о немъ по громомъ, а огненные вздохи
Небесныя свѣтила искускали на землю лучи сожалѣнія.
Всѣ цари на землѣ сожалѣли о Немъ и плакали...
Какъ будто небо и земля облеклись въ глубокій трауръ по Немъ.

Наслѣдникъ Государя—Свѣтоть очей Его
Возсѣль на тронъ Его, и началась новая эпоха:
Возрадуйтесь жители туркестанскіе и гор. Ташкента!
Молитесь, чтобы Богъ возвысилъ дѣла Его!
Молись, Нихани, о благоденствіи этого Государя.

XV

Стихи-хронограмма ташкентскаго поэта Нями*).

(20 апреля 1895 года).

Смерть русскаго Государя Императора
Поворгла подданныхъ Его въ глубокій трауръ,
Потому что всѣ Его подданные жили
Въ Его царствованіе въ мирѣ и радостяхъ:
У мусульманскаго народа и у русскаго
Не было ни малѣшаго недостатка въ щастіяхъ Его.
И когда Онъ отошелъ изъ этого таиннаго міра,
Пала большая печаль на сердца подданныхъ Его.
И всѣхъ великихъ государей изумила
Копчина этого досточтимаго Государя.

Если мы внимательно посмотримъ на дѣйствительность,—
То гдѣ Александръ Македонскій, Дарій, Джамшідъ?
Гдѣ Кайхырау, Кайкаусъ и Бахманъ?
Гдѣ Афрасіабъ, Залъ и Рустамъ?
Гдѣ Бахрамъ, завоеватель семи частей свѣта?
Гдѣ Кесарь римскій и китайскій повелитель?
Гдѣ Хырау, гдѣ Шарвазъ и Хурмизъ?
Гдѣ справедливый и досточтимый Нуширванъ?
Всѣ они появились въ мірѣ по очереди,
И лѣкоторые изъ нихъ отошли послѣ, иные прежде,
Знаете ли вы, куда всѣ они отошли?
Будьте же внимательны, потомучи Адама:

Изъ чаши виночерпія смерти они испили
Напітка пістліпія и всѣ прекратили бытіе.
И искорівшій міръ (мирной податникомъ)
Александръ Александровичъ,—
Наконецъ, и Онъ оставилъ этотъ таинный міръ
И быстро прослѣдовалъ въ вѣчное царство...
О, русскій народъ! Не Ему ли была свойственна справедливость?!

Да, такова участь всѣхъ людей,
Хотя бы то быть царь, хотя бы бѣднякъ...
Только одно хорошее имя должно оставаться въ памяти;
Если же нѣть его, забудутся имущество и донъги.

* Напечатаны въ № 16 Туземной газеты за 1895 г.

XVI

Посмотрите: имена некоторыхъ не изгладились
Въ летописи справедливости и юности.

Не суть ли благородные свидѣтели этому:

Одинъ Нушпрванъ, а другой Хатаагъ?...

Необходимо держаться пути справедливости,

Взивъ почтительно приябръ съ этого Монарха¹⁾

А государь, у котораго ить этого свойства,

Будетъ вѣчно слышать упреки и порицанія.

Въ исторіи подробно описано это;

Кто читаль, тотъ знаетъ. А Богъ чуще знаетъ^{2).}

Кими³⁾ отбросилъ первую букву отъ хиджры

И указалъ на годъ смерти «Великаго Государи»⁴⁾ 1312.

Получится еще лѣтосчислениѳ христіанское,

Если считать (всѣ буквы въ словахъ): «годъ смерти Великаго Государи»^{5).}

1) Т. е. Императора Александра III.

2) Послѣднее выраженіе заимствовано изъ Корана.

3) Псевдонимъ автора стиховъ—хронограммы.

4) Нужно читать изъ подавинокъ: Шах аз(а)и въ счетѣ: ш=300, а=1, г—(авнъ)=70, з—(изы)=900, я=40; всего=1317. Отъ этого числа нужно отнять 5, соответствующее первой буквиѣ въ словѣ «Хиджра», и получится 1312-й годъ хиджры, соответствующий концу 1884 года, т. е. году смерти Императора Александра III. И. О.

5) Въ подавинкахъ это слова читаются такъ: Сая ф(а)ут шах аз(а)и. Но переводѣ на числа, эти буквы дадутъ: с—(сливъ)=60, а=1, л=30, ф=80, у=6, т=400, ш=300, а=1, х=5, я=1, г—(авнъ)=70, з—(изы)=900, я=40, всего=1894, т. е. годъ смерти Императора Александра III по христіанскому лѣтосчислѣнію. При этомъ нужно иметь въ виду, что въ словѣ аз(а)и второе а въ счетѣ не идеть, такъ какъ этотъ гласный звукъ въ подавинкахъ выраженъ надстрочнымъ знакомъ. Также въ словѣ «фут» знакъ «а» не считается по той же причинѣ. И. О.

САРТЫ.

Необходимо изучать умственный синадъ,
вѣрованія и быть сартовъ, чтобы благотворно
влиять на ихъ жизнь.

I.

ИСТОРИЧЕСКИЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЯ СВѢДѢНИЯ О САРТАХЪ*).

„Уже въ течениe тысячелѣтій нѣть вполнѣ однородныхъ народовъ“.

„Народы могутъ сродиниться съ языкомъ чуждой расы, или, напротивъ того, языкъ можетъ по прежнему неизменно господствовать въ данной области, тогда какъ раса медленно измѣняется, благодаря смѣшанію крови“.

Оскаръ Петеръ.

Выраженіе „сартъ—сарты“ (سارتیه — سارت) хорошо известны жителямъ Туркестанского края, туземцамъ и русскимъ, какъ названія очень значительной части населенія края: *сарты* называются осѣдлые туземцы преимущественно Сырь-Дарьинской и частію Ферганской областей и Аму-Дарьинскаго отдѣла. Правда, осѣдлые туземцы чаще называютъ себя по мѣсту жительства и говорятъ: *ташкенти* т. е. ташкентецъ, *коқанди* т. е. коқандецъ и т. под.; но когда туземца спрашиваютъ: кто онъ—киргизъ или сартъ? то сартъ отвѣчаетъ, что онъ—*сартъ*, а не казакъ; киргизъ же въ подобномъ случаѣ говоритъ, что онъ не сартъ, а *казакъ*. Равнымъ образомъ, Сырь-Дарьинскіе сарты отличаютъ себя и отъ *тиаджиковъ*, осѣдлыхъ туземцевъ Самар-

*) Приводимыя въ этой главѣ данные собраны были мною въ 1884 году по поподу замѣтки, напечатанной въ «Восточною Обозрѣніе» (№ 52 за 1883 годъ) и въ первый разъ былъ напечатаны въ №№ 28—31 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1889 г. После первого изданія настоящаго выпуска (въ 1890 г.), вопросъ о словѣ «Сартъ» возобновился въ печати въ менущемъ въ настоящемъ годахъ, въ статьяхъ г.г. Бартольда и Яшина, какъ обѣ этомъ говорится въ настоящей главѣ.

канской области и некоторыхъ местностей Ферганской и говорить о себѣ, что они—*сарти*, а не *таджик*. И мы, русскіе, съ первыхъ дней своей жизни въ Туркестанскомъ краѣ употребляемъ выраженіе „*сартъ*“ для обозначенія извѣстной части туземнаго населенія не только въ частныхъ сношеніяхъ съ осѣдлыми туземцами, по и въ офиціальныхъ случаяхъ. Въ документахъ, когда идетъ рѣчь о сартахъ, мы иржо пишемъ: „*сартъ* такой-то заключилъ условіе“ и проч.

Основанія къ этому слѣдующія:

Еще въ первомъ Проектѣ положенія объ управлениі въ Семирѣченской и Сырь-Дарьинской областяхъ, изданномъ въ 1867 году, въ §§ 127, 130 и 331 выраженіе „*сартъ*“ было принято, какъ названіе части туземнаго населенія, а въ §§ 214 и 215 выраженіе „*сартъ*“ обозначаетъ опредѣленіе *осѣдлыхъ* туземцевъ.— Въ объяснительной запискѣ къ назованному Проекту положенія, въ главѣ II (Устройство суда) вполнѣ опредѣленіо сказано, что народонаселеніе въ Туркест. генераль-губернаторствѣ составляютъ *киргизы*, кочующее большинство населенія обѣихъ областей, и *сарти*—осѣдлое населеніе Сырь-Дарьинской области. Между этими двумя народностями нѣть ничего общаго ни въ характерѣ, ни въ основныхъ началахъ народнаго суда ихъ. Въ приведенныхъ словахъ Проекта положенія 1867 г. выраженіе „*сартъ*“, какъ названіе осѣдлаго населенія Туркестанскаго генераль-губернаторства, обозначало осѣдлыхъ туземцевъ только Сырь-Дарьинской области и не относилось къ осѣдлымъ туземцамъ другихъ областей края нашего времени (Самарканской и Ферганской), такъ какъ въ 1867 г. Фергана и Самаркандъ не входили еще въ составъ русскихъ среднесазіатскихъ владѣній. Въ Проектѣ всеподданнѣйшаго отчета Генераль-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генераль-губернаторства за время отъ 7 ноября 1867 г. по 25 марта 1881 года (Издание Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. С.-Петербургъ, 1885.), на страницѣ 20-й напечатано: „Народонаселеніе края состоитъ: изъ русскихъ,

татаръ, таджиковъ, узбековъ.... *сартовъ*, киргизъ“.... Далѣе, на страницѣ 22-й того же отчета, сказано, что сартовъ въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ считается 800,000 душъ, т. е. до 26% всего населенія, и что *сарти* составляютъ главный контингентъ городского и сельскаго туземнаго населенія въ Сырь-Дарьинской и Ферганской областяхъ и Заравшанскомъ округѣ (нынѣ Самарканда областѣ). Многочисленныя во всей юго-восточной полосѣ края и сплошныя поселенія сартовъ оканчиваются въ городахъ Туркестанѣ и Ауліэ-ата, не распространяясь далѣе этихъ пунктовъ,—по долинѣ Сыра и въ предѣлы Семирѣченской области. Небольшое сартовское населеніе послѣдней (до 5000 душъ) состоитъ изъ разсѣянныхъ по городамъ области торговцевъ, изъ которыхъ только немногіе основались въ нихъ на постоянное жительство.

Въ дѣйствующемъ нынѣ Положеніи объ управлениі Туркестанскаго края, Высочайше утвержденномъ 12 іюля 1886 года, пѣть выраженій „*сарти*“ и „*киргизы*“, а туземное населеніе называется въ этомъ Положеніи или *осѣдлымъ* (§ 73), или *кочевымъ* (§ 108¹); но, при переводѣ этого Положенія на языкъ осѣдлыхъ туземцевъ, переводческая комиссія не избѣжала выраженія „*сартъ*“ (*سارتى*) т. е. собирательной формы отъ слова *сартъ*. (См. заглавіе отдѣленія III, а также §§ 176, 255, 264 и др.). Очевидно, переводчики не могли обойтись безъ выраженія *сартъ* и его собирательной формы—*сартъ*, хорошо извѣстной туземцамъ отъ временъ кокандскаго управления Ташкентомъ. Когда кокандскіе беки и бекларбеки²) отдавали письменныя приказанія какой-нибудь части населенія нынѣшней Сырь-Дарьинской области, то приблизительно выражались такъ: „Да будетъ извѣстно всѣмъ должностнымъ лицамъ сартскаго и кир-

¹) См. также §§ 208, 211, 238, 243, 247, 248, 252, 255, 270, 300 и другіе. Такое же обозначеніе населенія Туркестанскаго края встрѣчается въ „*Запискахъ по Средне-азіатскому вопросу*“ Д. И. Романовскаго. (Спб. 1868 г. стр. 261).

²) Бекъ вѣдѣлъ въ своемъ вѣдѣніи районъ города и окрестностей въ размѣрѣ нынѣшнаго уѣзда; бекларбекъ завѣдывалъ большими районами и, какъ самое название показываетъ, имѣлъ въ своемъ подчиненіи бековъ, быль бекомъ надъ беками.

گیزکانوں کا اسلام سرتاقی کو نیدہ یعنی تاجیک (سارتیہ و قرائیہ لارغہ معلوم بولسون)، کہ پو-
власті, даної м'їв такимъ-то кокандскимъ ханомъ, я посылаю
къ вамъ такого-то, приказываю считать его, какъ меня самого,
и вручить ему государственные подати, какія онъ будеть тре-
бовать отъ васъ, согласно настоящему предписанію¹. (Такого-то
года, мѣсяца и дня. Печать). Очевидно, что выраженіе „сарты“
въ офиціальныхъ приказахъ кокандскихъ правителей было при-
нято, какъ название установившееся и хорошо известное самому
населенію, а это могло быть только при условіи древнаго про-
исхожденія этого названія и давнаго его употребленія. Новые
правители благородно не вводили въ подвластной имъ странѣ
новыхъ терминовъ для обозначенія населенія; не дѣлали этого
и русскіе администраторы, допускавши и допускающіе название
„сарты“ въ офиціальныхъ случаяхъ. (См. повѣстки областныхъ
судовъ, мировыхъ судей, торговые документы и под.).

Въ историческихъ сочиненіяхъ по Средней Азіи, нопреки
заявлению г. Пашиню¹), находится выраженіе „сарты“ у слѣ-
дующихъ Среднеазіатскихъ мусульманскихъ писателей:

1) Рашидеддинъ (род. въ 1247 г., умеръ въ 1318 году по
Р. Хр.) въ своей „Исторіи монголовъ“, говоря о племени Кар-
лукъ²) замѣчаетъ, что въ вѣкъ Чингизъ-хана правителемъ и
государемъ Карлуковъ былъ Арсланъ-ханъ. Когда Чингизъ-ханъ
отправилъ къ предѣламъ этого племени Хубила-пойона, Арсланъ-
ханъ покорился ему. Чингизъ-ханъ далъ ему дѣвушку изъ своего
рода и повелѣлъ называть Арслана сартскимъ т. е. таджикомъ:

¹⁾ Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, издан. въ 1808 г. подъ заглавіемъ „Туркестанский край въ 1806 году“ г. Пашинъ замѣчаетъ между прочимъ, что изъ мусульман-
скихъ рукописяхъ, посвященныхъ описанію походовъ синихъ средне-азіатскихъ завоевателей, ему не приходилось встрѣчать яви „сарты“.

²⁾ По Массуду, Киргужи были тюркское племя, отставшееся частотою кровь
и красотою формъ. Они были пѣкоторое время хищниками бывшей части Азіи, а пѣкъ
князъ носилъ титулъ „хаканъ-хакановъ“. Во времена Ибнъ-Хукума (п. X в. по Р. Хр.)
она жила близъ Аспенджа, къ сѣверо-востоку отъ Искарта. Изъ нихъ былъ общий
съ коргозами и др. тюркскими племенами. *Geographie d'Abou'l-feda, traduite de l'Arabe
en Francais par M. Reinachl. Paris, 1848. T. I. Introduction, p. 357 et T. II, p. 298.*

۱) فرموده که اورا ارسلان سرتاقى كونىدە یعنی تاجیک. Въ приѣ-
чаній къ этому мѣсту, переводчикъ, проф. Березинъ выраженіе
сертакты (сартакты) считаетъ монгольскимъ прилагательнымъ
въ значеніи сартской отъ сарттуулгъ сартъ²).

Слова сарттуулгъ, сарттууллъ или сартуллъ довольно часто,
по словамъ г. Бартольда, встречаются въ монгольскихъ и ти-
бетскихъ сочиненіяхъ. Китайцы переводятъ этотъ терминъ сло-
вомъ Хой-ху или Хой-хой, который первоначально употреблялся
для обозначенія уйгуровъ, потомъ—туркестанцевъ вообще, на-
конецъ—всѣхъ мусульманъ безъ различія происхожденія; ко
времени монгольского господства послѣднее значеніе уже было
окончательно установлено. Уже въ такъ-называемой „Монголо-
китайской лѣтописи“, т. е. въ монгольскомъ эпическомъ сказаніи
XIII в.³), „сартоульский народъ“ (сарттуулгъ-иргэнъ) назы-
вается туркестанцы, подданные Харезмшаха Мухаммада. Примѣръ
употребленія слова сарттуулгъ мусульманскимъ писателямъ
г. Бартольдъ встрѣтился и у Рашидэддина, въ его разсказѣ объ
одномъ изъ мусульманскихъ министровъ великаго хана Хубилай-
(умершаго въ 1294 г.), Абу-бекрѣ, носявшемъ титулъ Баянъ-
Фенджана, котораго Хубилай-ханъ называетъ „сартоульскимъ
человѣкомъ“⁴). Кроме того, еще въ одномъ тюрко-арабскомъ и
монголо-арабскомъ глоссаріи, написанномъ, по всей вѣроятности,
въ Персіи въ началѣ XIV вѣка, слово сарттууллъ переводится
словомъ „мусульманинъ“⁵).

¹⁾ Труды Восточного Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества.
Часть пятая. С.-Петербургъ, 1858. Сборникъ лѣтописей. Исторія хонголіи. сочиненіе
Рашодъ-Эддина. Введение: о турецкихъ въ монгольскихъ племенахъ. Переводъ съ персид-
скаго, съ введеніемъ въ прѣвѣтанія, И. И. Березина, стр. 132.

²⁾ Тамъ же, стр. 271—272. У Бату-хана б. смысль „Сартакъ-огланъ“.

³⁾ Это сказаніе было переведено на русскій языкъ съ китайскаго перевода
архимандритомъ Намадіемъ въ напечатаніе въ „Трудахъ членовъ Россійской духовной
архіепископіи Невѣсь“, т. IV (Сіб. 1866 г.). (Примѣчаніе г. Бартольда).

⁴⁾ См. три рукописи Рашидэддина въ Иса. Чуб. баба: рук. V, 3, 1, листъ 225;
рук. V, 3, 2, стр. 1144 и рук. Dorn 289, листъ 229.

⁵⁾ „Туркест. Вѣдом.“ за 1895 г. № 30, ст. г. Бартольдъ: «Еще о словѣ саръ».

2) Въ примѣч. къ разсказу Рашидаддина о борьбѣ Чингизхана съ Ванъ-ханомъ проф. Верезинъ говоритъ, что, по словамъ монгольского историка, это событие произошло уже послѣ похода на сартовъ¹⁾), которые составляли во время Чингизхана независимое племя, почему онъ и предпринималъ противъ нихъ походъ. Извѣстный путешественникъ по владѣніямъ Чингизхана, францисканецъ Іоаннъ дѣ Плано-Карпини, проѣхавшій въ 1246 году черезъ Россію въ Монголію, въ описаніи своего путешествія называетъ и сартовъ въ числѣ покоренныхъ монголами народовъ: китайцы, меркиты, туркии... болгары, армяне, персы, индійцы... *сарты* (*Sarbi*) и мн. др.²⁾.

3) Поэтъ и писатель Средней Азіи, знаменитый Миръ Алиширъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Амира Наваи (умеръ въ 1500 г. по Р. Хр.) также употреблялъ въ своихъ сочиненіяхъ слово „*сарты*“ и называлъ этимъ именемъ жителей Средней Азіи, не знающихъ тюркскаго языка. Русскій академикъ Вельяминовъ-Зерновъ и французскій профессоръ Шаве-де-Куртейль, объясняя въ своихъ словаряхъ слово „*сарты*“, говорятъ, что этимъ именемъ называются городские жители персидскаго происхожденія, не знающіе тюркскаго языка, какъ это видно изъ слѣдующихъ выражений Наваи: *سارت عجمک شهری سنہ در لار که قطعاً ترکی بلمیکه*

حیرت الابرار ده اون ایکنچی مقاله ده کیلورکه بیت سارت غه کرچه
بو بارور بخشی لار * ترک ایله هم بخشی بارور بخشی لار * وینه قفیه ده
کیلورکه بیت بری ترک دیواندہ آستی مهر * بری سارت دیواندہ
باستی مهر * وینه جالس النفایسده ایکنچی مجلس آخرنده سید حسن
اردشیر و صفتنه کیلورکه بو ققیر ترک و سارت آراسیده آندین تمام را
کیشی کوردمای دور من — و بنه دیلیدی کیم هر کیم سارتچه ایتسه

بری ! یاغ ایچسون (3)

1) Труды Вост. отд. Частъ тринадцати. С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 312.

2) Собрание путешествий къ татарамъ и другимъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтияхъ. І. Плано-Карпини. Н. Асцензий. С.-Петербургъ, 1825 г. Стр. 191.

3) Dictionnaire Djaghatai-Turk (S.-Петербургъ, 1869) и Dictionnaire Turk-Oriental (Paris, 1870) Mot—*سارت*—جدول الاعلام.

4) Знаменитый внукъ Тимура, основатель обширной монархіи Баберидовъ, Захируддинъ Мухаммадъ Бабуръ (род. въ 1483 г. ум. въ 1530 г. по Р. Хр.) въ своихъ біографическихъ запискахъ (بابر نامہ), на страницѣ четвертой, говоря о Маргеланѣ, замѣчаетъ: *жителіи его—сарты* (ابلی سارت دور). На той же страницѣ, говоря объ Асфарѣ¹⁾, Бабуръ также замѣчаетъ, что жители Асфари—сплошь *сарты* и горные (ابلی تمام سارت و کوهی دور).

5) Абуль-Гази Мухаммадъ-Багадуръ, Хивинскій ханъ (род. въ 1014 г. ум. въ 1074 г. гиджры, т. е. въ 1605—1663 гг. по Р. Хр.), въ сочиненіи своемъ شجره تركъ шестнадцать разъ упоминаетъ о сартахъ, какъ жителяхъ Хивы, Ургенду и Хазарасна, отличаетъ ихъ не только отъ туркменъ и кызылбашей, но и отъ узбековъ, что въ данномъ случаѣ имѣеть особенную важность, такъ какъ г. Лашинъ еще недавно (см. ниже) печатно оспаривалъ правильность применения названія „*сартъ*“ къ извѣстной народной группѣ и настаивалъ на замѣнѣ этого названія словомъ „узбекъ“. Какъ на примѣръ можно указать на случай провозглашенія ханомъ Илбарсъ-хана, въ „поднятіи“ котораго участвовали всѣ узбеки и сарты (страница 197). О языкѣ сартовъ Абуль-Гази ничего не говоритъ, но о жителяхъ Самарканда определенно заявляетъ, что они все говорятъ по таджикски и что въ этомъ городѣ не было ни одного человѣка знающаго тюркскій языкъ⁴⁾). Кроме того, Абульгази говоритъ, что сарты имѣли дома и занимались хлѣбопашествомъ⁵⁾), т. е. считаетъ ихъ осѣдлымъ населеніемъ.

1) Асфари—селеніе въ Конандскому уѣздѣ.

2) Baber-Namah. Djagataice ad fidem codicis Petropolitani. Edidit N. Ilminski. Casanii, MDCCCLVII, pag. 4.

3) См. поданіи текстъ страницы: 197, 223, 242, 301 и 305.

بارجھی تاجیک سوزلایدور هیچ ترکی بیلور کشی یوق (4)

Ibid. pag. ۲۱۱

5) Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Begadour Khan. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaison. Tome I. Texte. St. Petersburg. 1871. سارت — جدول الاعلام.

Въ русскихъ историческихъ памятникахъ мы находимъ слѣдующія свидѣтельства относительно слова „сартъ“:

1) Въ статейномъ спискѣ похода Томскихъ боярскихъ дѣтей Романа Старова и Ивана Греченинова съ служилыми людьми въ киргизскую землю отъ 15 февраля 1650 г. встречается имя мурзы *Сартикулита*¹⁾, что прямо указываетъ на сложный составъ этой фамилии изъ двухъ словъ: *сартъ* и *нуръ*²⁾.

2) Въ описаніи торгового путешествія вятскаго татарина Шубая Арасланова,ѣздившаго вмѣстѣ съ курскимъ купцомъ Семеномъ Дроздовымъ и казанскимъ татариномъ Мансуромъ Юсуповыемъ въ Ташкентъ въ 1741—1742 г.г. *сартами* называются жители городовъ: Ташкента и Туркестана и они различаются отъ киргизовъ и калмыковъ³⁾.

3) Изъ конца того же столѣтія, отъ 1793—1794 г.г. имѣются показанія военного врача Бланкенагеля, пробывшаго пять мѣсяцевъ въ Хивѣ, куда онъ былъ отправленъ русскимъ правительствомъ. Онъ въ числѣ жителей Хивинскаго ханства считаетъ 15 тысячъ *сартовъ*, кроме узбековъ и другихъ народностей, и говоритъ, что *сарты*—древніе жители этой земли, но покорены узбеками и находятся въ великому отъ нихъ угнетеніи⁴⁾.

4) Подполковникъ Ген. Штаба Г. И. Данилевскій въ 1843 г.ѣздилъ въ г. Хиву съ русской миссіей, по распоряженію русского правительства, и, основываясь на личномъ обозрѣніи Хивинскаго ханства и на распросныхъ свѣдѣніяхъ, *достовѣрность которыхъ не подвергалась сомнѣнію*, составилъ описание Хивинскаго ханства, жителей которого—*сартовъ* называетъ осѣдлыми и говоритъ о нихъ: „Сарты составляютъ преобладающее племя осѣд-

1) Сборникъ книгъ Хилякова С.-Петербургъ 1879 г. страница 313.

2) Какъ очень любопытный фактъ отмѣчамъ здесь, что слово «сартъ-сартакъ» дало начало одной русской фамилии—*Сартаковъ*, никакую постыдитель Омской классической гимназіи, уроженецъ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи.

3) Русский Архивъ 1888 г., кн. 8, стр. 401—416. Ст. Н. Огиблапинъ: «Путешествіе русскихъ купцовъ въ Ташкентъ въ 1741—1742 г.г.

4) Съ очерка историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Н. Веселовскій. С.-Петербургъ, 1877. стр. 243.

лаго народонаселенія и суть коренные жители ханства. Азіатцы называютъ сартами всѣхъ (?) хивинцевъ вообще. Они живутъ преимущественно въ городахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею, которая почти исключительно находится въ ихъ рукахъ. Правительственные лица, за исключеніемъ самого хана и кушъ-бегія,—изъ сартовъ. Всѣ порученія, почетныя и выгодныя, возлагаются на нихъ-же, а равно и управление городами и ханскими имуществами. Этотъ политический перевѣсь при помощи торговли способствуетъ немало къ ихъ обогащенію и упроченію возрастающаго первенства (стр. 91). Затѣмъ г. Данилевскій, говоря о городахъ Хивинскаго ханства въ отдѣльности, вездѣ называетъ сартовъ, гдѣ они, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, оказывались жителями описываемыхъ имъ городовъ¹⁾.

Наконецъ, должно упомянуть, что выражение „*сартъ*“ встрѣчается въ нѣсколькихъ пословицахъ, до сихъ поръ употребляемыхъ сартами и киргизами. Въ одной пословицѣ говорится: „*Сартъ, когда разбогатѣетъ, то крышу ставитъ* (т. е. заводить себѣ домъ), *а киргизъ, когда разбогатѣетъ, же-титъся*“. Въ другой пословицѣ говорится: „*Плохой киргизъ становится сартомъ, а плохой сартъ становится кирги-зомъ*“. Третья пословица говоритъ: „*Послѣ того какъ ты сталъ сартомъ, нынѣ отъ тебя пользы; послѣ того какъ ты сделался киргизомъ, нынѣ отъ тебя торговли*“. Во всѣхъ этихъ пословицахъ выражение „*сартъ*“ противополагается выражению „*киргизъ*“ и должно быть понимаемо, какъ название, обозначающее человѣка другого образа жизни сравнительно съ киргизами. Первая пословица указываетъ прямо на *осѣдлый* образъ жизни сартовъ. Третья пословица даетъ понять, что съ точки зреінія киргиза, сартъ—человѣкъ для киргиза малополезный, вслѣдствіе своего осѣдлого образа жизни; точно такъ-же какъ киргизъ, вслѣдствіе кочеваго образа жизни, не можетъ быть

1) Описаніе Хивинскаго ханства было напечатано въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1851 году, въ книжкѣ пятой. Въ главѣ 6-й Описанія авторъ говоритъ о составѣ и числѣ народонаселенія ханства.

хорошимъ торговцемъ. Вторая пословица характерно указываетъ на существенное отличие киргиза отъ сарта по образу жизни, съ точки зрѣнія того и другаго, именно: плохой киргизъ, т. е. измѣнивший вѣковому образу жизни кочевника, становился *сартомъ*, т. е. начинаетъ вести осѣдлую жизнь; точно также не имѣющій осѣдлости и скитающейся по чужимъ дворамъ сартъ—уже плохой сартъ, съ точки зрѣнія осѣдлого жителя.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, можно заключить, что слово „*сартъ*“ было въ употребленіи въ Средней Азіи уже въ отдаленное отъ насъ время и что сарты различались отъ узбекъ, туркменъ и кызылбашей съ одной стороны и отъ таджиковъ съ другой, какъ это мы знаемъ и въ настоящее время. Г. Лерхъ замѣчаетъ, что название „сартъ“ распространилось по среднему и нижнему течению Сыръ-Дарьи (древняго Яксарта), а на Аму-Дарѣ удержалось только въ Хивинскомъ ханствѣ и что, наоборотъ, название „таджикъ“ сохранилось и болѣе распространилось въ предѣлахъ древней Согдіаны. На базарахъ Бухары до сихъ поръ слышится таджикское нарѣчіе, тогда какъ на базарахъ Хивы и Ташкента таджикской рѣчи почти не слышно. Самыя названія мѣстностей въ предѣлахъ древней Согдіаны гораздо болѣе сохранились иранскія, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Хивы и Ташкента почти исключительно встрѣчаются тюркскія названія мѣстностей. Это явленіе объясняется тѣмъ, что по Аму-Дарѣ древній иранскій элементъ былъ сильнѣе и оказалъ болѣе устойчивости противъ нашора монголо-тюркскихъ племенъ, наводнявшихъ въ разныя времена Среднюю Азію; наоборотъ, по Сыръ-Дарѣ оказался болѣе сильнымъ элементъ тюркскій, который и пересилилъ здѣсь иранскій, сказавшись тѣмъ не менѣе въ смѣшанномъ типѣ сартовъ. Какъ происходило это смѣщеніе, понять не трудно, ибо въ виду постоянныхъ столкновеній монголо-тюркскихъ племенъ съ иранскими, сопровождавшіеся болѣе или менѣе продолжительнымъ господствомъ побѣдителей¹⁾.

¹⁾ См. Очеркъ Ферганской долины. А. фонъ-Меддендорфа. Рус. перен. Слб. 1882, стр. 385 въ седьм.

Кромѣ того, известно что съ давнихъ поръ персидскими рабами снабжались базары Хивы, Бухары и Коканда, а это въ свою очередь способствовало также смѣшенію тюркской и иранской крови. Въ 1873 г., по завоеваніи Хивы, въ этомъ ханствѣ было найдено много рабовъ—персіянъ и высоко-гуманій побѣдитель хивинцевъ (генералъ К. П. фонъ-Кауфманъ I) внесъ особой статьей въ условія договора съ Хивинскимъ ханомъ освобожденіе рабовъ изъ неволи. Въ Бухарскомъ ханствѣ рабство практиковалось до послѣдняго времени, и только 7 ноября 1886 г. Бухарскій Амиръ издалъ повелѣніе объ окончательномъ освобожденіи на всемъ протяженіи Бухарского ханства находившихся еще въ неволѣ рабовъ, съ выдачею каждому изъ нихъ освободительного документа¹⁾. Рабство было известно и въ Кокандскомъ ханствѣ, и въ Кашгаріи. Не удивительно, если, при описанныхъ историческихъ обстоятельствахъ и при существованіи рабства и многоженства во всей мусульманской Азіи, туземные жители городовъ нынѣшней Сыръ-Дарьинской и частію Ферганской областей, а также Кашгаріи и Хивы представляютъ собою типъ смѣшанный, тюрко-иранскій, какими и являются нынѣшніе сарты, говорящіе по тюркски и въ тоже время, по своему тѣлосложенію и характеру, напоминающіе иранское племя. „Случай такого рода, когда племена по языку своему занимаютъ иное положеніе, чѣмъ то, которое слѣдуетъ имъ приспѣвать по ихъ расовымъ признакамъ, ставить, говоритъ Оскаръ Пешель, народовѣдѣніе въ такое же положеніе, въ какомъ находится минералоги по отношенію къ псевдоморфнымъ явленіямъ. Если, напримѣръ, данный кристаллъ растворился подъ влияніемъ просачивающейся воды и выносится изъ материнской породы, то другой минералъ можетъ выѣздиться въ пустоту, заполнить ее и явиться псевдокристалломъ; такъ точно народы могутъ сродниться съ языкомъ чуждой расы, или, напротивъ того, языкъ можетъ по прежнему неизмѣнно господствовать въ данной области, тогда

¹⁾ Правител. Вѣсти. отъ 21 декабря 1886 г. № 280.

какъ раса медленно измѣняется, благодаря смѣшанію крови"¹⁾. Поэтому въ сочиненіи „Die Arier“ тотъ же авторъ говоритъ: „языкъ есть только лишь отдельный моментъ въ числѣ тѣхъ моментовъ, которые должны быть взяты въ разсчетъ при разделеніи человѣческаго рода на расы“.

Переходя къ объясненію названія „*sart*“²⁾, я привожу мнѣнія разныхъ западно-европейскихъ и русскихъ авторовъ о значеніи этого слова. Эти мнѣнія, если и не всѣ одинаково важны въ научномъ отношеніи, то интересны, какъ попытки объяснить трудно объяснимое слово. Нѣкоторые изъ этихъ мнѣній совершенно неосновательны и получились, очевидно, только потому, что высказавшія ихъ лица даже не трудились сиравиться съ мнѣніями другихъ лицъ о томъ же предметѣ. Особенно слѣдуетъ указать на совершенную неосновательность предположеній нѣкоторыхъ Туркестанскихъ авторовъ, печатно и съ увѣренностью заявлявшихъ, что слово „*sart*“ имѣть значеніе брачнаго, ругательного слова и что поэтому оно не можетъ имѣть мѣста, какъ и выраженіе „языкъ *sartovъ*“ (сартъ тили—*سارت* تىلى), принятое въ Туркестанской туземной газетѣ. Допуская и употребляя выраженія: „языкъ *sartovъ*, сартское нарѣчіе“, я слѣдовала указаніямъ дѣйствительности и продолжаю быть увѣреннымъ въ своей правотѣ, потому что выраженіе „туркскій“ есть общее название для многихъ нарѣчій туркского семейства и не можетъ характеризовать видового названія; если мы допускаемъ выраженія: киргизское, узбекское, туркменское, татарское нарѣчія, то съ равнымъ правомъ должны принять и выраженіе „*sartskoe narichie*“, о которомъ еще покойный Лерхъ замѣтилъ, что оно ближе всего къ джагатайскому литературному языку, а въ отдельныхъ пунктахъ приближается къ народному нарѣчію узбековъ и киргизъ, именно тамъ, где сарты приняли въ себя новый элементъ отъ этихъ народовъ³⁾.

¹⁾ Оскаръ Пешель. Народовѣдніе. Переподъ подъ редакціей Профес. Э. Ю. Петри съ въздвиемъ, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпукъ III, стр. 392. (С.-Петербургъ, 1890).

²⁾ Russische Revue, 1872 г. I. „Das Russische Turkestan“, ss. 30—35.

Мнѣнія разныхъ авторовъ о значеніи слова „*sart*“.

Лейтенантъ Остъ-Индской компанійской службы, А. Борисъ въ описаніи своего путешествія изъ Индіи въ Кабулъ, Татарію и Персію, въ 1831—1833 г.г., въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Между городскими жителями Туркестана мы встрѣчаемъ такое же разнообразіе, какъ и между татарами. Первобытные жители этого края суть таджики или таты, иногда, хотя и ошибочно, называемые сартами, что собственно служить наимѣниемъ имѣнія, которое имъ придаютъ кочевые племена. Во времена отдѣленія воинственные турки, пришедшие съ сѣвера, сокрушили власть этого народа, а потомъ междоусобная распри ордъ обезсилили его еще больше“¹⁾.

Г. Пашино въ своихъ путевыхъ запискахъ, изданныхъ имъ въ С.-Петербургѣ, въ 1868 г., подъ заглавіемъ: „Туркестанский край въ 1866 году“, на страницахъ 167—169, говорить о сартахъ следующее:

„Типъ сарта и характеръ его, съ первого знакомства, говорятъ за его *арійское* происхожденіе. Конечно, можно встрѣтить въ Туркестанской области много личностей, именующихъ себя сартами и носящихъ сакий несомнѣнныи отпечатокъ монгольского происхожденія. Но такое обстоятельство не должно противорѣчить якоему доводу о происхожденіи сартовъ, такъ какъ и между поселившимися здѣсь кровными персіянами во второмъ-же колѣнѣ является типъ вовсе не персидскій; это происходитъ отъ браковъ съ монгольскойрасою, представительницами которой являются въ этихъ бракахъ по преимуществу вывезенные изъ Россіи татарки и весьма рѣдко—киргизскія и кишакскія девушки.

„Когда поселились здѣсь аріцы и какимъ путемъ пришли сюда они: перенесли ли они Гиндукунъ или Парапамизъ—это все остается нерѣшеннymi вопросами, при отсутствіи письменныхъ

¹⁾ Борисъ: Путешествіе въ Бухару. Издание П. В. Голубкова. Москва, 1848—1849 г. Часть третья, стр. 370.

памятниковъ; и осмѣлившись вирочемъ сдѣлать слѣдующее предположеніе, что народъ, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ сартовъ и встрѣчающійся въ каждомъ населенномъ пунктѣ, отъ Каспійскаго моря до Небесныхъ горъ, происходитъ отъ тѣхъ персидскихъ переселенцевъ, которые волею или неволею являлись сюда во время завоеваній эпохи Чингизъ-хана, въ качествѣ ученихъ, искусствъ строителей, мастеровъ, учителей различныхъ рожеостей и просто воинопленныхъ. Что сарты персидского происхожденія, въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ то, что многіе изъ нихъ знаютъ персидскій языкъ и что въ такомъ государствѣ, какъ Кокандское ханство, гдѣ главная масса населенія говорить на нарѣчіяхъ тюркскихъ, языкъ этого сдѣлали языкъ офиціальнымъ¹⁾.

„Что-же касается до названія *сарты*, то иль толковали его различно: одни говорили, что сарты прежде назывались „башь-сартами“ и что это название имъ дано потому, что они носили шапку изъ мѣха звѣрка, называющагося у киргизъ *сартомъ*²⁾.

„Такое толкованіе отчасти правдоподобно³⁾, если припомнить, что въ Азіи существуетъ обыкновеніе давать незнакомому народу прозвища и клички по головному убору; напримѣръ: персиянъ—*жизм.ганинъ* (красноголовыхъ), одному роду киргизъ—*кара-калпаковъ* (черноколпачныхъ⁴⁾), башкирамъ—*башкурдовъ* (волчьеголовыхъ). Отчего же не повѣрить, что народъ, носящий

1) Сарты бухарскіе не знаютъ другаго имени, кроме персидскаго; вонгидскіе же говорятъ имъ дунгитайскій, нарѣчій тюркскаго языка.

2) Башь-сартъ—сартъ голова. Сартомъ называется звѣрокъ съ желтыми яйхонъ, иначе въ родѣ лисицы или шакала. Должно быть, это слово сокращено позъ сары-пель желтая субанка.

3) Но такое толкованіе слова *сартъ* совершенно неправдоподобно, иль и другія, подобныя этому, обыкновенія этого слова, которыхъ подъ членъ можно услышать отъ туземцевъ. И. О.

4) Захѣтительно, что мусульмане Оренбургскаго края называютъ крестьянъ изъ татаръ также *кара-калпаками*, хотя тѣ и не носить черныхъ шапокъ. Это, вероятно, произошло отъ того, что киргизскіе *кара-калпаки* не были никогда сажонгонтальными и съ давнихъ поръ находились въ полной подчиненіи хивинскому хану. Родъ этотъ славится въ народныхъ рассказахъ своею глупостью и между ними действительно развитъ крестьянскъ въ спальней степени.

на головѣ шапки изъ шакальяго яѣха, удостоились клички „башь-сартовъ“ (шакалье-головыхъ¹⁾). Другіе доказывали, что название *сарты* дано этому народу кочевниками-завоевателями и есть искаженное киргизскимъ произношеніемъ „шартлы“²⁾, которое, по ихъ выговору, произносится *сартмы*. *Шартлы* значить „условленный или обязанный исполненіемъ извѣстныхъ условій“ и потому давалось поселенцамъ, оставшимся жить въ городахъ и селеніяхъ на извѣстныхъ условіяхъ³⁾.

„Можно сдѣлать еще предположеніе, что новые персидскіе поселенцы, смѣтились съ древнимъ, побѣженнымъ монголами, населеніемъ, получили ихъ пмя. А что древніе обитатели могли именоваться сартами, это возможно допустить, такъ какъ звуки, составляющіе это слово, мы находимъ въ самыхъ древнѣйшихъ названіяхъ иѣкоторыхъ яѣстностей и даже сажая рѣка Сыръ-Дарья называлась въ древности *Яксартомъ*. Такому предположенію противорѣчить то, что въ мусульманскихъ рукописяхъ, посвященныхъ описанію походовъ славныхъ среднеазіатскихъ завоевателей, въ которыхъ перечисляются названія покоренныхъ ими народовъ, даже самыхъ отдаленныхъ, какъ армяне, грузины и русскіе, имя *сарты* миѣ не слушалось встрѣчать⁴⁾.

„Нѣкоторые смѣтиваютъ сартовъ съ таджиками и говорять, что сартъ и таджикъ—одно и тоже. Дѣйствительно, между таджиками и сартами есть много общаго, такъ какъ оба эти народы—арійскаго происхожденія. Таджики Туркестанской области⁵⁾

1) У насъ, подъ Москвою, есть селеніе Бѣлый Казъ, получвшее название отъ головного убора—блѣлого кошака, который и до сихъ поръ употребляется обыкновенно. Малороссы называютъ, по головному убору, хохлами. Туры даже въ литературѣ называютъ чакиносцами, хотя тамъ давно чаклы назывались фескою.

2) Киргизы это слово произносятъ сарты, такъ какъ у нихъ буква и всегда переходить въ с, и окончаніе *ы* замѣняется постоянно—*ы*.

3) Резекнѣ г. Пашинъ о звѣрѣ „башъ-сартъ“ и сближеніе слова *сарты* съ словомъ „шартлы“, откуда формы *сиртты* записано г. А. Будаговъ въ его Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарций. (Сиб. 1871), т. I стр. 612. И. О.

4) Ср. стран. 6—9. И. О.

5) Во времена поѣздки г. Пашинъ въ Туркестанскій край, нынѣшняго названія «Сыръ-Дарьинская область» не было; въ то время были известны «Туркестанская область». И. О.

—кровные персы, попавшиеся сюда въ неволю въ новѣйшія времена и укоренившиеся здѣсь; что-же касается до сартовъ, то хотя они и положительно арійского происхожденія, но что они—переселеные персіи, это предположеніе гадательное и требуетъ подтвержденія¹). Каждый сартъ очень оскорбил бы, если бы его назвали таджикомъ, такъ какъ послѣдній здѣсь не пользуется никакимъ уваженіемъ, потому во-первыхъ, что произошелъ отъ раба, во вторыхъ—по предубѣждению сарта (суннита), что каждый таджикъ, если не явно, то въ душѣ—шисть, раскольникъ, человѣкъ презрѣнныи. Такіе и тому подобные разсказы людей положительно незнакомыхъ съ исторіею и стоявшихъ за то, что Афросіабъ былъ иѣкогда ихъ царемъ и что въ Ташкентѣ находятся остатки его трона и развалины дворца его дочери, хотя и не могли меня окончательно убѣдить по вопросу о происхожденіи Сартовъ, однако-же я скорѣе согласенъ признать ихъ за особый народъ арійского происхожденія, чѣмъ сибирь съ таджиками, которые волей-неволей поселились здѣсь со временемъ Тамерлана".

Извѣстный путешественникъ по Средней Азіи, нынѣ профессоръ восточныхъ языковъ и литературы при Будапештскомъ университѣтѣ, Германъ Ваимбери, говоритъ на ту же тему такъ:

„Турки всегда первоначальныхъ жителей Транс-Оксаніи называли *сартами*²). Происхожденіе этого послѣдняго слова мы совершиенно неизвѣстно; его употреблялъ уже знаменитый Миръ-Али-Ширъ, называя въ своемъ трактатѣ „О персидскомъ и турецкомъ языкахъ“ первый языкъ всегда *сарты-тили*, а не *таджикъ тили*. Поэтому слово „*сартъ*“ можно осповательно при-

¹⁾ По Зендавестѣ, родиной всѣхъ арійскихъ народовъ считается югость на верховьяхъ рѣкъ Сыра и Ажу, и сарты счастье можно скорѣе за аборигеновъ этого края, а не за пращерьцевъ изъ какой-нибудь другой страны, если пытаться показывать Зендавесты.

²⁾ Г. Ханыковъ ошибается, полагая, что это относится только къ Хинѣ, ибо ему конечно не безызвѣстно, что въ Ташкентѣ, покоренномъ недавно русскими, персидское населеніе называется *сартами*, и что также точно его называютъ по всемъ Кокандѣ. Генералъ Крыжановскій также говоритъ о таджикахъ и сартихъ, какъ о двухъ различныхъ племенахъ,

пять за турецкое название таджика. Правда, узбеки иногда называютъ разницу между сартомъ и таджикомъ, разумѣя подъ таджиками людей, только въ недавнее время поселившихъ между узбеками и вполиъ сохранившихъ свое иранское нарѣчіе, преимущественно бухарцевъ, а подъ *сартами*—уже давно осѣвшихъ жителей, по большей части перемѣнившихъ свой родной языкъ на турецкій, напримѣръ, какъ мы видимъ это во всей Хивѣ и въ сѣверной части Коканда. Хотя я не раздѣляю мнѣнія о различіи между таджиками и сартами¹⁾, но не могу не признать, что сарты вообще отличаются отъ таджиковъ даже иѣкоторыми физіона-мическими особенностями²⁾. Сарты сложены несолько стройнѣе, имѣютъ болѣе продолговатое лицо, узкій и высокій лобъ; но это должно приписать тому обстоятельству, что они часто вступаютъ въ браки съ осѣвшими въ Средней Азіи освободившимися персидскими невольниками, чего таджики никогда не дѣлаютъ"³⁾.

Г. Робертъ Ша (Shaw), Великобританскій комисарь въ Ладакѣ, на основаніи личныхъ своихъ распросовъ у туркестанскихъ туземцевъ, замѣчаетъ, что малкія племенные отличія народовъ этого края сливаются въ двухъ перекрещающихся подраздѣленіяхъ. Въ одномъ подраздѣленіи являются тюрки и таджики—люди татарского и арійского подраздѣленій; въ другомъ—киргизы

¹⁾ Въ словарѣ, приложенномъ къ „Gagataische Sprachstudien“ (Leipzig. 1867), г. Ваимбери однозначно считаетъ сартовъ и таджиковъ первобытными обитателями Средней Азіи. И. О.

²⁾ Въ другомъ своемъ сочиненіи (Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes aus Grundsprachlicher Forschungen) г. Ваимбера называетъ сартовъ первобытными арійскими обитателями Средней Азіи, говорящими по-турецки, и высказываетъ, что „Сарты отъ своихъ арійскихъ собратьевъ, таджиковъ, столь же рѣзко различаются не только въ языке, но и въ тѣлосложеніи и въ физіономіи, сколько обѣ расы различности извѣстѣ (т. е. сарты и таджики) отличаются отъ арійцевъ, населяющихъ Персию. Съ другой стороны, отличительные черты сартства (Sartenthum) теряются въ той хѣрѣ, въ какой они отдѣляются отъ пункта своего общаго происхожденія на Среднемъ Иксартѣ (Сырь-Дарье). Съ. Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Рус. Геогр. Общ. кн. VI. Омскъ, 1884. «Введение въ сочиненію Ваимбера: Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ», стр. 4. И. О.

³⁾ Очеркъ Средней Азіи (Дополненіе къ Путешествію по Средней Азіи). Русскій переводъ. Москва, 1868 г. стр. 321—322.

и сарты¹)—кочующее и оседлое племена. Первое подразделение (по моему, оно исключительно состоит из татаръ) заключаетъ въ себѣ много различныхъ племенъ: казаковъ, кипчаковъ, кара-калпаковъ и пр., кроме настоящихъ киргизовъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на разныя орды. Сарты или осѣдлый народъ включаютъ арійскихъ таджиковъ, татарскихъ узбековъ и др. На всемъ протяженіи Бухары и, я думаю, до самой Сырь-Дарьи (Яксартъ), таджики составляютъ массу населенія. Они—земледѣльцы, лавочники, куницы, писцы, иногда даже солдаты и правители. За Сырь-Дарьей, въ Кокандскомъ ханствѣ, они не могли устоять противъ татарскаго наилыва (здесь они были слабы силы); тутъ они встрѣчаются рѣже между куницами, писцами и въ высшихъ должностяхъ, но гораздо менѣе между хлѣбопашцами и деревенскими жителями. Вотъ, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія, собранныя мною у алдижанцевъ и кокандцевъ, находящихся въ услугеніи у Аталахъ-Гази, въ Капигарѣ и Яркандѣ²).

Русскій ученый путешественникъ и знатокъ тюркскихъ народъ, В. В. Радловъ (нынѣ членъ Императорской Академіи Наукъ), посѣтившій Туркестанский край въ 1868 г., въ статьѣ своей „Средняя Зеравшанская долина“, говоритъ:

„Осѣдлое населеніе городовъ: Ташкента, Чимкента, Ауліэ-ата, Мерко и Туркестана, какъ и всѣхъ деревень вокругъ ихъ, называется общимъ названіемъ: „сартъ“; такимъ-же именемъ называютъ ихъ киргизы и узбеки. Я не могу ясно определить происхожденія этихъ сартовъ. Родовыхъ ихъ именъ я не могъ узнать. По наружности, они очень похожи на таджиковъ; но персидскій языкъ для нихъ—чужое и незнакомое нарѣчіе, если они не изу-

¹ Русскіе ошибочно смышаютъ это подразделеніе съ другимъ, несуществѣвіе котораго сарты являются тождественнымъ съ таджиками (вероятно потому, что первые сарты, попавшіе въ, оказались случайно таджиками). Но они рѣшительно ошибаются: все кокандцы, которыхъ мы приходится встрѣчать въ Восточномъ Туркестанѣ, единодушно говорятъ, что сартъ есть только они, подъ которымъ киргизы подразумѣвали всякаго не кочующаго, будь онъ таджикъ, или узбекъ.

² Очеркъ верхней Татаріи, Яркента и Кашгара. Русскій переводъ. С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 26—27.

чали его въ бухарскихъ или самаркандскихъ медресе. Они сами рѣзко себя отдѣляютъ отъ таджиковъ, которые живутъ между ними разбросанно по одиночкѣ. По Вамбери, можно было бы заключить, что сарты, по происхожденію,—таджики. Онъ утверждаетъ это, разсуждая о происхожденіи хивинскихъ сартовъ: „сарты, называемые въ Бухарѣ и въ Кокандѣ таджиками—древніе персидскіе жители Харезма“. Меня только удивляетъ, что сарты, живущіе здѣсь, на сѣверѣ, такими густыми массами, именно здѣсь такъ совершенно отстались, между тѣмъ какъ таджики въ отдельныхъ деревняхъ сохранили свой персидскій языкъ. Съ другой стороны возможно, что имя „сартъ“ дано имъ извѣточно такъ, какъ бухарскіе переселенцы на рекѣ Тоболѣ въ настоящее время называютъ себя сартами, потому что тобольскіе татары имъ дали такое название, а татары вообще и калмыки алтайскіе приняли подобный же, имъ самимъ непозвестный, название отъ русскихъ. Ташкентскіе сарты могли получить это название отъ киргизовъ, которые на самомъ дѣлѣ называютъ всѣхъ осѣдлыхъ магометанъ Средней Азіи такимъ именемъ, несмотря на то—узбеки-ли они, сарты, таджики, или кашгарскіе татары¹).

Г. Скайлеръ (Schuyler), посѣтившій въ 1873 году Туркестанский край, вскорѣ послѣ завоеванія его, не оставилъ безъ вниманія названія „сартъ“ и пытался объяснить его. Перечисливъ главныя народности, населяющія Ташкентъ, онъ говоритъ: „Туземное населеніе здѣсь, какъ равно и во многихъ мѣстахъ Туркестана, известно подъ названіемъ „сартовъ“; но это название не имѣетъ никакого этнографического значенія, какъ Робертъ Ша одинъ изъ первыхъ показалъ²). Согласно показаніямъ туземцевъ, все населеніе страны раздѣляется на два класса: осѣдлыхъ и кочующихъ; кочующіе называются казаками³), а осѣдлое населе-

¹ Записка Императорского Русск. Географ. Общества по отдѣленію этнографія. Томъ шестой, Сиб. 1880) «Средняя Зеравшанская долина» стр. 64—65.

² Мнѣніе Р. Ша приведено выше, на стр. 19. И. О.

³ Г. Скайлеръ называетъ „казаками“ тѣхъ именно жителей Туркестана, которые сами себя такъ называютъ и которые у насъ, русскихъ, известны подъ именемъ „киргизъ“. И. О.

не известно подъ именемъ *сартовъ*. Замѣчательно, что у древнѣйшихъ писателей слово „*сартъ*“ употреблялось сначала почти преимущественно для обозначенія жителей долины Сыра и не было известно въ Бухарѣ и Самаркандѣ, хотя и перешло въ Кашгарь, Кокандъ и Хиву. Абуль-Гази упоминаетъ о сартахъ, какъ объ осѣдлыхъ обитателяхъ его страны, Хивы, въ отличіе отъ узбековъ; между тѣмъ въ странѣ, завоеванной имъ, напр. Бухарѣ, онъ употребляетъ слово „*таджикъ*“. Въ настоящее время слово „*сартъ*“ известно также и въ Бухарѣ. Какъ употребляющееся кочующими племенами, слово „*сартъ*“ равносильно браиному слову и представляетъ синонимъ труса и изнѣженаго человѣка¹⁾.

По мнѣнію покойнаго русскаго профессора по каѳедрѣ Исторіи Востока, В. В. Григорьева, слово „*сартъ*“ означаетъ горожанина; такъ въ Средней Азіи одинаково называютъ осѣдлое населеніе, говорящее языккомъ одного происхожденія съ персидскимъ, какъ у турокъ, когда эти послѣдніе, сдѣлавшись осѣдлыми, занимаются земледѣліемъ или городскими промыслами²⁾.

Бывшій слушатель покойнаго профессора, Н. Н. Пантусовъ, говоритъ: „сарти („Сарт“ у Клаирта „сарти“) или Таджики („Таджик“, китайское *Чло-чики*) суть жители городовъ и деревень, занимающіеся земледѣліемъ, торговлею и ремеслами. Они говорятъ по персидски, въ противоположность туркамъ, и представляютъ, по-видимому, остатки древняго населенія. Имя таджики они получили, вѣроятно, отъ турокъ, такъ какъ были подданными арабовъ, которые стали имъ, туркамъ, впервые известными подъ именемъ „тади“ или таджи (у китайцевъ—даши³⁾).

Г. Федченко, говоря о населеніи Зеравшанской долины, замѣчаетъ, что оно по преимуществу осѣдлое и состоитъ изъ двухъ

главныхъ элементовъ: плодородіе тюркской и иранской расъ, а затѣмъ поясняетъ, что „Таджики, принадлежащіе къ иранской расѣ, составляютъ первобытныхъ жителей страны и до сихъ поръ еще хорошо сохранили свой типъ.... Жители долинъ, на противъ, сдѣлались съ позднѣе пришедшими сюда узбеками, народомъ тюркского племени, рѣзко отличающимся отъ таджиковъ своимъ вѣнчаниемъ тицомъ. Узбеки покорили таджиковъ и сдѣлались господствующею, по значенію, частью населения, хотя и приняли отъ таджиковъ религію и образъ жизни, передавъ имъ свой языкъ, въ который однако вошло много иранскихъ элементовъ. Слово „сартъ“, которымъ русскіе называютъ сплошь все здѣшнее населеніе¹⁾, не имѣеть у туземцевъ какого-либо политическаго, этнографическаго или антропологическаго значенія, а служить только для обозначенія жителей городскихъ и вообще осѣдлыхъ²⁾.

Въ каталогѣ Туркестанскаго отдѣла Политехнической выставки³⁾, на стр. 53, говорится о сартахъ слѣдующее:

„Название *сартъ* употребляется русскими для обозначенія всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана и перешло къ русскимъ отъ киргизъ и жителей городовъ по правую сторону Сырь-Дарьи. То обстоятельство, что по лѣвую сторону Сыра и въ городахъ до сихъ поръ сохранились особыя, такъ сказать, племенные названія для осѣдлыхъ жителей, затѣмъ—имѣющіяся наблюденія надъ типомъ сартовъ и на конецъ имѣющіяся свѣдѣнія объ отношеніи въ Туркестанѣ тюркскихъ народовъ (узбековъ, киргизъ, кипчаковъ) къ арійцамъ (таджикамъ),—все это приводить къ заключенію, что сартъ есть иомъ таджики, первоначального жителя страны, съ позднѣе пришедшими тюркскими народами. Въ горахъ, куда мало проникали тюркскія племена (по Чирчику, въ горахъ, окаймляющихъ Кокандское ханство съ юга, въ Когистанѣ

¹⁾ Turkistan, by E. Schuyler. Vol. I, chapt. IV, Musliman Life in Tashkent. London, 1876, ss. 104—105.

²⁾ Земледѣльціе Риттера. Восточный или Китайский Туркестанъ. Выпуски второй (С.-Петербургъ, 1878), стран. 370, примѣч. 39.

³⁾ Записка Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографіи. Томъ шестой. Спб. 1880. Ст. «Ферганы по Западскому султану Бабуру», стр. 192, примѣч. 39.

¹⁾ Разумѣется населеніе Зеравшанской долины. Н. О.

²⁾ Первый отчетъ Туркестанской ученої экспедиціи Императорскаго общества любителей естествознаній, антропологии и этнографіи. (Москва, 1809) стр. 39—40.

³⁾ Составленъ членами комиссіи: М. И. Бродовскими, Д. Я. Ивановыми, Г. И. Краузе, А. И. Федченко и О. А. Федченко. Москва, 1872.

и въ горахъ по верхнему течению Аму-Даръи) и до сихъ поръ сохранились таджики безъ всякаго смѣшения съ тюркскими народностями. Но на мѣстахъ открытыхъ, въ тѣхъ оазисахъ, гдѣ сосредоточивалось главное осѣдлосе населеніе края, первоначальные таджики пришли въ соприкосновеніе съ явившимися въ край побѣдителями-турками, образовали помѣсь, представляющую по типу смѣсь арійскихъ чертъ съ тюркскими. Въ образованіи типа сарта, вообще далеко не однороднаго по своимъ чертамъ, безъ сомнѣнія, приняли участіе и другія народности, кромѣ тюрковъ¹⁾). Такъ, несомнѣнна примѣсь еврейской крови, персидской и др., не говоря уже о народностяхъ, здѣсь проходившихъ или жившихъ въ прежнее время, каковы саки, юсти(?) и т. д., конечно оставившихъ свой следъ въ строеніи черепа и тѣла теперешняго сарта. Это смѣшеніе особенно сильно на правомъ берегу Сыра: жители напр. Ташкента забыли свое таджикское происхожденіе, приняли тюркскій языкъ, представляютъ въ своихъ чертахъ много монгольского и усвоили себѣ название „сартъ“, название, надо полагать, данное имъ тюрками, потому что едвали самъ народъ придумаетъ для себя имя, которое, по мнѣнію большинства (?) лингвистовъ и наконецъ, судя по тому тону, съ которымъ оно произносится узбеками, означаетъ: дуриой, трусъ, барышникъ....

„Сарты составляютъ не только преобладающую по численности часть осѣдлаго населенія въ Сырь-Дарьинской области и Кокандскомъ ханствѣ, но и главную экономическую и туземную интеллектуальную силу края. Сартъ, несмотря на всѣ невзгоды, сохранилъ у себя ремесла и приготовилъ почти всѣ произведенія, выставленныя въ техническомъ отдѣленіи²⁾; онъ же обезпечиваетъ продовольствіе края, потому что имъ обрабатывается большая часть полей, а сады составляютъ исключительную почти принадлежность сартовъ, которую мы видимъ еще только у его близ-

¹⁾ Въ проектѣ Исполнительнаго отчета Генераль-Адъютанта фонъ-Клауфана I, на стр. 22, сказано, что сарты происходятъ отъ смѣшения разныхъ расъ, обусловленного многовѣковыми столкновеніями, и до сихъ поръ не превращающимся взаимодѣятіемъ арабскихъ и тюркскихъ народностей. Н. О.

²⁾ То есть Туркестанскаго отдѣла Политехнической выставки. Н. О.

кихъ родственниковъ таджиковъ. Сады настолько характеризуютъ сартовъ, что доставили имъ прозвание *киргицарахтъ* (черный, густой лѣсъ)— въ смыслѣ политической партии—отъ ихъ всегданихъ враговъ, кочевниковъ-киргизъ, народа, по своему характеру, занятіямъ и образу жизни, столь противоположнаго сартамъ“.

Г. Гребенкинъ, въ своей статьѣ „Таджики“ высказываетъ такое мнѣніе о словѣ „сартъ“:

„Таджики имѣютъ въ Зеравшанскомъ округѣ три названія: общее— „таджикъ“, частное для выходцевъ изъ Мерва— „тадъ“ и бранное— „сартъ“, или „сасыкъ-сартъ“.

Обращаясь къ названію таджиковъ словомъ „сартъ“, г. Гребенкинъ говоритъ: „Этимологія этого слова мы неизвѣстна. Туземцы тоже не знаютъ его корня. Объясненія ихъ слова „сартъ“ состоять изъ уподобленій, сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусь, барышникъ и пр. „Сасыкъ-сартъ“! (тухлый сартъ) кричать кара-калпакъ, браинь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣздники, подскакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричать: а-е-п сартъ! съ привлечениемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богатъ ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: „таджикъ-сартъ“, причемъ слово „сартъ“ выговорить съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорять: „таджика мы называемъ таджикомъ, когда єдимъ съ нимъ, а сартомъ—когда браинъ его“. Таджики утверждаютъ, что название сартъ имъ передали русскіе и зависимые отъ русскихъ киргизы, но сами они (зеравшанцы) этого имени не признаютъ.

„Намъ кажется, что странный (?) эпитетъ „сартъ“ распространенъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ киргизы. Туркестанъ, Чимкентъ, Ташкентъ и другіе города долинъ Туркестанскаго края окружены кочевниками и въ этихъ городахъ слово *сартиз*—привычный уху звукъ. Въ горныхъ же городахъ и кишлакахъ, гдѣ или нѣть вовсе, или очень мало киргизъ и узбековъ: въ Кураминскомъ, Ходжентскомъ и Джизакскомъ уѣздахъ и въ Самаркандскомъ отдѣлѣ—название *сартъ* или вовсе не употреб-“

блется, или весьма рѣдко. Да и вообще, по мѣрѣ удаленія отъ береговъ Сыра на югъ, название *сарты* становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ и уже въ Шахрисебскихъ владѣніяхъ и въ городѣ Карши намъ не приходилось его слышать".

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ приведеннымъ словамъ тотъ же авторъ говоритъ: „Узбекскій родъ „Митанъ“ имѣеть много пѣсень, которыя, по ихъ преданію, сочинены еще въ то время, когда они были въ Россіи. Въ одной изъ нихъ говорится: „въ Самарканѣ попадешь въ руки къ проклятымъ сартамъ“. Эту пѣсню знаютъ и на низовьяхъ Урала¹⁾.

Г. Хорошхинъ говоритъ, что сарты—осѣдлый народъ таджикского происхожденія, но говорящій узбекскимъ языкомъ. Признавая сильное влияніе узбековъ на таджиковъ, онъ говоритъ, что это влияніе узбековъ и доселѣ еще такъ сильно, что хотя узбеки приняли отъ таджиковъ исламъ, однако же нуждаются въ ихъ персидскомъ языке, тогда какъ узбекскія нарѣчія, въ томъ числѣ и сартовскіе, въ большомъ ходу всюду между таджиками. Съ сартовскимъ языкомъ, по его словамъ, можно обойти всю Среднюю Азію, такъ же какъ съ французскимъ Европу²⁾.—Въ статьѣ „Таджики“ г. Хорошхинъ раздѣляетъ таджиковъ обоихъ береговъ Сыра и Зарявшана на двѣ группы: на таджиковъ горъ и на таджиковъ равнинъ, и говоритъ, что таджики равнинъ на правомъ берегу Сыра суть *сарты*, а на лѣвомъ—жители городовъ: Исфари, Канибадама, Ходжента, Чар-тюбе, Джизака и множества кишлаковъ. Таджики въ долинахъ говорятъ, по его словамъ, или сартовскимъ языкомъ, т. е. нарѣчіемъ общаго узбекскаго языка, или таджикскимъ (Ходжентъ и другіе города и кишлаки по лѣвому берегу Сыра³⁾).

Г. Костенко говоритъ: „Несколько сартовъ иѣть; но этимъ именемъ русскіе (?), вслѣдъ за кочевниками, окестили осѣдлое

¹⁾ Русскій Туркестанъ. Сборникъ, изданный по поводу Политехнической выставки. Выпускъ второй. Москва. 1872 г., стран. 1—3.

²⁾ Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края. С.-Петербургъ, 1876, стран. 499. Но это не вѣрно. П. О.

³⁾ Тамъ же, стран. 520.

населеніе Туркестана, населеніе, живущее въ городахъ и деревняхъ и занимающееся земледѣліемъ, ремеслами и торговлею. Народности, получившія это название, весьма различны и по языку, и по происхожденію, но имѣютъ общія духовныя и нравственныя свойства, а также практикуютъ почти одинаковый родъ жизни.

„Сартами называются: 1) таджики, народъ иранскаго племени—исконные обитатели Средней Азіи, населяющіе нынѣ по преимуществу предѣлы Зеравшанскаго округа и частью Ходжентской уѣздъ; 2) осѣвшіе узбеки, татары, киргизы и разныя народности, происшедшія отъ взаимнаго ихъ смѣшанія и населяющія туземные города Сырь-Дарьинской и Ферганской области, Зеравшанскаго округа и живущіе въ качествѣ торговцевъ въ городахъ Семирѣченской области и наконецъ 3) таранчи—осѣдлое мусульманское племя, составляющее преобладающее населеніе Кульджинскаго района.

„Всѣ эти народности, носящія общее имя сартовъ, сами себя не называютъ этимъ именемъ, а называютъ по названіямъ городовъ, въ которыхъ проживаютъ. Такъ, обыватель Ташкента называетъ себя ташкентликомъ (ташкентцемъ), обыватель Ходжента—ходжентликомъ и пр....

„Языкъ сартовъ также различный; въ Самарканѣ и Ходжентѣ, напр., таджикский, тогда какъ въ Ташкентѣ, Кокандѣ, Кульджѣ—турецкий. Но зато образъ жизни, нравы и обычаи почти одинаковы“¹⁾.

Г. Уйфальви (Ujfalvy de Mezö-Kövesd), посѣтившій Туркестанскій край въ 1877 году и описавшій свое путешествіе въ двухъ томахъ, дѣлить народонаселеніе Ферганы на тринацдцать группъ, въ числѣ которыхъ первую онъ ставить группу сартовъ и говорить о нихъ слѣдующее:

„Въ Туркестанѣ всѣхъ осѣдлыхъ жителей и горожанъ, за исключеніемъ таджиковъ, называютъ, безъ различія происхожденія, *сартами*. Когда киргизъ или узбекъ-кочевникъ поселятся

¹⁾ Туркестанскій край. Томъ первый. С.-Петербургъ, 1880 г. стр. 442—453.

въ городѣ, устроить себѣ дома и займутся своими дѣлами, земледѣльческими или торговыми, то ихъ дѣти становятся сартами. Нѣкоторые объясняютъ слово сартъ словами *сары-шагъ* (желтая собака), какъ кочевники называютъ будто-бы осѣдлыхъ жителей; но это объясненіе—чистая фантазія. Слово *сартъ* не есть слѣдовательно, этнографический терминъ. Впрочемъ въ Ферганѣ слово *сартъ* обозначаетъ расу смѣшанного происхожденія, но такую, которая представляетъ извѣстныя характерныя особенности. Сарты Ферганы суть продуктъ смѣшанія завоевателей-узбековъ съ первобытными обитателями иранцами (таджиками). Они средняго роста, хорошо сложены; черты (лица) довольно пріятныя, борода—часто густая, но скулы всегда мало выдаюція, и вообще сарта легко отличить отъ таджика. Иногда смѣшиваются кара-киргизская кровь съ иранской, и тогда немного склонные глаза и угловатое лицо служитъ тому доказательствомъ. Сарты составляютъ большую массу населенія въ городахъ второй полосы. Они находятся въ Кокандѣ, Маргеланѣ, Ошѣ, Наманганѣ. Большую часть населенія Андижана составляютъ сарты-кипчаки (племя узбековъ, сдѣлавшихся сартами). Есть цѣлый рядъ сартскихъ селеній въ той мѣстности, гдѣ р. Сохъ раздѣляется на большое число рукавовъ, отъ Ирана до Коканда, равно какъ на юго-востокъ отъ этого послѣдн资料 города до Султанъ-беги, по большой дорогѣ изъ Туса. Сарты-кипчаки занимаютъ по берегамъ Сыръ-Дарьи, на юго-западъ отъ Коканда и между Андижаномъ и Наманганомъ, большое число поселковъ, а также между Нарыномъ и Кара-Дарьею...¹⁾.

Во второмъ томѣ описанія своего путешествія г. Уйфальви говорить, что въ Сыръ-Дарьинской области живутъ пять разныхъ народовъ: киргизъ-кайсаки, узбеки, сарты, таджики и курама. Въ этомъ заявлѣніи г. Уйфальви важно именно то, что онъ не смѣшиваетъ сартовъ съ другими народностями, населяющими Сыръ-Дарьинскую область, и говоритъ:

¹⁾ *Expedition scientifique Francaise en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan, le Kholistan, le Ferghana et Kouldja avec un appendice sur la Kashgarie.* Paris, 1878. pp. 69—61.

„Хотя мы въ первомъ томѣ описанія своего путешествія уже дали подробное опредѣленіе термина „*сартъ*“, но мы должны возвратиться къ нему теперь, чтобы разсѣять всѣ недоразумѣнія. Сарты произошли отъ смѣшанія иранцевъ,aborигеновъ Туркестана, съ узбеками и иногда съ киргизами. Сартъ есть осѣдлый житель (торговецъ въ городахъ, земледѣлецъ въ кишлакахъ). Онъ ниже таджика и говорить тюркскимъ языкомъ, между тѣмъ какъ таджикъ говоритъ на персидскомъ языке. Некоторые путешественники умѣли хорошо различать сарта отъ таджика. Это различие однако же необходимо; оно обязательно для того, кто занимается антропологическою этнографіей.

„Послѣ киргизъ, сарты составляютъ большую часть населенія Сыръ-Дарьинской области, гдѣ ихъ считается 158.453 чел. Они находятся въ городахъ: Ташкентъ, Чимкентъ, Ауліэ-ата, Туркестанъ, Джизакъ, Чиназъ и въ большихъ кишлакахъ: Икавъ, Пскентъ, Старомъ Ташкентъ и пр.

„Сартъ—средняго роста: его дородность легко переходить въ тучность. Цвѣтъ кожи его смуглый; волосы особенно развиты на лицѣ. Черепъ у него особенно малъ, лобъ средній, брови дугообразны и густы, глаза рѣдко расположены не на прямой линіи, носъ прямой, иногда выгнутый, ротъ средній, зубы средніе и бѣлые, лицо вообще овальное. Часто впрочемъ скулы, слегка выдаюція, глаза, расположенные подъ небольшимъ угломъ, и большое междурбітное разстояніе ясно указываютъ на присутствіе алтайской крови. Вообще-же иранская кровь беретъ верхъ. Стани сарта менѣе строенъ и менѣе изященъ, чѣмъ стани таджика. Шея у сарта средняя, суставы довольно тонкие, а конечности менѣе, чѣмъ у таджика. Тогда какъ у таджиковъ существуетъ большое различіе между отдельными личностями, у сартовъ этой характерной разницы вѣтъ, и они часто чрезвычайно походять другъ на друга. Въ юношескомъ возрастѣ трудно различить мальчика отъ девочки“¹⁾.

¹⁾ *Le Syr-Darie, le Zeraschan, le pays des Septrivi ères et la Siberio Occidentale avec quatre appendices.* Paris, 1879, pag. 20 et 35—36.

Почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, г. Миддендорфъ, посѣтившій Ферганскую область въ 1878 г., говорить о сартахъ слѣдующее:

„Прежде всего намъ нужно упомянуть о двоякомъ значеніи наименованій: таджикъ и сартъ. Оба они и въ этомъ сочиненіи часто употребляются какъ равнозначущія: земледѣльцы преимущественно называются таджиками, а городскіе жители, главнѣйше занимающіеся другими промыслами, но имѣтъ съ тѣмъ, но крайней мѣрѣ, садоводствомъ и огородничествомъ, если не земледѣлемъ, носятъ название сартовъ. Но такъ какъ горожанинъ считается знатнѣе селянина, такъ какъ занятія не строго различаются, деревня и городъ переходятъ другъ въ друга, то нѣрѣдко самъ таджикъ, говоря съ европейцемъ, зоветъ себя „сартомъ“. Какъ и всегда, въ городѣ элементы населенія смѣшиваются легче, а потому подъ *сартомъ* большею частію понимаютъ смѣшанный типъ съ монгольскою кровью. Это вѣрно¹⁾). Чрезъ пять строкъ ниже этого, г. Миддендорфъ замѣчаетъ: „если слово „*сарты*“, какъ некоторые утверждаютъ, было первоначально ругательнымъ, то это могло относиться лишь къ тѣмъ временамъ, когда хищники-кочевники смотрѣли съ презрѣніемъ на осѣдлыхъ жителей, въ особенности же на перешедшихъ къ осѣдлости“.

Въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія г. Миддендорфъ говоритъ: „сартовъ одни считаютъ однозначущими съ таджиками, а другія—помѣсями (среднеазіатскими метисами), трети наконецъ—даже монголами.

Къ вышесказанному наимъ остается только прибавить, что въ этнографическомъ смыслѣ, подъ *сартомъ* мы должны понимать помѣся (большею частію близко подходящую къ таджикскому типу) монгольской крови, въ особенности же крови узбекской.

„Это этнографическое понятіе, такъ сказать, извращаются

¹⁾ Г. Уйфальви (стр. 156), поправляя тѣхъ писателей, которые считаютъ таджиковъ и сартовъ за одно и тоже, самъ ставитъ на ложный путь: по его словамъ, первые характеризуются персидскимъ языкомъ, а вторые—восточно-турецкимъ. См. сказанное о языкахъ на стр. 357 въ 405 Очерковъ Ферганы.

распространеннымъ предположеніемъ, будто бы сартъ—осѣдлый житель и притомъ преимущественно горожанинъ¹). „Сартъ“—название неудачное, могущее легко повести къ недоразумѣніямъ, а потому его слѣдовало бы вычеркнуть изъ этнографического словаря, подобно другому термину: „татарскіе народцы“, которымъ такъ много злоупотребляли. Я удержалъ это слово подъ своими гравюрами только затѣмъ, чтобы не покидать позднѣйшему, болѣе просвѣтленному представлению о чистѣйшемъ таджикскомъ типѣ.

„Большинство сартовъ переходитъ въ таджикскій типъ такимъ образомъ, что ихъ почти нельзя отличить отъ настоящихъ таджиковъ. Обыкновенно думаютъ, что помѣся можно различить по слѣдующему единственному, еще и нынѣ сохранившемуся, признаку монгольского облика, именно: у сартовъ нѣсколько сплюнѣе, чѣмъ у таджиковъ, выдаются челюстные кости (яремныя дуги).

„Можно-ли среди сартовъ отличить узбекскаго сарта отъ киргизскаго—это надлежитъ решить будущимъ изслѣдователямъ. Кинчакскіе сарты, которыхъ я видѣлъ въ Яны курганской волости, не представляли ничего особенного. Замѣчательно однако большее преобладаніе въ нихъ иранскаго типа надъ монгольскимъ. Конечно, это преобладаніе замѣчается преимущественно у ферганскихъ сартовъ, тогда какъ далѣе, напротивъ, сильнѣе выступаетъ монгольскій типъ, ибо на сѣверо-западѣ, виѣ Ферганы, болѣе обнаруживается примѣсь киргизской, а на западѣ—узбекской крови“²⁾.

У Э. Реклю³⁾ такъ говорится о сартахъ:

„Сарты составляютъ смѣшанную расу, какъ и узбеки, но иранскій элементъ у нихъ преобладаетъ, и въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ тѣхъ узбековъ, которые сохранили тюркскую физіономію. Впрочемъ, и на сартовъ всего чаще упо-

¹⁾ Это заходить такъ далеко, что г. Уйфальви (Т. I, стр. 39 въ с.д.) тоже говоритъ: дѣти киргиза или узбека, прочно поглощаго, особенно въ городѣ, превратились въ сартовъ, естѣдовательно, безъ ежѣженія рисъ.

²⁾ Очерки Ферганской долины, С.-Петербургъ. 1882, стр. 409.

³⁾ Земя въ людь. Всеобщая географія. Т. VI. Сиб. 1883 г., стр. 343—345.

требляется для обозначения не особой национальности, а только класса, отличающегося родомъ занятій и нравами. Осѣдлые жители городовъ и деревень, за исключениемъ цивилизованныхъ таджиковъ, называются сартами, безъ различія происхожденія; некоторые писатели подводятъ даже и таджиковъ подъ это общее имя, даваемое всему гражданскому населенію Туркестана¹). „Когда гость приходитъ къ тебѣ и есть твой хлѣбъ, называй его таджикомъ; когда онъ будетъ далеко, ты можешь сказать, что это сартъ“,—такъ рѣшила мѣстная вѣжливость. Когда киргизъ или узбекъ кочевникъ покидаетъ бродячую жизнь, чтобы поселиться въ городѣ, построить себѣ таинъ домъ и займеться торговлей или промышленностью, его дѣти становятся сартами²). Осѣдлые цыгане, известные подъ именемъ *мазаговъ*, въ противоположность кочевымъ цыганамъ или *люми*, называются тѣмъ же именемъ; къ сартамъ-же всего скорѣе можно причислить и *кураму*, т. е. сбродъ изъ окрестностей Ташкента; такъ называютъ людей всякаго рода и племени—узбековъ, киргизъ-кайсанковъ, каракалпаковъ, которые поселились въ подгородныхъ деревняхъ вокругъ большаго города³). Во всей Ферганѣ большинство жителей сами себя называютъ „курама“, изъ чего видно, что они произошли изъ смѣшанія различныхъ расъ⁴). Впрочемъ, языкъ сартовъ разнится по городамъ: въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ, въ Кульдѣ они говорятъ турецкимъ языкомъ, тогда какъ въ Ходжентѣ и въ Самаркандѣ они употребляютъ персидскій⁵). Представляя собою по преимуществу населеніе смѣшанной крови въ странахъ арало-каспійской низменности, сарты увеличиваются въ числѣ быстрѣе, чѣмъ другія народности, и этотъ народъ или классъ несомнѣнно имѣть будущее, несмотря на презрѣніе, оказываемое имъ людьми благородной расы. Киргизы любятъ давать

¹⁾ Гребенинъ: Русский Туркестанъ; Schuyler: Turkestan.

²⁾ Ch. de Uysalvy: Le Koubistan, le Fergana et Kouldja.

³⁾ Федченко: Путешествие въ Туркестанъ.

⁴⁾ Кунъ: Russische Revue, 1876 г., № 4.

⁵⁾ Костенко.

игру словъ изъ имени сартовъ: они называютъ ихъ *сирѣ-чынъ*, что значить „желтая собака“, и киргизъ, соглашающійся выдать свою dochь замужъ за одного изъ этихъ презрѣнныхъ парій (?!), заявляетъ безчестіе на весь свой родъ¹). Униженіе, въ которомъ властители страны держали сартовъ, имѣло естественнымъ слѣдствіемъ нравственную порчу послѣднихъ; оно сдѣлало ихъ боязливыми, хитрыми и фальшивыми.

„Вообще, сарты очень походятъ на евреевъ, какъ по физіономіи, такъ и по характеру, и вполнѣ заслуживаютъ свое наименованіе, если правда, что оно означаетъ „старьевщикъ“, т. е. торгующій подержанными вещами; по по Лерху, смыслъ этого названія—просто „горожанинъ“. Они особенно любятъ производить коммерцію деньгами, въ качествѣ мѣнья, ростовщиковъ и т. д.; какъ и евреи, они стараются приобрѣсти образованіе, и умъ ихъ гораздо болѣе доступенъ новымъ идеямъ, чѣмъ умъ узбековъ²).

„Хотя сарты очень боятся горъ, однако они мало по малу пробираются туда, въ качествѣ земледѣльцевъ, и покойный Федченко отзываетъ о ихъ поселеніяхъ, какъ о самыхъ цвѣтушихъ колоніяхъ края. Они имѣютъ обыкновеніе насаждать вокругъ селенія деревья, которыхъ скоро разростаются въ маленькия рощи. Въ этомъ отношеніи сарты не похожи на киргизъ, которые, если и любятъ деревья, то какъ защиту кибитокъ отъ солнца и вѣтра, но которымъ никогда не придетъ въ голову разводить деревья самимъ³).

Въ „Краткой исторіи Кокандского ханства“ г. Наливкинъ высказалъ слѣдующее мнѣніе по поводу слова „сартъ“:

„Откуда получилось название сартъ, я достовѣрно не знаю, но тѣмъ не менѣе не могу согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, что будто бы „сартъ“ есть бранное слово, которымъ въ Средней Азіи кочевники называютъ осѣдлое городское и сельское населеніе.

¹⁾ Верещагинъ: Tour du Monde, t. XXX.

²⁾ Туркестанская Вѣдомость отъ 25 марта 1880 г.

³⁾ Гребенинъ: Русский Туркестанъ, часть II.

Что кочевники относятся къ осѣдлому населенію съ пренебреженіемъ, въ этомъ никто не сомнѣвается, но изъ этого не вытекаетъ еще, чтобы слово *сарыч* было исключительно браннымъ словомъ. Въ доказательство этого могу указать на то, что, во первыхъ, имѣется цѣлый узбекский родъ—*сарыч*, а во вторыхъ иногда, въ особенности между киргизами, встрѣчается имя *Сарыч-бай*. Хотя киргизы вообще склонны къ нарицанію своимъ дѣтямъ не рѣдко очень странныхъ именъ, но тѣмъ не менѣе никогда, кажется, между именами не встрѣчается такихъ, которыхъ были бы исключительно бранными. Нельзя ли скорѣе предположить, что изъ тѣхъ узбекскихъ родовъ, которые пришли въ Среднюю Азію съ Чингизъ-ханомъ, первымъ по времени сталъ осѣдать здѣсь родъ *сарыч*, что, въ свою очередь, могло послужить впослѣдствіи причиной названія этимъ именемъ всѣхъ вообще осѣвшихъ и осѣдавшихъ здѣсь узбековъ. (Слово *сарыч*, въ смыслѣ названія туземного узбекскаго и таджикскаго осѣдлаго населенія, употребляется не въ одной только Ферганѣ, а во всей вообще Средней Азіи.

„Съ теченіемъ времени отношенія отцепенства, установившіяся между осѣдлымъ и кочевымъ народомъ, незамѣтно перешли въ антагонизмъ, для разростанія котораго причинъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Житейскія потребности гнали кочевника на базаръ, гдѣ сартъ, въ отместку за пренебрежительныя къ нему отношенія, дразнѣлъ съ надменнаго сѣбрата вдвое противъ того, что платилъ ему за ту же вещь горожанинъ; въ свою очередь кочевникъ, выросшій среди войны и грабежей, въ концѣ лѣта, или осенью, грабилъ сартовскій *хирманъ*¹⁾ и всегда почти безнаказанно увозилъ отсюда обмолоченное уже земледѣльцемъ зерно.

„Сартъ началъ звать киргиза разбойникомъ, душегубомъ и прѣтѣнителемъ, а киргизъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что сартъ за плугомъ и ткацкимъ станкомъ окончательно теряетъ

¹⁾ У туземцевъ есть хѣбъ сырьемолотный. Токъ (*хирманъ*) устраивается обыкновенно на хѣбѣ же, т. е. всегда въ большей или меньшей отдаленности отъ жилья,

способность сопротивляться ему, не только въ полѣ но зачастую даже и въ стѣнахъ своего города, или селенія. Оттого съ течениемъ времени сартъ все болѣе и болѣе робѣетъ передъ киргизомъ, а послѣдній набирается храбрости. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока здѣсь не появилось въ употребленіи огнестрѣльное оружіе, употребленіе котораго пошло почти исключительно въ руки сартовъ.

„Послѣднєе, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, вздохнули посвободнѣе тогда лишь, когда обзавелись достаточнымъ количествомъ огнестрѣльного оружія и главнымъ образомъ артиллерійскихъ орудій, которыхъ у кочевниковъ не было“¹⁾.

П. И. Лерхъ въ своей статьѣ „Das Russische Turkestan“ пытался научно разъяснить звуковую форму и этимологическое значение слова „*сарыч*“ и подтвердить свое объясненіе историческими и филологическими соображеніями: слово „*сарыч*“ съ самаго начала отнюдь не имѣло племеннаго значенія, а скорѣе культурно-историческое, и въ этомъ значеніи сохранилось до сихъ поръ. Название это находится у Птоломея въ форѣ „Яксарты“ (Jaxartes), какъ онъ называлъ одинъ большой народъ, жившій по рѣкѣ Яксарту (т. е. Сырь-Дарѣ). Птоломей указываетъ мѣсто-пребываніе Яксартовъ въ томъ мѣстѣ рѣки Яксарта, гдѣ она вблизи Танурскихъ горъ, принимаетъ другое направление. Подъ этими горами, отчасти по крайней мѣрѣ, должно разумѣть Карап-Тау, близъ которыхъ Сырь-Дарья принимаетъ другое направление вместо прежняго съвернаго. Постоянныя поселенія въ нижнемъ водораздѣлѣ Сырь-Дары были, говорить г. Лерхъ, гораздо многочисленнѣе въ древности, чѣмъ въ наше время. Древній Фарабъ или позднѣйшій Отаръ, гдѣ умеръ Тимуръ, при впаденіи Арыса въ Сырь-Дарью, и Сауранъ, лежавшій въ 50 верстахъ на съверѣ отъ теперешняго города Туркестана были многолюдными городами, отъ которыхъ до нашего времени сохранились лишь развалины. Въ низменности между Казалинскомъ и Фортомъ № 2,

¹⁾ Краткая исторія Кокандскаго ханства (Казань. 1885), стр. 32—34.

въ низменностяхъ на правомъ берегу рѣки Сыра находился гор. Джандъ, разрушенный въ 616 г. гиджры (1219 н. Р. Х.) войскомъ Чингизъ-хана, подъ предводительствомъ сына его Джучи. На берегахъ Сыръ-Дары было еще иѣсколько городовъ, гдѣ имѣли мѣстопребываніе Птоломеевы Яксарты. Плано Карпини и его спутникъ Патеръ Бенедиктъ, посѣтивши эти страны 25 лѣтъ спустя послѣ опустошительного похода Джучи, рассказывали, что видѣли много разрушенныхъ укрѣплений и обезлюдѣвшихъ городовъ. Города и деревеньки, которыхъ, навѣрное, существовали, совершенно исчезли въ тѣхъ странахъ; только въ Кара-Тау и некоторые изъ нихъ уцѣлѣли, послѣ того какъ узбеки сдѣлались властелинами Трансоксаніи. Арабскіе географы насчитывали много постоянныхъ поселеній на сѣверѣ отъ древнаго Шаша (теперь Ташкента). Переселившіеся изъ южной Трансоксаніи иранскіе колонисты съ раннихъ временъ начали спускаться на сѣверъ. Сухая почва легко могла быть орошаема здѣсь водами большой рѣки (Сыръ-Дары), ея притоковъ и горныхъ ручьевъ. Избытокъ почвенныхъ продуктовъ и городской промышленности находилъ себѣ сбыть у соседнихъnomадовъ, которые посѣщали города для обмѣна своего скота на продукты земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Точно такъ, какъ теперь на базарахъ Ауліә-ата, Туркестана и другихъ городовъ, находящихся въ серединѣ настущескаго населенія, въ базарные дни кишать киргизы и каракиргизы; такъ же и въ древнѣйшія времена базары служили здѣсь сборными цунктами для кочевниковъ-скотоводовъ, живущихъ въ палатахъ. Но въ тѣ отдаленные времена, къ которымъ относятся извѣстія Александрийскихъ географовъ о Скифіи, тамошнее кочевое населеніе совсѣмъ не было тюркскимъ. Наслыть тюркскихъ племенъ изъ Средней Азіи начался позднѣе и, вѣроятно, не раннѣе V вѣка по Р. Х. Массагеты, скифское племя, жившіе по Яксарту, были иранскими nomадами, равно какъ и Даи, жившіе южнѣе. Городскихъ жителей и вообще всѣхъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ Массагеты называли, въ противоположность себѣ, бродячими настухамъ, общимъ собирательнымъ именемъ, какое г. Лерхъ находитъ въ

Птоломеевомъ названіи „Яксарты“. Въ послѣднихъ двухъ слогахъ этого названія (ксарты) г. Лерхъ видитъ древнеиранскій корень *кишти*. Отъ этого корня въ новоперсидскомъ языке встрѣчается слово *shehr* (*sh sch*) т. е. городъ. Буква *h* передъ г является въ послѣднемъ словѣ въ качествѣ придыхательной звуко-ной, въ которую перешло первоначально *t*, которое такъ любить передъ г иранскій языкъ. Слѣдовательно въ „*кишти*“ произошла перестановка (Metathesis) звуковой группы *tg*, что, впрочемъ, нерѣдко въ иранскихъ нарѣчіяхъ. Начальный слогъ *я* въ словѣ Яксарты г. Лерхъ рассматривается, какъ представителя мѣсто-именного корня (*Pronominalstamme*), для которого въ новоперсид-скомъ (въ языке клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ) была употребительна форма *hja* и *tja*, а въ зандскомъ *ja*. Слѣдовательно, слово Яксарты есть греческая передача не словоизводства, а части предложения, которое въ устахъ иранского скифа значило бы: „*принаслѣженій къ городу*“. Находится ли на концѣ привѣтствія суффиксъ (*Ajektionsuffix*)? Можетъ быть, но рѣшить это едва-ли можно. Тогда же дано было название и рѣкѣ „Яксартъ“, (т. е. Сыръ-Дары). Говорилось и о „*земляхъ горожанъ*“. Отъ иранскихъ nomадовъ слово „*сарта*“ переняли тюркскіе nomады, какъ обозначеніе осѣдлыхъ жителей нижнаго водораздѣла рѣки Сыра. Замѣчательно, что это название не перешло на осѣдлыхъ поселенцевъ Согдіаны. Здѣсь употребляется имя „*Таджикъ*“¹⁾.

Г. Эварицкій, на основаніи приведенныхъ въ моей книгѣ мнѣній, высказалъ (уже въ 1892 году) слѣдующее замѣчаніе:

„Весь этотъ лабиринтъ мнѣній явился, разумѣется, вслѣд-ствіе того, что сарты, какъ и многие другіе народы, не сохра-нили у себя первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ, которые могли бы устранить величайшую произвольную догадку на счетъ про-исхожденія и имени ихъ. Многіе изъ толкователей слова *сарта*, не стѣсняясь точными историческими указаніями, подыскивали въ разныхъ языкахъ однозвучные слова со словомъ *сарта* и толь-

¹⁾ Das Russische Revue 1872, I, 5. 30—35 и „Кыївъ“.

же часъ, такъ сказать, сцепляли эти слова другъ съ другомъ. Но это, разумѣется, также научно, какъ сближеніе слова „казакъ“, со словомъ „козорогъ“, или слова „шаренъ“ со словомъ „Парисъ“.

„При объясненіи слова „сартъ“ надо взять во вниманіе то обстоятельство, что древніе писатели называютъ *як-сартами* только тѣхъ изъ народовъ Трансоксаніи, которые жили по берегамъ рѣки Яксарта, а что было дальше рѣки Яксарта, какъ напримѣръ жители области Согдіаны, за лѣвымъ берегомъ Яксарта, то все это населеніе они строго отличали отъ прибрежныхъ жителей и именовали ихъ разными другими названіями.

„Въ этомъ-то указаніи древніихъ писателей и заключается вся разгадка слова „сартъ“. Очевидно, что все дѣло тутъ идетъ отъ рѣки Яксарта и представляется намъ въ такомъ видѣ: сперва прибрежный житель рѣки Яксарта на вопросъ: откуда онъ? могъ говорить: „я съ Яксарта“, а потомъ короче: „я яксартъ, я сартъ“. А что рѣки давали названія для цѣлаго народа, тому примѣровъ много видѣли мы во всемирной исторіи, въ частности— въ исторіи славянъ вообще и русскихъ въ особенности: мораване (Морава рѣка), бужане (Бугъ рѣка), суличи (Сула рѣка), волховитяне (Волховъ рѣка), сузальцы (Сузdalъ рѣка), московитяне (Москва рѣка); наконецъ, въ наше время говорятъ: волгожане (Вологда рѣка), кубанцы (Кубань рѣка), уральцы (Уралъ рѣка), донцы (Донъ рѣка).

„Но отъ чего же сама рѣка получила свое название Яксарта? Если мы признали, что сарты—народъ арійскаго происхожденія и если мы вполнѣ довѣриемъ свидѣтельству Аргіана, что слово Яксартъ варварскаго, т. е. туземнаго или арійскаго происхожденія, то въ такомъ случаѣ отвѣтъ на данный вопросъ нужно искать въ одномъ изъ арійскихъ языковъ. Намъ неизвѣстно, на сколько свѣдущъ въ знаніи восточныхъ языковъ немецкій ученый Валь, но онъ утверждаетъ, что название рѣки „Як-сартъ“ составлено изъ двухъ словъ: „Яка“—рѣка и „сартъ“ по персидски холодный, ледяной, замерзшій¹). Подтверждение

¹⁾ И. И. Острогузовъ. Сарты. Ташкентъ, 1890, 30, прил. I.

этого объясненія находимъ въ краткомъ словарѣ проф. Коссова-вича, составленномъ имъ къ четыремъ статьямъ Зендъ-Авесты: въ немъ слово „сартá“ (*sarēta*) переводится также въ значеніи холодный, а „як“ приведено только какъ корень въ значеніи „стремиться“, но не приведено, вслѣдствіе краткости словаря, отъ этого корня существительного имені¹); за то въ настоящее время у первыхъ мы знаемъ слово „яка“ (съ твердымъ, какъ бы двойнымъ „к“) въ значеніи „берегъ“.

„Правдоподобно ли такое объясненіе названія рѣки или пѣтъ, но оно, по крайней мѣрѣ, совершенно совпадаетъ со свойствами ея. Дѣло состоять въ томъ, что эта рѣка въ зимнее время замерзаетъ почти до Ходжента, и потому для людей, вышедшихъ изъ болѣе теплыхъ мѣстъ и поселившихся въ ея бассейнѣ, она могла дѣйствительно называться Як-сартомъ, т. е. Холодною рѣкою.

„Относительно національности сартовъ нужно сказать, что это—народъ несомнѣнно иранскаго происхожденія, хотя съ примѣсью, и то сравнительно болѣе поздняго времени, тюрко-монгольского элемента; въ этомъ случаѣ не требуется никакихъ доказательствъ,—стопъ только взглянуть на фигуру, лицо, бороду, носъ, голову сарта, особенно рядомъ съ киргизомъ, чтобы увидеться, что это—истинный сынъ арійскаго племени; отступленія отъ этого типа говорять лишь въ пользу подмѣси чуждой крови въ крови сарта; языкъ сартовъ тюркскій, но отличающійся отъ узбекскаго и киргизскаго и известный подъ именемъ сартътилъ²).

Въ 1894 г. вопросъ о названіи „сартъ“ возобновлялся въ южной печати. Молодой ориенталистъ В. В. Бартольдъ, по поводу напечатанной г. Дашинымъ въ „Оренбургскомъ листкѣ“ статьи „Сарты и ихъ языкъ“, напечаталъ въ „Окраинѣ“ замѣтку, въ которой говоритъ:

„Слово *сартъ*, по мнѣнию г. Дашина, есть искашеніе словъ

¹⁾ Труды Восточнаго Отдѣл. Археол. Общ., VIII, 233, 233.

²⁾ Турк. Выдѣл. отъ 3 ноября 1893 г. № 44, стр. 2—3.

сары-итк („желтая собака“) и представляет наимысливое прозвание, данное кочевниками-киргизами оседлому населению края, безъ различія происхожденія. Такъ объясняютъ это слово сами киргизы, которые въ подтвержденіе этого рассказываютъ даже легенду, приводимую г. Лапинымъ. Въ истинность легенды г-нъ Лапинъ, конечно, не вѣритъ, но полагаетъ, „что картина, какъ киргизъ, проѣзжая по степи, увидѣлъ рыжую собаку¹⁾), жалобно вывшую на томъ мѣстѣ, где была разставлена юрта (что силошь и рядомъ случается въ степи), что эта картина напоминала осѣдлого жителя, и онъ сталъ звать его *сартомъ*, а для прикрасы этой наимысливой клички сложилась у киргизъ приведенная выше легенда. Взглянувъ на сарта-арбакеша, когда онъ, сидя на своей впряженной въ арбу лошади, поджавъ ноги, широко разставивъ колѣни и задравъ голову вверхъ, тянетъ свою заунывную, безконечно монотонную пѣсню, мы легко убѣждаемся, что онъ очень напоминаетъ данную ему киргизами кличку“.

„Изобрѣтеное кочевниками наимысливое прозвание, по мнѣнію г. Лапина, упорно держалось среди киргизъ, какъ собирательное для всего осѣдлого населенія, и постепенно стало распространяться, а потому иѣть ничего удивительнаго, если слово это употреблялось и нѣкоторыми историками, какъ общее названіе осѣдлого населенія Туркестана“. Г. Лапинъ приходитъ къ выводу, „что у насъ иѣть народа сартовъ, а существуетъ лишь подъ словомъ *сарты* обидная кличка всѣго осѣдлого населенія; мы не имѣемъ основанія назвать языкъ сартовъ сартовскимъ, такъ какъ подъ сартовскимъ языкомъ должно разумѣть и таджикскій языкъ, и языкъ осѣдлыхъ узбековъ, а потому языкъ слѣдуетъ называть не сартовскимъ, какъ до сего времени писалось и говорилось, а *узбекскимъ* языкомъ, по нарѣчію осѣдлыхъ *узбековъ*“.

Въ опроверженіе такого мнѣнія г. Бартольдъ замѣчаетъ, что уже у писателей XV и начала XVI в., Навай и Бабура,

1) Выраженіе *фрыжен собака* лучше всего указываетъ на неспокойность киргизской легенды: сарты, которыхъ мы привыкли видѣть по краю, совсѣмъ не рыжие, а черные. И. О.

слово *сарты* употребляется въ смыслѣ „персы, таджики“, и противополагается слову *тиргыз*, а не слову *казакъ* (которое въ смыслѣ „бродяга, разбойникъ“, встрѣчается уже у названныхъ писателей). Нынѣшній киргизскій или, какъ онъ называется, казацкій пародъ въ то время еще только образовывался и не имѣлъ почти никакихъ сношеній съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ вышли Бабуръ и Навай. Изъ этого видно, что терминъ „сарты“ придуманъ во всякомъ случаѣ не киргизами. Легенда, приведенная г. Лапинымъ, принадлежитъ къ такимъ же „народнымъ этимологіямъ“ (Volksetymologie), какъ легенда о происхожденіи слова *киргизъ* отъ *күркү-кызъ* („сорокъ дѣвица“).

„Въ языкѣ монголовъ былъ соответствующій корень, что видно уже изъ имени втораго золотоордынскаго хана, Сартака. Во время походовъ Чингизъ-хана тюрки старались сближаться съ монголами, въ противоположность городскому населенію, которое въ то время было арійскимъ по языку и происхожденію; очень вѣроятно, что вслѣдствіе этого сближенія монголы стали называть *сартами* не всѣхъ мусульманъ, а только сохранившихъ свою обособленность арійцевъ, и что отъ монголовъ этотъ терминъ перешелъ и къ тюркамъ. По мѣрѣ смыщенія съ тюрками сарты утратили свой арійскій языкъ и приняли тюркскій.

Въ заключеніе г. Бартольдъ говоритъ:

„Каково бы ни было происхожденіе слова „сартъ“, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Н. П. Остроумова, что исключать его изъ нашего этнографическаго словаря иѣть никакихъ оснований. Этимологія слова „нѣмецъ“ известна каждому, и всетаки мы употребляемъ его, какъ этнографической терминъ. Подобно этому термину, и слово „сартъ“, хотя бы оно первоначально не имѣло этнографического значенія, теперь употребляется для обозначенія народа, представляющаго какъ по типу, такъ и по языку, особую этнографическую единицу. Г. Лапинъ требуетъ, чтобы сартскій языкъ называли *узбекскимъ*. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, насколько нарѣчіе напримѣръ хивинскихъ узбековъ отличается отъ нарѣчія ташкентскихъ и самарканскихъ

городанъ; по словамъ Н. П. Остроумова языкъ сартовъ въ основѣ тюркскій, но отличается отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и известенъ подъ именемъ сартъ-тили¹).

Отвѣчая на эту замѣтку, г. Лапинъ писалъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“:

„Коренными жителями Трансоксаніи, т. е. Маваруль-Нахара²), по крайней мѣрѣ, въ эпоху проникновенія сюда ислама, съ одной стороны, и вторженія тюркско-монгольского племени, съ другой—считаются нынѣшие таджики, древніе иранскіе выходцы. Эти таджики, утративъ съ теченіемъ времени свою самостоятельность, подпали подъ владычество узбековъ, народа тюркскаго племени. Побѣдители узбеки, будучи въ полуудиомъ состояніи и постоянно соприкасаясь съ подчиненными имъ таджиками, не могли, разумѣется, устоять противъ вліянія просвѣщенія и культуры послѣднихъ, что выразилось въ двухъ главныхъ фактахъ: 1) узбеки, бывшіе до того времени язычниками, стали принимать отъ таджиковъ исламъ³) вѣстѣ съ арабскою письменностью и ученостью, и 2) близко стоявшая къ таджикамъ часть узбековъ начала вѣнѣть свой прежній кочевой образъ жизни на осѣдлый, занимая мѣста въ городахъ и селеніяхъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло въ свою очередь два важныхъ послѣдствія: во 1-хъ, съ перемѣною образа жизни, главными источниками благосостоянія у осѣвшихъ узбекомъ, какъ и у таджиковъ, появились торговля, земледѣліе и ремесла, и, во 2-хъ, эти узбеки, ставъ въ весьма близкія отношенія къ таджикамъ, не обошлиесь безъ смыщенія съ ними, что и способствовало образованію узбекско-таджикской помѣси, у которой не осталось почти ничего национального, кроме родного узбекскаго языка. Эти отождичившіеся узбеки, хотя и сохранили свой родной языкъ, на

которомъ они говорятъ до сего времени, но по своему виду, образу жизни и по складу нравовъ и обычаямъ очень мало отличались отъ настоящихъ таджиковъ-сартовъ, почему легко производили впечатлѣніе сарты на киргизъ и узбековъ, оставшихся въ первоначальномъ состояніи. Отсюда ясно, что слово сартъ на языкахъ киргизъ и первоначальныхъ узбековъ принялъ болѣе широкое примѣненіе, обозначая собою понятие какъ о таджикахъ, такъ и объ основныхъ узбекахъ и другихъ тюркскихъ народностяхъ (кипчакахъ, мангытахъ и пр.), принявшихъ таджикскую культуру, т. е. о всеногъ осѣдломъ населеніи, въ какомъ смыслѣ оно употребляется и донынѣ.

„Но слово сартъ никогда не употреблялось и не употребляется туземцами въ смыслѣ названія особой народности. Правда, иѣкоторые изъ туземцевъ узбекско-таджикской помѣси, не знающіе исторіи своего происхожденія, на предложенный имъ, преимущественно русскими, вопросъ: кто они по происхожденію?—отвѣчаютъ, что они сарты, и при этомъ, пожалуй, отыцаютъ себя отъ таджиковъ, узбековъ и другихъ народностей. Но это объясняется тѣмъ, что узбекско-таджикская помѣси не присвоила себѣ особаго названія, точно опредѣляющаго ее, что и даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Отсюда понятно, что иѣкоторые изъ этихъ новыхъ сартовъ, будучи поставлены въ затруднительное положеніе—назвать себя по происхожденію, именуютъ себя различимымъ словомъ сартъ, такъ какъ ни таджиками, ни узбеками¹) и никѣмъ другимъ называть себя не могутъ. На этомъ и основано мнѣніе г. Остроумова²) и иѣкоторыхъ другихъ, что сартъ есть название особой народности, отличной отъ таджиковъ, узбековъ и др. Мы же, не придавая никакого значенія показаніямъ сартовъ, образовавшихся отъ узбекско-таджикской помѣси, считаемъ, для установленія правильнаго пониманія слова сартъ, важными мнѣнія другихъ народовъ, которые это слово понимаютъ

1) Оправана отъ 12 марта 1894 г. № 19.

2) Нужно читать Маварул-нахръ. Н. О.

3) По показанію Мухамедъ-Хайдара, автора исторіи «Гиреко-Рашад», монгольскій ханъ Тугмакъ-Темуръ однѣ въ первыхъ привналъ всевъмъ отъ таджика Мававана Шайх-Эддина, сына Мававана Шуджаг-Эддина, сосланного Чонгвазомъ въ Каракурумъ.

1) Именемъ „узбекъ“ въ настоящее время называются измукочевые туземцы, преимуществ. Самарканд. области и Бухарск. ханства, избѣжавшіе смыщенія съ таджиками.

2) Это неправда. См. выше стр. 4—14. Н. О.

и употребляютъ такъ: кочевники-киргизы и полукочевые узбеки, а за ними татары и большинство русскихъ подъ словомъ *сартъ* понимаютъ всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана, не дѣлая различія между таджиками и народомъ, происшедшемъ отъ смѣшанія узбековъ, отчасти киргизъ и другихъ народностей съ таджиками; таджики Бухары и Самарканда подъ словомъ *сартъ* понимаютъ себя, хотя между собой они не употребляютъ этого выраженія, при чёмъ объясняютъ, что этимъ именемъ ихъ прозвали киргизы и узбеки, а народъ, образовавшийся отъ смѣшанія, они относятъ къ узбекскому илемени и языкъ этого народа называютъ „узбяки“ въ противоположность своему языку „таджики“; они почти никогда не употребляютъ выраженія „сартъ-тили“, а если и скажутъ въ разговорѣ съ русскими „сартча“ (по-сартски), то подъ этимъ послѣднимъ разумѣютъ свой *таджикский языкъ*¹⁾.

Продолжалъ свои разсужденія на ту же тему, которая приводится здѣсь въ сокращенномъ видѣ, г. Ланинъ говорить:

„Если въ настоящее время подъ словомъ *сартъ* мы понимаемъ все осѣдлое населеніе, то подъ выраженіемъ „сартъ-тили“ мы должны понимать „языкъ осѣдлаго населенія“; такого же языка на самомъ дѣлѣ *ниятъ*, ибо осѣдлое населеніе, какъ это мы уже видѣли, говорить на языкахъ двухъ различныхъ корней—туркского и персидскаго. Выраженіе „сартъ-тили“ могло быть употребляемо во времена Наваи, когда подъ словомъ *сартъ* разумѣлся *одинъ* таджикскій народъ, а потому и не могло быть недоразумѣній; въ наше же время, когда слово *сартъ* приняло столь широкое примѣненіе, это выраженіе не можетъ быть употребляемо, какъ название особаго языка, до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ употребленія таджикскій языкъ и все осѣдлое населеніе не станетъ говорить на одномъ языкѣ.

„И такъ не было и нѣтъ у насъ особой народности *сартовъ*, какъ равно нѣтъ особаго *сартскаго языка* (сартъ-

тили). Если уже необходимо для науки назвать узбеко-таджикскую помѣстье именемъ, отличающимъ ее отъ другихъ народностей (что, пожалуй, и справедливо), то слѣдуетъ установить для этого какое-либо другое название: „чала-узбекъ“, „чала-таджикъ“¹⁾ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а слово *сартъ* всего менѣе пригодно для этой цѣли. Я говорю, что это нужно, пожалуй, для науки, какъ условный знакъ, а сама эта помѣстье во вновь выдуманномъ названіи вовсе не нуждается, ибо она умѣеть отличать себя отъ другихъ, называя себя по мѣсту жительства: „кокандлыкъ“, „ташкентлыкъ“, „туркестанлыкъ“ и т. п.

„Что касается до языка этой безымянной народности, то правильнѣе всего назвать бы его новоузбекскимъ языкомъ, потому что, во 1-хъ, этотъ языкъ относится къ тюркскому корню и ближе всего подходитъ къ узбекскому языку; разница между ними произошла главнымъ образомъ отъ воздействиѣ персидскаго языка, придавшаго языку, о которыхъ идетъ рѣчь, много новыхъ словъ и оборотовъ и сообщившаго ему мягкость и звучность, и, во 2-хъ, съ приходомъ русскихъ, этотъ новоузбекскій языкъ, *вытеснивъ прежній*, персидскій, болѣе и болѣе становится языкомъ официальнымъ, даже въ Самаркандинѣ и Бухарѣ, гдѣ главная масса населенія говоритъ по таджикски²⁾.

„Давъ этому языку название новоузбекскаго, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, подраздѣлить его на четыре главныхъ нарѣчія, а именно: 1) нарѣчіе Сырь-Дарьинской области (замѣтно вліяніе киргизскаго языка); 2) нарѣчіе Ферганской области; 3) нарѣчіе Аму-Дарьинскаго отдѣла и Хивинскаго ханства (вліяніе туркменскаго языка) и, наконецъ 4) нарѣчіе Самаркандинской области и Бухарскаго ханства (сильное вліяніе таджикскаго языка). При такомъ дѣленіи по нарѣчіямъ, г.г. Джизакъ и Ходжентъ должны

1) Выраженіе „чала“ въ данномъ случаѣ означаетъ народную помѣстье, такъ напр., „чала-узбекъ“, „погу-узбекъ“ и т. п.

2) Въ Самаркандинской области въ настоящее время всѣ официальные документы совершаются на новоузбекскомъ языкѣ; на томъ-же языкѣ идетъ переписка русскихъ съ Бухарскимъ правительствомъ.

¹⁾ Туркестан. Вѣдом. отъ 22 мая 1894 г. № 36, ст. „О значеніи и происхожденіи слова „сартъ“.“

отойти отъ Самарканской области,—первыи въ Сыръ-Дарьинскую, а второй въ Ферганскую область¹⁾.

Окончательные выводы, къ какимъ приходитъ г. Ланинъ, слѣдующіе:

1) слово *сартъ* есть название всего туземного осѣдлого населения Средней Азіи, безъ различія происхожденія;

2) нѣтъ особаго народа „сартовъ“, какъ равно нѣтъ особаго „сартскаго языка“;

3) тѣ осѣдлыи туземцы, къ которымъ примѣняютъ наименование „сартъ“ г. Остроумовъ и иѣкоторые другіе, есть народъ, образовавшійся отъ узбекско-таджикскаго сѣленія, не присвоившій себѣ особаго названія;

4) языкъ, на которомъ говорить эта сѣмь, правильноѣе всего называть новоузбекскимъ;

и 5) название „сартъ“ могло быть впервые дано киргизами и, вѣрѣю, всего, происходитъ отъ сліянія словъ „сары-итъ“, въ скороговоркѣ *сартъ*²⁾.

Изъ приведенныхъ выше миѳній азіатскихъ и европеїйскихъ писателей видно, что одни смысливаютъ сартовъ съ таджиками и узбеками, другіе считаютъ ихъ помѣсью, третьи относятъ сартовъ къ монголамъ, иные, наконецъ, думаютъ, что слово „сартъ“—только бранное слово и не можетъ быть употреблено для обозначенія населенія Туркестанскаго края. Причины такого различія миѳній, очевидно, заключаются въ томъ, что вопросъ о значеніи слова „сартъ“ представляеть значительную трудность и требуетъ отъ каждого желающаго разрѣшить этотъ вопросъ вниманія и знаній больше, чѣмъ сколько обнаружили большая часть поименованныхъ выше авторовъ. Почти всѣ они не имѣли случая видѣть сартовъ и вникнуть въ самое название, и только

1) Туркест. Вѣдом. 1894 г. № 38.

2) Туркест. Вѣдом. 1864 г. № 39. По этому поводу считаю не лишнимъ заявить, что учёные сарты совершенно отрицаютъ основательность такого наѣжданія объясненія слова «сартъ» и говорятъ, что скорѣе это название нужно произходить отъ саръ голона, начальника, въ тиѣ степи т. е. народъ, главенствующій въ степи, надъ киргизами. И. О.

немногіе авторы, объясняя значеніе слова „сартъ“, считали для себя обязательнымъ справиться съ мнѣніями другихъ объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые авторы не хотѣли даже достаточно подумать о томъ, что они писали и выдавали за рѣшительную истину; а между тѣмъ обстоятельное разрѣшеніе этого вопроса требовало совмѣстнаго труда этнографа, филолога и историка. Поэтому-то значительная часть вышеприведенныхъ миѳній страдаютъ односторонностью и неубѣдительны.

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „сартъ“ былъ предложенъ третьему международному сѣздѣ ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ, въ 1876 г., въ слѣдующей формѣ: 3. „Насколько можно прослѣдить въ историческихъ памятникахъ народныхъ имена *сартъ* и *таджикъ* и какія заключенія можно вывести изъ показаній этихъ памятниковъ относительно первоначального и послѣдовательного (?) значенія сихъ именъ?“ Терентьевъ (служившій въ то время въ Туркестанскомъ краѣ) высказалъ мнѣніе, что слово *сартъ*—терминъ оскорбительный, заключающій въ себѣ понятіе трусости, и данъ завоевателями страны, узбеками, кореннымъ я жителями, таджиками. Впрочемъ, прибавилъ Терентьевъ, другіе (?) полагаютъ, что название *сартъ* китайского происхожденія, вслѣдствіе того, что жителей Трансоксіаны китайцы называли *серами* отъ слова *сэ* шелкъ, такъ какъ жители Трансоксіаны славились, какъ отличные шелководы.—Саковъ, напротивъ, производилъ название „сартъ“ отъ тюркскаго (?) прилагательного *сартъ*—крѣпкій, сильный, которое могло быть дано узбеками сартамъ въ наимѣнику надъ всѣмъ извѣстною трусивостію ихъ. Г. Лерхъ, уже печатно высказавшій въ 1872 г. свое мнѣніе по этому вопросу (см. выше, стр. 35—37), на сѣздѣ повторилъ что слово это, вѣроятно, происходитъ отъ древне-иранскаго *кшатра*—„владѣніе, государство“ и что кочевники, обитавши по правому берегу Яксарта, дали осѣдлымъ своимъ соседямъ по лѣвому берегу рѣки название „горожанъ“, въ противоположность себѣ, какъ „кочевникамъ“¹⁾.

1) Труды третьаго международного сѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1886 г. Т. I, стр. XXXVIII, XXXIX, LXXX—LXXXI.

Но г.г. Терентьевъ и Саковъ не представили въ своемъ отвѣтѣ ни одного указанія на историческіе памятники и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о такомъ словообразствѣ названія „*сартъ*“, котороеничѣмъ подтверждено быть не можетъ. Представленная мною ссылки на историческіе памятники и сводъ разныхъ мнѣній о словѣ „*сартъ*“ должны облегчить послѣдующему времени новое разсмотрѣніе этого трудно разрѣшимаго вопроса, а можетъ быть и совсѣмъ перазрѣшимаго вопроса, потому что и по поводу острѣумнаго объясненія слова „*сартъ*“ невольно приходится спросить: если выраженіе древнихъ греческихъ географовъ „*Яксарты*“ представляеть собою греческую передачу цѣлаго древне-иранскаго предложенія, то какимъ образомъ эта именно греческая форма удержалась и перешла къ тюркскимъnomадамъ? Неужели же можно предположить, что тюрки, пришедши на берега Сыръ-Дары, спрашивались, какъ называли греческіе географы жителей этихъ мѣстъ? Вѣдь, Страбонъ, Птоломей и Арріанъ, у которыхъ встрѣчаются выраженія: *Яксартъ* и *Яксарты* писали для грековъ, а не для тюрковъ, и не въ ожиданіи нашествія послѣднихъ на берега Сыръ-Дары.... Еще болѣе неестественно предполагать, чтобы греческій географъ, описывавшій неизвѣстную ему страну, хотѣлъ сочинить название для этой страны и народа. Не проще ли думать наоборотъ, что греческіе географы уже нашли готовымъ название народа, жившаго на берегу рѣки Сыръ-Дары, потому что странно было бы предположить, что этотъ народъ, будучи многочисленнѣмъ, большимъ народомъ (*меги этиисъ* у Птоломея) не имѣлъ никакого названія. Поэтому не лучше ли согласиться съ мнѣніемъ Арріана, что слово *Яксартъ* не есть собственно греческое, а заимствовано греками у варваровъ?¹⁾. По словамъ г. Бартольда,

¹⁾ Arrian. Lib. III, стр. 10. Объ этомъ еще въ 1832 г. замѣтилъ А. Левшинъ и привнесъ при этомъ объясненіе Сенъ-Круа, что слово *Яксартъ* состоять изъ монгольскихъ словъ: *икъ*—большой и *сартъ*—рѣка (Examen crit. des histor. d'Alexandre. Sect. 6). Даѣте г. Левшинъ говорить: „Валь (Allgemeine Beschr. des Persisch. Reichs, 3 Absch.) напротивъ того, утверждаетъ, что слово *Яксартъ* составлено изъ *Лака* т. е. рѣка, въ *Сартъ*, т. е. холодная и едининая, ибо *Лак* въ теперъ означаетъ рѣку у Финновъ, Юровъ въ Богуличахъ, а Сыръ по перводнѣ значитъ: холодный, замерзший, а

узбеки, завоевавши въ началѣ XVI вѣка владѣнія тимуридовъ, конечно, были чужды национально-культурныхъ стремленій и не интересовались разницей между тюрками и таджиками. Для нихъ *сарты* были осѣдлые жители покоренной ими страны, въ противоположность завоевателямъ—узбекамъ и союзнымъ съ ними кочевымъ народамъ. Абульгази (въ XVII вѣкѣ) называетъ сартами только средне-азіатскихъ горожанъ, противополагая ихъ узбекамъ и туркменамъ и нисколько не сближал ихъ съ „*кызылъ-башами*“ (персами). Къ киргизамъ слово сартъ новидимому перешло отъ узбековъ.

Подъ вліяніемъ завоевателей сами горожане-туземцы стали называть себя сартами; но племенное различіе между тюрками и таджиками такъ велико, что представители обоихъ народовъ не могли называть себя однимъ и тѣмъ-же именемъ. Такъ какъ большинство осѣдлаго населенія говорило по-туркски, то сартами стали называться только горожане-турки, въ противоположность не только кочевникамъ, но и таджикамъ, и теперь жители, напримѣръ, Ташкента прямо говорятъ о сартскомъ языке, въ противоположность таджикскому. Такимъ образомъ установилась разница между терминами сартъ и таджикъ, которые нѣкогда были синонимами. Въ этомъ отношеніи судьба слова *сартъ* вполнѣ соответствуетъ судьбѣ слова *таджикъ*. Первоначально персы называли таджиками завоевателей-арабовъ, потомъ распространили это название на своихъ современниковъ, принявшихъ исламъ; тюрки стали называть таджиками уже все осѣдлое мусульманское

по Самондамъ въ Югории—здесь. Подражая Валью, любителю этнографическихъ разысканій могутъ съ такимъ-же правдоподобіемъ предполагать, что киргизъ-казаки, удержавъ слово сыръ или сырътъ, имѣсто *Лака* поставили Дары (которое, какъ выше сказано, есть нарицательное имя исключительно рѣка на татарскомъ языке), и такимъ образомъ составили нынѣшнее название Сыръ-Дары или Сыръ-Дары, т. е. рѣка. Сіе третье словообразование заслуживало бы не менѣе иѣрита, какъ въ второмъ, на которомъ оно основано; но мы не предлагаемъ его потому, что не находимъ никакого соотношенія между рѣкою Сыромъ въ Самондамъ или Финнамъ, живущими отъ нея нѣсколько тысячъ верстъ. Еще менѣе видимъ мы связи между самими двумя народами, или Богуличами и современниками Александра Великаго, или Арріана. Какъ бы то ни было и отъ чего бы ни произошло название *Яксарта*, но мы находимъ оно въ сочиненіяхъ почти всѣхъ древнихъ географовъ. (См. Описаніе киргизъ-казачьихъ, или киргизъ-кайсанскихъ ордъ и степей. Часть первая, стр. 232—233. С.-Петербургъ. 1832).

населеніе, безъ различія происхожденія. Когда арабскіе завоеватели, за ничтожными исключеніями, слились съ туземнымъ населеніемъ, слово *таджикъ* сдѣлалось этнографическимъ терминомъ для обозначенія персовъ, и подъ вліяніемъ тюрковъ сами персы стали называть себѣ таджиками, совершило переставъ примѣнять это слово къ арабамъ. Какъ при употребленіи слова *таджикъ* мы нисколько не думаемъ о его первоначальномъ значеніи, точно такъ же мы не имѣемъ основанія отказываться отъ употребленія слова *сартъ* въ качествѣ этнографического названія¹⁾.

Въ виду изложенныхъ мнѣній о происхожденіи и значеніи слова „*сартъ*“, отличающихся неопредѣленностью и взаимною противорѣчивостію, въ настоящее время нельзя считать этотъ вопросъ разрѣшенымъ и потому благоразумнѣе воздержаться отъ попытки дать ему окончательное объясненіе. Тѣмъ не менѣе, основываясь на историческихъ и современныхъ свидѣтельствахъ, приведенныхъ выше (а не на современномъ только употребленіи слова „Сартъ“ самими туземцами), а также на основаніи этнографическихъ признаковъ, представляемыхъ сартами, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Название „*сартъ*“ имѣетъ происхожденіе очень древнее и не могло быть выдумано ни киргизами, ни тѣмъ болѣе русскими. У Плако Карпини (въ XIII в.) оно уже встречается въ своей опредѣленной формѣ.

2) Название это прилагается къ осѣдлымъ жителямъ городовъ и селеній Сырь-Дарынской и частью Ферганской областей и Аму-Дарынскаго отдѣла и отличаетъ ихъ не только отъ киргизъ и туркменъ, но и отъ таджиковъ и узбековъ, какъ примеры этого находятся въ соч. Абуль-Гази.

3) Хотя и невозможно въ настоящее время окончательно разрѣшить вопросъ о значеніи слова „*сартъ*“, но оно во всякомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ не только ругательного, но и насмѣшливаго смысла, какъ видно изъ употребленія этого названія древними

средне-азіатскими писателями, равно въ русскихъ памятникахъ и у современныхъ намъ туземцевъ¹⁾). Приведенная г. Лапинымъ киргизская легенда наивна и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

4) Что кочевники Туркестанскаго края относятся не всегда доброжелательно къ сартамъ и потому иногда произносятъ это слово съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, то это должно быть объясняемо историческими и бытовыми причинами. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить подобная же отношенія великороссовъ къ малороссамъ, полякамъ и другимъ народамъ и наоборотъ, отношенія русскихъ къ инородцамъ Россіи и обратно—отношенія инородцевъ къ русскимъ, какъ къ своимъ завоевателямъ и властителямъ. Прислушайтесь къ русскимъ и туземнымъ рабочимъ, и вы замѣтите, какъ иногда произносятъ сарты слово „*урусъ*“, а русские—выраженіе „*сартъ*“. Въ минуты раздраженія тѣ и другие выражаютъ свой гневъ особымъ тономъ, причемъ русскіе прибавляютъ къ слову „*сартъ*“ выраженіе „*проклятый*“, а сарты къ слову „*урусъ*“ выраженіе „*шайтанъ*“. Однако никому еще не приходило на мысль придавать слову „*русскій*“ значение ругательного слова.

5) Многіе изъ приведенныхъ на стр. 15—47 писателей, высказывавшихъ мнѣнія о значеніи слова „*сартъ*“, повторяли одинъ за другимъ замѣчаніе А. Бориса и не трудились вникнуть въ дѣло глубже. Реклю ссылается на мнѣнія разныхъ Туркестанскихъ авторовъ и всѣмъ имъ придаетъ одинаковую вѣру. Г. Лапинъ ничего нового не высказалъ въ этомъ отношеніи. Я представилъ для выясненія названія слова „*сартъ*“ данные, на основаніи которыхъ, по крайней мѣрѣ, русскіе туркестанцы перестанутъ повторять обѣ этомъ словѣ странныя мнѣнія, свои и чужія.

¹⁾ Въ Очеркѣ историко-географическихъ сведеній о Хивинскомъ ханствѣ И. Веселовскаго замѣчено, что изъ Хивы узбеки, какъ завоеватели, съ пренебреженіемъ смотрѣли на покоренныхъ имъ жителей, т. е. на сартовъ, и оттого все, что дѣлали сарты, узбеки считали унизительнымъ для себя; тогда будто бы слово „*сартъ*“ сдѣлалось браннымъ словомъ. Но, очевидно, слово „*сартъ*“ завоевателей-узбековъ только произносили пренебрежительно....

6) Нѣкоторые авторы сѣтуютъ па то, что название *Сартъ* не заключаетъ въ себѣ этнографического смысла, и высказываютъ желаніе вычеркнуть это название изъ этнографического словаря. На это можно возразить, что и многія другія, утвердившіяся въ употребленіи и наукѣ, народныя названія имѣютъ характеръ случайный, а иные странный, или совсѣмъ даже непонятный этимологический смыслъ. Лучшимъ примѣромъ служитъ слово „нѣмецъ“, которое до сихъ поръ принято не только въ обыкновенномъ употребленіи, но и въ наукѣ. Изъ этого примѣра можно понять, что о названіи спорить безполезно, и едвали кто будетъ въ состояніи изѣть слово „сартъ“ изъ народнаго употребленія.

7) Точно такъ же невозможно вновь установить предлагаемое г. Даниловымъ выраженіе *ново-узбекский языкъ* вмѣсто *сартскій языкъ*, такъ какъ по прихоти человѣка такія названія не прививаются въ народѣ.

8) Въ этнографическомъ отношеніи сарты представляютъ собою типъ смѣшанный, произшедший отъ сліянія древнаго иранскаго населения Туркестана съ позднѣйшимъ завоевателями и поселенцами тюрко-монгольского племени. Признаками этого типа служать съ одной стороны особенности физического строенія, а съ другой стороны языкъ, въ основѣ тюркскій, но отличающійся отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и известный подъ именемъ *сартско-тикии*.

Характеристика сартовъ и узбековъ съ антропометрической и краніологической точекъ зрењія¹⁾.

Сарты: Борода жазая у большинства. Цветъ волосъ черный. Цветъ глазъ темно-коричневый. Ростъ въ среднемъ 1691 см. По головному указателю (85.39), равнѣкакъ въ черепномъ—настоящіе брахице-

Узбеки: Волосы на бородѣ рѣдкіе. Цветъ волосъ черный, хотя попадаются и рыжіе особи. Цветъ глазъ темнокоричневый. Ростъ въ среднемъ—1666 см. Суббрахицефалии по головному указателю

¹⁾ Извѣстія Н. О. Любителей сестр., антроп. и этнографіи. Т. XXXIV в. 5. «Антропометрическія замѣтки относительно туркестанскихъ инородцевъ». Обработалъ Анатолій Богдановъ. Москва. 1888, стр. 85 и 87.

САРТЫ.

УЗБЕКИ.

фазы. Высота головы, измѣренная по перпендикуляру къ плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія, довольно значительная, хотя и не изъ самыхъ большихъ. Высота головы отъ отдельныхъ тѣлъ довольно значительна, больше чѣмъ у узбековъ. Высота верхней части этого отделья, т. е. отъ темени до надбровной точки, значительныхъ пропорцій по отношенію къ длине всей головной части, равно какъ въ средняхъ и нижнихъ частяхъ меньшихъ пропорцій, чѣмъ напримѣръ у персіянъ. Длина лица меньшихъ пропорцій, чѣмъ у таджиковъ, если рассматривать ее по отношенію къ длине всей головной части. Лицо сартовъ длиннѣе по отношенію къ росту, чѣмъ у таджиковъ. Отношеніе ширины складъ къ длине лица довольно значительныхъ пропорцій, равно какъ и отношеніе къ длине лица взятой безъ лобной части: сарты представляютъ ту же скованность, какъ узбеки и таджики. Длина лица безъ лба по отношенію къ длине всего лица у сартовъ меньше, чѣмъ у другихъ, т. е. у нихъ развита больше верхняя часть, лобник; малыхъ пропорцій по отношеніе этой длины къ росту. Отношеніе длины носа къ длине лица среднихъ пропорцій, а къ росту даже малыхъ. Межзапирничное пространство по отношенію къ складовому диаметру сравнительно малыхъ пропорцій, равно какъ и къ наименьшему лобному диаметру, меньшихъ, чѣмъ напримѣръ у персіянъ. Челюстной диаметръ, т. е. разстояніе между углами нижней челюсти, по отношенію къ складовому диаметру, малое, что тоже способствуетъ большей реальности скованности.

Переходя затѣмъ къ общей характеристицѣ сартовъ, я привожу въ заключеніе настоящей главы слѣдующее замѣченіе г. Миддендорфа: „Пече“¹⁾ высказалъ афоризмъ: „Уже втеченіи тысячелѣтій несть виоли однородныхъ народовъ; но есть не мало

¹⁾ Die Arier, 1878, в. 43.

особей, представляющихъ въ чистотѣ расовый характеръ своего народа”¹. Это правда. Осмотрите сотни и тысячи людей: изъ этой массы знатокъ можетъ вывести среднія физіономіи; изъ нихъ опь измѣряетъ и снимаетъ фотографически лишь немногихъ. Такое отвлеченіе, имѣющее свою задачу оттеснить индивидуальное на второй планъ, безусловно необходимо. Правильность этой абстракціи имѣть гораздо большее значеніе, нежели число измѣренныхъ и снятыхъ фотографически особей.... Да не подумаютъ, будто сказаннымъ я хочу отрицать то, что различія между человѣческими расами и народами могутъ быть надежно характеризованы лишь посредствомъ определенія размѣровъ и отношеній между ними. На противъ, я вполнѣ признаю измѣренія г. Уйфальви, но я въ этнографіи, примѣнительно къ смысаннымъ расамъ, вижу спасеніе лишь въ изслѣдованіи ихъ по типамъ первоначальныхъ элементовъ смыси”²). А проф. Вамбери замѣчаетъ: „Народы въ теченіе одного или двухъ столѣтій совершенно измѣняютъ свой языкъ, но все-таки на нашихъ глазахъ останутся аналогичные случаи, относящіеся уже къ физической жизни народовъ; они доказываютъ, что и физические признаки народа съ теченіемъ времени совершаютъ измѣненія. Правда, для этого нуженъ гораздо большій періодъ времени, существующій продолжаться, быть можетъ, нѣсколько столѣтій для того, чтобы достаточно изгладить первобытный типъ народа, да не только изгладить, а даже напечатлѣть на переселившемся человѣкѣ тѣ физические признаки, какіе имѣютъ природные жители данной страны (автохтоны), вслѣдствіе особенностей климата и образа жизни. Для примѣра авторъ указываетъ на арабовъ въ Бухарскомъ ханствѣ, потомковъ завоевателей страны при Кутайбѣ, которые утратили уже свой языкъ, говорятъ теперь по-персидски и лишь немногимъ отличаются отъ тамошняго таджикского населенія, и на сартовъ, отличающихся отъ своихъ арійскихъ собратьевъ не только по языку, но и по тѣлосложенію, и по физіономіи”²).

¹⁾ Очерки Ферганской долины. Рус. переп., стр. 393.

²⁾ Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ. Введение.

С

II.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САРТОВЪ.

„Мы пошли бы ложными путями, еслибы захотѣли объяснить все духовные проявленія народовъ одними физическими условіями”.

Оскаръ Пешель.

Характеръ сартовъ разные писатели описывали различно. Бабуръ-ханъ, говоря о маргеланскихъ сартахъ своего времени (конецъ XV и начало XVI вв.), называетъ ихъ задорными и беспокойными и отличными бойцами, славившимися съ этой стороны даже въ Самарканѣ и Бухарѣ¹). О ташкентскихъ сартахъ вятскій купецъ-татаринъ Араслановъ,ѣздившій въ Ташкентъ въ 1741—42 гг., говоритъ, что ташкентцы „самы дивятся, что у нихъ никогда ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживаютъ, а Кусекъ четвертый годъ сидитъ”....²) Проѣзжавшій чрезъ Ташкентъ въ сентябрѣ 1813 года. Ф. Назаровъ говоритъ о туземныхъ жителяхъ Ташкента, что они „здравы, беззечны, роскошны, преданы до чрезвычайности веселостиамъ, разпѣжены, любятъ музыку, ласковы и страсти къ женщинамъ. Вѣзвжая въ города, говоритъ онъ, встрѣчаешь жителей, безпрестанно толпящихся на улицахъ, пляшущихъ у воротъ или увеселяющихся въ садахъ своихъ музыкою; тамъ кажется вѣчное празднество. Кроме осо-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Бабура:

ایلی سارت دور مشت زن و پر شرو شور ایل دور جنگره لیک رسمی ماورا
الزهرد شایع دور ثمر قند وبخاراده نامدار جنگره لار اکثر مرغینانی دور

²⁾ Русскій Архивъ за 1888 г. кн. 8, стр. 413. Кусекъ (на стр. 407: Кусекъ-бекъ) очевидно Кушбекъ, родомъ ташкентецъ. Н. О.

бенаго класса ремесленниковъ, они всѣ вообщѣ ведутъ праздную⁽¹⁾ жизнь, довольно изобиліемъ садовъ своихъ⁽²⁾). Г. Уйфальви, вслѣдъ за предшествовавшими ему писателями, называетъ сартовъ трусливыми, лицемѣрными, раболѣпными, жестокими и порочными⁽³⁾). И это въ значительной степениѣ Эвѣрио.

Но г. Миддендорфъ представляетъ характеръ сартовъ въ иномъ видѣ. „Если мы, говорить онъ, съ безпристрастіемъ относимся къ кореннымъ чертамъ характера сартовъ, которыхъ частенько и жестоко ругали⁽⁴⁾), то вскорѣ убѣдимся, что, кроме прекрасныхъ наклонностей къ добру и немалыхъ дарованій, сартъ безспорно отличается поэтическою мягкостю души. Я вовсе не хочу отрицать большихъ недостатковъ и пороковъ; но они обращаются въ нечто очень малое, если обратить вниманіе на то, при какихъ условіяхъ выработалось то здоровое ядро, которое сохранилось и понынѣ. Порабощеніе, втеченіе столѣтій, варварами资料 самаго грубаго разбора: жестокая игра исторіи—переходъ изъ однихъ страшно тираническихъ рукъ въ другія; скопленіе густо населенныхъ большихъ городовъ, которые, по числу жителей, соперничаютъ съ большими городами Европы⁽⁵⁾) вообще варварскій^(?) складъ всѣхъ гражданскихъ и семейныхъ отношений—все это такія зліяния, которыхъ заставляютъ меня только удивляться, какимъ образомъ, при такихъ условіяхъ, могло проявиться явно образовательное воздействиѳ сартовъ на угнетающую варварскую власть, на тюркскія племена. Но наше удивленіе возрастаетъ еще болѣе при мысли, что побѣдители монголо-туркской крови добровольно приняли религію побѣжденныхъ.

1) Записки о некоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи. Федорова Назарова, Отдѣльного Сибирского Корпуса перенодчики, посыпанного въ Кокандъ въ 1813 и 1814 годахъ. Сиб. 1821, стр. 37. Очевидно, Ф. Назарова подѣль сартовъ, праздновавшихъ по окончанію поста своего, такъ какъ въ 1813 г. у мусульманъ яхснъ шиста, Рамазанъ, окончился 27 сентября. Н. О.

2) Le Kohistan, le Ferghana et Koudjja, p. 60—61.

3) Себялюбивые, скучные, жестокие, лицемѣрные, трусивые.

4) Въ Ташкентѣ, самому большому городу русскихъ Среднеазіатскихъ владѣній, считается около 150 тысячъ. Но это очень далеко до большихъ городовъ Европы! Н. О.

„Добрый въ основаніи своеиъ характеръ сартовъ всего явственнѣе выражается въ невинной любви къ цвѣтамъ: роза, дикий степной тюльпанъ, который послужилъ образцомъ тюбану (по персидски „дульбенъ“) и восхищалъ султана Бабура, пользуются у сартовъ большій почестомъ. Разведеніе цвѣтовъ повсемѣстно распространено; цвѣтникъ непремѣнно украшаетъ усадьбу зажиточнаго сарта. Даже необразованѣйшій житель деревни, и тотъ садитъ въ сколько цвѣтовъ; по присутствію ихъ можно распознать дома сартовъ, тогда какъ жилища полукочевыхъ узбековъ окружены лѣсами сорной растительности. Самый неотесанный сартъ изливается въ мечтательно-поэтическихъ выраженіяхъ, когда онъ говоритъ съ оживленнымъ лицомъ объ ароматѣ, испускаемомъ фруктовыми деревьями въ периодъ цвѣтенія. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я на то, какъ поденщикъ (казавшійся тупымъ), бѣдиный возчикъ или водонось, даже ящій отыскивали цвѣточекъ, чтобы положить его подъ свою шапочку, за ухо... Меня трогало, когда, посѣтивъ дубильное заведеніе, я увидѣлъ парня въ жалкихъ лохмотьяхъ, который, въ потѣ лица своего, прыгалъ, въ качествѣ толкача, по размоченной кожѣ, причемъ вонючая жижа обдавала его брызгами,—и тѣмъ не менѣе онъ былъ украшенъ розою...

„Такая-же мягкость обнаруживается и въ отношеніи ихъ къ животнымъ. Птицы небесныя радуютъ сердце сарта: терпѣливо и любовно сносить онъ ласточку, которая непрошеніо устраиваетъ свое гнѣздо въ его домѣ, загрязняя его жилище. Онъ щадить также южнаго голубя-воркуна; голубь признается въ немъ своего покровителя и слѣдуетъ, хотя и лѣниво, за сартомъ въ его жилыхъ помѣщеніяхъ. Пріятно видѣть (вѣдь въ Европѣ совсѣмъ не то), какъ пернатые мирно ютятся около человѣка, хотя громкое воркованіе голубей, трехсложные звуки, издаваемыя удодомъ, крикъ перепеловъ, отчеканивающіхъ всю ночь съѣблыми голосомъ споры дастили, а также крики каменной и альпійской куропатокъ часто образуютъ не совсѣмъ пріятный концертъ. Покровительство животныхъ воведено въ мѣстныхъ правилахъ на страже богоугоднаго дѣла.

„Словомъ, это—народъ съ мягкимъ характеромъ, поэтическимъ настроениемъ, не смотря на всю прозу его повседневныхъ промысловъ, и легко снискать его расположение на множество ладовъ(!). Только небесныя сферы музыки ему все еще совершение недоступны. Правда, у него есть потребность шѣнія; правда, сартъ затягиваетъ шѣсию при каждомъ удобномъ случаѣ, но... „человѣкъ да не искушаетъ боговъ“¹⁾). Въ примѣчаніи къ послѣднимъ словамъ, г. Миддендорфъ прибавляетъ: „у киргизовъ, очевидно, слухъ тоньше, чѣмъ у сартовъ. Сарты могутъ наслаждаться уже совсѣмъ фальшивыми звуками гобоя, сопровождаемыми, за неимѣніемъ літавръ,ударами въ котель или сковороду(?)“¹⁾.

Прежде чѣмъ остановиться на приведенномъ мнѣніи о характерѣ сартовъ, я обращаю вниманіе читателя на то, что тюрко-монгольские завоеватели Туркестана и покоренные ими сарты уже съ давнихъ поръ мусульмане и что, следовательно, въ основѣ ихъ управления и въ жизни покоренной страны лежалъ мусульманскій кодексъ (шаріатъ), кодексъ далеко не варварского происхожденія и характера. Почтенный ученый какъ будто придаетъ значеніе только природнымъ задаткамъ и наклонностямъ сартовъ; но нельзя забывать, что эти задатки развивались подъ разными влияніями, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ припадало религії, какъ это само собою очевидно. Религія является могущественнымъ факторомъ въ народной жизни, потому что обнимаетъ разныя стороны ея, и пока у народа не розовеется наука, религія замѣняетъ ему и науку. Это особенно нужно сказать объ исламѣ и шаріатѣ: исламъ есть теократія, а шаріатъ—кодексъ религіозный, на основаніяхъ которого устраивается вся жизнь мусульманъ. Если вы оставите въ сторонѣ религію и не будете придавать значеніе тому, что сарты—мусульмане, то не будете въ состояніи понять и объяснить многія хорошия стороны ихъ жизни и характера.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что правила шаріата

¹⁾ Очеркъ Ферганской диваны, стр. 363—365.

настойчиво проводились въ жизнь сартовъ. Въ Ташкентѣ, во времена Кокандскаго владычества, за благоповеденіемъ мусульманъ наблюдали особыя должностные лица: *мухтасибъ* или *ранисъ* (رائیس—حکم) и *курбани* (قورباني). Въ прежнее время въ Ташкентѣ обыкновенно былъ одинъ мухтасибъ, а предъ завоеваніемъ Ташкента русскими—два. Однимъ изъ нихъ былъ Мухаммадъ-Азимъ Мухаммадъ-Раджабъ-углы (нынѣ уже умершій), а другимъ—Абдулла-джанъ Мулла Баба-джанъ-углы¹⁾. Мухаммадъ-Азимъ, со введеніемъ при первомъ Туркестанскомъ Генераль-Губернаторѣ фонъ-Кауфманѣ I-мъ выборного начала въ Ташкентѣ, былъ избранъ на должность казія для Бишъ-агачской части города Ташкента, а Абдулла-джанъ только во вторые выборы избранъ былъ на должность казія для Кукчанскої части Ташкента и послѣ того еще два раза былъ казіемъ въ той же части города.

На должность мухтасиба назначались обыкновенно лица, отличавшіяся нравственными качествами и знаніемъ шаріата, такъ какъ имъ приходилось вѣдать и религіозныя обязанности мусульманъ; поэтому ихъ также называли *ранисъ-аглямами*.

Мухтасибы наблюдали за исполненіемъ ежедневныхъ молитвъ (намазъ), что составляеть одну изъ самыхъ главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманъ, и обращали вниманіе не только на прихожанъ, но и на самихъ имамовъ. Если мухтасибъ узнавалъ, что какой-нибудь имамъ неотчетливо совершаетъ богослуженіе и пообще недостаточно авторитетенъ, какъ руководитель своего прихода въ дѣлахъ вѣры и нравственности, то, убѣдившись въ этомъ лично, онъ (мухтасибъ) доносилъ о томъ казію, а казій

¹⁾ М. Г. Генераль Черняевъ, вскорѣ по завоеваніи Ташкента, подарилъ ему почетный халатъ, а первый Туркестанский Генераль-Губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ I наградилъ его серебряною медалью. Въ 1890 году ему было 68 лѣтъ, но онъ выглядалъ еще довольно бодрымъ старикомъ. Я привозилъ его у себя 27 июня 1890 года и предлагалъ снять съ него фотографію, но онъ не считаетъ удобнымъ для себя встать фотографію, хотя, несомнѣнно по завоеваніи Ташкента, съ него была снята фотографія въ общей группѣ съ другими туземными должностными лицами. Онъ умеръ въ 1892 г., во время холеры. И. О.

вызывалъ къ себѣ имама для наставлениія, или же назначалъ къ мечети другаго имама. Обыкновенно мухтасибъ являлся въ извѣстную мечеть къ утреннему богослуженію и сажъ наблюдалъ за совершеніемъ молитвы имамомъ и за молящимися. Если имамъ мечети не вызывалъ замѣчаній со стороны мухтасиба, то послѣдній, по окончаніи молитвы, спрашивалъ имама въ мечети же, въ какой степени усердно относится его прихожане къ этой главнейшей религіозной обязанности. Имамъ указывалъ передивыхъ, и если они были въ мечети, то мухтасибъ отводилъ ихъ къ казю; если же виноватыхъ въ мечети не оказывалось, то ихъ разыскивали и представляли къ казю. Казій дѣлалъ имъ соотвѣтствующее наставлениѣ, а виноватые приносили раскаяніе (*тауба*) и давали обѣщаніе исправиться. Если они не исправлялись послѣ первого наставлениія, то казій увѣщевалъ ихъ и во второй, и въ третій разъ, а затѣмъ уже отдавалъ приказаніе мухтасибу подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію. Отъ усмотрѣнія казія зависѣло наложить наказаніе на нерадиваго мусульманина и послѣ первого заявленія о томъ мухтасибомъ.

Въ видахъ побужденія родителей заботливѣе относиться къ воспитанію своихъ дѣтей, мухтасибы дѣлали имъ соотвѣтствующія наставления, а для надзора за аккуратнымъ посѣщеніемъ язычныхъ училищъ (мактабъ-хана) учащимися въ школахъ дѣтьми мухтасибы посѣщали эти училища и внушали дѣтямъ исправиye относиться къ своимъ учепическимъ обязанностямъ.

Для наблюденія за правильностію городской торговли мухтасибы ходили по базару и осматривали не только продаваемые товары, но и вѣсы и другія мѣры, употребляемыя торговцами. Если изъ торгующихъ лицъ оказывался кто-нибудь виновнымъ въ уменьшении вѣса и мѣры, то мухтасибъ прекращалъ это злоупотребленіе на мѣстѣ, а виновнаго подвергалъ тотчасъ же заслуженному наказанію. Такъ, напримѣръ, если лепешки у продавца были малы по вѣсу, то мухтасибъ приказывалъ отобрать ихъ и, разломивъ на куски, раздать нищимъ или вообще бѣднымъ тутъ же, на базарѣ. Если мухтасибъ встрѣчалъ на улицѣ

или на базарѣ мусульмана безъ чалмы на головѣ, то останавливалъ его и дѣлалъ ему строгое внушеніе. Особенно часто виновныи въ этомъ отпопеніи оказывались прѣѣзжие изъ степи киргизы, которые, не имѣя обычая носить на головѣ чалму, должны были дѣлать подобіе чалмы изъ платка или кушака, чтобы не подвергнуться замѣчанію или даже наказанію отъ мухтасиба. Точно также мухтасибъ останавливалъ встрѣчавшуюся ему на пути женщину и спрашивалъ ее, чья она жена, куда идетъ и имѣеть ли отъ своего мужа позволеніе выйти на улицу или на базарѣ, и если женщина давала неудовлетворительные отвѣты, то ее возвращали домой и оставляли на замѣчанія. Если мухтасибъ встрѣчалъ на улицѣ женщину въ красивомъ верхнемъ халатѣ (*шараиджа*), то останавливалъ ее и внушалъ ей, что украшенія въ одеждѣ неприличны мусульманкѣ и могутъ служить соблазномъ для мужчинъ¹).

Въ вечернее и ночное время за благоповеденіемъ мусульманъ и вообще за порядкомъ въ городѣ наблюдалъ такъ называемый *курбаші*. Въ Ташкентѣ былъ одинъ курбаші, въ вѣдѣніи котораго находилось 400 ночныхъ стражниковъ (*миршабб*), по 100 чел. на каждую часть города. Изъ этого числа стражниковъ четыре человѣка назывались сотниками (*юзбаши*) и распоряжались сотнею миршабовъ, которыхъ они посыпали по разнымъ улицамъ города для надзора, и которые, въ случаѣ замѣченія ими безпорядка, должны были доносить своему сотнику, а тотъ въ болѣе важныхъ случаяхъ немедленно докладывалъ курбаші. Число ночныхъ полицейскихъ не всегда было однаково: иногда было 100, а въ спокойное время—44 миршаба на весь городъ (въ томъ числѣ 4 сотника); но предъ завоеваніемъ Ташкента русскими на каждую часть города было назначено 100 миршабовъ, т. е. всего 400 человѣкъ. По наступленіи вечера, по распоряженію курбаші, жителямъ города ударомъ въ большоі барабанъ возвѣщалось, что всѣ находящіеся на улицѣ должны расходиться

¹) См. особое приложение въ концѣ выпуска.

по домамъ и запирать свои ворота, а торговцы—прекращать торговлю и затворять лавки. Послѣ того курбashi, или самъ, или его сотники обходили со своими миршабами ввѣренные имъ участки города и забирали всѣхъ попадавшихся имъ на улицѣ¹⁾.

Для секретныхъ развѣдокъ, какъ у курбashi, такъ и у мухтасиба были особые негласные развѣдчики (*جاسوس*—*تبلصى*), которые доносили начальству о притонахъ бродягъ и воровъ и о безчинныхъ людяхъ, обѣ играхъ въ азартныя игры и мѣстныхъ кутилахъ. На основаніи такихъ денесеній, миршабы производили внезапные аресты, а затѣмъ уже курбashi, или мухтасибъ, по принадлежности, дѣлали свои распоряженія. Курбashi о выдающихихъ безпорядкахъ и преступленіяхъ доносилъ беку, а въ случаяхъ болѣе важныхъ безпорядковъ даже—ночью²⁾.

При столь строгихъ условіяхъ дневнаго и ночнаго надзора за нравственностью жителей города Ташкента, легко могло быть, что среди улицъ города рѣдко замѣчались выдающіеся неблагоприличные поступки, въ родѣ крика или драки пьяныхъ и т. п.; но это не означало, чтобы среди сартовъ не было до прихода русскихъ никакихъ безпорядковъ и преступленій. Усиленный и строгий надзоръ за жителями, разумѣется, побуждалъ дурныхъ людей укрываться, но не уничтожалъ пороковъ и преступленій. Неодинаковое число ночныхъ стражниковъ въ Ташкентѣ, какъ выше сказано, показываетъ, что преступленія и пороки въ разное время въ Ташкентѣ увеличивались и уменьшались, но не уничтожались совершенно. Уже самое существованіе описанного надзора показываетъ, что нравы ташкентскихъ сартовъ не всегда были такъ привлекательны, какъ старался доказать въ своей характеристики маргеланскихъ сартовъ г. Миддендорфъ, настаивающей на особенною силою на прекрасныхъ наклонностяхъ сартовъ къ

¹⁾ Судя по дѣйствіямъ младшаго помощника начальника города Ташкента изъ туземцевъ, Надырь-Мухаммада Измайлова въ 1883 году (см. № 26 Туземной газеты за 1884 годъ), можно думать, что въ ханскоѳ время мурбashi круто расправлялись съ попадавшимися въ ихъ руки дурныхъ людемъ. И. О.

²⁾ Сведенія о дѣятельности мухтасибовъ и курбашъ собраны мною отъ разныхъ мусульманъ. И. О.

добру, на поэтической мягкости ихъ души, что выражается въ невинной любви ихъ къ цвѣтамъ и въ нѣжныхъ отношеніяхъ къ ласточкамъ, голубямъ и домашнимъ животнымъ. Ниже представлены мною соображенія, ослабляющія такой взглядъ.

Основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и сношенияхъ съ ташкентскими сартами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, я могу сдѣлать слѣдующую характеристику ихъ физического сложенія, умственного и нравственнаго характера.

При среднемъ (часто выше средняго) ростѣ, сарты плотно и стройно сложены. У нѣкоторыхъ, при довольствѣ жизни, плотность легко переходить въ тучность; можно встрѣтить среди сартовъ лицъ, имѣющихъ 6—8 пудовъ вѣсу. На шеѣ среднихъ размѣровъ у сарта свободно сидѣтъ небольшая круглая голова, покрытая тубетейкою, а затѣмъ большою чалмою, особенно у казаевъ и ученыхъ лицъ вообще. Что же касается физіономіи сартовъ, то дать точное описание всѣхъ отличительныхъ ея признаковъ я считаю невозможнымъ. Сарты, какъ сказано выше,—народность смѣшанного происхожденія, а потому и въ физіономіяхъ сартовъ вмѣстѣ съ чертами чисто иранскими замѣчаются и тюрко-монгольскія; при томъ у однихъ субъектовъ преобладаютъ иранскія, а у другихъ тюрко-монгольскія. Среди ташкентскихъ сартовъ можно видѣть и вполнѣ красивыя лица, какъ напримѣръ у каза Мухитдина-ходжи, куницъ Арифа-ходжи, Сайдъ-Кярима Сайдъ-Азимбаева и у многихъ другихъ. Но еще чаще въ Ташкентѣ можно встрѣтить среди сартовъ лица, сильно напоминающія типъ чистокровнаго узбека. Однако и въ первомъ случаѣ лицо сарта сразу можно отличить отъ лица европейца. Изъ частей тѣла, особенно у лицъ нерабочаго класса, обращаютъ на себя вниманіе руки оч. небольшихъ размѣровъ (даже у чернорабочихъ) и тонкіе пальцы; тонкіе, продолговатые и какъ бы прозрачные пальцы людей книжныхъ привлекаютъ къ себѣ взоръ; это скорѣе женскіе пальцы, если имѣть въ виду довольно большую фигуру сарта.

Движенія сарта плавны, но иногда эта плавность бываетъ дѣланная, сообразно съ положеніемъ человѣка, и переходитъ какъ

бы въ вялость. Особенно это замѣтно у людей, стоящихъ во главѣ населенія (казіи, агламы, имамы и богатые люди): восточная обрядность и важность не милятся съ торопливостью, не рекомендуемою закономъ (шаріатомъ) и считаюю свойствомъ сатаны, по пословицѣ¹⁾. Если прибавить къ этому широкій и длинный халатъ на плечахъ¹⁾, и чиги съ калошами на ногахъ и пышную чалму на головѣ, мѣшающіе движеніямъ ногъ, рукъ и головы сарта, то можно легко (хотя и ошибочно) составить себѣ представление о лѣнивой, апатичной, даже неподвижной натурѣ сарта. Распространенное въ Европѣ мнѣніе о восточной лѣни и неподвижности туркестанскихъ сартовъ не совсѣмъ вѣрно, преувеличено. Посмотрите на сарта виѣ условій восточно-мусульманского этикета— дома, на базарѣ, въ дружеской кампаніи, и вы увидете, что сартъ далеко не такъ сонливъ, какъ это думаютъ; посмотрите, съ какой церемоніою торопливостью, мелкими шажками, подходитъ онъ къ высокому лицу съ поклономъ; посмотрите, какъ ловко и съ какимъ своеобразнымъ изяществомъ прислуживаетъ онъ вамъ у себя дома, и у васъ, если это вашъ прислужникъ; наблюдите за движениями мастера особенно кузнеца: въ его рукахъ ловко и послушно дѣйствуетъ инструментъ, и т. д. Но во всѣхъ движенияхъ и у мастера замѣчается также плавность, потому что работаетъ сартъ съ разсчетомъ въ силахъ: жаркий климатъ не позволяетъ ему ускорять своихъ движений, чтобы силь достало на весь рабочій день. А рабочій трудъ сартовъ, особенно земледѣльческій, тяжелъ, вслѣдствіе жаркаго климата, къ которому, однако, сартъ отлично въ теченіе вѣковъ приспособился.

Природа надѣлила сартовъ хорошими умственными способностями, которые и проявляются въ большой смыслености сартовъ; но при отсутствіи европейскихъ научныхъ знаній и при односторонности школьнаго образования, а также при однообразіи бытыхъ условій, сарты не могли выработать разносторонняго взгляда на жизнь, и болѣе всего заняты материальнымъ своимъ благоустройствомъ.

¹⁾ Почетные туземцы надѣваютъ два-три халата.

лучіемъ. Всѣхъ сартовъ можно раздѣлить на три класса: 1) представители шаріата и науки мусульманской (казіи, агламы, муфтіи, имамы, суфи, ишаны, мударрисы и муллы); 2) торговцы и 3) ремесленники и земледѣльцы. Представители шаріата и науки отличаются въ значительной степени отъ своихъ должностей, хотя у некоторыхъ изъ нихъ есть своя земля и свое хозяйство; представители школъ содержатся на вакуфы. Какъ казіи, такъ и мударрисы и муллы часто враждуютъ между собою изъ-за своихъ доходовъ. Торговцы крупные и мелкие заняты своими барышами, а ремесленники и земледѣльцы—своимъ трудомъ. Среди представителей шаріата и мусульманской науки нетъ образованныхъ и ученыхъ людей въ нашемъ смыслѣ слова. Европейская наука до прихода русскихъ въ край совершенно была имъ неизвѣстна. Представленія обѣ этой наукѣ и о приложеніи ея къ жизни туркестанскіе сарты получили и получаютъ теперь изъ непосредственнаго соприкосновенія съ русскими правительственные и частными учрежденіями (больницы и осененное депо, гимназія и другія школы, обсерваторія, телеграфъ, типо-литографія, гренадерскія станціи, заводы и проч.) и частію изъ Туземной газеты, въ которой, кроме официальныхъ распоряженій, сообщаются туземцамъ и научныя свѣдѣнія. Въ туземной школѣ (мадраса) не преподаются совсѣмъ естественно-математическая науки, а равно и исторія съ географіей¹⁾. Всѣ полезныя практическія знанія сарты приобрѣтаютъ опытнымъ путемъ, посредствомъ практической выучки и легко перенимаютъ все необходимое въ ихъ занятіяхъ усовершенствованія, но неохотно отказываются отъ старыхъ своихъ орудій потому, что приобрѣтеніе новыхъ орудій вызываетъ расходъ, часто непосильный для бѣднаго промышленника.—Тѣмъ не менѣе, сарты способны къ дальнѣйшему развитію.

¹⁾ См. Рѣчъ В. И. Наливкона «Школа у туземцевъ Средней Азіи» (Туркест. Вѣдом. за 1889 г.); ст. И. Васильева «Къ вопросу о школьнѣ образованіи у современныхъ мусульманъ» (Туркест. Вѣдом. 1890 г. №№ 6, 7 и 8) и ст. А. И. Вышинегорскаго: «Высшее мусульманское образование въ Феодѣ». (Странникъ за 1890 годъ, Мартъ и Апрѣль).

Въ семейной жизни сарты отличаются чадолюбиемъ, выражющимся въ нѣжныхъ ласкахъ къ дѣтямъ обоего пола, особенно въ первые годы ихъ дѣтской жизни. Почтительность къ старшимъ въ свою очередь должна быть признана похвальною чертою дѣтей и домочадцевъ сартовъ (Коранъ, гл. 17, ст. 24—25 и др.). Кто бывалъ въ домахъ у сартовъ, тотъ можетъ припомнить много примѣровъ въ доказательство обѣихъ названныхъ чертъ въ характерѣ сартовъ. Особенно это бываетъ замѣтно въ домахъ богатыхъ и влиятельныхъ лицъ, у которыхъ домашній этикетъ сильнѣе оттѣняетъ эти черты.

Распространенное въ семейной жизни сарта многоженство разрѣшается религіознымъ кодексомъ (Коранъ, гл. 4, ст. 3) и обусловливается состоятельностью. Невыгоды этой формы взаимныхъ отношеній супруговъ между собою и къ дѣтямъ разныхъ матерей хорошо известны. Болѣе страдающей стороной при такихъ условіяхъ являются женщины и дѣти, хотя мнѣ приходилось слышать и отъ мужей жалобы на постоянные раздоры ихъ женъ, нарушающіе семейный покой, составляющій первое условіе правильного воспитанія дѣтей. На женъ своихъ сарты смотрятъ, какъ на существа ипзія, что согласно съ Кораномъ (гл. 4, ст. 38): мужъ можетъ бить свою жену; свидѣтельское показаніе одной жены не имѣеть силы; проводить время съ женой сартъ не любить изъ опасенія поглупѣть. „Жена—корова, говорилъ одинъ сартъ: постоянно быть въ ея обществѣ опасно,—будешь самъ походить на корову“.

Домашній бытъ сартовъ не сложенъ вообще и отличается патріархальностью. Жилище, одежда, пища, все отвѣчаетъ крайнимъ потребностямъ и указаніямъ шаріата. Жизнь богатаго сарта мало отличается отъ жизни бѣдняка. Люди съ большими средствами имѣютъ большихъ разиѣровъ домъ, лучшаго качества и большій запасъ одежды и болѣе обильную пищу. Но самое главное отличие домашней жизни сартовъ отъ жизни европейскихъ народовъ состоитъ въ томъ, что женщины отдѣлены отъ мужчинъ, и это раздѣленіе половъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сартъ состоятельный;

у состоятельныхъ сартовъ для женской половины устраивается особенное помѣщеніе съ особымъ дворомъ, отдѣленнымъ отъ мужскаго жилья, такъ что постороннему мужчинѣ только какъ-нибудь случайно можно увидѣть женщину сартскую¹).

Отличительной особенностью жилищъ сартовъ составляетъ отсутствіе въ нихъ оконъ и печей. Нагреваніе жилищъ производится посредствомъ жаровни съ углеми, но этотъ способъ крайне негигіениченъ. Въ санитарномъ отношеніи домашняя жизнь сартовъ стоитъ низко, и только умѣренность въ пицѣ и питьѣ и теплый климатъ, дающій возможность жителямъ Ташкента проводить большую часть времени года на открытомъ воздухѣ (льтомъ подъ свѣжею зеленою садовъ), спасаетъ ихъ отъ повальныхъ болѣзней. Статистика пока еще не привѣтствуетъ сартскому населенію, а потому и нельзя еще говорить о процентѣ смертности среди сартовъ, хотя дѣти въ первомъ возрастѣ умираютъ у нихъ въ большомъ числѣ отъ негигіеническаго ухода за ними²), отъ господствующаго еще среди сартовъ предубѣжденія противъ привитія дѣтямъ осны, отъ несвоевременнаго обращенія къ медицинской помощи и отъ разныхъ другихъ причинъ.

Общественной жизни въ нашемъ смыслѣ слова у сартовъ нѣть. Они посѣщаются другъ друга преимущественно въ праздники, а кроме того сходятся на особые вечеринки, устраиваемыя по очереди членами небольшихъ кружковъ, известныхъ подъ именемъ джура. По разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ (рожденіе ребенка, обрѣзаніе его, окопчаніе учения сына, женитьба его; похороны, поминки), состоятельные люди устраиваютъ у себя пиры, на которыхъ бываетъ такъ много гостей, что подобные пиры обходятся имъ свыше тысячіи рублей, а иногда до десяти тысячъ рублей. Обычай утоть очень крѣпко держится въ народѣ и тяжело отзываются на материальныхъ средствахъ особенно людей небогатыхъ. Самымъ „общественнымъ“ мѣстомъ для массы насе-

¹⁾ См. Сарты. Вып. третій, стр. 133—137.

²⁾ См. Очеркъ быта женщины осѣдааго туземнаго населенія Ферганы, соч. Г.Р. Национальныхъ. (Казань, 1886 г.) и отчеты амбулаторныхъ лѣчебницъ.

ленія служить базаръ въ дни торга. На базарѣ можно видѣть массы пріѣзжаго населения, кроме мѣстныхъ обывателей; здѣсь сообщаются и распространяются всякия новости... Базарная молва, какъ источникъ новостей, называется у нихъ характернымъ именемъ „узунъ-кулакъ“ т. е. длинное ухо¹⁾. Особенное же оживленіе на базарахъ бываетъ въ ночи поста Рамазана, продолжающагося цѣлый мѣсяцъ и переходящаго по временамъ года. Въ это время въ Ташкентѣ все оживаетъ послѣ дневнаго утомленія отъ строгаго воздержанія: на базарѣ, въ разныхъ мѣстахъ, устраиваются пѣвцы (*хабизб*) проповѣдники (*маддахб*) и смѣхоторы (*аэжал*), собирающіе около себя охотниковъ послушать пѣніе, религіозные разсказы и часто неприличные каламбуры. Въ чайханахъ толпы народа пьютъ чай подъ шумные звуки пѣнія и сартскихъ музыкальныхъ инструментовъ. Тамъ же сидятъ и молодые мальчуганы (*бача*). Въ особыхъ балаганахъ показываютъ свое искусство фокусники и акробаты. Въ тѣхъ же балаганахъ даются представлекія съ куклами. Главная и, кажется, исключительная тема представленій въ этомъ театрѣ—смотръ войскъ, очевидное воспроизведеніе русскихъ военныхъ парадовъ. Приготовленія къ параду и прибытие разныхъ высокихъ гостей на парадъ сопровождаются разными каламбурами, которые въ высшей степени тѣшатъ публику. Восторженный шумъ звуковъ одобренія заглушаетъ бубны и барабаны. Въ 1870—80-хъ годахъ выводились на сцены мѣстные русскіе военные начальники (губернаторы и уѣздные начальники), причемъ непремѣнно вызывался и мѣстный городовой врачъ; но теперь высокихъ гостей представляютъ сосѣдніе, живые и умершіе, ханы. Послѣ смотра войскъ, стрѣлковъ и артиллеріи, на сцену являются танцовщицы. Иногда въ началѣ представлений, а иногда въ концѣ куклы представляютъ

¹⁾ Мне рассказывали, что однажды русскій слѣдователь спрашивавший вызванного къ допросу сарта: откуда ты узналъ это? Кто тебѣ сказалъ?—Сартъ спокойно отвѣчалъ: «узунъ-кулакъ». Слѣдователь привезъ было правести къ допросу въ «Узунъ-кулакъ», но Узунъ-кулакъ оказался неуловимымъ.... Часто «узунъ-кулакъ» доставляєтъ населенію новости быстрѣе почты въ телеграфа. Н. О.

отправление изъ него на извозчикѣ при содѣйствіи полицейскаго, причемъ изъ него заявляется, что онъ былъ въ клубѣ и пилъ шампанское.—Кромѣ представленій съ куклами, туземные актеры по особому приглашенію, иногда даютъ представленія въ лицахъ, изображающія выдающіяся стороны жизни туземцевъ. Подражательная способность у туземныхъ актеровъ, при всей грубости манеръ, а иногда и содержанія, замѣчательная¹⁾.

При разобщенности мужчинъ и женщинъ въ общественной жизни сартовъ, среди мужскаго населения г. Ташкента распространено развлечеіе съ такъ называемыми бачами, почему еще въ 1884 г. начальникъ города полковникъ Путинцевъ вынужденъ былъ отдать по азіатскому Ташкенту такой приказъ (№ 297):

„Казіями города Ташкента представленъ мнѣ риваять слѣдующаго содержанія: „Въ одной изъ главъ шаріата говорится, что мальчикамъ, имѣющимъ красивое лицо, одѣвающимъся въ шелковые одежды и на подобіе женщинъ выводящимъ на лицѣ румяна, строго воспрещается сидѣть въ лавкахъ,ходить по базару и находиться въ чайханахъ, такъ какъ это противно закону (т. е. шаріату). Лица, занимающіяся бачебазствомъ²⁾, одиночно и въ компаніи ходятъ въ лавки, где имѣются помянутые мальчики и, разсѣвши противъ нихъ, смотрѣть на нихъ страстными глазами и увлекаются прищуриваніемъ глазъ мальчика, за что платятъ деньги, которыхъ добываются у своихъ родителей и женъ, а если

¹⁾ Въ правление Худаиръ-хана, не задолго до завоеванія Ферганы, въ Кокандѣ былъ замѣчательный актеръ Закоръ-джанъ. Однажды онъ, въ присутствіе Худаиръ-хана, представивъ въ язвахъ мѣстнаго шайху-ль-аслама, какъ онъ отправлялъ свое право-судіе,—и это представлѣніе стопроцентно несчастному шайху-ль-асламу потерпѣлъ должности и пожизненнаго ареста, во время которого онъ и умеръ. Самъ Худаиръ-ханъ такъ былъ увлеченъ игрой актера, что приказалъ ему представить и себя самого (то есть хана). Осторожный Закоръ-джанъ заручился сначала письменнымъ обѣщаніемъ хана, что онъ не будетъ преслѣдовать актера за его представлѣніе, потому что исподрижало исполнить свою роль, что Худаиръ-ханъ разсердился и не сдержалъ своего обѣщанія: на другой день онъ, оставивъ непрѣкословную яркость актера, согласно данному обѣщанію, конфисковалъ имущество Закоръ-джана и вообще показалъ такое неблаговиденіе къ нему, что тотъ долженъ былъ навсегда удалиться отъ ханскаго двора. Это рассказывали мнѣ заслуживающіе довѣрія туземцы со словъ самого талантливаго актера. Н. О.

²⁾ Такъ называется развлечеіе съ красавицами мальчиками. Н. О.

они добровольно не даютъ таковыхъ, то воруютъ у цихъ или у постороннихъ, а потому вводятъ себѣ въ грѣхъ и идутъ по пути нечистой силы, такъ какъ въ одной изъ главъ шаріата говорится, что мальчики эти имѣютъ въ себѣ каждый по 18 нечистыхъ силъ (бѣсовъ), отъ которыхъ они кажутся красивыми и хорошими. Воспрещеніе такого беззаконія зависитъ отъ начальниковъ, которые обязаны прекращать это зло, а мальчиковъ возвращать ихъ родителямъ, за что они (начальники) получать милость Божію.

„Согласно вышеприведенному риваюту и принявая во вниманіе, что мальчики, выполняющіе роль бачей, съ ранняго дѣтства пріучаются только къ правдной, бездѣятельной и разгульной жизни на счетъ дурныхъ мужчинъ, известныхъ подъ импемъ бачебазовъ, и такимъ образомъ, достигнувъ возраста 20—25 лѣтняго, они сами обращаются въ бачебазовъ и проматываютъ все наложеніе трудами отцовъ своихъ и затѣмъ, не привыкнувъ ни къ какому труду, обращаются къ легкимъ промысламъ, какъ-то: къ обманамъ, кражамъ и грабежамъ, т. е. само населеніе воспитываетъ въ себѣ вредныхъ членовъ общества, поощряя ихъ своими приношеніями и подарками, расходуя на это всѣ денежные заработки въ ущербъ своимъ семьямъ,—я, на основаніи всего приведенного, предлагаю и. д. младшаго помощника и аксакала разъяснить населенію вредъ, происходящій отъ бачебазства, и пригласить народъ принять участіе въ искорененіи этого зла. Всякій добропорядочный человѣкъ, въ свободное отъ труда время, найдетъ себѣ развлеченіе, не противное долгу чести и шаріату“¹⁾.

¹⁾ См. Туркест. тузем. газ. за 1884 г. № 48. Среди бачей бывають п настоящіе содомиты (хизалякъ). И этотъ гнусный порокъ встрѣчается среди сартовъ, какъ это видно изъ слѣдующаго анекдота: «Однажды проезжалъ къ Кокандскому хану такого бачу-развратника, ханъ присудилъ его къ смертной казни, но находчивый развратникъ заявилъ хану, что онъ знаетъ очень выгодный для всего государства секретъ и что ему не хотелось бы уносить этотъ секретъ съ собою въ могилу. Ханъ заинтересовался и узналъ, что присужденный къ смерти развратникъ обѣщаетъ ныростить изъ обыкновенныхъ сѣмянъ чистое золото. Соблазнившись такимъ заманчивымъ обѣщаніемъ, ханъ отложилъ смертную казнь развратнику. Когда настало время посѣва, ханъ присудилъ осужденному пропустить къ дѣлу, но тотъ сказалъ: «Таксыръ! я самъ—гнусный развратникъ, и изъ

Не смотря на это, развлеченія съ бачами до сихъ поръ еще существуютъ среди туземцевъ, какъ и слѣдовало ожидать: однимъ приказаниемъ не прекратить распространеніе порока, укоренившагося въ народѣ въ теченіе столѣтій и находящагося въ связи съ устройствомъ домашняго быта сартовъ. Увлеченіе бачами не только вызываетъ большие расходы у ихъ обладателей, но иногда оканчивается преступленіемъ-убийствомъ. Такъ, 7 іюля 1890 г. Ташкентскіе сарты: Улугъ-Ходжа Зіамутдиновъ, конный барышникъ 38 лѣтъ, Акбаръ Ахметъ-Баевъ, Юнусъ-Ходжа-Ибрагимъ-Ходжинъ, мелкій подрядчикъ и торговецъ, и Ахметъ-джанъ-Нурматдиновъ (21 г.)—всѣ зажиточные, взяли съ собою двухъ бачей и въ компании еще съ двумя товарищами сначала катались по городу верхами, потомъ угощались въ увеселительномъ саду, а когда стемнѣло, уѣхали въ пустой загородной садъ и тамъ изнасиловали обоихъ бачей, причемъ одинъ изъ кутилъ, балалаечникъ Саадулла былъ убитъ своими товарищами по кутежу изъ-за обладанія бачей¹⁾.

31 января 1891 года въ Самарканской области, съ селенія Тугай былъ убитъ ножомъ мѣстный сартъ Ибрагимъ-Мулла Шакировъ туземцемъ Санакуломъ-Хадыровымъ изъ-за бачи, въ обществѣ которого они 30-го января провели ночь²⁾.

Въ ночь на 29 іюля 1895 г. въ мѣстности Джума Мечеть, въ саду сарта Муллы-Каримджана Рахимджанова былъ зарѣзанъ сынъ его Шакирджанъ, 28 лѣтъ, ташкентскимъ же сартомъ Юлдашемъ Бай-Мухамадовымъ изъ-за бачи³⁾.

Конечно, приведенные случаи убийства изъ-за бачей не единственные; и въ Ферганской области бывають такія преступленія.

моего посѣва ничего не выйдетъ; поэтому привожите комунибудь изъ вашихъ привязанныхъ произвести посѣвъ подъ моимъ лично присмотромъ». Ханъ поочередно предлагалъ своимъ привязаннымъ взяться за посѣвъ, но не нашлись ни одного неповинного въ познаніи порокѣ. Тогда хитрый развратникъ попросилъ самого хана взяться за посѣвъ для народнаго блага. Но... и самъ ханъ сознался въ своей виновности....

¹⁾ И. Васильевъ. Смерть изъ-за бачи. Изъ жѣсткой судебной хроники. Прилож. къ газетѣ «Окранна». Самаркандъ, 1891.

²⁾ «Окранна» № 26 за 1892 г.

³⁾ Туркестанск. Вѣдом. 1895 г. № 54.

Другое зло въ жизни сартовъ составляетъ куреніе *наши* и употребленіе *кукнара*. Разрушительное дѣйствіе на человѣческій организмъ этихъ двухъ золій известно изъ описаній русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ. Подверженныхъ этой слабости сартовъ можно узнать съ первого взгляда. Они имѣютъ страшный видъ: необыкновенно худое лицо землистаго цвѣта и впалые сонливые глаза; голова свалившаяся на плечи или на грудь, а руки трясущіяся. Поминуто ихъ клонятъ дремота. Рѣдкому изъ этихъ несчастныхъ удается освободится отъ своей пагубной страсти и тѣмъ обеспечить себѣ еще иѣсколько лѣтъ жизни. Въ 1884 г., по распоряженію Туркестанскаго Генераль-Губернатора, Генералъ-Лейтенанта Черняева, было напечатано въ Туркестанской туземной газетѣ (№ 13—17) популярное разъясненіе вреднаго дѣйствія этихъ средствъ на организмъ, составленное мѣстнымъ военнымъ врачемъ; но и теперь еще въ Ташкентѣ не мало лицъ, страдающихъ отъ употребленія *наши* и *кукнара*¹⁾). Къ сожалѣнію, въ послѣднее время сарты начинаютъ пить также пиво и водку: въ русскомъ городѣ можно встрѣтить пьяныхъ сартовъ въ трактирахъ и разѣзывающихъ по улицамъ.—Извѣстны среди сартовъ и азартные игроки въ разныя игры: въ кости, въ орѣхи и въ карты; въ послѣднее время я видѣлъ въ сартскомъ городѣ азартную игру, въ родѣ рулетки. Сарты также охотно держать большія пари во время боевъ барановъ, перепеловъ, куропатокъ и пѣтуховъ. Каждый годъ раннею весной, какъ только стаетъ снѣгъ и об-

сохнетъ земля, сарты собираются за городомъ и наслаждаются зреющимъ борьбы мѣстныхъ силачей, причемъ побѣдители пользуются не только звуками одобренія, но и подарками денегъ и халатовъ со стороны богатыхъ людей. 23 июня 1895 года въ Ташкентѣ мѣстный сартъ Ахмедъ-палванъ Тапылбаевъ, 28 лѣтъ, поборолъ находившагося въ затѣжемъ циркъ силача Ришпеля, вызвалъ этимъ необыкновенный восторгъ единоплеменниковъ и собралъ отъ нихъ до 200 руб. денегъ и иѣсколько халатовъ.

Какъ земледѣльцы по преимуществу и торговцы, сарты трудолюбивы, миролюбивы и благодушны; но они впечатлительны и легко поддаются не только непосредственному личному чувству, но и вліянію дурныхъ людей; интересъ материальный или нравственный, корысть, зависть и личное раздраженіе легко приводятъ ихъ къ ссорамъ и даже убийствамъ¹⁾). Споры изъ-за воды для орошенія полей сопровождаются у сартовъ ожесточенными драками, а выборы должностныхъ лицъ—подкушами и большими интригами, иногда не прекращающимися и послѣ выборовъ. Лучшіе люди среди сартовъ не въ состояніи противодѣйствовать большинству и, кроме того, они сами остаются до и послѣ выборовъ въ непосредственной зависимости отъ народа и потому иногда сами страдаютъ отъ интригъ и доносовъ. Свою корыстностью сарты напоминаютъ евреевъ, которыхъ въ тоже время не любятъ. Сарты нынѣшаго класса отличаются докучливымъ попрошайничествомъ, хорошо извѣстнымъ русскимъ жителямъ города Ташкента въ формѣ: „Тюря! си-гу биръ“¹⁾.

¹⁾ Пріемъ опія и гашаша не можетъ быть исчерпанъ однимъ какохъ-либо состояніемъ. Ноша ядъ дѣйствуетъ, человѣкъ переживаетъ иѣсколько различныхъ по своей сиѣи апачатѣній. Сначала мысли приобрѣтаютъ необыкновенную быстроту, память не успѣваетъ уловить вхъ; затѣмъ появляются събитія галлюцинація и, наконецъ—сонливѣнія—чрезвычайно яркія, отчтавивыя, живыя. Сновидѣнія дѣлятся отъ четверти часа до двухъ часовъ. Затѣмъ замѣчается обратный ходъ всѣхъ ощущеній и, наконецъ, пробужденіе. Таково дѣйствіе опія; пріемы гашаша вѣжютъ послѣдствія иѣсколько пыла; этого ядъ тоньше и безвреднѣе. Оіть доставляетъ человѣку по большей части только спокойное, отрадное состояніе, расуя жизнь изъ розовомъ сѣтѣ и выдигая языкомъ положительные образы и вѣдѣнія. Иллюзіи сна при пріемахъ гашаша еще больше, чѣмъ при опіумѣ. Но чувство довольства жизнью при малѣйшемъ поводѣ можетъ смѣниться чувствомъ безпредѣльного страха: бузавку можно иронить за книжалъ. (Пов. Кр.).

¹⁾ Напримѣръ: 23 мая 1895 г. житель селенія Дувона (Ферган. обл.) Сарынсакъ Ибраимовъ, поссорившись съ жителемъ того-же селенія Турды-Ахуновымъ, наскѣк ему иѣсколько ранъ топоромъ. 26 мая того-же года житель сел. Чартакъ (Ферганск. обл.) Убайдулла Нарбутанъ убилъ жителя того-же селенія Мухаммадъ-Шарифа Хасанбаева за то, что Хасанбаевъ не позволялъ ему привязать лошадь къ дереву. (Туркест. Вѣдом. 1895 г. № 54).

²⁾ Слѣдующій случай извѣстенъ мнѣ лично: однажды во время археологическихъ раскопокъ рабочій сартъ былъ сплошь напуганъ обнаружившемся ему на ногѣ землем. И испасался за его здоровье и предложилъ отвезти его для осмотра къ доктору, но обрадовавшійся послѣ испуга сартъ сказалъ мнѣ: «Нѣть, тюря, къ доктору не нужноѣхать, а лучше дай мнѣ «спляу»... Я удавился въ дылъ ему «спляу». Н. О.

Подъ вліяніемъ мусульманской религії¹⁾, у сартовъ нерѣдко можно замѣтить сознаніе своего мусульманского достоинства предъ русскими но виѣтъ съ тѣмъ, у нихъ же проявляется угодливость предъ вліятельными людьми, такъ что въ одномъ случаѣ сартъ важничаетъ и напускаетъ на себя величіе, а въ другихъ случаяхъ раболѣпствуетъ; напускная надутость сарта оч. легко переходитъ въ безотвѣтное смиреніе, если онъ увидитъ предъ собою внушительную силу. Сарты вообще трусливы, а рабочіе даже плахивы: побитый работникъ плачетъ иногда въ голосъ подобно малому ребенку, какъ бы стараясь вызвать сочувствіе къ себѣ; но большую частію сарты молча переносятъ обиду, считая возраженія невыгодными для себя²⁾.

Сарты отличаются достаточнouю живостью, но сдерживаютъ себя, сообразно общепринятымъ въ Туркестанѣ понятіямъ о благовоспитанности³⁾. Внѣ этихъ условій, сартъ любить и умѣть пошутить, мягко указываетъ на выдающуюся сторону дѣла и тонко характеризуетъ занимающей его вниманіе предметъ, конечно, со стороны болѣе житейской.

Въ житейской практикѣ сарты являются очень ловкими, скоро приспособляются къ новымъ условіямъ и усваиваютъ практическія знанія⁴⁾. Въ настоящее время почти всѣ ремесла известны сартамъ, а нѣкоторыя находятся исключительно въ ихъ рукахъ.

¹⁾ Въ Коранѣ (гл. 3, ст. 106) говорится: «Вы (т. е. исповѣдники ислама) самый лучшій народъ въ всѣхъ, какіе возникли среди людей».

²⁾ При этомъ мнѣ ненапоминается характерная сцена, кинъ во время холерныхъ беспорядковъ въ Ташкентѣ въ юнѣ 1892 г. военный губернаторъ области, генераль-лейтенантъ Гродековъ, на базарѣ, при громадной толпѣ туземцевъ, порицалъ местныхъ казаківъ и всенародно снялъ съ нихъ правительственные знаки ихъ служебного положенія. Это была сцена многознаменательная для обѣихъ сторонъ.

³⁾ Правила благоповедія сартовъ изложены въ особой брошюре, позѣстной подъ заглавіемъ *كتاب داد الصالحين* т. е. книга о благоповеденіи людей благочестивыхъ, въ которой сартамъ даются подробныя наставленія, какъ нужно держать себя въ то или другое время. Эта интересный памятникъ переведенъ на русскій языкъ г. Лыкошинъ въ напечатаніи Сборника Сырь-Дарьинскаго Статистического Комитета, за 1894 годъ. (Ташкентъ, 1895).

⁴⁾ Сартъ Юнусъ отменно ознакомился съ устройствомъ Ташкентской обсерваторіи и находящимися тамъ астрономическими инструментами.

Сарты являются единственными въ своемъ родѣ штукатурами и мастерами въ лѣпныхъ работахъ; лѣпные работы выполняются ими необыкновенно тонко и изящно, что можетъ каждый видѣть на украшеніяхъ потолковъ и стѣнъ жилищъ богатыхъ сартовъ, мечетей и русскихъ церквей. Мастерство каменщицковъ изучено ими вполнѣ; плотничные работы усовершенствовались подъ вліяніемъ русскихъ мастеровъ, а столярные и токарные работы выполняются сартами еще неискусно. Это значитъ, что сарты не понимаютъ всѣхъ требованій хорошей работы; но не слѣдуетъ отрицать въ сартахъ способности и къ этимъ мастерствамъ, какъ о томъ можно судить по ихъ очень мелкой и красивой рѣзьбѣ не только по дереву, но и по металлу. Короче сказать: въ настоящее время въ Ташкентѣ остаются неизвѣстными сартамъ кро-вельное мастерство въ связи съ малярными работами и печное; тѣмъ не менѣе нужно ожидать, что со временемъ сарты заберутъ въ свои руки и эти мастерства и другія производства, и конкурировать съ ними русскимъ мастерамъ будетъ трудно, потому что рабочіе сарты менѣе проживаютъ на себя и не пьянствуютъ.

О способности сартовъ къ торговлѣ еще Араслановъ замѣтилъ, что въ Ташкентѣ всѣ жители болѣе или менѣе торгуютъ, но „малымъ числомъ товаровъ, не свыше 1000 р.“, а теперь въ Ташкентѣ есть уже крупные торговцы, которые ведутъ свои дѣла осторожно, съ большою расчетливостью и выгодою; торговые обороты сартовъ постепенно расширяются и выгоды увеличиваются. Они постепенно расширяютъ свою торговлю, избѣгая пока галантерей. Это потому, что сарту удобнѣе вести свою торговлю въ предѣлахъ своей страны¹⁾, чѣмъ торговцу заѣзжу, и сартъ живеть проще и расходуетъ на себя и на свою торговую контору гораздо менѣе: тамъ, гдѣ русскій купецъ или цѣлая торговля фірма расходуетъ на одну администрацію (при миллионномъ оборотѣ) до двухъ сотокъ тысячъ рублей, сартъ расходуетъ *только двадцать-тридцать-пятьдесятъ тысячъ*.

¹⁾ Вся миллионная торговля со степью находится въ рукахъ богатыхъ татаръ Нушевыхъ и др.

Санитарные условия городовъ и селеній сартовъ, при своеобразномъ характерѣ ихъ построекъ, нельзя назвать вполнѣ благопріятными для здоровья: постройки ихъ возводятся часто въ не-посредственной близости одна къ другой, а улицы въ городахъ и селеніяхъ до такой степени узки и искривлены, что по нимъ невозможно свободное движение воздуха. О мостовыхъ въ сартскихъ городахъ, а равно о вывозѣ грязи съ улицъ до послѣдняго времени не могло быть и рѣчи; павозъ кучами лежалъ на дворахъ и улицахъ; обычай вывозить изъ города разныя другія нечистоты былъ неизвѣстенъ сартамъ¹⁾). Отсутствие чистой воды для питья, лужи и груды вонючей грязи осенью и весною и загрязненные пруды способствуютъ распространенію эпидемій среди населенія. Близость клеверныхъ и рисовыхъ полей къ селеніямъ и городамъ сартовъ въ свою очередь поддерживаетъ среди населения изнурительные лихорадки, какъ объ этомъ можно судить по отчетамъ амбулаторныхъ лѣчебницъ: въ ташкентскомъ уѣздѣ (селенія: Той-тиля, Тиляу и др.) уже третій годъ свирѣпствуетъ такая лихорадка, убивающая жизнь иногда въ два-три дня.

Что касается народной медицины сартовъ, то сартскіе врачи удачно лѣчатъ нѣкоторыя, преимущественно наружныя, болѣзни. Къ сожалѣнію, медицинскія познанія ихъ не основаны на современной науцѣ, а съ русскими врачами туземные врачи совсѣмъ не сближаются. Изъ особыхъ, распространенныхъ среди сартскаго населенія гор. Ташкента, болѣзней извѣстны: такъ называемая *сартская болѣзнь* (*паша хурди*) и проказа (*махав*). Сартская болѣзнь встречается иногда и у русскихъ жителей Ташкента, но излѣчивается туземными и русскими врачами, хотя оставляетъ послѣ себя шрамы на кожѣ, особенно если къ лѣчепію было приступлено поздно или неумѣло. Заболѣвшіе сартскою

болѣзни продолжаютъ оставаться въ своемъ обществѣ, хотя эта болѣзнь считается прилипчивой. Прокаженные же, эти истинно несчастные люди, помимо своихъ физическихъ страданій, осуждены на гораздо болѣе тяжкое положеніе; они обязательно удаляются изъ общества здоровыхъ и поселяются въ особомъ огороженномъ мѣстѣ за городомъ (верстахъ въ восемь, не далеко отъ завода купца Тезикова) и тамъ доживаютъ свой страдальческій вѣкъ, пропитываясь подаяніями¹⁾). Въ другихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края среди сартовъ извѣстны двѣ формы заболѣванія: зобъ въ Ферганской и ринита въ Самаркандинской области. Та и другая болѣзнь находятся въ прямой зависимости отъ воды.

Наконецъ, отношенія сартовъ къ соѣднимъ народамъ въ ханская времена рѣдко сохранялись мирныя, дружескія. Недостатки ханскаго управления, произволъ правителей и настойчивое преслѣдованіе ими своеокрыстныхъ цѣлей вызывали у соѣднихъ народовъ раздоры и ссоры, доходившіе до открытыхъ войнъ, ослаблявшихъ и безъ того некрѣпкій общественный организмъ сартскихъ поселеній. Въ-концѣ-кѣнцовъ всѣ эти неустройства приводили сартовъ къ легкому порабощенію со стороны другихъ народовъ, а чужеземное иго оставляло, конечно, слѣды на характерѣ сартовъ, измѣняя его въ хорошую и дурную сторону. Лицемѣріе, притворство, хитрость и корыстность, безъ сомнѣнія, развились у сартовъ подъ влияніемъ дурнаго правленія завоевателей. Г.^о Миддендорфъ не указываетъ, на долю какихъ первоначальныхъ элементовъ смѣси нужно относить названные сейчасъ и другіе пороки сартовъ, т. е. на долю тюрко-монголовъ, или на долю иранцевъ. И я думаю, что было бы трудно решить это, потому что, какъ замѣчаетъ Оскаръ Пешель²⁾ „мы пошли бы ложными путями, еслибы захотѣли объяснить всѣ духовныя проявленія народовъ основными физическими условіями“. Конечно, и эти проявленія подчиняются закону естественнаго развитія (эво-

¹⁾ Большая часть огромнаго Ташкента расположена вблизи выгребныхъ ямъ и клоакъ, частію открытыхъ еще, и только здѣшній лесъ иѣсколько ослабляетъ зловоніе и поддерживаетъ хоть сколько-нибудьносное существованіе; каждое столѣтіе весьма значително заражало почву Ташкента и оставляло каждому послѣдующему вѣку все худшия санитарныя условія для человѣческаго существованія.

²⁾ См. ст. И. В. Дмитровскаго: «Махав» (Туркест. Вѣдом. 1881 г. № 6 и 7).

²⁾ Народовѣдѣніе. Выпукъ третій, стр. 322.

люція) и суть ничто иное, какъ необходимый результатъ цѣлаго ряда причинъ. Къ такимъ причинамъ принадлежать, конечно, и историческія условія жизни народовъ. „Это—старая истина, говорить въ этомъ смыслѣ Дельбрюкъ, что каждый человѣкъ, соответственно опыту своей жизни, научается находить, или терять своего Бога“.

Заканчивая общую характеристику сартовъ, я позволяю себѣ остановиться на приведенной выше (стр. 56—58) характеристикѣ ферганскихъ сартовъ, сдѣланной г. Миддендорфомъ, которая кажется мнѣ нѣсколько одностороннею.

Животныхъ, птицы и цѣты сарты дѣйствительно любятъ, какъ упоминаетъ г. Миддендорфъ, но рядомъ съ проявленіемъ нѣжныхъ чувствъ къ животныхъ и птицамъ у сартовъ не мало и грубости въ чувствахъ, что естественно въ каждомъ народѣ, не отличающемся широкимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Г. Миддендорфъ не обратилъ вниманія своего на то, что сарты часто являются не просто любителями животныхъ и птицъ, но любителями-интересами. Курапатки и перепелки—боевые птицы у сартовъ; поэтому хозяинъ птицъ такъ заботливо ухаживаетъ за ними, а ласточки и голуби почитаются у сартовъ чуть ли не священными птицами, согласно древнимъ преданіямъ. Можно видѣть, что сартъ носитъ перепела за пазухой, а другой ухаживаетъ за своей курапаткой и т. п., во заключать отсюда обѣ особенности чувствъ сартовъ къ птицамъ и животнымъ едвали послѣдовательно. Что удивительного въ томъ, что сартъ терпѣливо и любовно сноситъ ласточку, которая непрошенно устраиваетъ свое гнѣздо въ его домѣ, загрязняя его жилище? Что особенного въ томъ, что сартъ щадитъ голубя-воркуна, который ютится въ жилыхъ помѣщеніяхъ сарга?—Кто же станетъ обижать этихъ безобидныхъ птичекъ, которыхъ оживляютъ своимъ щебетаніемъ и воркованіемъ унылые жилища особенно бѣдняковъ, и которыхъ сами добываютъ себѣ кормъ? Такое явленіе вовсе не составляетъ рѣдкости во всякихъ поселеніяхъ, не только въ сартскихъ, но и русскихъ. А между тѣмъ г. Миддендорфъ заявилъ,

что ему пріятно было видѣть это у ферганскихъ сартовъ и прибавилъ: „вѣдь въ Европѣ совсѣмъ не то!“ Можетъ быть; но у поселянъ, живущихъ въ Европейской Россіи, въ любомъ дворѣ, подъ крышею домовъ, амбаровъ, сараевъ, надъ воротами, надъ окнами и даже въ печныхъ трубахъ всегда вьютъ гнѣзда голуби, воробы, галки. Перепела русскій крестьянинъ часто весьма заботливо держитъ въ особой клѣткѣ, которую прикрѣпляетъ къ высокому шесту. Эту клѣтку онъ долженъ ежедневно спускать и подымать, чтобы вычистить ее и дать корицъ любимой птичкѣ. Здѣсь уже дѣйствительно проявляется безкорыстная любовь къ перепелу: хозяинъ восторгается, когда его перенесль отчеканиваютъ на всю деревню свои однообразныя, не лучшіе удода, трели. Когда наступаетъ весна, каждый русскій поселянинъ приготовляется деревянный домикъ, скворешню, для прилетающихъ скворцовъ, привязываетъ ее къ длинному шесту и ставить на дворѣ такъ, чтобы она была недоступна для домашней кошки. Къ скворешни прикрѣпляется зеленая вѣтка сосны, а если у крестьянина есть свободный пятачекъ, то онъ не поскупится купить на базарѣ кусочекъ синѣки или суртика и собственнымъ пальцемъ выкрасть домикъ для своихъ пернатыхъ весеннихъ гостей. Когда скворцы улетятъ въ поле, русскій крестьянинъ не уѣшаетъ гнѣздиться въ ихъ домикѣ и воробьямъ. Посмотрѣлъ бы г. Миддендорфъ, какъ безкорысто разводитъ русскій поселянинъ бѣлыхъ и честныхъ мохроногихъ съ хохлами голубей и какъ терпѣливо ухаживаетъ за ними, перенося ихъ на продолжительную дождливую осень и суровую зиму въ свою убогую хату, которая и безъ того тѣсна и часто смрадна, вслѣдствіе той же тѣсноты и бѣдности хозяина. И ласточекъ въ русскихъ деревняхъ также никто не беспокоитъ, а напротивъ всѣ ихъ оберегаютъ отъ кошки.

Думаю, что и приведенныхъ немногихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы не придавать особаго значенія только терпѣлившему отношенію сартовъ къ голубямъ и ласточкамъ, какъ не придаютъ особаго значенія любви русскаго крестьянина къ скворцамъ, голубямъ и другимъ птицамъ, у которого еще болѣе

прозы въ ежедневныхъ заботахъ и трудахъ, чѣмъ у сарта. Цвѣтъ русскіе поселяне мало разводятъ, потому что климатъ холодный, а воды нѣть; но я знаю, что каждая деревенская женщина съ удовольствіемъ всегда, когда это возможно, приноситъ съ поля даже простой василекъ своимъ дѣтямъ. Тутъ все дѣло—въ особенностяхъ климата, а не въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи и не въ особенной нѣжности чувствъ къ животнымъ и птицамъ. И русскій крестьянинъ грубо иногда обращается съ домашними животными; и сартъ также грубо обращается съ птицами. И еще вопросъ, гдѣ больше грубости, если взвѣсить хорошошенько всѣ условія быта русского крестьянина и сарта.

Сартъ носить свою перепелку въ пазухѣ или въ рукавѣ и готовъ заплакать, когда она случайно выпорхнетъ у него изъ рукъ (это я наблюдалъ своими глазами); по бѣдныхъ курятъ и цыплятъ сартъ привозить на базаръ въ жалкомъ видѣ и кроме того на базарѣ, какъ бы долго ни пришлось ему продавать своихъ птицъ, онъ держитъ ихъ безъ корма и питья. Нужно видѣть также, какъ привозить сартъ куръ и цыплятъ на базаръ.... Онъ связываетъ имъ ноги и затѣмъ подвязываетъ (лишько штукъ 10—20) къ сѣдлу за ноги, головой внизъ.... Такъ куры и болтаются на бокахъ у лошади, съ распущенными крыльями, даже и не кричатъ.... Въ мѣстной туземной газетѣ было обращено вниманіе на это еще въ 1888 г. (№ 32), и съ того времени, по крайней мѣрѣ, на дворы къ русскимъ цыплятъ приносятъ въ корзинѣ.

Посмотрите также, какой грубый кормъ даетъ сартъ своему рогатому скоту зимой? Коровы у него всегда питаются объѣдками клевера, остающимся отъ лошади. Поэтому на базарѣ весною вы встрѣтите самыхъ жалкихъ на видъ коровъ. Къ лошади сартъ относится лучше, но и къ этому добромъ животному сарты часто относятся безсердечно: въ базарные дни вы всегда можете встрѣтить сартовъ, сидящихъ вдвоемъ верхомъ на лошади и понукающихъ бѣдное животное еще бѣжать рысью. Я не одинъ разъ видѣлъ даже трехъ сѣдоковъ на одной лошади... Вьюкъ на лошадь сартъ часто кладетъ тяжелый—цѣлый батманъ ячменя (11 пуд.),

или пшеницы, или муки, да еще самъ сидитъ на этомъ тяжеломъ вьюкѣ. Заднія ноги лошади подъ такою тяжестью шатаются въ обѣ стороны и бабки сильно сгибаются въ суставахъ. Вѣда на молодыхъ жеребятахъ практикуется не только у киргизъ, но и у сартовъ, а между тѣмъ сартъ—большой охотникъ до лошадей. Вощикъ (арбакетъ) нерѣдко бѣть нагайкой по головѣ свою лошадь, когда она затрудняется везти тяжелый вогъ. Это особенно часто бываетъ въ началѣ весны и осенью, когда дорога дѣлается вязкою отъ грязи. Я видѣлъ, какъ разсердившійся на свою лошадь вощикъ-сартъ билъ ее сначала плетью по головѣ, а затѣмъ взялъ палку, толщиною въ руку, и безжалостно ударялъ ею лошадь по заду и по бокамъ. Можетъ быть, и г. Миддендорфъ увидѣлъ бы образцы такого ненѣжнаго обращенія съ лошадью, если бы прожилъ въ Ферганѣ подольше.

Всѣ эти факты дѣйствительные, хотя, конечно, не общіе. Во всякомъ случаѣ этнографъ долженъ имѣть въ виду и ихъ, чтобы быть правдивымъ и не дѣлать поспѣшныхъ и невѣрныхъ характеристикъ. Можно обращать вниманіе на то, что сартъ терпитъ ласточку, загрязняющую его жилище, или голубя-воркуна; но нельзя умолчать при этомъ о другихъ, иного рода, фактахъ. По видимому, сарты даже не особенно стѣсняются загрязненіемъ жилища своего пометомъ маленькой ласточки: въ новой Ташкентской мечети „Ходжа-Ахрапъ“ уже не маленькая птички ласточки, а обыкновенные голуби спокойно выбрасываютъ свой пометъ на люстру и на шторы, лежащи на полу. И я не думаю объяснять эту нечистоту въ домѣ молитвы особою нѣжностію сартовъ къ голубямъ: это просто—неряшлиность, не имѣющая въ этомъ случаѣ извиченія. Точно также едва ли можно безошибочно утверждать о поэтической натурѣ сартовъ на основаніи того только, что они любятъ пѣніе и цветы; разведеніе цветовъ вызывается у сартовъ обычаемъ ихъ женщинъ красить себѣ брови, ногти на рукахъ и зубы. Замѣчательно при этомъ, что сарты высшаго круга не проявляютъ въ себѣ особой нѣжности ни къ птицамъ, ни къ цветамъ, а чистоту у себя въ домѣ наблюдаютъ.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ характера сартовъ, они отличаются религіозностю¹⁾, честностю, трезвостю и умѣренностью въ жизни. Религіозность составляетъ основную черту ихъ воспитанія и поддерживается широко распространеннымъ среди населенія начальнымъ образованіемъ, отличающимся религіозно-нравственнымъ направленіемъ, а честность, трезвость и умѣренность составляютъ естественные черты ихъ патріархального быта. Всѣ эти качества весьма важны по ихъ благотворному вліянію не только на жизнь современного сартского населенія, но и на жизнь будущихъ поколѣй.

Религіозный индеферентизмъ и скептицизмъ пока не извѣстны сартамъ настоящаго времени и не отравляютъ ихъ душевнаго спокойствія²⁾. Выраженіе: „Такъ Богу угодно“ на языкѣ сарта, какъ мусульманина, не есть пустой звукъ: подъ вліяніемъ превѣнности волѣ Божіей (исламъ), сартъ терпѣливо переносить личное несчастіе и общественное бѣдствіе. На Куйлюкѣ, въ приемномъ покоѣ, въ 1878 году, я видѣлъ сарта съ распоротымъ животомъ.... Онъ тяжело вздыхалъ и при этомъ тихо произносилъ: „Эй Худа!“ (О, Боже). Я наблюдалъ также, что во время землетрясенія сарты спокойно оставались на мѣстѣ, а потомъ говорили: „отъ опредѣлѣнія Божія никто не можетъ укрыться“.

Оставляя въ сторонѣ замѣчаемую иногда грубость въ обращеніи съ русскими покупателями со стороны торговцевъ Воскресенскаго базара³⁾, я долженъ сказать, что среди сартовъ вообще были и есть личности, вполнѣ достойныхъуваженія по своему умственному и нравственному складу, и только сожалѣю, что ихъ

¹⁾ Одинъ почетный (ученый) сартъ однажды задалъ мнѣ вопросъ: «Признаютъ ли русскіе и вообще европейцы существованіе дьявола?» — Я показалъ ему арабскій переводъ Бібліи и далъ прочитать рассказъ о грѣхопаденіи прародителей,— и сартъ замолчалъ. Этотъ вопросъ показываетъ, что сарты замѣчаютъ нашу, чиновничью, ходячность къ реалиям.... Въ другой разъ тотъ же ученый сартъ, усышавъ, что я въ воскресенье хожу къ обѣдѣ, съ улыбкой недовѣрія сказалъ, что рѣдко слышать отъ русскихъ чиновниковъ, чтобы они считали необходимымъ ходить въ церковь по праздникамъ. Н. О.

²⁾ Исключеніе въ этомъ отношеніи пока ничтожны. Ср. стр. 97.

³⁾ Нѣсколько такихъ фактовъ было заявлено въ газетѣ «Окранн».

добрый приябръ и доброе вліяніе не широко распространяются въ массѣ населенія, а иногда парализуютъ вліяніемъ личныхъ недоброжелателей этихъ лицъ¹⁾). Во всякомъ случаѣ мы, русскіе, должны помнить слѣдующіе стихи Лессинга:

«Нѣтъ; по-просту, какъ мы, людей хорошихъ
«Во всѣхъ странахъ вы встрѣтите не мало.
«Но только надо, чтобы одінь другого
«Не порицай, — чтобы терпѣливо наросль
«Корявыи сукъ сиосила, — чтобы верхушка
«Не вздумала гордиться, что она
«Одна изъ-подъ земли не выростала.

Патанъ Мудрый (Дѣят. II. Явл. пятое).

Словомъ: сарты — народъ съ будущимъ; ихъ культурные способности не должны подлежать сомнѣнію. Не должно также сомнѣваться, что и дурныя, несимпатичныя черты ихъ народнаго характера современемъ сгладятся и измѣнятся къ лучшему подъ русскимъ вліяніемъ, ибо несомнѣнно, что со временеми завоеванія Туркестана русскими въ жизни сартовъ наступилъ новый, лучшій періодъ. Уже и въ настоящее время лучшіе люди изъ сартовъ не отрицаютъ въ общемъ преходства русской культуры надъ сартской; но на насть, завоевателяхъ сартовъ, лежитъ высокая историческая задача — подчинить себѣ ихъ нравственно послѣ покоренія оружиемъ и облагородить. Средствъ къ этому у насть достаточно, лишь бы сарты не чуждались лучшихъ сторонъ русской жизни и самой лучшей стороны общечеловѣческой культуры — просвещенія. Что же касается видимыхъ противорѣчій и неровностей въ характерѣ современныхъ сартовъ, то мы должны имѣть

¹⁾ Однажды, напримѣръ, казій Мухитдинъ-ходжа за завтракомъ у Генераль-Губернатора Генераль-Адютанта Розенбаха высказалъ, что онъ посѣщаетъ гимназію и считає гимназическіе порядки выше порядковъ мусульманскихъ школъ.... Личный завистникъ его, казій N, присутствовавший тутъ-же, разсказывалъ потомъ въ городѣ, что Мухитдинъ — взмѣнивши, что онъ, и присутствіи всѣхъ другихъ представителей Ташкента, заявилъ, что мусульманскія школы хуже русскихъ, — онъ предатель ислама.... А между тѣмъ Мухитдинъ казій не менѣе другихъ стоитъ за исlamъ и борется за цѣльность его древнихъ формъ подъ напоромъ русскаго язїнія. Н. О.

въ виду, что современные сарты могут быть сравниваемы съ нашими предками временъ Иоанна Грознаго, и что поэтому къ сартамъ можетъ быть примѣненъ отзывъ нашего историка С. М. Соловьевъ: „Мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываются и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованість укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣплений и сдержаній и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подумѣть и теперь въ людяхъ, которые, по степени образованія своего, болѣе приближаются къ предкамъ”¹⁾.

Уголовныя преступленія сартовъ Туркестанскаго края въ 1894 году²⁾.

Чтобы нагляднѣе представить слабыя стороны характера сартовъ, я привожу здѣсь краткій перечень убийствъ, самоубийствъ и изнасилованій за 1894 годъ, какъ объ этомъ напечатано въ разныхъ №№ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1894—95 гг., за исключеніемъ кражъ и мошенничествъ.

Убийства.

1) 6 января 1894 г. близъ сел. Кули-Ходжа, Бабадарханской волости, Наманганскаго уѣзда, найденъ трупъ мѣстного жителя Уразбая Достова съ признаками насильственной смерти:

2) 10 января въ Н.-Маргеланѣ туземецъ Алияъ-бай, поссорившись съ сартянкою Райна-ханъ Раниль-бордыевой, панесъ

¹⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергея Соловьевъ. Томъ шестой. Издание третье. Москва, 1867, стр. 390.

²⁾ Съ благодарностью ушоманаю, что выборку печатаемыхъ преступленій сартовъ сдѣлалъ для меня мой сослуживецъ К. К. Кондратьевъ. Н. О.

ей ножемъ нѣсколько ранъ отъ которыхъ она вскорѣ умерла.

3) Въ ночь на 16 января житель Стар.-Маргелана Талай-Алды Тулекъ-Суфіевъ, придя въ домъ сартянки Айханъ Тогаевой, виалъ, но ея словамъ, въ безсознательное состояніе и на другой день умеръ. Судебно-медицинскимъ осмотромъ на трупѣ обнаружены признаки насилия. (№ 22 Турк. Вѣд. 1894 г.).

4) 21 января около селенія Пайшамбе, Катта-Курганскаго уѣзда, въ арыкѣ Кушкулакъ найденъ задушенныи житель названнаго селенія Абдуалимъ Хасановъ.

5) Житель кишл. Газандаракъ, Ганчинской волости, Ходжентскаго уѣзда, Баратбай Якуббаевъ, зарѣзаль свою бабушку Халь-бibi Мухаммадъ-Шарифову.

6) 19 января въ саду жителя селенія Ляганъ, Аувальской волости, Маргеланскаго уѣзда, Юсуфъ-Али Мирзабаева, найденъ трупъ жителя того-же селенія Ташъ-Хасана Масалихова съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 26).

7) Въ кишлакѣ Богустанѣ, Александровской волости, Ташкентскаго уѣзда, зарѣзанъ сартъ того-же кишлака Хазы-Руз-Мухаммадовъ. Подозрѣніе въ убийствѣ навлекъ на себя сартъ Камаль Таировъ. Причины убийства не выяснены, но предполагалось, что Таировъ находится въ любовной связи съ женой убитаго, женщиной, 18—19 лѣтъ. (Тамъ-же, № 32).

8) Житель г. Джизака, Джура Гадайбаевъ найденъ 2-го февраля въ шести верстахъ отъ Джизака съ разрѣзаннымъ горломъ. (Тамъ-же, № 34).

9) 9 февраля живущій на ярмаркѣ г. Ташкента кашгарскій сартъ Мухаммадъ-Юсуфъ Курбанъ-Ніязовъ приготовилъ себѣ палау и началъ уже есть, но замѣтилъ въ немъ примѣсъ „наши“ (одуряющаго вещества). Въ примѣси „наши“ заподозрѣнъ кокандскій сартъ Миръ-Сайдъ Ширифбаевъ, который имѣлъ, будто бы, намѣреніе воспользоваться деньгами Ніязова. У заподозрѣннаго была найдена напа, и онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности.

10) 14 февраля изъ арыка Анхаръ въ г. Ташкентѣ вытащенъ трупъ сарта Шайхантаурской части Юлдаша Туйчи-

Касабова, пѣсколько времени тому назадъ скрывшагося изъ дома. Равыше онъ имѣлъссору съ одиинъ сартомъ, а потому и нало на послѣдняго подозрѣніе въ убийствѣ. (Тамъ-же, № 38).

11) 17 марта житель Катта-ташъ-булака, Инги-курганской волости, Наманганского уѣзда, Мурадъ-Али Фазыль-баевъ нанесъ ударъ палкою по головѣ жителю того-же селенія Усману-Али Ибрагимъ-баеву, отъ чего послѣдній умеръ.

12) 19 марта въ кварталѣ Бекъ-бача гор. Коканда, въ собственномъ домѣ, найдены задушеными туземецъ Ширматъ Ніязматъ-баевъ и его жена Саматъ-биби.

13) 29 марта житель селенія Буяганъ, Уйчинской волости, Наманганского уѣзда, Тохта-ходжа Утуръ-ходжіевъ убилъ свою сосѣдку Рустамъ-биби, 33 лѣтъ, топорикомъ по головѣ.

14) 31 марта житель селенія Учъ-Кургана, Маргеланского уѣзда, Миръ-Мухаммадъ Миръ-Абидъ-Ишановъ, поссорясь съ женой и тещей, исчаянио нанесъ ударъ сосѣдкѣ своей Хамра-биби, ночевавшей у нихъ въ домѣ. Хамра-биби умерла. (Тамъ-же, № 29).

15) 28 марта въ кишлакѣ Гуръ-тюбе, Зааминской волости, Джизакского уѣзда, убита неизвѣстно кѣмъ жена туземца Халь-Турбая Пиримкулова, по имени Ай-Санымъ.

16) 28 марта жительница селенія Бахрамъ, Клычъ-абадской волости, Катта-Курганского уѣзда, Разыя-ай Худаярова найдена убитою. (Тамъ-же, № 40).

17) 31 марта въ Катта-Курганской городской больницѣ умерла отъ тяжкихъ побоевъ и пораненій жительница селенія Сартъ-курганъ, Тусунской волости, Катта-Курганского уѣзда, Мауляпъ-ай Уразова. Въ совершеніи преступленія оговорены жители селенія Курлы того-же уѣзда, Хашимбековъ, Казаковъ и Алимбековъ.

18) 31 марта жительница Каль-Курганской волости, селенія Пасть-рабатъ, Катта-Курганского уѣзда, Бадаль-ай Сахибова умерла отъ тяжкихъ побоевъ, нанесенныхъ ей жителемъ селенія Ишакъ-рабатъ того-же уѣзда, Берды-Назаромъ Худай-Бердыевымъ за допущеніе коровы на его пашню.

19) Во время драки жителей Яны-казанъ-арыкской вол., кишлака Узунъ, Самарканского уѣзда, съ жителями той-же волости, кишлака Уракбай-Джари убить туземецъ Бердыяръ Туракуловъ. (Тамъ-же, № 42).

20) Въ ночь на 4 апрѣля неизвѣстными злоумышленниками убитъ житель селенія Ворсикъ, Изванской волости, Маргеланского уѣзда, Мирза-Хакимъ Юсуфъ-Ходжинъ.

21) Въ ночь на 4 апрѣля близъ селенія Канибадама, Коқандскаго уѣзда, неизвѣстные злоумышленники напали на домъ туземца Абду-Халыка Тилибаева, убили хозяина и увѣли двухъ коровъ.

22) 5 апрѣля у городской стѣны г. Коканда обнаруженъ трупъ жителя того же города Гайббая Авазъ-Мухаммадова съ признаками насильственной смерти.

23) Въ ночь на 5 апрѣля житель г. Намангана Мухаммадъ-ходжа, находившійся на полевыхъ работахъ въ Уйчинской волости, Наманганского уѣзда, зарѣзанъ неизвѣстными злоумышленниками.

24) 6 апрѣля житель селенія Касана, Касанской волости, Наманганского уѣзда, Мухаммадъ-Наби Ашуръ-Мухамматовъ нанесъ своей женѣ Самра-биби палкою побои, отъ которыхъ она и умерла. (Тамъ-же, № 45).

25) Въ ночь на 14 апрѣля въ туземной части г. Самарканда убитъ неизвѣстными злоумышленниками туземецъ Маулянъ-берды Игамбердіевъ.

26) 18 апрѣля въ селеніи Чинъ-абадъ, Балыкчинской волости, Андижанского уѣзда, умеръ сартъ Юлдашъ-бекъ Наръ-бековъ. Вскрытиемъ обнаружено, что онъ убитъ нанесеніемъ ударовъ въ голову, причемъ у него разбитъ черепъ. Въ убийствѣ заподозрѣны туземцы Мухаммадъ-Алл и Берды-Яръ.

27) 19 апрѣля близъ селенія Бишъ-Тинтакъ, Кайнарской волости, Самарканского уѣзда, найденъ трупъ жителя того-же селенія Пулать-бая Ма-Назарова съ признаками насильственной смерти. Дознаніемъ обнаружено, что покойный убитъ братомъ

его, страдающимъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

28) 21 апрѣля житель кишлака Дуваракъ, Дашибитской волости, Самаркандинского уѣзда, Абдулжаббаръ Мустафакуловъ убить въ собственномъ домѣ.

29) 22 апрѣля на рисовомъ полѣ вблизи кишлака Алчинъ-Тепе, Джай-Диванскої волости, Самаркандинского уѣзда, найденъ трупъ жителя названаго кишлака Даурбая Бикшатова, съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 49).

30) 10 мая въ селеніи Типя-Курганъ, Наманганского уѣзда, неизвѣстный злоумышленникъ, забравшись въ домъ мѣстной жительницы Буви-джанъ Худай-бердыевой, нанесъ ей ножемъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ она вскорѣ умерла.

31) Въ ночь на 11 мая въ домъ жителя г. Намангана, Исманъ Мухаммадъ-сейдова забрались два неизвѣстныхъ злоумышленника и нанесли Мухаммадъ-сейдову раны, отъ которыхъ онъ умеръ въ тотъ-же день. (Тамъ-же, № 50).

32) 16 мая убить житель г. Оша Каль-Бадаль Батыръ-Ильбегинъ, а женѣ его Ходжи-биби нанесена въ голову тяжелая рана.

33) 21 мая близъ селенія Акъ-Курганъ, Найманской волости, Кокандского уѣзда, убить житель селенія Типя-Курганъ Абдулла-Мухаммадъ Сабировъ. Въ убийствѣ заподозренъ туземецъ Ирамбай Калевъ.

34) 23 мая житель Кокандского уѣзда, Уразъ-бай Асфандиаровъ, иссорившись съ киргизомъ Неуръ-Дивана Бай-баласымъ, убилъ послѣдняго.

35) 26 мая житель селенія Сарыталь, Бишъ-арыкской волости, Кокандского уѣзда, Тюря-ходжа Умаръ-ходжіевъ въ принадѣлъ умопомѣшательства убилъ свою сестру Шаларъ-биби.

36) 28 мая въ Касанской волости, Наманганского уѣзда, на берегу Китай-сая найденъ трупъ неизвѣстного человѣка съ перерѣзаннымъ горломъ.

37) 28 мая въ домѣ жителя г. Коканда Мирза-Камиля Мирза-Салибаева задушенъ веревкою работникъ его, 14-лѣтній

мальчикъ Баба-джанъ Джума-юзбashi. (Можно предположить мужеложство).

38) 30 мая въ г. Ошѣ убиты мѣстный житель Балтабай Бай-ходжинъ и жена его. Въ убийствѣ обвиняются жители гор. Оша: Ата-баба Ишанъ-баевъ, Касымъ-Уста Мухаммадъ-Ризаевъ, Насыръ-Мирза Алиибаевъ и Сентъ Балтыбаевъ. (Тамъ-же, № 54).

39) 31 мая въ сел. Шаруханъ, Маргеланского уѣзда, на берегу рѣки найденъ трупъ неизвѣстного человѣка безъ головы.

40) 1 іюня, около селенія Агакчи, Каль-Курганской волости, Катта-Курганского уѣзда, найденъ убитымъ персидскій подданный житель г. Мешеда, Риза-баба.

41) Въ ночь на 5 іюня, въ туземной части г. Самарканда, убить полицейскій Джурабай Араббаевъ туземцемъ Кузыбаемъ Джурабай-Аксакаловымъ. (Тамъ-же, № 51).

42) Житель селенія Юзгамъ, Пайшамбинской волости, Катта-Курганского уѣзда, Базарбай Намазовъ, 4 іюля, избилъ свою жену Акта-ай Назаркулову, отъ чего она 7 іюля умерла.

43) Въ ночь съ 8 на 9 іюля, въ туземной части г. Самарканда убить неизвѣстными злоумышленниками туземецъ Уста Хакимъ-джанъ Шарифджановъ.

44) Неизвѣстными злоумышленниками убита жительница селенія Ургутъ, Ургутской волости, Самаркандинского уѣзда, Шани-Барсукова и тяжело раненъ туземецъ Зантдинъ Раджабовъ. (Тамъ-же, № 58).

45) На берегу арыка Бургалюкъ, близъ селенія Кондузекъ, Османутинской волости, Ташкентского уѣзда, найдено мертвое тѣло жителя селенія Каракуйлы, Букинской волости, того-же уѣзда, Назара Сафурова, съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 64).

46) 20 іюля, вечеромъ, жители кишлака Кульданъ, Тюя-тартарской волости, Самаркандинского уѣзда, Аликуль Халметовъ и Каримбекъ Хайназаровъ, проходя по арыку Кульджанъ, замѣтили идущимъ по дорогѣ какого-то неизвѣстного туземца, подозрительного на видъ и задержали его. Послѣдній, въ моментъ

задержавія, нанесъ ножемъ Алнікулу Хальметову раны, отъ которыхъ онъ черезъ три часа умеръ. (Тамъ-же, № 65).

47) 26 іюля, житель Кабутской волости, села Назиръ-кишлакъ, Самарканского уѣзда, Бахрамъ-Артыковъ, поссорившись съ односельцемъ Измайловымъ изъ-за курицы, нанесъ ему раны ножемъ, отъ которыхъ послѣдній на другой день умеръ. (Тамъ-же, № 67).

48) Въ Дюрткульской волости, Аму-Дарьинскаго отдѣла, найденъ полуза�отынъ въ землѣ трупъ жены туземца Мухаммадъ-Ніаза Мухаммадова, по имени Курбанъ-бике, съ признаками насильственной смерти (голова разсѣчена топоромъ). Мужъ убитой по подозрѣнію въ убийствѣ арестованъ. (Тамъ-же, № 69).

49) 20 іюля между селеніями Чулдақъ-Чиль и Махрамъ, Кайнарской волости, Кокандскаго уѣзда, близъ дороги найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 70).

50) На мѣстности Тасъ-Акыръ, Ботомойнакъ-Акмолинской волости, Ауліатинскаго уѣзда, найденъ трупъ неизвѣстнаго убитаго туземца. (Тамъ-же, № 75).

51) Въ селеніи Кереучи, Хурданской вол., того-же, уѣзда, найденъ трупъ неизвѣстнаго туземца съ перерѣзаннымъ горломъ.

52) Въ ночь на 5 августа въ селеніи Пучучай, Найманской волости, Кокандскаго уѣзда, убить въ своемъ домѣ туземецъ Мулла Ганбъ-Назаръ Хусанбековъ. Произведеннымъ дознаніемъ цѣль и виновные въ убийствѣ не обнаружены.

53) 5 августа житель селенія Давы, Наманганскаго уѣзда, Мухаммадъ-Юсуфъ Кары-Мулла-Назаровъ убилъ служившаго у него работника, жителя города Чуста, Асымъ-хана Атагамова.

54) 7 августа въ Саруйской волости, Наманганскаго уѣзда, въ рѣкѣ Янгакъ-саѣ найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка безъ головы, одной руки и ноги.

55) 9 августа въ селеніи Ардъ-типпа, Алты-арыкской волости, Маргеланскаго уѣзда, убить туземецъ Мухаммадъ Абдуррахмановъ.

56) Житель кишлака Чаршамбе, Ходжа-Ахтарской волости, Самарканского уѣзда, Ашурбаевъ, отправившійся 12 августа въ Шахризебъ для покупки барановъ, найденъ убитымъ въ кишлакѣ Ахалыкѣ, Чашмаабской волости, того-же уѣзда.

57) 20 августа жена жителя селенія Чирикъ-Джиды, Ко-канского уѣзда, Рузимата Субханкулова, Тухваниса умерла отъ отравленія. Произведеннымъ дознаніемъ обвиненіе въ отравленіи Тухванисы пало на вторую жену Рузимата—Зауру-бабы. (Тамъ-же, № 80).

58) 24 августа житель кишлака Гусъ, Ургутской волости, Самарканского уѣзда, Кури-Саламъ Артуковъ убилъ жителя того-же кишлака, Хешъ-Газара Рахматъ-бердіева.

59) Въ арыкѣ Ходжа-арыкѣ около кишлака Достъ-типа, Ходжа-арыкской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, 26 августа найденъ убитымъ житель кишлака Фулль, Джуль-Диванинскай волости, Самарканского уѣзда, Назаръ-ходжа Бабаходжинъ.

60) 26 августа неизвѣстными злоумышленниками убить житель Козстакозской волости, Ходжентскаго уѣзда, Баба-саҳанъ Мухаммадъ-Ніязовъ. (Тамъ-же, № 72).

61) 2 сентября житель Хакеитской волости, Андижанскаго уѣзда, Мухаммадъ-Садыкъ Нурматовъ, поссорившись съ братомъ своимъ Атаканомъ Нурматовымъ, ударилъ послѣдняго въ голову камнемъ, вслѣдствіе чего Атаканъ умеръ.

62) Житель селенія Ардалманъ, Рабатской волости, Джизакскаго уѣзда, Муратбай-Бекъ Аліевъ въ ночь на 6 сентября зарѣзalъ жену свою Джангиль-ай.

63) 9 сентября житель селенія Буркуть, Наукинской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Наманбай убилъ свою жену Айта-ай. (Тамъ-же, № 81).

64) Житель Дерезликской части г. Намангана Мансуръ-ханъ Раимъ-Зеркевъ, 11 сентября, убить въ своемъ домѣ. Въ убийствѣ этомъ заподозрены съмѣ убитаго Хакимъ и житель Айтской волости Яръ-Мухаммадъ Халь-Мухаммадовъ. (Тамъ-же, № 83).

65) 11 сентября въ селеніи Исфара, Кокандскаго уѣзда, на берегу Сая найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка съ признаками насильственной смерти.

66) 19 сентября найденъ зарѣзанный 4-хъ мѣсячный сынъ жителя селенія Карайантакъ, Узбекской волости, Бабабека Ханыкова. (Тамъ-же, № 84).

67) Въ ночь на 22 сентября жители г. Джизака, квартала Аккургана, Ирдаліевъ и Халь-Мухаммадовъ убили жителя того-же квартала Алкай Широва.

68) Жительница сел. Синтабъ, Джизакскаго уѣзда, Минаръ-бibi Даҳамбаева неизвѣстно кѣмъ убита.

69) Въ ночь на 22 сентября неизвѣстныи злоумышленникъ убить житель селенія Абкаръ-Абадъ, Коканъ-кишлакской волости, Измаилъ Сали-Ходжиновъ. (Тамъ-же, № 90).

70) Въ ночь на 28 сентября житель селенія Турсунъ-ходжа, Кличъ-Абадской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Абдусамадъ Абдужалилевъ найденъ зарѣзаннымъ въ своею домѣ.

71) 28 сентября житель Ургутской волости, Самаркандинскаго уѣзда, Арифбай Хакимовъ въ припадкѣ умоломъшательства убилъ свою жену Худжатъ-ай Ибрагимову и поранилъ себя ножемъ въ горло. (Тамъ-же, № 88).

72) 9 октября въ мѣстности Ташлакъ принадлежащей гор. Джизаку, въ полуверстѣ отъ почтовой дороги, найденъ трупъ жителя Джизака Исаметдина Халь-Мухаммадова съ признаками насильственной смерти.

73) 9 октября житель Уйчинской волости, Наманганскаго уѣзда, Казакбай Азыбаевъ, во время драки съ женой, убилъ свою 8-ми мѣсячную дочь, бросивъ ее обѣ полѣ.

74) 12 октября въ селеніи Ачи, Араванской волости, Маргеланскаго уѣзда, найденъ трупъ жителя того-же селенія Тиллябай съ признаками насильственной смерти. Заподозрѣны въ этомъ убийствѣ туземцы Мулла-Карай и Тагай. (Тамъ-же, № 92).

75) 18 октября сынъ жителя Киргизъ-Курганской волости, Наманганскаго уѣзда, 14-ти лѣтній мальчикъ Исматулла Бадаль-

баевъ найденъ въ полѣ мертвымъ съ перерѣзаннымъ горломъ и ранами на головѣ. Въ убийствѣ заподозрѣнъ туземецъ Кадыръ-Ллій Юлдашъ-баевъ.

76) 18 октября въ домѣ жителя г. Коканда Ташъ-Мухаммадъ Мадъ-Каримова забрались неизвѣстные злоумышленники и, завязавъ ему голову одѣяломъ, ограбили у него разное имущество.

77) Въ ночь на 20 октября житель селенія Учъ-Кургана, Маргеланскаго уѣзда, Нуръ-Мухаммадъ Баба-Агалыковъ убить въ своею домѣ братълии его жены Турды-Ахуномъ и Хантъ-Ахуномъ Асаковыми и односельчаниномъ Ашуръ-Ахуномъ Ибрагимъ-Ахуповымъ.

78) Въ ночь на 22 октября на домѣ жителя г. С.-Маргелана Тюракула Суфандурова напали неизвѣстные злоумышленники и, ранивъ Тюракула и жену его, скрылись, не успѣвъ захватить ничего изъ имущества.

79) 24 октября во дворъ жителя селенія Паски-Курукъ, Яшанской волости, Кокандскаго уѣзда, Мухаммадъ-Арифа Абдурасулова забрались неизвѣстные злоумышленники и увели лошадь, по при преслѣдовании бросили ее и нанесли одному изъ преслѣдовавшихъ туземцевъ рану пашкою.

80) Въ ночь на 25 октября въ Кукчинской части г. Ташкента, сартъ Атханъ Каримхановъ зарѣзанъ въ своею домѣ, а женѣ его Рисалать-бibi нанесены ножемъ раны, не опасны для жизни. (Тамъ-же № 77).

81) 29 октября на домѣ жительницы селенія Яны-Кургана, Кокандскаго уѣзда, Ташъ-бibi Мухаммадъ-Муратовой напали неизвѣстные злоумышленники и, ограбивъ разное имущество, нанесли Муратовой раны ножемъ въ руку и удары палкою по головѣ, причемъ, будучи преслѣдуемы сосѣдями потерпѣвшей, бросили ограбленное имущество. (Тамъ-же, № 2, 1895 г.).

82) Въ ноябрѣ 1894 г. житель кишлака Узия, Александровской волости, Ташкентскаго уѣзда, Ашуръ-Мухаммадъ Руз-Мухаммадовъ убилъ ножемъ свою жену Арзуджанъ за выходъ ея на улицу. (Тамъ-же, № 3).

83) Житель кишлака Раши, Магано-Фарабской волости, Самарканского уезда, Бай-Мухаммадъ, убитъ въ Шахрисябскомъ бекствѣ, туземцемъ того-же кишлака Баба-Уста Халевымъ.

84) Ночью 18 октября жители киплака Кумбатъ, Каракалпакской волости, Самарканского уезда, Али-Аскарь Ханъ-Тюря, Палванъ-Ходжа и Алинъ-Ходжа Тюриновы, Ибрагимъ Ходжиновъ и Салтъ Ходжиновъ насильно увезли дочь жителя кишлака Каракентъ, той-же волости, Карабай-Ходжи Али-Ходжинова, Кундузъ-ай, и похитили сундукъ съ 800 тенъгами.

85) Въ началѣ ноября жительница кишлака Джагайбайлы, Даульской волости, Самарканского уезда, Наръ-Халатъ-ай Ташматова избита, порана въ голову и лишена свободы въ теченіе 4-хъ дней мужемъ своимъ Мухаммадъ-Расуломъ Абдусаматовымъ и туземцемъ Абдуллоей Астанкуловымъ за несогласіе на ихъ предложеніе заявить ложное обвиненіе на туземца Мухаммадъ-Касыма Абдурасурова въ изнасилованіи ее. (Тамъ-же, № 7).

86) 12 ноября житель селенія Хазреть, Нанайской волости, Наманганского уезда, Ша-Азимбай Халыкбасъ, имѣя злобу на односельчанина своего Юсуфбая Ша-Бакіева, схвативъ послѣдняго на улицѣ, затащилъ къ себѣ во дворъ и, привязавъ къ столбу при помощи своего сына, сталъ наносить ему побои руками, ногами и нагайкой, пока потрѣбившій не былъ освобожденъ привычный на мѣсто происшествія сельскимъ старшиной. (Тамъ-же, № 10).

87) 17 ноября житель селенія Шахандъ, Ахсы-Шахандской волости, Наманганского уезда, Мухаммадъ-Азисъ Бутабаевъ, поссорившись во время игры въ кости съ жителемъ селенія Чинаватъ, Андижанского уезда, Ханъ-Кулбачею, нанесъ послѣднему ножъ рану. (Тамъ-же, № 12).

88) 19 ноября во время драки, совершившейся по подстрекательству сельского старшины Хальбай-Баба Аліева, жителями кишлака Курбанкуль Аминъ, Ины-Казанъ-Арыкской волости, Самарканского уезда, Турсунъ Календаревымъ, Раджабъ-Мадъ Субханкуловымъ, Ашуркуломъ Кадыркуловымъ, Норбай Джумал-

баевымъ и Ширъ Пирматовымъ убить житель кишлака Рахматъ Абада, той-же волости, Ирчашбай Раджабаевъ.

89) Въ ночь съ 14 на 15 ноября произведено нападеніе на домъ жителя селенія Хасанъ, Митанской волости, Катта-Курганского уезда, Мирза-Тураба Тайгаймурадова съ ограбленіемъ у него разныхъ вещей и денегъ на 400 руб. причемъ поранены хозяинъ и его работники.

90) 23 ноября житель кишлака Кошъ-Тагмалы, Тютартарской волости, Самарканского уезда, Султанбай Юлдашевъ забрался въ домъ жителя того-же кишлака Бегимкулбая-Алла-Муратова, во время отсутствія послѣдняго, поранилъ ножемъ въ руку дочь его и похитилъ разныя вещи и сундукъ съ 2300 коканами. (Тамъ-же, № 14).

91) Въ ночь на 6 декабря въ домъ жителя селенія Биби-Убайда, Шариханской волости, Маргеланского уезда, Мухаммадъ-Яра забрались съ цѣлью грабежа четыре неизвѣстные злоумышленники и напали на его сына Мирза-Райма, намѣреваясь нанести ему удары ножемъ, но проснувшаяся его мать подоспѣла къ сыну на помощь и помогла задержать одного злоумышленника, оказавшагося местнымъ жителемъ Нуръ-Мухаммадовымъ, имѣвшимъ при себѣ ножъ и револьверъ; остальные злоумышленники скрылись.

92) 14 декабря житель Кепинской волости, Наманганского уезда, Балтазаръ Ташбаевъ, привязавъ къ столбу односельчанина своего Юсуфъ-бая Уста-Касымова, нанесъ ему побои. (Тамъ-же, № 15).

93) 22 декабря житель г. Намангана Мухаммадъ-Сабиръ Риза-Измайловъ покушался на жизнь своего отца Риза-Измайлъ Атлыкова, но былъ остановленъ престоронними людьми. (Тамъ-же, № 18).

94) 30 декабря въ рабатѣ жителя кишлака Каучинъ, Махалинской волости, Самарканского уезда, Мулла-Ахтаркула Ариффаева, въ отхожемъ мѣстѣ найденъ трупъ неизвѣстнаго человека.

95) Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ районѣ Ходжа-Мугурской волости, Самаркандинскаго уѣзда, на жителя г. Самарканда, Бизарбая Туртыбаева напали туземцы Кабылджанъ Исматовъ и Абдуррахмановъ и ограбили у Турдыбаева разнаго товара на 1832 тенги.

96) Въ началѣ декабря на жителя кишлака Джуй, Даульской волости, Самаркандинскаго уѣзда, Абдулъ-Касыма, возвращавшагося ночью съ двумя работниками изъ Самарканда, въ мѣстности Ташъ-Угланъ, Ангарской волости, напали 13 человѣкъ неизвѣстныхъ злоумышленниковъ и отняли три лошади, шубу и 316 тенегъ.

97) Въ ночь на 8 декабря на жителей селенія Шайхларкентъ, Ходжа-Арыкской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Хасанъ Ходжаева, Кадыркула Мигрумбаева и Садыкбая Кузыбасова, возвращавшихся домой изъ кишлака Митанъ, около переправы черезъ Акъ-дарью, напали трое жителей селенія Кыркъ-Ишть, Клычъ-Абадской волости, и отобрали трехъ лошадей.

98) Въ ночь на 22 декабря въ домѣ жителя селенія Пайшамбе, Пайшамбинской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Тиляу Кабылъ-Муллабаева былъ произведенъ взломъ стѣны съ цѣлью ограбленія. На мѣстѣ преступленія задержанъ житель сел. Каданъ, Джуй-Шагрской волости, Иргашъ Турсунокъ, причемъ ему нанесены раны, отъ которыхъ онъ на пути къ Катта-Кургану и умеръ. По дорогѣ Турсуновъ успѣлъ заявить сельскому старостѣ Аманбаю Авашибадалеву, что соучастниками его были жители селенія Каданъ, Рузы и Хасанъ, которые скрылись.

99) Въ ночь на 17 декабря на домѣ временно проживавшаго въ селеніи Тулля-баста, Акъ-тюбинской волости, Нурагинскаго бекства, Уста-Ибрагима Берды-Мурадова напали туземцы Нуркулъ Сарыбаевъ и Ишъ-Мурадовъ и нанесли смертельную рану его малолѣтней дочери, отъ которой она 18 декабря и умерла. (Тамъ-же, № 22).

100) У сарта селенія Чурнакъ, Чимкентскаго уѣзда, Кадыркуля Рузакова въ ночь на 18 декабря захищена 13-ти лѣтняя

племянница его сартами Балтабаемъ Шадыбековыми, Маймакомъ Шадыбековыми, Агаджаномъ Бухарбаевыми и другими въ числѣ 12-ти человѣкъ. (Тамъ-же, № 4).

Самоубійства.

1) Въ ночь на 14 февраля въ г. Ходжентѣ, въ саду, рядомъ съ полицейскимъ помѣщеніемъ, повѣсился неизвѣстный туземецъ. („Туркест. Вѣдом.“ 1894 г. № 34).

2) 10 мая житель Ст.-Маргелана Хантъ-Мухаммадъ Мадъ-Аліевъ, покушаясь на самоубійство, нанесъ себѣ ножемъ рану въ горло.

3) 6 мая житель селенія Кошъ-Тегерманъ, Ультаринской волости, Кокандскаго уѣзда Абду-Кадыръ Ганбъ-баевъ, страдавшій слабоуміемъ, повѣсился. (Тамъ-же, № 50).

4) 10 апрѣля въ г. Туркестанѣ повѣсился сартъ Асома Илемесовъ. Причины самоубійства неизвѣстны. (Тамъ-же, № 64).

5) 8 сентября житель г. Намангана Абдулъ-Азисъ Абрасуловъ, зайдя въ мечеть, нанесъ себѣ бритвою двѣ раны въ животъ и на третій день умеръ. (Тамъ-же, № 83).

Изнасилованія.

1) 15 іюля 1892 г. жители кишлака Кангаръ, Кара-Тюбинской волости, Самаркандинскаго уѣзда, Суяркуловъ и Нарибутинъ вошли въ домъ односельчанки Зайнабъ-ай Хакназаровой съ цѣлью ее изнасиловать; она начала кричать и, когда стали сбѣгаться на ся крикъ люди, схватила одного изъ пришедшихъ, чтобы его задержать, но онъ ножемъ поранилъ ей руки и вырвался. Не смотря на это, злоумышленники задержаны, признали себя виновными и переданы на поруки. (Окранка 1892 г. № 91).

2) 8 января 1894 дочь жителя селенія Тиша-Курганъ, Найманской волости, Кокандскаго уѣзда, Мухаммадъ Сабирова, Кызларъ-биби заявила, что была изнасилована туземцами Мухам-

мадъ-Куломъ, Уста-Али-Куломъ, Насыромъ, Султанкуломъ и Мухаммадъ-джаномъ. (Туркест. Вѣдом. 1894 г. № 22).

3) 18 априля изнасилована жительница кишлака Сараяшъ, Челекской волости, Самаркандинского уѣзда, Халимъ-ай Абдура-сульбаева. Въ преступлениі обвинялся житель того-же кишлака Ахарп-кули Килизбаевъ. (Тамъ-же, № 49).

4) 13 іюня въ г. Кокандѣ туземцы Азимбай Канимъ Бабиновъ, Хакимбай Касымбаевъ и Хасанбай Мирзакировъ, встрѣтивъ сартянку Хамра-биби Ташъ-Мухаммадову, затащили ее въ пустой садъ и изнасиловали. (Тамъ-же, № 55).

5) Въ ночь на 15 іюля, во время отсутствія изъ дома жителя кишлака Дурбашъ, Челекской волости, Самаркандинского уѣзда Хасанбая Атумуратова, въ сакло забрался односельчанинъ Иналтула Исматуллиновъ и изнасиловалъ жену Атумуратова Чустанъ-ай-Даніярову. (Тамъ-же, № 65).

6) Въ чертѣ г. Ташкента Сибзарской части сартъ Абду-Кадыръ-Мулла Азимовъ изнасиловалъ жену жителя Никольского поселка, Ташкентского уѣзда ***. (Тамъ-же № 79).

7) 28 августа житель кишлака Уртабузъ, Каракалпакской волости, Самаркандинского уѣзда, Бабаджанъ Баба-Рамиковъ изнасиловалъ спящую туземку того-же кишлака Казій-ай Мулла-Бекмуратову. (Тамъ-же, № 81).

8) Въ ночь на 18 сентября въ селеніи Канибадамъ, Коқандскаго уѣзда, 6 человѣкъ туземцевъ напали на сартянку Савамъ-биби Турсунъ-Кулбаеву и, изнасиловавъ ее, скрылись. (Тамъ- же, № 90).

9) 20 октября 1894 г. житель г. Чуста Наманганскаго уѣзда, Ашуръ Ташнатовъ изнасиловалъ жительницу того-же города Хамра-бану Сулейманову. (Тамъ-же, № 2, 1895 г.

10) 27 октября житель города Самарканда Мулла-джанъ Разыковъ изнасиловалъ 11-ти лѣтнюю девочку Караматъ-ай, дочь жителя кишлака Намаза, Ходжа-ахтарской волости, Самаркандинского уѣзда, Муллы Абдуллы Мухаммадбасова. (Тамъ-же, № 7).

Къ этому ряду преступленій прибавляю два выдающіеся факта, относящіеся уже къ 1895 году.

11) Въ ночь съ 8 на 9 февраля, въ селеніи Сайрамъ, Чимкентскаго пригороднаго участка, сартъ Аки-Мухаммадъ Абдуль-Азизовъ, отлучившись изъ дома за водой, былъ схваченъ мѣстными сартами Мулла-Разматомъ и Исмаиломъ Нурматовыми, Нурматомъ Бекметовыми и Халматомъ Хайдарбасовымъ и увлеченъ ими въ домъ сарта Рузмухамеда гдѣ означенные выше лица нанесли Абдуль-Азизову побои, изнасиловали его и втолкали ему въ задний проходъ палку. Пострадавшій отправленъ въ Чимкентскій мѣстный лазаретъ для излеченія.

12) Въ ночь на 13 февраля, въ г. Казалинскѣ, въ харчевнѣ, содержимой ташкентскимъ сартомъ Юлдашемъ Назаровымъ, хивинскимъ подданнымъ узбекомъ Мухтаръ-Садикъ-Сентовымъ, ташкентскіе сартъ Юлдашъ Назаровъ и Дусматъ Бабакалановъ, киргизъ Аму-Дарьинскаго отдельна, Джума-Ніязъ Байтуренновъ и бухарскій сартъ Джурабъ Насырбаевъ совершили мужеложство надъ киргизомъ Калымбасовской волости, Казалинского уѣзда, Меттымъ Пезентаевымъ (17 лѣтъ отъ роду), причемъ у послѣдняго отнято денегъ 16 руб. (Тамъ-же, № 22).

Весьма характерно, что въ общемъ числѣ преступленій сартовъ за 1894 годъ, безъ сомнѣнія, неабсолютно полномъ, число самоубійствъ было ничтожно по сравненію съ числомъ изнасилованій. да и тѣ пять самоубійствъ совершены слабоумными и душевнобольными. Но во всякомъ случаѣ приведенный списокъ преступленій сартовъ показываетъ, что и среди нихъ есть дурные люди, способные на воровство, грабежъ, убийства (иногда изъ-за пустыхъ причинъ), отцеубійство, женоубійство, мужеубійство, братоубійство, отравление, задушеніе и пр. Правъ ли послѣ этого былъ г. Миддендорфъ, когда безъ ограниченій восхвалялъ „нѣжный“ характеръ форганскихъ сартовъ. (Ср. выше стр. 56—58).

III.

СБЛИЖЕНИЕ САРТОВЪ СЪ РУССКИМИ И РУССКОЕ ВЛИЯНИЕ НА САРТОВЪ.

„Чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшитель-
наго сближенія съ другими народами,... тѣмъ сильнѣе въ немъ
боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣ-
е встрѣчаетъ оно новые порядки“....

Л. Галаковъ.

День 15-го іюня 1865 года былъ роковымъ днемъ въ жизни ташкентскихъ сартовъ: въ этотъ день Ташкентъ былъ взятъ русскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерал-маіора М. Г. Черниева, а 17 іюня къ побѣдителю уже явились аксакалы и другие почетные жители города и официально сдали ему городъ. Послѣ того рядомъ съ сартскимъ Ташкентомъ стала постепенно возникать другой, русскій городъ....

Проходили затѣмъ годы, происходили новые завоеванія въ Туркестанскомъ краѣ и заводились новые порядки, введеніо Положеніе обѣ управлениіи краемъ, жизнь туземцевъ становилась уже въ другія рамки,—и мало чо малу стало сказываться на жизни туземцевъ русское влияние. Какъ и въ чёмъ проявлялось это влияние, какіе дѣлало успѣхи, непосредственному наблюдателю туземной жизни не было видно; но теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ первого вступленія русскихъ войскъ въ стѣны Ташкента, это влияніе уже замѣтно сразу. Кто зналъ Ташкентъ временъ М. Г. Черниева и въ первое время управлениія К. П. фонъ-Кауфмана, тотъ ясно видѣть теперь, что въ жизни туземцевъ совершилась перемѣна и перемѣна значительная. Я лично могу засвидѣтельствовать, что жизнь туземныхъ жителей города Ташкента значительно измѣнилась уже

съ конца 1877 года, т. е. на моихъ глазахъ. Наблюдая съ того времени за разными сторонами жизни ташкентскихъ сартовъ, позволяю себѣ утверждать, что ташкентскіе сарты, столкнувшись непосредственно съ жизнью русскихъ, вступили на неизбѣжный путь заимствованій и подражанія не только во внешнихъ формахъ жизни, но отчасти и во взглядахъ, въ нравахъ и обычаяхъ. Сарты,—народъ смысленный и живой, столько вѣковъ находившійся подъ строгимъ надзоромъ мухтасибовъ и курбашей, столько вѣковъ прожившій въ стѣнахъ своего города и не видѣвшій долгъ иныхъ формъ жизни,—вдругъ очутились на свободѣ, увидѣли новую жизнь другихъ людей, перестали видѣть ранса¹⁾ и при всемъ томъ почувствовали, что они спокойны за свою жизнь, за вѣру, семью и имущество и что достатокъ ихъ возрастаетъ. Сначала они недовѣрчиво осматривались кругомъ, не безъ боязни вступали въ черту русского Ташкента и неуверенно подходили къ русскому человѣку, а болѣе фанатичные не желали и видѣть лица русского человѣка; но мало по малу страхъ неизвѣстности прошелъ, религіозная петершиность²⁾ ослабѣла, а уверенность въ личной безопасности возрасла,—и теперь сарты настолько свободно ходятъ иѣздятъ по улицамъ русского города, что вызываютъ удивленіе въ иностранцахъ, особенно въ англичанахъ, вступаютъ въ непосредственныя близкія сношенія съ русскими людьми и постепенно сживаются съ новою для нихъ жизнью....

1) Я слышалъ о двухъ фактахъ, сопоставленіе которыхъ въ данномъ случаѣ очень любопытно. Несколько лѣтъ назадъ татаринъ-переводчикъ при Россійскомъ Политическомъ агентствѣ въ Бухарѣ, проходя по базару нов. Бухары, закурилъ шашаросу. Его замѣтѣлъ рабъ Бухары и подвергъ установленному наказанію, несмотря на заявленіе виновнаго, что онъ—русскій подданный и что находится на службѣ у Россійскаго Политического Агента.... Несколько того переводчикъ въ свою очередь однажды сдѣлалъ замѣчаніе ташкентскому благоприяличному сарту за то, что тотъ не исполнялъ одной изъ пяти ежедневныхъ молитвъ, имѣтъ въ другомъ мусульманамъ. Сартъ не только не принялъ этого замѣчанія къ исполненію, а грубо откѣтилъ переводчику: «если ты маешь свѣтъ будешь переводчикомъ при самомъ Аллахѣ, то тогда я послушаю тебя».... Н. О.

2) Авторъ напечатанного въ № 28 туземной газеты (отъ 14 іюля 1890 года) стихотворенія, поэты Фариатъ говорить въ самомъ начаѣ: «И гулять по русскому городу, но у меня были добрыя чувства». Это значитъ, что онъ не чувствовалъ религіознаго отвращенія или презрѣнія къ невѣрнымъ, когда ходилъ по ихъ городу. Н. О.

Такъ всегда бывало, когда входили въ близкое соприкосновение два народа разныхъ культуръ: всегда происходило вліяніе одного на другой и именно народа высшей культуры на народъ съ низшой культурой; какъ бы ни различались народные характеры, какъ бы ни были различны основные принципы и условия народной жизни, более высокая культура неизбѣжно оказывала вліяніе на низшую. Этому, конечно, много способствуетъ мягкий характеръ русского народа, свыкшагося въ теченіе столѣтій съ народами Азіи и всей своей исторіей доказавшаго свое предназначение вносить культуру въ среду сосѣднихъ азіатскихъ народовъ. Какъ совершаются это на дѣлѣ, т. с. какъ передается вліяніе русскихъ на сартовъ, сказать невозможно, потому что всякая внутренняя церемонія въ народной жизни происходитъ неизбѣжно для глаза современаго наблюдателя; но несомнѣнно, что со взятиемъ Ташкента русскимъ отрядомъ генерала Черняева, для туземного населения этого города пробилъ знаменательный исторический часъ, съ котораго началась въ Ташкентѣ новая историческая жизнь. Особенно измѣненіе въ жизни сартовъ началось со времени управлениія краемъ Генераль-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, хотя основныя формы старой жизни сартовъ продолжали тогда и до сихъ поръ еще продолжать держаться. Стоитъ представить, сколько нового, невиданнаго дотолѣ, открылось и постепенно раскрывается предъ глазами ташкентскаго сарта. Новые начальствующія лица, новые административные порядки и неизбѣжныя встречи и сношенія съ русскими людьми; никогда невиданныя дотолѣ религіозныя церемоніи (крестные ходы, погребальные процесіи, торжественные молебствія), военные парады, еженедѣльные приемы просителей у генераль-губернатора и губернатора, генераль-губернаторскіе балы, выставки, движение по русскому городу въ коляскахъ и иныхъ, появленіе русскихъ на улицахъ туземного города, частныя сношенія съ русскими людьми, взаимная посѣщенія русскихъ туземцами и туземцевъ русскими, торговля и наконецъ русскіе суды и школы,—все это и многое другое, неуловимое для ежедневнаго наблюдателя, действовало

на душу туземца и несомнѣнно возбуждало его мысль и чувства¹⁾. Самое сильное впечатлѣніе на туземцевъ долженъ производить торжественный крестный ходъ, ежегодно совершаемый въ день взятія Ташкента (15 іюня) къ братской могилѣ воиновъ, убитыхъ во время штурма города отрядомъ генерала М. Г. Черняева. По окончаніи литургіи въ соборѣ, въ 8½ часовъ утра, крестный ходъ направляется сначала по русской части Ташкента, а затѣмъ, на протяженіи 3—4 верстъ, следуетъ по туземнымъ улицамъ до самой братской могилы воиновъ. Множество православныхъ жителей Ташкента и войска сопровождаютъ крестный ходъ, въ которомъ нѣсколько разъ лично участвовали Туркестанскіе епископы, находившіеся въ этотъ день въ Ташкентѣ, а генераль-губернаторы встрѣчаютъ эту торжественную процессію на братской могилѣ. По всему длинному пути крестного хода бываютъ выставлены флаги, а на перекресткахъ разныхъ улицъ туземного города обыкновенно группируются большія собранія туземцевъ всѣхъ возрастовъ, при чемъ на крышахъ домовъ располагаются женщины и дѣти туземцевъ. Особенно туземнымъ женщинамъ этой отдаленной и глухой части города единственный разъ въ году приходится видѣть такую массу русскихъ мужчинъ и женщинъ разныхъ возрастовъ и состояній, и всѣ вообще туземцы, безъ сомнѣнія, съ удивленіемъ смотрятъ на такую религіозную процессію, для сопоставленія съ которой мусульманская религія не имѣетъ чего-либо подобнаго. Въ 1886 году, при совершенніи панихиды на братской могилѣ присутствовали и мусульманскіе гласные гор. Ташкента и посланцы Бухарскаго Амира, находившіеся тогда въ Ташкентѣ. По окончаніи панихиды, Генераль-Губернаторъ Генераль-Адъютантъ Розенбахъ привѣтствовалъ оставшихся въ живыхъ русскихъ воиновъ, участвовавшихъ въ штурмѣ, а затѣмъ сказалъ гласнымъ-мусульманамъ: „этотъ край, двадцать одинъ годъ назадъ, находился въ постоянномъ волненіи; умершіе

1) Ташкентскіе сарты охотно наблюдаютъ все названные церемоніи, а военные парады даже по-принципу у нихъ на представленияхъ мукольнаго театра во время шумныхъ ночей мѣсяца Рамазана, какъ замѣчено на стр. 68.

здесь и оставшиеся въ живыхъ героя русскіе были причиною мира и спокойствія во всемъ Туркестанѣ: поэтому и намъ нужно чтить память погребенныхъ здѣсь". Тогда ташкентскій казій Мухаммадъ Мухіэтдинъ-ходжа, обратившись къ Его Высокопревосходительству, сказалъ на саргскомъ языке:

„Сего́дня исполнился 21 годъ, какъ мы, мусульмане гор. Ташкента, находимся подъ покровительствомъ Бѣлаго Царя, ИМПЕРАТОРА могущественнѣйшаго въ мірѣ государства, Россіи.

„День этотъ и для насъ, мусульманъ, туземцевъ г. Ташкента, долженъ быть памятенъ. Съ занятіемъ города, за нами признана наша религія-исламъ, оставленъ и народный судъ по шариату; всюду полное спокойствіе и попеченіе о пародѣ властей, а также даровано намъ городское самоуправленіе. Всльдстнє всего этого, мы проводимъ жизнь свободно и спокойно, а торговля, промышленность и земледѣліе получили большое развитіе.

„Памятуя этотъ день, и пользуясь настоящимъ случаемъ торжества, мы сть именемъ всего населенія, дерзаемъ покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство, выраженіе нашихъ вѣрио-подданническихъ чувствъ къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и молитву нашу о ЕГО благоденствіи на многіе годы, какъ Покровителя сто-милліоннаго разноцелеменного населенія Великой Россіи принять и, ежели Ваше Высокопревосходительство признаете это возможнымъ, повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА“.

Въ отвѣтъ на это Генералъ-Адъютантъ Розенбахъ сказалъ: „Я очень радъ этому заявлению ташкентскаго населенія, высказанному такъ искренно и такъ сердечно и представлю оное на Высочайшее воззрѣніе МОНАРХА“.

Посланцамъ Бухарскимъ—Рахматулла-бію и Мухаммадъ-Насыръ-Мирахуру, поздравившимъ Его Высокопревосходительство отъ имени Его Свѣтлости Амира съ настоящимъ торжествомъ, Его Высокопревосходительство сказалъ: „Я очень радъ, что Вы, представители Бухары, присутствуя здѣсь, видите то, что служить къ укрепленію союза дружбы русскаго населенія края съ

мусульманскимъ населеніемъ. Вы видите, что во всемъ Туркестанѣ краѣ каждый исполняетъ уставы своей религіи и проводить жизнь въ полномъ спокойствіи, безъ стѣсненія трудясь надъ своимъ благосостояніемъ, и видѣнное вы можете передать своимъ согражданамъ“.—Бухарцы откѣчали, что рады были видѣть все происходившее.

А вотъ примѣры, яѣсколько разъясняющіе психическое состояніе, какое переживалъ и переживаетъ сартъ при встречѣ съ невиданными имъ дотолѣ явленіями. Осматривали однажды мужскую гимназію ташкентскіе казіи (народные суды), а вмѣстѣ съ ними ученьи преподаватель высшей мусульманской школы. Осмотръ гимназіи продолжался $2\frac{1}{2}$ часа; много нового они видѣли въ гимназіи, много слышали и—дивились. Преподаватель, увидѣвшій гимназію въ первый разъ, былъ сильно возбужденъ.... Когда онъ вышелъ на улицу, чтобы отправиться домой, то забылъ надѣть калоши.... Это вызвало у казія улыбку, а преподаватель серьезно замѣтилъ, что у него отъ осмотра гимназіи закружила голова. Туземный поэтъ Фиркатъ въ стихахъ своихъ¹⁾ высказалъ, что послѣ концерта 1 юля 1890 г. онъ не могъ заснуть до самаго утра, подъ влияніемъ волновавшихъ его новыхъ чувствъ, и рѣшилъ еще когда-нибудь побывать на русскомъ концертѣ.

И въ другихъ случаяхъ на туземцевъ производили сильное впечатлѣніе новые, невиданные ими дотолѣ предметы, факты и формы русской жизни: туземецъ дивился, многое сразу не понималъ, ко многому относился скептически; но новое производило свое дѣйствіе и продолжаетъ дѣйствовать на умъ и чувства ту-

1) Туркест. тузем. газета за 1886 г., № 22.
2) سیاعت اون بىرگىچە بىز مابىتى لار ★ سونكىرە اېل او زجايىغە عزم ايتىلار
لېئەندىن كىتمىش اېرىدى عقل و هوش ★ لحظە لىظە شوق او قى اېلاردى جوش
قىتە كورماق مەمکن او لىسىدى دېيان ★ مضطرب دەساكن او لىسىدى دېيان
الفرض اول كىچە اى احباب لار ★ تانغىچە اوچتى كوزمىدىن خواب لار
دل ده باردور حالى هم بو آرزو ★ كىم ينه كورماق قىلىو رەمن جىستىجو

земца, прожившаго цѣлый столѣтія однообразною жизнію. Были даже среди ташкентцевъ такие оригиналы, которые, боясь осквернить себя, умышленно до сихъ поръ закрываютъ свои глаза отъ всего русскаго: они не ходили и не ходятъ въ русской городъ, избѣгали и избѣгаютъ встрѣчъ съ русскимъ человѣкомъ и продолжаютъ жить въ тѣсномъ кругѣ своихъ прежнихъ идей и чувствъ; но они умрутъ и не оставятъ послѣ себѣ подражателей.... Но теперь трудно туземцу, даже ишану уберечься отъ встрѣчи съ русскимъ человѣкомъ, потому что сама жизнь извлекаетъ его изъ уединенія, а съ проведеніемъ желѣзной дороги просыпется и селенія сартовъ (*кишилакъ*), стоящія пока въ сторонѣ отъ нового движенія, отъ сближенія съ русскими.... Жители селеній ближайшихъ къ городамъ на базарѣ уже и въ настоящее время входятъ въ непосредственныя сношенія съ русскими.

Торговый классъ ташкентскихъ сартовъ подчинился гораздо болѣе русскому вліянію. И это понятно, такъ какъ купцы гораздо чаще, чѣмъ другіе классы, вступаютъ въ общепіе съ русскими людьми и менѣе ученаго сословія стѣсняютъ себя узкими требованиями туземной обрядности. Нѣкоторые изъ нихъ расширили свой умственный кругозоръ торговыми поѣздками за предѣлы Туркестанскаго края, а большія выгоды отъ торговли съ русскими смысли осознательнымъ образомъ даютъ имъ чувствовать необходимость и пользу непосредственныхъ сношеній съ русскими людьми.

Теперь уже покойный, купецъ Сидѣр-Азимъ-бай Мухаммадъ-баевъ, еще до завоеванія Ташкента, имѣлъ торговыя сношенія съ русскими. Въ первое время русскаго управлѣнія краемъ онъ, какъ человѣкъ умный и ловкий и вѣдовавъ достаточно владѣвшій разговорнымъ русскимъ языкомъ, былъ вліятельнымъ лицомъ въ городѣ. Я мало зналъ его, но нѣсколько разъ видѣлъ и однажды, въ 1880 году, показывалъ ему Учительскую Семинарію.

Какъ бы ни объясняли руководившія имъ побужденія, несомнѣнно одно, что онъ ранѣе другихъ своихъ соотечественниковъ понялъ выгоды сближенія съ русскими и съ своей стороны пользовался каждымъ случасмъ, чтобы показать свое желаніе быть

полезнымъ русской администраціи края. Въ 1867 г. онъѣздилъ въ С.-Петербургъ и былъ тогда-же Всемилостивѣшъ пожалованъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. При этомъ Сидѣр Азимъ-бай получилъ Высочайшую грамоту слѣдующаго содержанія:

*Боежію Милостію,
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
Царь Польский, Великий Князь Финляндскій.*

И прочая, и прочая, и прочая.

Дешутата Туркестанской Области, Ташкентскаго почетнаго купца (бывшаго предсѣдателя мажхемѣ), Сеїда-Азима Мухамедбаева, который въ 1859 г. выкупилъ Русскаго плѣннаго изъ Ташкента, первый освободилъ невольниковъ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, содѣствовалъ къ удержанію скопѣстія въ Ташкентѣ передъ Ирджарскимъ дѣломъ, а въ память чудеснаго спасенія дней НАШІХЪ, 4-го Апрѣля 1866 года, выстроилъ на свой счетъ великолѣпную мечеть,—за таковыя заслуги и преданность Россійскому Правительству, МЫ указомъ НАШИМЪ, 1867 года Марта 24 дня Правительствующему Сенату давнымъ, Всемилостивѣшъ пожаловали въ званіе Потомственнаго Почетнаго Гражданина. Въ свидѣтельство чего повелѣли МЫ сію грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственою НАШЕЮ печатью укрѣпить. Дана въ Санктъ-Петербургъ Марта 24 дня 1867 года.

(Подпись четырехъ сенаторовъ и герольдмейстера).

Въ Сенатѣ въ книгу записана подъ № 105. При запечатаніи въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ подъ № 14 (печать).

Грамота эта подъ стекломъ, въ золотой рамѣ съ Императорскою короною, до сихъ поръ красуется на стѣнѣ изящной гостиной (михманъ-хана) сына Сидѣр-Азимъ-бая, Сидѣр-Гани.

Всльдѣ за этимъ, 31 марта 1878 года, новопожалованный потомственный почетный гражданинъ получилъ отъ училища глухонемыхъ ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательного Дома въ С.-Петербургѣ, на память посѣщенія этого училища, бюстъ ЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, изготовленный глухонѣмымъ Горячевымъ. Этотъ бюстъ вмѣстѣ съ препроводительной бумагой отъ 31 марта 1867 г. за № 204 до сихъ поръ стоитъ на виду, на особой тумбочкѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, въ той же гостиной. Въ 1871 г. онъ возбуждалъ вопросъ объ открытии особой русской школы для ташкентскихъ сартовъ. Признавая, что народное благосостояніе въ краѣ подъ русскимъ управлениемъ начало возрастать, и благословляя тотъ день, когда русскіе освободили туземное населеніе отъ его притѣснителей, онъ высказалъ, что только языки, письменность и школа отдѣляютъ русскихъ отъ туземцевъ, такъ какъ русскіе и сарты живутъ рядомъ, ведутъ торговлю и поддерживаютъ дружбу между собою; туземцы работаютъ у русскихъ и управляются русскими властями, но живутъ обособленно, своей стародавней жизнью, не прочли ни одной книги русской, очень мало усвоили приемы русскихъ ремесль, не знаютъ законовъ русскихъ и потому вынуждены обращаться къ посредству чуждаго для сартовъ переводчика. Въ тоже время Сиядъ Азимъ-бай заявлялъ, что въ туземныхъ школахъ у сартовъ преподаются съ давнихъ поръ однѣ и тѣ же науки, которыя поддерживаются въ туземцахъ ложное убѣженіе, что старинные законы и понятія еще не отѣли свой вѣкъ, и потому предполагалъ для начала преобразовать Ишанкульскую мусульманскую школу (мадраса) въ Ташкентѣ и ввести въ ней: преподаваніе русской грамоты, съ примѣненіемъ ея къ чтенію и письму на туземномъ языке, а также ознакомленіе съ русскими законами и съ шаріатомъ и, наконецъ, преподаваніе ариѳметики и ремесль¹⁾). Русская администрація края съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ этому заявлению и въ томъ же 1871 году образовала особую комиссию которая полагала: а) примѣнить русскій алфавитъ къ сартскому языку и б) составить хрестоматію изъ самыхъ легкихъ разсказовъ на мѣстномъ

¹⁾ Очевидно, выложенный проектъ появился не безъ участія кого-либо изъ русскихъ чиновниковъ того времени; но важно, что Сиядъ Азимъ-бай понималъ значеніе и находилъ возможнымъ осуществленіе этого проекта. Н. О.

нарѣчія, но въ русской транскрипціи. Проектируемое училище предполагалось помѣстить въ зданіи Ишанкульской школы, сдѣлавъ въ немъ всеѣ нужныя приспособленія, но сохранивъ древній стиль зданія. Для потребностей нового училища предполагалось воспользоваться также соѣднинѣ зданіемъ мусульманской школы Юнусъ-хана вмѣстѣ съ находящимся при ней большими садами для прогулокъ учащихся. Содержаніе проектируемаго училища имѣлось въ виду обеспечить вакуфами, принадлежащими разными мусульманскими школамъ и особенно вакуфами Ходжа-Ахтарской школы, отъ которыхъ ожидалось до 6800 руб. ежегодно; кроме того, проектировалось взимать съ каждого учащагося въ новомъ училищѣ по 20 руб. въ годъ, какъ это дѣлается въ русскихъ школахъ. Всего, такимъ образомъ, на содержаніе проектированаго училища ожидалось 7600 руб. въ годъ.

Но эта смѣлая для того времени и во всякомъ случаѣ свѣтлая мысль, заявленная Сиядъ-Азимъ-баемъ, не была приведена въ исполненіе, хотя тогда же русская администрація края входила въ сношеніе съ Попечителемъ С.-Петербургскаго учебного округа и предлагала студентамъ факультета восточныхъ языковъ занять мѣста преподавателей въ этомъ училищѣ¹⁾). И въ настоящее время (въ 1895 г.) проектъ этотъ не утратилъ своего смысла, потому что въ жизни мусульманской школы существенныхъ перемѣнъ почти не послѣдовало (см. ниже).

Сиядъ Азимъ-бай личнымъ опытомъ оцѣнилъ пользу знанія русского языка и потому двухъ сыновей своихъ (Сиядъ-Карима и Сиядъ-Гани) обучилъ русскому языку, пригласивъ къ себѣ въ домъ русского учителя. Въ настоящее время сыновья его хорошо владѣютъ русскимъ языками и поддерживаютъ непосредственныя сношенія и знакомства съ русскими людьми. Живутъ они въ сартскомъ городѣ, но постоянно бываютъ въ русской части Ташкента; дома ихъ — сартскаго типа, но отличаются хорошей отдѣлкою,

¹⁾ См. «Замѣтку о русской школѣ для туземцевъ г. Ташкента» въ Түркест. Вѣдом. за 1875 годъ (№ 16 отъ 22 апрѣля).

имѣютъ окна со стеклами, двери, русскую мебель на мужской половинѣ, на случай приема русскихъ людей. Достойно замѣчанія, что въ домѣ Сидѣ-Гани нашла себѣ помѣщеніе *первая* русско-туземная школа, открытая въ Ташкентѣ 13 декабря 1884 года, а въ недавнее время почтово-телеграфная контора, открытая въ 1894 году для туземного города. Сидѣ-Гани со всѣмъ пыломъ впечатлительной молодости увлекался внѣшностью русской жизни, посѣщалъ театръ, русскіе балы и обѣды въ клубѣ и даже въ костюмѣ своеемъ сдѣлалъ уступку новому времени, измѣнивъ национальный халатъ на своеобразный камзолъ татарскаго покроя. Занимается онъ подрядами по ремонту дорогъ и по постройкѣ казенныхъ зданій въ городе. Въ 1894 году онъ былъ назначенъ членомъ особаго комитета по постройкѣ церкви въ самой Ташкентѣ и въ этомъ званіи состоялъ до сихъ поръ, принимая участіе въ засѣданіяхъ и дѣлахъ комитета¹⁾. Въ 1895 г. онъ назначенъ членомъ комитета по постройкѣ зданія для ремесленного училища. Въ тюремномъ комитете онъ уже нѣсколько лѣтъ состоитъ директоромъ и нерѣдко жертвуетъ въ пользу тюремы разные необходимые въ жизни ея предметы.

Сидѣ-Каримъ въ послѣднее время былъ членомъ Ташкентской городской управы и 7 февраля 1895 г. удостоился высокой чести представляться ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ въ Аничкиномъ Дворцѣ виѣстѣ съ другими депутатами Туркестанскаго края, русскими и туземными. Повѣздка въ первый разъ въ Европейскую Россію, осмотръ по пути разныхъ городовъ Россіи, особенно Москвы и Петербурга и выше всего счастіе представляться ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ до такой степени подействовало на молодаго туземца, что онъ, по возвращеніи въ

¹⁾ 16 июня 1895 года, въ пятницу, Сидѣ-Гани имѣетъ съ другими членами комитета находился на постройкѣ, когда новостроющуюся церковь осматривалъ мѣстный Епископъ Преосвященный Иаконъ, и естественно обративъ на себя вниманіе епископа. На обращенные къ нему Епископомъ некоторые вопросы онъ свободно отвѣчалъ, та- туя Епископа «Вашимъ Превосходительствомъ», но когда прислушался, какъ обращались къ Епископу русскіе члены комитета, то въ самъ сталъ говорить «Ваше Преосвященство». Н. О.

Ташкентъ, высказываясь свое сознательное желаніе отправиться въ слѣдующемъ 1896 году на всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы получить болѣе широкое представление о прошлой и торговой жизни и вообще о прогрессѣ яитроополія Туркестанскаго края—Европейской Россіи. Къ этому можно прибавить, что оба брата—Сидѣ-Гани и Сидѣ-Каримъ живутъ съ достаткомъ, поддерживая знакомство съ русскимъ, прилично одѣваются, имѣютъ для выѣзда хорошихъ лошадей и экипажи; национальная двухколесная арба служить у нихъ только для перевозки товаровъ и прислуги. Конечно, все это лишь внѣшняя сторона дѣла, но съ внѣшности обыкновенно и начинается переломъ въ народной жизни, какъ это известно изъ исторіи.

Зять Сидѣ-Азимъ-бая, Арифъ-ходжа Азизъ-ходжинъ также хорошо говорить по-русски, выполняетъ большой казенный подрядъ (свыше 700 тыс. руб.) и живеть уже въ русской части Ташкента. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что домъ его даже своимъ внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ устройствомъ напоминаетъ внимательному наблюдателю о совершающемся въ Ташкентѣ сближеніи двухъ народностей. Домъ Арифа-ходжи состоитъ изъ двухъ половинъ, русской и сартской. Русская половина занимаетъ угловую часть, выходить на двѣ улицы и устроена по образцу русскихъ домовъ. Хорошимъ крыльцомъ съ Петербургской улицы (входная дверь съ иружинымъ звонкомъ) вы входите въ большую переднюю. Направо—большая пріемная, а далѣе, на углу—небольшая гостиная. Въ обѣихъ этихъ комнатахъ мебель русская: мягкие диваны съ такими же креслами и въ обѣихъ вѣнскіе стулья. Дорогіе ковры застилаютъ полы этихъ комнатъ; такія же драпировки (ярко-желтаго цвѣта въ пріемной комнатѣ и малиноваго въ гостиной) украшаютъ двери и окна; тропическія растенія въ банкахъ стоять на окнахъ и въ углахъ комнатъ. На лѣво изъ парадной—дѣловой кабинетъ хозяина съ письменнымъ столомъ и письменными принадлежностями. Кабинетъ глухой стѣной отдѣляетъ сартскую половину дома, внутреннее устройство которой мнѣ неизѣстно. Снаружи эта половина обращаетъ на себя вни-

мание тѣмъ, что окна въ ней только намѣчены, и симметрія въ фасадѣ соблюдена, но крыша на этой половинѣ камышевая съ глиняной смазкой, тогда какъ надъ русской половиной устроена желѣзная крыша по всѣмъ правиламъ строительного искусства.... Такъ мирно и юятся эти двѣ половины одного и того же дома, наглядно указывающія въ тоже время на различное положеніе женщины въ домѣ русскомъ и сартскомъ. Въ русской семье женщина открыта, живетъ общую жизнью съ мужчинами; женщина сартовъ закрыта, не можетъ выглянуть, а тѣмъ болѣе выйти на улицу безъ разрѣшенія мужа. Фасадъ дома Арифа-ходжи какъ бы указываетъ, что *може* въ одной половинѣ окна не пробиты, но мѣста для нихъ уже намѣчены: когда придетъ время, пробить ихъ будетъ нужно, хотя, можетъ быть, не сразу и не всѣ вдругъ.

Въ 1894 году Арифъ-ходжаѣ вѣздили въ первый разъ въ Россію и былъ пораженъ всѣмъ видѣніемъ, особенно въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. 25 іюля онъ имѣлъ возможность видѣть торжественное народное гуляніе въ Петергофѣ, въ день бракосочетанія Великой Княжны Ксении Александровны съ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ, а потомъ видѣть Высочайшій смотръ войскъ подъ Краснымъ Селомъ. Петербургская жизнь вообще настолько заинтересовала его, что онъ проѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ и Лондонъ. По поводу своей поїздки въ Петербургъ, Арифъ-ходжаѣ высказалъ свое мнѣніе, что каждый состоятельный туземецъ долженъ хотя бы одинъ разъ въ жизни побывать въ этомъ городѣ и посмотреть тамошнія достопримѣчательности, потому что слышать о нихъ и видѣть ихъ своими глазами—не одно и тоже¹⁾). Въ февралѣ 1895 г. Арифъ-ходжаѣ вмѣстѣ съ Сидѣ-Кяrimомъ имѣлъ счастіе представиться ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ въ Аничковомъ Дворцѣ.

Есть еще иѣсколько сартовъ въ ташкентѣ, преимущественно торговаго класса, у которыхъ сближеніе съ русскими замѣтно

¹⁾ Туркест. Тузем. газ. 1894 г. № 28.

выражается въ ихъ знаціи разговорнаго русскаго языка, въ общеніи съ русскими людьми и въ обзаведеніи своихъ домовъ иѣ-которыми принадлежностями русскаго быта: стѣнными часами и зеркалами, столами и стульями, тарелками и салфетками, ложками, ножами и вилками. Въ пріемныхъ комнатахъ у нихъ устроены русскія печи, а для освѣщенія комнатъ служатъ лампы. Таковы: членъ городской управы Максудъ-ханъ, Бадаль-Мухаммадъ-бай и другіе. Въ русскіе праздники они прѣѣжаютъ въ русскимъ своимъ знакомымъ съ форменными визитами; у иѣкоторыхъ съ этой цѣлію заведены даже визитныя карточки. Въ свою очередь русскіе въ иусульманскіе праздники поздравляютъ своихъ новыхъ соотечественниковъ въ азіатскомъ городѣ.

Что касается вообще распространенія русскаго языка среди торговцевъ, то въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, побывавъ на Воскресенскомъ базарѣ, въ русской части Ташкента. А затѣмъ стоитъ обратить вниманіе и на то, что во многихъ русскихъ домахъ Ташкента въ настоящее время есть мужская прислуга изъ сартовъ, владѣющихъ русскимъ языккомъ. Годъ съ годомъ число сартской прислуги въ русскихъ домахъ Ташкента и въ казенныхъ учрежденіяхъ увеличивается. Въ настоящее время много сартовъ, исполняющихъ обязанности разсыльныхъ, сторожей, поваровъ и дворянокъ.

Послѣ торгового класса ташкентскихъ сартовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ташкентскихъ ремесленниковъ: каменщицковъ, штукатуровъ, плотниковъ, столяровъ и др. Всѣ они, работая подъ руководствомъ русскихъ инженеровъ и русскихъ мастеровъ, переняли не только русскіе пріемы въ работахъ, но и дополнили свой инвентарь необходимыми инструментами, не бросая своихъ. Выѣстъ съ тѣмъ, работая у русскихъ и на русскихъ, мастера-сарты не только получаютъ выгодный (неслыханный прежде, въ ханскія времена) заработокъ¹⁾), но и обогащаются себѣ практическими знаніями и въ то же время смыкаются съ русскими людьми. Въ на-

¹⁾ Каменщицы получаютъ въ день 1 р. 50 к. и даже 2 р., плотники—не менѣе, а прежде мастера работали вѣ-за паша и хајатовъ. Н. О.

стоящее время въ Ташкентѣ есть уже мастера-артельщики изъ сартовъ и подрядчики, которые принимаютъ и хорошо выполняютъ разнообразныя казенные и частныя работы. Достаточно принять во вниманіе, что весь русскій Ташкентъ, не исключая церквей, выстроенъ мастерами-сартами. При этомъ, естественно, туземные мастера постепенно практически учатся русскому языку, а нѣкоторые и русской грамотѣ.

Не остаются въ отчужденіи отъ русскихъ и ученые сарты: казій, имамы, муфтіи и нѣкоторые преподаватели мусульманскихъ высшихъ и низшихъ школъ г. Ташкента. Конечно, въ этой средѣ русское вліяніе замѣтно сравнительно менѣе, какъ потому, что ученые мусульмане имѣютъ менѣе соприкосновенія съ русскими людьми, такъ и потому, что они—настоящіе представители основъ туземной жизни, прожившіе цѣлые вѣка въ замкнутомъ кругѣ своихъ (мусульманскихъ) понятій и въ отчужденіи отъ другихъ народовъ. А извѣстно, что „чѣмъ дольше общество жило особилякомъ, безъ рѣшительного сближенія съ другими народами, хотя и чувствуя потребности иной, болѣе просторной жизни, но только частными преобразованіями удовлетворяя этимъ потребностямъ,—тѣмъ сильнѣе въ немъ болѣзнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки, наступающіе со временемъ втораго (подражательнаго) периода, и тѣмъ упорнѣе готово отвергать ихъ“¹⁾). Но и при всемъ томъ, нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, ташкентскіе ученые сарты постепенно сближаются съ нами и даже присматриваются къ русскимъ школамъ, прислушиваются къ русской рѣчи и не отталкиваются отъ разныхъ научныхъ свѣдѣній, какія проникаютъ въ ихъ среду путемъ живыхъ бесѣдъ съ русскими людьми и чрезъ мѣстную туземную газету. Ташкентская мужская гимназія не рѣдко посѣщается учеными сартами, мѣстными и пріѣзжими изъ другихъ городовъ Туркестанскаго края. Въ 1890 году туземный поэтъ изъ Ферганы Закиръ-джанъ (Фиркатъ) описалъ въ стихахъ свое первое посѣ-

¹⁾ Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. А. Галахова. Издание второе. Томъ I, отдѣль 2-й, стр. 277. Спб. 1880.

щеніе гимназіи и затѣмъ годичный актъ гимназіи, на которомъ онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими воспитанниками ташкентской высшей мусульманской школы. Ради интереса, представляемаго послѣдними стихами, первыми въ своемъ родѣ, они приводятся здѣсь въ русскомъ переводѣ.

„Наиравній взоръ на эту страницу увидитъ нижеслѣдующія слова.... Писалъ я о гимназіи и составилъ для народа описание того, какъ было приготовлено засѣданіе Акта, чтобы начаться по русскому обычаю. Большая зала гимназіи была убрана на подобіе цвѣтника; она была украшена зеленью растеній, и въ углахъ ея были разставлены цвѣты. Въ залѣ было разставлено очень много стульевъ. Зелень отражалась на стульяхъ, и они имѣли цвѣть изумруднаго бархата.... Ученіки надушили свои волосы духами.... Не то это была розовая вода, не то волосы ихъ пахучи, какъ розы.... Въ залу прибыли отцы учениковъ и чадолюбивыя матери, а также гости—мужчины и женщины,—подобные Платону своею мудростію. Тамъ были и начальники разные.... Не достанетъ времени подробно перечислять ихъ. По чинамъ занимали они стулья и сидѣли сосредоточенно, никого не разговаривая. Ученіки были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, какъ пледы въ небесномъ пространствѣ. Преданный слуга Русскаго ГОСУДАРЯ, Генералъ-Губернаторъ, представитель справедливости, достигшій особенной высоты, прибывъ, вошелъ въ собраніе, поздоровался со всѣми и занялъ самое главное мѣсто. По одну сторону его сѣлъ Главный Инспекторъ училищъ, а по другую сторону начальникъ гимназіи. Преподаватели всѣ сидѣли полукругомъ въ почтительномъ положеніи. Передъ Генераломъ находился большой столъ; ноги у стола—изъ аloe и сандала. На столѣ лежали аттестаты зрѣлости и похвальные листы.

„Одинъ преподаватель прочиталъ своего сочиненія рѣчъ, содержаніе которой заимствовалъ изъ исторій на разныхъ языкахъ. Онъ говорилъ объ Александрѣ Македонскомъ, какъ онъ приходилъ въ Туркестанъ, какъ пропелъ, куда ходилъ, что дѣлалъ. Когда онъ окончилъ свою рѣчь, другой началъ читать отчетъ

по гимназии. Тѣмъ ученикамъ, которые прилежно учились, были выданы награды, то есть похвальные листы. Девятнадцати ученикамъ были выданы аттестаты зрѣлости, и двумъ изъ нихъ за отличные успѣхи были назначены золотые медали. При выдачѣ наградъ играли музыканты и веселили духъ. Сердце услаждалось звуками, восторгалось какъ въ дни праздниковъ. Ученики почтительно получали награды изъ рукъ Генерала. Они, хотя еще и дѣти, но наука поставила ихъ въ высокое положеніе. Голосъ одобренія слышался въ собраніи отъ мала до велика. Были на актѣ и нѣсколько воспитанниковъ мусульманской мадрасы, скромные люди. Они стояли на одномъ мѣстѣ, смотрѣли и рѣшительно ничего не говорили, кромѣ словъ одобренія.—Учебное дѣло съ такими порядками и правилами вызываетъ удивленіе и одобрение. Какой удивительный обычай! Какой удивительный порядокъ! Отъ этого прилежаніе учащихся увеличивается. Говоря это, я хочу сказать, что и у меня самого усилилось стремленіе къ наукѣ.... Вѣдь у каждого народа высоко цѣнятся наука, и положеніе ученаго—самое высокое въ мірѣ: кто свѣдущъ въ наукахъ, тотъ цѣнится и уважается народомъ; кто бы какое дѣло ни дѣлалъ въ жизни, для болѣе легкаго выполненія его необходимо знаніе.... Міръ освѣщается лучами знанія, сердце очищается чистотою знанія. У кого есть въ рукѣ свѣтильникъ, тотъ и въ темнотѣ не встрѣтить опасности на пути.... Боже! Просвѣти темное сердце Фирковата свѣтомъ знанія".

Другіе стихи составлены тѣмъ-же поэтомъ по случаю посѣщенія имъ концерта, даннаго ташкентскимъ музыкальнымъ обществомъ 1 іюля 1890 года въ пользу бѣдныхъ учениковъ ташкентской гимназии, окончившихъ въ тоиъ году курсъ. Вотъ эти стихи:

„Вы, провидательные друзья-ораторы, рѣдкостныя жемчу-жини въ морѣ совершенства! Вы, кони, скачущіе по ристалищу науки и отличающіеся знаніемъ! Послушайте,—я поведу свой разсказъ, буду излагать его въ стихахъ.... Было первое іюля тысяча восемьсотъ девяностаго года. Я гулялъ по русскому городу, но въ

души имѣть добрыя чувства¹⁾... Получивъ въ этотъ день извѣстіе, я прошелъ къ ярмаркѣ и увидѣлъ величественное зданіе (театръ), служащее для развлеченія русскаго населенія. Я взялъ билетъ, вошелъ и сѣлъ; я видѣлъ устроеніе тамъ развлеченіе. Въ большой залѣ горѣли многочисленныя лампы; передняя часть залы была устроена на подобіе сада. Когда я хорошошко всмотрѣлся, то это были разрисованные занавѣсы (декорации), а на занавѣсахъ были отпечатки рисунковъ. Многочисленныя свѣчи освѣщали эту комната; она была похожа на цвѣтище изъ свѣтильниковъ. Стулья были установлены въ извѣстномъ порядке, т. е. съ высшей, средней и низшей платой. Такъ какъ на этомъ концертѣ были люди интеллигентные и простые, то места были занумерованы. Прибыли туда большіе и малые, какъ русскіе, такъ и кызы, и французы. Но большинство составляли начальствующіе и знатные,—чистая публика. Прибыло много мужчинъ и женщинъ, и всѣ сѣли на стулья. Всѣ прибывающіе съ цѣллю послушать концертъ садились на свои мѣста. Сначала одинъ мальчикъ и одна женщина исполнили свою музыкальную партію. Послѣ того пѣлъ одинъ пѣвецъ, а ему аккомпанировала дама. Потомъ вышла одна дама въ голубомъ платьѣ, солнцелика.... Я спросилъ, и мнѣ сказали, что это—супруга Громова. Задушевный ея голосъ привелъ въ восторгъ мое сердце. Ея выходъ былъ подобенъ появлению счастливой звѣзды: если бы и Пери увидѣла ея красоту, то позавидовала бы.... Она держала въ рукѣ ноты и пѣла тихіи голосомъ. Двое ей подыгрывали: одинъ на рояли, другой на віолончели. Музыка и пѣніе были одного тона, то есть вполнѣ согласны. Сердце услаждалось ихъ музыкой, душа наслаждалась ея голосомъ. За такую совершенную игру и пѣніе ихъ все собраніе аплодировало имъ въ знакъ одобренія; всѣ были въ восторгѣ.... Она возвратилась съ почтительнымъ поклономъ и какъ „полная луна“ скрылась за горизонтомъ (за кулисами). Но отвѣчая желанію публики продолжить наслажденіе ея голосомъ, она снова вышла и начала

¹⁾ Т. е. не относился съ фанатическимъ презрѣніемъ къ русскому городу, какъ къ жилищу ненѣрныхъ. Н. О.

пѣть иѣсню, которая зажгла сердце, и сердце мое горѣло огнемъ наслажденія. Потомъ она съ почтительнымъ поклономъ удалилась за занавѣсь, а публика продолжала аплодировать ей. Затѣмъ вышли молодой человѣкъ и дама; они играли и пѣли, доставляя удовольствіе. Они удовлетворили музыкально-вокальныя чувства слушателей и ушли за декорациіи. Вышли еще двѣ женщины; одна играла на рояли, а одна пѣла неподражаемую иѣснью. Одинъ мальчикъ опять игралъ на скрипкѣ; трое они (своимъ искусствомъ) отогнали болѣзнь, страданіе и печаль. Спустя нѣсколько времени, поднялся занавѣсь, и тѣ, которые встали было съ мѣстъ своихъ, быстро опять сѣли. Вышли болѣе пятнадцати дѣвицъ съ однимъ дирижеромъ. Всѣ они начали пѣть хоромъ.... Печенье моя разошлась, какъ вода¹⁾.... Дирижеръ махалъ руками и тѣмъ дѣлалъ указанія пѣнію.... И эти иѣжныя существа начали пѣть то тихо, то громко. Голоса ихъ не выступали изъ мѣры и снова тронули сердце. Сколько ни было на концертѣ лицъ, иѣніе это очаровало ихъ. Отъ ихъ пѣнія мой умъ оцѣнѣлъ, отъ музыки сердце мое разслабло. Я никогда не слышалъ такихъ голосовъ; хорошо, что я не вышелъ изъ себя отъ восторга. Браво такому пѣнію!... Когда всѣ эти дѣвицы вошли за кулисы, концертъ окончился.— Концертъ продолжался до одиннадцати часовъ, а потомъ всѣ возвратились по своимъ домамъ. У меня не было ума и памяти; у меня поминутно появлялся восторгъ. Я желалъ снова посмотретьъ, чтобы усмокнуть взволнованное сердце. Однимъ словомъ: эту ночь, друзья, до разсвѣта я не могъ заснуть.... И въ настоящее время на сердцѣ у меня желаніе еще посмотретьъ”....

Ташкентскіе казіи и другія туземныя должностныя лица бываютъ въ русскихъ домахъ и у себя принимаютъ русскихъ. Я не говорю уже объ офиціальныхъ праздничныхъ пріемахъ этихъ лицъ генераль-губернаторомъ, военнымъ губернаторомъ и начальникомъ города. Во время этихъ пріемовъ, а также во время устраиваемыхъ для почетныхъ туземцевъ угощеній,

¹⁾ Такой своеобразный оборотъ означаетъ, что слушателя пришли въ неописанный восторгъ отъ иѣнія. Н. О.

послѣдніе чувствуютъ и цѣнятъ вниженіе, оказываемое имъ русскими начальниками. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія стихи того же поэта, своеобразно описавшаго свои личныя чувства и впечатлѣнія, вынесенные имъ съ двухъ офиціальныхъ вечеровъ въ домѣ Генераль-Губернатора Барона А. Б. Вревского, 22 января и 10 февраля 1891 года:

1. Быть новыи, тысяча восемьсотъ девяносто первый годъ, конецъ января.

Къ двадцать второму январи пришло къ паямъ хороше пзвѣстіе:

Отъ Господина Генераль-Губернатора, чрезъ посланаго начальникомъ города, доставленъ паямъ конвертъ (съ билетомъ).

Взявшись въ руки это милостивое письмо, мы тогда же почтительно прочитали его. Въ немъ было милостивое приглашеніе на вечеръ.

Въ короткихъ словахъ: и отправился въ назначенный день и, когда прибылъ, было девять часовъ (вечера).

По данному знаку, и вошелъ во внутреннюю часть (генераль-губернаторскаго дома) и увидѣлъ отличное помѣщеніе.

Большой залъ былъ очень просторный и приготовленъ для гостей.

Вдоль стѣнъ были рядами разставлены стулья и все ровные.

Въ каждой сторонѣ они стояли правильно; не было ни малыхъ, ни съ недостатками.

Къ потолку этой комнаты привѣшены пять люстръ, и въ каждой горѣлъ стеариновый свѣчн.

Въ одной большой люстрѣ горѣло сто свѣчей, а всего было болѣе тысячи свѣчей.

Отъ ихъ пламени блѣвъ въ глаза столь яркій свѣтъ, что и день передъ паямъ быль тьмой....

Столъ хорошо былъ убранъ этотъ залъ, что видѣвшіе его принимали его за цвѣтникъ.

По сторонамъ его было еще много комнатъ, много красивыхъ помѣщений, и все они были наполнены рѣдкими, какпхъ мало, предметами.

Длинѣтельнѣе всего одна комната со стеклами; она и въ энное время носить признаки цвѣтника:

Тамъ яного распустившихся цветовъ, которые не колются, когда прикоснешься къ нимъ.

Каждая сторона обвиваестся зеленою и на листья падаетъ вода, какъ роса.

Въ этомъ цвѣтнике бѣль фонтанъ; его вода падала цветѣй бѣлой розы съ спущенными стапонами.

Будетъ ли морозный день,—внутрь сада пропинаетъ тепло изъ печи сизу.

Столь много было въ этотъ вечеръ свѣтильниковъ, что въ цвѣтикахъ было свѣтло, какъ днѣй.

Каждый свѣтильникъ былъ особаго цвѣта и казался глазамъ семицвѣтыемъ.

Много такихъ комнать, веселящихъ сердца, пріятыхъ; особенно двѣ въ высокой степени узорчатыя....

Чтобы раскрасить ихъ, мастеръ клалъ на нихъ узоры меньшіе глазокъ золотыниыхъ.

А одна комната во вкусѣ мусульманъ: всѣ еи стѣны и потолокъ узорчатые.

А за нею еще большая комната: кто войдетъ въ нес, сразу чувствуешь себя хорошо;

Всѣ еи стѣны гладки-чисты, какъ зеркало; отъ неи отражается свѣтъ.

Всѣ комнаты были наполнены благовошіями, какъ мускусъ и амбра....

На этотъ вечеръ прибыло много русскихъ, много и должностныхъ мусульманъ.

Прибыли хороши, почетные люди,—гости Генерала-Губернатора.

Собрались тамъ среброгрудыи¹⁾, танцующіи дѣвицы съ глазами сериѣ,

Дочери начальниковъ, всѣ красивыи лица, стройныи становъ, со лбомъ, какъ роза, и душистыми, какъ айбра, волосами.

А среди нихъ была невѣстка Генерала, красивѣе всѣхъ дѣвицъ.

Красота еи, какъ красота блѣдой розы среди красныхъ розъ,—въ изяществѣ.

Запела музыка, вышли барышни, и начались танцы.

Ихъ движенія были въ тактъ музикѣ; ступали они соотвѣтственно правиламъ танцевъ.

Выѣсть съ ними, держась за руки, танцевали мужчины.

Исполнивъ первый танецъ для знакомства, они потомъ сходились мало-по-малу.

Танцующіи пары каждый разъ сбѣшивались и знакомство ихъ укрѣплялось.

Каждый по своему желанію и всѣ одновременно танцевали.

Чтобы доставить удовольствіе гостямъ, хозяйка много разъ обращалась къ имъ

Съ выраженіемъ своего расположенія и приглашеніемъ танцевать.

¹⁾ Т. е. въ бѣлыхъ, серебристыхъ платьяхъ. Н. О.

Кромѣ невѣстки (Генерала), была еще одна барышня, радущио отпосыпавшая къ гостямъ.

Когда невѣстка Генерала удалялась, эта барышня была еи замѣстительницей.

И Генералъ-Губернаторъ прохаживался тутъ, смотря на веселящихся гостей.

Съ некоторыми изъ нихъ онъ разговаривалъ и радовалъ ихъ сердца. Быть такъ одинъ оживленный танецъ; всѣ гости восторгались.

Это былоъ болѣйшой живой танецъ. Принесли къ танцующимъ подносъ съ цвѣтами

И, раздавъ дѣвицамъ цвѣты, сдѣлали подобіе цвѣтишка.

Барышни давали цвѣты, кому хотели, и тѣ мужчины были избранниками ихъ сердца.

Они пары танцевали: взявшись за руки, они на томъ же мѣстѣ дѣлали кругъ.

Подобно этому, всѣ тогда, каждая пара отдельно, дѣлали круги.

Этотъ танецъ вызывалъ высокое удивленіе, такъ что никто не вспоминалъ даже о танцахъ Джамшида²⁾.

Танцы продолжались въ эту ночь пять часовъ, и всѣ остались вполнѣ доволены.

Послѣ того пригласили гостей въ другую залу, говоря: «сдѣлайте честь закусѣ».

Приготовлены были разныи кушанья, всѣ чистыи, одно другаго чище. Гости подошли къ столу и кушали съ удовольствіемъ.

Кушанья клади на тарелки, а стаканы наполняли сладкими напитками.

Все помѣщалось на столахъ. Но многихъ кушающимъ названий я не знаю.

Кому что нравилось, тотъ то и кушалъ безъ стѣсненія.

Много слугъ было тамъ, и каждый исполнялъ свою обязанность.

По окончаніи закуски, гости вышли оттуда, вошли въ другую залу, какъ будто изъ цвѣтущей долины въ розовый цвѣтишъ;

Всѣ изѣли въ виду уходить домой.... Получивъ позволеніе отъ Генерала,

Мы, шестнадцать человѣкъ, радостно настроенные, выѣстъ съ русскими выраженню благодарности.

Происшедшее развлеченье кратко описано первою Фиркато²⁾.

¹⁾ Время баснословного Джамшида славилась разнообразными танцами. Н. О.

²⁾ Туркест. тузем. газета 1891 г. № 4.

II. Во второй разъ, десятаго февраля, въ девять часовъ (вечера), какъ и въ первый разъ,

Были также у Генералъ-Губернатора гости, и сердца ихъ веселились.

Въ этотъ вечеръ на небѣ луна открыла лицо свое и бросала на землю серебристые лучи....

Когда и шелъ по улицѣ и увидѣлъ (свѣтъ луны), сердце мое просияло.

Домъ Генерала былъ такъ освѣщенъ, что легко было бы поднять упавшую иголку:

Много горбло свѣчей, разставленныхъ на изгороди вдоль всей усадьбы.

При входѣ стояли иѣсколько человѣкъ, чтобы принимать гостей....

То же помѣщеніе, тотъ же садъ, тотъ же залъ; но много рода были самый балъ....

Вышелъ Генералъ-Губернаторъ, обожгъ всѣхъ гостей, со всѣми одинаково поздоровался

И кланялся, говоря: «Добро пожаловать! Радъ видѣть васъ»¹⁾.

Но изъ чиновныхъ особъ было много новыхъ лицъ, и сосчитать всѣхъ было невозможно.

Также и въ числѣ дѣвицъ были еще более красивыи и миловидныя, чѣмъ на первомъ балѣ.

Кромѣ дѣвицъ, вѣстѣ съ ними было много и супругъ чиновниковъ. На нихъ были высокой цѣны платья.

Граціозно выступали онѣ, какъ павы,—растягивались ихъ шлейфы по полу.

Если скажу, что это былъ цвѣтникъ (то справедливо), потому что тамъ были розолики;

Ихъ платья—пріятнаго цвѣта, какъ и розы, а ихъ уста,—какъ бутонь;

Если бы настоящая хна²⁾ вздумала поскорить съ цвѣтомъ ихъ губъ, то заслужила бы наказаніе—нопраніе ногами.

Ихъ стани—какъ стройные кипарисы; ихъ вслосы спускались на лица въ видѣ гіацинтовъ;

Въ (пріятнѣхъ) рѣчахъ имъ уступили бы даже индійскіе попуганы;

а отъ ихъ (скроиныхъ) взоровъ опустили бы свои глаза китайскіи серны. Среди нихъ двѣ хозяйки оказывали гостямъ полное вниманіе:

Одна изъ нихъ—невѣстка Генерала и еще одна дѣвица.

Онѣ всѣмъ гостямъ говорили пріятныя рѣчи.

¹⁾ Послѣднее выраженіе не бывалоо переведено съ подлинника, но смыслъ его тотъ.

²⁾ Красный цвѣтокъ, употребляемый женщинами сартою для крашения бровей.

Въ этомъ (живомъ) цвѣтнике обѣ онѣ имѣли платья цвѣта фіалки. Подобныи пери, онѣ съ радушиемъ приглашали гостей въ гостиную. Если бы я сталъ описывать ихъ качества, то сколько бы я писалъ, не кончилъ бы....

Дѣвицы и дамы все танцевали; движенія ихъ были въ тактъ музикѣ; Но и танцы въ этотъ разъ были иные, а не повторенные.

Прибывшиe (на балъ) развлекались, каждый по своимъ склонностямъ: Одни стояли гдѣ-нибудь, другіе въ свое удовольствіе расхаживали по комнатамъ,

Одни сидѣли, другіе стояли и смотрѣли;

Одни были въ цвѣтнике¹⁾, другие наслаждались чаепитіемъ;

Одни, взявшись рука-объ-руку съ друзьями, гуляли тамъ и сямъ.

Въ этихъ танцахъ все находили большое удовольствіе; у всѣхъ исчезала печаль и тоска.

Этотъ балъ окончился въ два часа, и тотчасъ сѣли за столъ.

Въ томъ цвѣтнике, который служитъ для вышаго удовольствія, было особое мѣсто для мусульманъ (т. е. для нихъ приготовленъ былъ столъ въ зимнемъ саду).

По выходѣ изъ-за стола, все собрались уходить.

Высокій хозяинъ благосклонно простилъ съ гостями и отпустилъ ихъ.

И я возвратился въ свое обиталище, какъ унылый соловей—въ свой прежній цвѣтникъ....

Я вспомнилъ тотъ цвѣтникъ, затоковавъ и пакощецъ, подобно соловью, запѣлъ...²⁾.

Эти стихи я написалъ братко, по и при краткости перечерпалъ все. Потому что, когда былъ первый балъ, я описалъ его подробно;

Если же и теперь я повторилъ иѣкоторыи слова, то на это есть причина: Потому что я слышалъ благословленія слова, что сложилъ таіе стихи.

Невѣстка Генерала, хозяйка (балы), увидѣвъ меня тамъ, оказала мнѣ такую большую милость—

Сказала мнѣ иѣсколько ободрительныхъ словъ: все слова ея были благословленія....

Я—бѣдный³⁾ былъ очень обрадованъ; испуганное мое сердце успокоилось.

Я навсегда съ душевною благодарностью сохранию и буду помнить такую милость.

¹⁾ Т. е. въ зимнемъ саду.

²⁾ Т. е. сложилъ вышеприведенные стихи.

³⁾ Т. е. маленький человѣкъ.

Собственно это стихотворение—для мусульманъ, эти слова для разумѣющихъ.

Мы представляемъ нужнымъ написать и объяснить мы, чтобы и они, услышавъ, узнали и порадовались въ сердцѣ.

Такъ, мы мусульманскій народъ—большой народъ и нѣсколько лѣтъ живемъ среди русскихъ;

Въ домѣ Генераль-Губернатора въ разное время балы бывали, но мы не видали, каковы они.

Хотя въ сторонѣ оть Ташкента много живетъ мусульманъ, однако они не бывали среди русскихъ и не видывали такихъ развлечений.

И въ гаечѣ не читали, не слыхали или не имѣли желанія получать ее.

А развлечениѳ это—въ томъ, что собираются въ большомъ залѣ.

И танцуютъ тамъ нѣсколько часовъ молодые люди съ девицами, женщины съ мужчинами.

Другъ съ другомъ они разговариваютъ и открываютъ путь къ знакомству.

Проявляютъ хорошее обращеніе другъ съ другомъ, манеры пріятныя и хороши.

Видя многихъ людей, (присутствующіе) берутъ съ нихъ примѣры, обращаютъ вниманіе на ихъ нравы

И этимъ приобрѣтаютъ много опыта; и правила вѣжливости среди нихъ совершенствуются¹⁾....

Конечно, русскій читатель найдетъ въ этихъ стихахъ много наивнаго, встрѣтить своеобразныя прикрасы и преувеличенія.... Но все это естественно, если принять во вниманіе, что туземный поэтъ никогда ничего подобнаго не видалъ да и не могъ вообразить себѣ. Удивляться ля, что бѣдный въ буквальномъ смыслѣ слова поэтъ, который можетъ по праву сказать: отпіа таа шесимъ рогто, поражается прежде всего цѣлыми рядами ровныхъ и неломанныхъ стульевъ и считаетъ, сколько свѣчей было заправлено въ люстрахъ?... Онъ съ своей точки зрѣнія отмѣтилъ и то, что кушанья на балу для столь большаго числа гостей были чисто приготовлены, потому что и у сартовъ собираются гости въ большомъ числѣ, но кушанья для нихъ варятся среди двора, въ котлахъ....

¹⁾ Туркест. тузем. газ. 1891 г. № 7.

Вообще, надо хорошо знать быть туземца, чтобы понять ошеломляющее впечатлѣніе, производимое на него большими русскимъ баломъ. А затѣмъ надо принять въ соображеніе и то, что туземные поэты имѣютъ всегда въ запасѣ стереотипы красивыя фразы и сравненія, которыя они и примѣняютъ потомъ къ дѣлу, какъ только представляется подходящій случай. Вотъ какъ самъ поэтъ объяснилъ свое положеніе (въ стихахъ же):

Я пишу о положеніи поэта, объясняю настоящее прошедшее.

(Поэтъ), что увидеть хорошаго въ мірѣ, то излагаетъ, описываетъ въ хорошихъ выраженіяхъ:

Если гдѣ-нибудь будетъ хорошее мѣсто, красивое зданіе или вообще усадьба,

Или будетъ хороший садъ съ отличнымъ мѣстомъ отдыховенія, въ которомъ каждый человѣкъ всегда радуется,

Или будетъ обширная площадь, при видѣ которой сердце приходитъ въ восторгъ,

Или будутъ люди, достигшіе совершенства, или человѣкъ отличающійся красотою,—

Какимъ образомъ поэтъ скажетъ объ этихъ предметахъ худо, не сказавъ хорошаго слова?

Хорошему человѣку свойственно хорошо говорить о хорошихъ предметахъ; дурная привычка—говорить дурные слова.

У кого есть умъ и разумѣніе, тотъ самъ не позволитъ себѣ сказать дурное слово....

Напримеръ: Саади, путешествуя, писалъ о многихъ видѣніяхъ имъ предметахъ.

Онъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по міру; въ каждоѣ городѣ онъ проводилъ по нѣсколько дней;

Развлекаясь въ этихъ городахъ, онъ оставался тамъ по нѣсколько дней,

Видѣлъ тамъ чуждыя ему обычаи, а выѣхѣ съ обычаями и религіозными обрядами.

Удивившись, онъ писалъ объ этомъ то прозой, то драматич., то короткими стихами....

Если кто увидѣть что-нибудь новиданіе и удивится, то удивительно удивленіе другаго безъ причины.

Напримеръ: мы—мусульманскій народъ, особенно нѣкоторые жители Ферганы¹⁾

¹⁾ Авторъ—уроженецъ Ферганы и временно живъ въ Ташкентѣ. И. О.

Отправившись въ русскій городъ и увидѣвъ тамъ повиданные обычаи и порядки,

Возможно, что удивишься и изумишься....

Если поэты, гуляя, увидитъ что-нибудь удивительное и напишетъ объ этомъ стихи,—

Красота его стиховъ—въ высокомъ слогѣ, каковы бы ни были слова его. Напримѣръ: мусульманскіе поэты, очень искусные въ стихотворствѣ, были: Хафізъ, Саади, Фирдауси. Имена этихъ трехъ поэтовъ—какъ знамена въ мірѣ....

Сколько возвышенныхъ словъ сказали они! И образованные люди слова ихъ одобряютъ.

Фирдауси въ «Шахнама» такъ восторженно разсказываетъ объ одной большой битвѣ:

«Отъ пыла, на полѣ битвы поднятой лошадью, земля стала шесть, а небо восемь¹⁾.

Въ такихъ высокихъ образахъ онъ высказалъ это.—

А когда же въ саженъ дѣлѣ небесъ было восемь, а земель шесть?!

И этотъ стихъ намъ нравится, потому что въ немъ много прелести.

Однако наши стихи русскимъ людямъ не понятны,

Потому что они читаютъ и хорошо знаютъ своихъ поэтовъ—

Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Эти три поэта писали своеобразно и показали стихотворство въ своихъ сочиненіяхъ.

Наші стихи не похожи на тѣ и образы наши не похожи на ихніе.

Неудивительно, если и не понравится (наши стихи), ноудивительно, если не будуть брать ихъ въ руки.

Это недовольство не безъ причины. Если (наши стихи) не нравятся, то не удивительно,

Потому что, что бы ни было, мы пишемъ соответственно своимъ склонностямъ:

Мы пишемъ, когда сердце восторгается и когда оно погружается въ печаль:

Каково состояніе (духа), соответственно тому будуть и содержаніе (стиховъ).

Вообщѣ, мы пишемъ въ хорошихъ выраженіяхъ и (что видѣли) объясняемъ своему народу²⁾.

¹⁾ То есть „Отъ лошадиныхъ копытъ цѣлый слой земли поднялся къ небу и образовалъ восмой слой неба, а земля уменьшилась на одинъ слой“.

²⁾ Туркест. тузем. газета 1891 г. № 8.

Среди почетныхъ туземцевъ г. Ташкента до 1892 г. (годъ смерти) обращалъ на себя вниманіе ишанъ Абуль-Касымъ-ханъ, считавшій своихъ послѣдователей (мюридѣ) тысячами и вообще пользовавшійся особымъ почетомъ не только въ Ташкентѣ, но и въ окрестностяхъ. И онъ не уклонялся отъ представлений къ русскимъ начальствующимъ лицамъ и всегда находился давать умные и вѣдѣть съ тѣмъ скромные отвѣты русскому начальству. Я лично былъ свидѣтелемъ, съ какимъ тактомъ почтенный Абуль-Касымъ-ханъ поддерживалъ разговоръ съ Генераль-Адъютантомъ Н. О. Розенбаумомъ во время завтрака, устроенного 13 июля 1884 года для представителей туземного населения г. Ташкента и ташкентскаго уѣзда. Кромѣ того, я лично былъ два раза любезно принять Абуль-Касимъ-ханомъ въ его домѣ, имѣль съ нимъ продолжительный разговоръ самого разностороннаго содержанія и вынесъ изъ этого посѣщенія приятное впечатлѣніе. Онъ просидѣлъ со мной два часа, разговаривая о разныхъ предметахъ. Будучи самъ ученымъ человѣкомъ и стараясь давать образованіе учащимся, онъ израсходовалъ около тридцати тысячъ рублей на устройство въ Бишъ-агачской части, противъ своего двора, хорошаго помѣщенія для школы (изъ жженаго кирпича) и даетъ содержаніе иногда ста или двадцати, иногда ста ученикамъ, учащимся въ этой школѣ, и кромѣ того имъ же выдается ежегодно значительную сумму денегъ.

Разговаривая со мной о просвѣщеніи, онъ съ печалью высказался, что въ настоящее время среди мусульманъ не только нетъ такихъ великихъ ученыхъ, какіе были въ древнее время, какъ, напримѣръ: Имамъ Мухаммадъ Газзали, Мауляви Руми и подобные имъ, но и такихъ людей нетъ, которые бы читали и обсуждали ихъ сочиненія. Заговоривъ о преимуществахъ знаній, онъ сказалъ: „подобно тому, какъ люди умираютъ безъ пищи, и сердце человѣка безъ знаній мертвъ“. Разсуждая о новыхъ наукахъ, известныхъ въ настоящее время въ Европѣ, онъ сказалъ: „отъ усвоенія знаній какого бы ни было народа получается только польза, такъ какъ каждый пародъ, усвоилъ знанія другого

народа, придастъ новую силу своему собственному зпаню¹. Когда я разсказалъ ему о томъ, что въ Ташкентѣ, 22 іюля 1885 г. съ разрѣшенія Господина Туркестанскаго Генераль-Губернатора, будетъ устроена выставка съ цѣлью показать лучшій уходъ за деревьями, плодами и цветами этого края, онъ сказалъ, что занятіе земледѣлемъ вознаграждается милостію Господа Всевышняго и прибавилъ: „шокойный родитель мой денегъ мнѣ не оставилъ, но я, занимаясь земледѣлемъ, пріобрѣлъ капиталъ, на который устроилъ упомянутую школу и изъ которого даю содержаніе находящимся въ ней ученикамъ“¹). Въ 1892 году, во время холерныхъ беспорядковъ въ г. Ташкентѣ, Абуль-Касымъ-ханъ былъ во главѣ представителей ташкентскаго туземнаго населенія, подававшихъ Генераль-Губернатору Барону А. Б. Вревскому петицію слѣдующаго содержанія:

«Прошло двадцать сеъ лѣтъ со времени подчиненія этого края Российскому Государству, а до этого времени городъ (Ташкентъ), находясь подъ властью киргизъ и кипчаковъ, видѣлъ разные беспорядки и волненія; но послѣ вступленія русскихъ въ эту страну городъ нашъ благоустроился, улицы исправлены, базарь и жилища пришли красивый видъ; земледѣліе и торговля наши увеличились,—и мы радовались наступленію спокойствія. Поэтому за Большаго Русскаго Государя Императора мы всегда совершили молитвы и исполнили предписанія назначаемыхъ губернаторовъ и другихъ старшихъ и младшихъ начальниковъ,—и радовались. Извѣстно, что, когда войска ходили въ бухарскіе предѣлы, а также во время смуты въ Ферганѣ, и когда войска ходили въ Хивинское ханство, мы не отказывали въ по-мощи, зависѣвшей отъ ласкъ, и никакихъ беспорядковъ не производили, а показывали преданность нашу и пользовались отъ губернаторовъ довѣріемъ и вниманіемъ. Вполнѣ сознавая покровительство и попеченіе о насъ Большаго Императора, мы оружія не хранили и пребывали въ спокойствіи и во всякомъ благополучії. Но двадцать четвертаго іюня сего года, когда большая часть городскаго населенія находилась въ стени и садахъ, празднича день жертвоприношенія, иѣсколько безголовыхъ безумцевъ или, можетъ быть, подчинившіяся людіи, притговарившіи изъ-за власти, отправились свободно къ старшему аксакалу съ просьбою относительно ишакиниковъ; а въ этой средѣ могли быть злонамѣренныи люди, которые, исполнія свой

¹) Туркест. тузем. газета 1885 г. № 22.

замыселъ, вошли въ дому старшаго аксакала и забрали его имущество и даже имѣли дерзость отправиться въ Управление начальника города и тамъ произвели смятеніе. Эти люди должны быть известны старшему аксакалу и бывшему начальнику города, самому полковнику Путинцеву, которыхъ они узнаютъ, если увидѣть; и если быть (въ этомъ дѣлѣ) подушатель, то и ого должны знать.

«Доводя обѣ этомъ до свѣдѣнія Вашей милости, мы надѣемся на Васъ, что Вы съ великою милостью примите настоящее наше прошеніе, написанное слезами и съ полной искренностью, разсѣдуете произошедшиій случай и, обнаруживши тѣхъ лицъ, которымъ произвели такой беспорядокъ, подвергните ихъ наказанію, какъ виловыхъ, по закону. Эти злонамѣренныи люди сконфузили въ глазахъ начальства все ташкентское населеніе. Но что касается всѣхъ вообще ташкентскихъ жителей, то у нихъ не было свѣдѣній обѣ этомъ дѣлѣ и никто не сочувствовалъ поступку этихъ безголовыхъ людей, который они совершили вдругъ, по собственной своей волѣ, и потому сами отвѣтственны за совершенное ими дѣло, а прочіе люди не должны быть виновны. Поэтому мы, склонивъ голову, съ покорностию обращаемся къ Вашему Высокопревосходительству, нашему Главному Начальнику, съ усердѣйшей просьбой принять милостиво наше настоящее прошеніе и дать намъ возможность спокойно совершать богослуженіе наше въ мечетяхъ и ученіе въ мадрасахъ и также спокойно, какъ было и прежде, совершать молитву за Большаго Государя и за главныхъ начальниковъ нашихъ. 1892 г. 29 іюня.

Выслушавъ и принявъ это прошеніе, Главный Начальникъ края, обращаясь къ депутациіи, сказалъ:

«Узнавъ въ Чимганѣ о произошедшемъ 24 іюля въ Ташкентѣ беспорядкахъ, я долженъ былъ долести обѣ этомъ. Большой Государь Нашъ, несомнѣнно, будетъ глубоко опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Въ числѣ ста с лишкомъ миллионовъ подданныхъ Нашего Большаго Царя заключается много разныхъ племенъ, въ томъ числѣ и туземцы Туркестанскаго края. Всѣхъ ихъ Его Императорское Величество одинаково любить, какъ Отецъ своихъ дѣтей, обо всѣхъ неусыпно заботится. Счастіе и благополучіе всѣхъ Его подданныхъ заключается въ безпредѣльной любви къ Нему и въ исполненіи Его высокой Воли и распоряженій поставленныхъ Имъ начальниковъ. За три года управлѣнія моего краемъ я полюбилъ трудолюбивыхъ и преданныхъ порядку сартовъ. Уверенъ, что въ прошедшемъ беспорядкахъ большинство населения не участвовало и пѣ не сочувствовало, но—здесь голосъ Его Высокопревосходительства сталъ строгимъ—значи также, что въ этиѣ беспорядкахъ принимали участіе вліятельныи лица и даже ишаки; они-то, эти дурные, злонамѣренныи люди, и были главными виновниками; они и

будутъ наказаны всего строже. Объясненія ваши припинаю. Я прикажу вывести сегодня войска изъ города. Не сомнѣваюсь, что порядокъ, въ которомъ вы мнѣ порукой, болѣе не нарушится. Въ помощь начальнику города назначено особое лицо для ближайшаго управлениія туземною частію города. Всѣ прежніе пародные суды и аксакалы, по приказанию моему, смыны за то, что во время беспорядковъ попратались, не имѣя достаточно мужества исполнить свои обязанности. Надѣюсь, что вновь назначенные окажутся соответствующими возлагаемымъ на нихъ должностямъ. Объявите населенію о томъ, что вы отъ меня слышали».

Выслушавъ рѣчъ Его Высокопревосходительства, депутація удалилась. Всльдъ за этимъ военный губернаторъ отправился въ азіатскую часть города, гдѣ его ожидала та же депутація во главѣ собравшихся въ большомъ числѣ жителей. Обращаясь къ нимъ, генералъ-лейтенантъ Гродековъ сказалъ, что милостивый приемъ Главнымъ Начальникомъ края депутатіи и представленіаго ею прошенія составляеть большое счастіе для населенія, что Генералъ-Губернаторъ въ отеческой синходительности своей приказалъ вывести изъ города войска, что населеніе, конечно, оцѣнитъ эту милость и поэтому немедленно возвратится къ обычнымъ занятіямъ, въ точности исполнія распоряженія начальства¹⁾.

Почтенный Абуль-Касымъ-ханъ, потрясенный событиями послѣднихъ дней, которыя имѣли особенное вліяніе на него при его преклонномъ возрастѣ, вскорѣ послѣ этого (4 іюля) умеръ отъ холеры. Любопытно, что ташкентскіе сарты приписали его смерти наставшее затѣмъ прекращеніе холеры. Они говорили, что смерть праведнаго человѣка всегда служить умилостивленіемъ Божія гнѣва, вызванного грѣхами людей и проявившагося въ холерной эпидеміи....

Другимъ выдающимся сартомъ можно считать Мухитдина-ходжу, занимавшаго во время холерныхъ беспорядковъ должность народного суды въ Сибзарской части гор. Ташкента и смыщенаго тогда съ должности. Онъ, сынъ послѣдняго въ Ташкентѣ кази-калинна, хорошо знаетъ всѣхъ прежніхъ и настоящихъ русскихъ начальствующихъ лицъ города, до сихъ поръ поддержи-

¹⁾ Туркест. Вѣdom. отъ 7 іюля 1893 г. № 27.

ваетъ знакомство съ русскими людьми и держитъ себя съ достоинствомъ. Онъ былъ въ Москвѣ на коронації ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, былъ удостоетъ Всемилостивѣйшаго личнаго вниманія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й степени и прекраснаго фіолетового цвѣта бархатнымъ халатомъ. Туркестанскіе генералъ-губернаторы награждали его почетными халатами и медалями. Въ 1891 году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Бывая въ домахъ русскихъ людей, онъ и въ своемъ домѣ завелъ нѣкоторыя принадлежности русскаго дома: стулья, тарелки, ложки, ножи и вилки, устроилъ въ одной изъ своихъ комнатъ русскую печку и въ сухую погоду ѿздѣтъ въ русскій городъ на собственной телѣжкѣ русскаго образца. Заслуживаетъ вниманія и его любознательность: нѣсколько разъ онъ былъ въ театрѣ (въ Москвѣ и Ташкентѣ), на концертѣ, въ мужской и женской гимназіяхъ и учительской семинаріи на годичныхъ актахъ, на урокахъ нѣкоторыхъ преподавателей, на литературно-музыкальныхъ вечерахъ и присутствовалъ при бракосочетаніи дочери бывшаго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта Н. О. Розенбаха (бракосочетаніе совершалось въ домовой церкви Ташкентской женской гимназіи, и Мухитдину-ходжѣ удобно было видѣть совершение брака изъ сосѣдняго съ церковью актоваго зала). Его домъ посѣщали: Министръ Финансовъ Н. А. Вышнеградскій, Министръ Земледѣлія С. А. Ермоловъ и Тайный Советникъ Кобеко. Его посѣщаются и путешественники иностранцы. Изъ разговоровъ съ нимъ можно заключить, что онъ очень хорошо понимаетъ и цѣнятъ преимущества разныхъ сторонъ русской жизни и вообще не относится съ закрытыми глазами ко всему новому, совершающемуся вокругъ него. Выше, на стр. 104 приведена его рѣчъ, которую онъ говорилъ 15 іюня 1886 года, въ день празднованія 21-й годовщины взятія Ташкента русскимъ отрядомъ и освященія памятника надъ могилою русскихъ воиновъ, павшихъ во время штурма. Черезъ два года, при открытии 29 іюля 1888 г. вновь отстроенной мечети Ходжа-Ахтаръ, Мухитдинъ-ходжа, обра-

щаясь къ генералъ-адъютанту Розенбаху, прочиталъ, при много-людномъ собраниі, въ этой мечети, слѣдующій адресъ:

Ваше Высоконревосходительство!

„Съ тѣхъ поръ, какъ Вы, по Высочайшему повелѣнію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, прибыли управлять нами, Вы никогда не оставляли насъ Вашимъ милостивымъ вниманіемъ.

Въ особенности въ настоящій день Вы оказали намъ чрезвычайную милость, удостоивъ насъ своимъ личнымъ посѣщеніемъ для передачи намъ мечети, отстроенной по милости ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и тѣмъ доставили намъ безпредѣльную радость: мы не можемъ вполнѣ выразить словами свою благодарность за такую милость Вашу. Ваше Высоконревосходительство! Вы—Главный Начальникъ для русскаго и для мусульманскаго населенія Туркестанскаго края; и хотя мы пребываемъ въ мусульманской религіи, но Вы, занимая такой высокій постъ, оказали намъ, мусульманамъ, такое же покровительство, какое оказали и русскимъ въ отношеніи ихъ религіи. Доказательствомъ этого служить то, что 11 іюля, по Вашему благому намѣренію, былъ освященъ для русскаго населенія новый большой храмъ, а 29 іюля была открыта новая соборная мечеть, отстроенная для насъ, мусульманъ, по Высочайшей милости ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, при Вашемъ благосклонномъ участіи. Открытие въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ двухъ храмовъ для двухъ разновѣрныхъ народовъ ясно даетъ памъ понять, что милостивое вниманіе Ваше одинаково къ обоимъ этимъ народамъ. Никогда не забывая Вашей милости и въ особенности настоящій день, мы прежде всего молились Богу Всевышнему за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, за ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ и за Царствующій Домъ, а также молились и за Васъ, и никто не забудетъ такой милости Вашей.

„Повсемѣстно на земномъ шарѣ и во всѣ времена у образованныхъ народовъ наиболѣе почитаются два предмета: одинъ изъ нихъ—религія, а другой—знаніе, и каждый человѣкъ, оказывающій покровительство этимъ двумъ предметамъ, болѣе высокой милости

оказать намъ не можетъ, а Ваше Высоконревосходительство всегда заботились объ усилѣахъ этихъ двухъ сторонъ нашей жизни, и мы обязаны всегда молиться за Васъ, хорошо сознавая значеніе этой милости Вашей.

„Господинъ Военный Губернаторъ всегда заботился о скорѣйшемъ и лучшемъ выполненіи этихъ двухъ дѣяній, согласно благихъ намѣреній Вашихъ, и дѣлалъ соответственныя къ тому распоряженія; поэтому мы молимся и за него. Для выполненія распоряженій Господина Военного Губернатора много постарался и начальникъ нашъ, полковникъ Путинцевъ, и мы остаемся много благодарны ему.

„Пользуясь настоящимъ случаемъ, покорнѣйше просимъ Ваше Высоконревосходительство повергнуть къ стопамъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА наши вѣрноподданническія чувства и преданность“¹⁾.

30 августа 1890 года, въ память 25-тилѣтія русскаго управления Ташкентомъ, въ этомъ городѣ, при большомъ числѣ русскихъ и туземныхъ жителей, была открыта сельско-хозяйственная и промышленная выставка, которая должна была служить къ развитію естественныхъ богатствъ края. Казій Мухитдинъ-ходжа, принимавшій участіе въ этой выставкѣ, писалъ по этому поводу въ Туземную газету:

«Съ Высочайшаго соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по приказу Господина Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Лейтенанта Барона Вревскаго, трудами Господина Военного Губернатора Генералъ-Лейтенанта Гродекова, 30 августа, въ городѣ Ташкентѣ была открыта всенародная полезная для всего населенія края выставка. Этотъ день былъ высокоторжественнымъ днемъ Тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Въ два часа пополудни, Его Высоконревосходительство изволилъ прибыть въ садъ, въ которомъ устроена выставка, со всеми начальствующими лицами; вѣжѣ съ ними были: глава русскаго духовенства, архіерей, и много русскихъ священиковъ.

«По окончаніи богослуженія, въ саду выставки начали играть музиканты, а начальствующія лица отправились осматривать разставленные па

¹⁾ См. Турк. тузем. газ. за 1888 г. № 30.

выставкѣ предметы. По предложенію начальствующихъ лицъ, и я представилъ на выставку много книгъ рѣдкаго письма съ золоченіемъ и рисунками, родословную и документы древнихъ временъ [такъ, напримѣръ, въ числѣ книгъ и документовъ есть рукописи, напечатанные 500—600 лѣтъ назадъ, а также родословная] и были разложены въ особою павильонѣ. Его Высокопревосходительство занесъ и въ этотъ павильонъ. Въ это время я находился около дверей этого большого павильона и встрѣтилъ Генераль-Губернатора. Его Высокопревосходительство обратилъ на меня свое милостивое вниманіе и подалъ мнѣ руку, а я отъ лица мусульманскаго населенія города Ташкента поздравилъ Его Высокопревосходительство прежде всего съ высокоторжественнымъ днемъ тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, затѣмъ со днемъ ангела и съ днемъ открытия выставки. Его Высокопревосходительство ласково принялъ мое поздравленіе и, остановившись при входѣ, въ отвѣтъ на мое поздравленіе, поблагодарилъ меня и сказалъ: «здѣшний воздухъ благородстворенный и орошеніе хорошее; въ такой благодатной странѣ всѣмъ необходимо трудиться для Бога и для себѣ; эти труды, безъ сомнѣнія, принесутъ пользу и счастіе населенію. Особенное назиданіе можно вынести отъ предметовъ этой выставки». Вошедши послѣ того внутрь помѣщенія, Генераль-Губернаторъ разсмотрѣвалъ книги и другіе предметы и о каждой вещи предлагалъ вопросы, а я отвѣчалъ; спрашивалъ онъ и о родословной моего отца, и я даѣтъ отвѣтъ. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ переписать названія книгъ съ объясненіемъ ихъ содержания и представить ему съ переводомъ. Я принялъ это приказаніе къ исполненію. Затѣмъ Генераль-Губернаторъ осматривалъ другія зданія и предметы выставки и я ходилъ вѣбѣтъ. Все было осмотрѣно.

«По истинѣ, кто внимательно осмотрѣть эту выставку, тотъ вынесетъ изъ нея много познательнаго; не видавши глазами предметовъ, выставленныхъ тамъ, нельзѧ дать и объясненія имъ»¹⁾.

Но вотъ еще одна ступень, дальниѣшная. Саттаръ-ханъ Абдуль-Гафаровъ, чимкентскій уроженецъ, бывшій кокандскій казій, потомъ коллежскій регистраторъ, затѣмъ переводчикъ Сырдарьинской поземельной комиссии и Туркестанской туземной газеты, а теперь народный судья гор. Чимкента.

Я не буду говорить здѣсь о немъ, потому что ниже приводятся его личныя воспоминанія, а только замѣчу, что это — первый туркестанскій сартъ, простершій свое сближеніе съ русскими далѣе

¹⁾ Туркест. тузем. газета отъ 6 сентября 1890 г. № 35.

всѣхъ и рѣзче всѣхъ своихъ соотечественниковъ; самъ онъ носить теперь русскій чиновничій мундиръ, когда является къ начальству; жена его съ открытымъ лицомъ бывала въ русскихъ домахъ; два сына ся учились въ классической гимназіи до пятаго класса, а третій еще продолжаетъ учиться. Угловатая архитектура его дома наглядно говоритъ, какъ трудно сарту усвоить сразу формы чуждой ему жизни....

Есть и въ другихъ городахъ Туркестанскаго края сарты, понимающіе значеніе общенія съ русскими и поддерживающіе это общеніе; но въ селеніяхъ, особенно въ сторонѣ отъ большой дороги, конечно, нельзя встрѣтить такихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ не нужно забывать, что сарты прожили подъ русскимъ управлѣніемъ въ разныхъ мѣстахъ края только 20—30 лѣтъ, а такой періодъ, сравнительно съ періодомъ подданства татаръ и кавказскихъ народовъ и др., весьма незначителенъ и долженъ служить къ оправданію Туркестанскихъ туземцевъ.

Нельзя при этомъ оставить безъ вниманія слѣдующаго замѣченія Г. Миддендорфа относительно предстоящей русскому правительству и русскому народу задачи облагороженія сартовъ. Онъ говоритъ: „И вотъ мы внезапно очутились предъ одною изъ наиболѣе трудно-одолимыхъ помѣхъ для облагороженія сарта: онъ закутываетъ лицо своей жены въ непроясненный мракъ, онъ запираетъ свою подругу жизни. Возстановленіе нормальной семейной жизни должно бы начаться скидываніемъ покрывала; но это сдѣлалось невозможнымъ¹⁾; русскіе привнесли съ собою въ эту страну также европейскую проституцію, и открытое лицо сдѣлалось ея вывѣскою^(?). Все честное закуталось еще плотнѣе прежняго. Наиболѣе разумные изъ туземцевъ, откровенно заявлявшіе мнѣ о тѣхъ благодѣяніяхъ, какія далъ имъ европейскій порядокъ вещей, горько жаловались, однако, на два порочнѣхъ явленія, прежде нѣвѣдомыя^(?), а нынѣ развившисяся, такъ сказать, подъ защитою правительства, именно на воровство и проституцію, запесенные

¹⁾ Почему знать? Продѣль время,—и будетъ возможно. Вѣдь, у татаръ уже значительно привыкли къ тому время. Н. О.

нашими войсками, тогда какъ прежніе тираны искоренили это зло варварскими наказаніями; напримѣръ, вору отсѣкали руку, а женщина легкаго поведенія наказывалась смертью. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ госпиталяхъ, послѣ эндемическихъ перемежающихся лихорадокъ, сифилисъ—наиболѣе распространенная болѣзнь. Ослабимъ это проклятие, которое всюду несетъ за собою цивилизациѣ при первомъ своемъ появлѣніи, указаниемъ на слѣдующіе результаты: запрещеніе въ Ферганѣ знаменитыхъ въ своемъ вродѣ бачей и трактиръ, которое снекулировали ими, остановило развитіе омерзительного порока на Востокѣ, или, по крайней мѣрѣ, положило конецъ открытому почитанію его¹).

Я не могу не высказать своего удивленія тому, что г. Миддендорфъ вполнѣ повѣрилъ жалобѣ ферганскихъ сартовъ и назвалъ воровство и проституцію невѣдомыми прежде пороками сартовъ, хотя самъ же упоминаетъ обѣ отрѣзываніи руки у вора и о наказаніи смертью женщинъ легкаго поведенія. О способахъ этихъ наказаній въ наше время и читать тяжело. Ф. Назаровъ былъ свидѣтелемъ такой ужасной смерти, воспоминаніе о которой приводило его въ содроганіе и послѣ. Онъ видѣлъ въ Кокандѣ, какъ за покражу 30 барановъ отрубили вору кисть правой руки, а по томъ обмакнули руку, для прекращенія кровоточенія, въ горячее масло и отпустили домой.... Онъ видѣлъ также, какъ 17-ти лѣтнюю девушку, обличенную въ преступной связи (но любви) съ однимъ чиновникомъ, въ назначенный день вывели на базарную площадь и закопали по грудь въ землю. Палачъ первый ударилъ ее въ голову камнемъ, а за нимъ и весь пародъ бросалъ въ нее камнями и такимъ образомъ размозжили ей всю голову. Родственники ея потомъ вырыли ея тѣло и похоронили²).... Я самъ слышалъ, что въ прежнее время въ Ташкентѣ и Бухарѣ такихъ женщинъ запергтывали въ саванъ и сбрасывали на камений помостъ съ высокаго минарета.... Въ этихъ городахъ и нѣ указывали и не ста-

1) Очеркъ Ферганской долины, стр. 365—366.

2) Записки о некоторыхъ народахъ въ земляхъ средней части Азіи, стр. 76—78 (С.-Пб. 1821).

такой казни. Поэтому скажу, что хотя „наиболѣе разумные“ туземцы Фергана горько жалуются, что воровство и проституція невѣдомы были туземцамъ до прихода русскихъ войскъ¹), но они не правы. Проституціи съ открытыми домами терпимости, конечно, не было среди сартскаго населенія въ ханскоѣ время, но были за то другія формы разврата и разные гнусные пороки, а о воровствѣ излишне и говорить. И развѣ наше правительство покровительствуетъ назаннымъ двумъ порокамъ? Если оно не рѣжетъ ворамъ руки и не узаконило избіеніе камнями женщинъ за нарушеніе супружеской вѣрности, то отсюда еще далеко до заключенія ферганскихъ туземцевъ. Лучше посмотримъ на несомнѣнныя благодѣянія русскаго завоеванія Ташкента для туземцевъ: дурное рѣжетъ глазъ и вызываетъ жалобы, а хорошее не всегда оцѣнивается настоящимъ образомъ побѣжденными, особенно иноплеменными и иловѣрными²).

Уже самое завоеваніе Ташкента должно быть признано благо-дѣтельнымъ для сартовъ фактомъ. Значитъ, велика была внутренняя неурядица въ этомъ городѣ, значитъ велико было нравственное безсиліе войскъ и населенія, защищавшихъ укрѣпленный городъ, если ничтожный отрядъ непріятеля (1900 штыковъ) проникъ за городскія стѣны и удержался въ нихъ. Къ сожалѣнію, характеръ внутренней жизни Ташкента, во время завоеванія его, намъ почти совершенно не известенъ; только по описанію внутреннихъ неур-

1) Такія жалобы мнѣ приходилось слышать и въ Ташкентѣ.

2) Серъ Генръ Россель, бывшій резидентъ при дворѣ Низама (изъ Гайдерабада, въ Индіи) съ 1811 по 1820 годъ, въ письмѣ своемъ на имя Собрания директоровъ отъ 21 сентября 1824 г., между прочимъ писалъ, что видѣлъ поданные Англіи «имѣть такія же требованія, какъ и искъ другіе народы въ мірѣ; любить, чтобы при упрашиваніи людей, говорящіе одинъ съ инымъ языкомъ, пепокѣдующіе ту же релігію, сѣдѣющіе тѣмъ же обычаямъ и, чтобъ песьма естественно, предпочитаютъ самую жестокую, сажую грубою систему,—лашь бы она была прописаніемъ по собственной почвы,—самымъ крѣпкимъ, самымъ уточнѣнѣемъ постановленіемъ, начертаніемъ по чужеземному образцу и прописаніемъ въ исполненіе чужеземцамъ». «Нѣтъ сомнѣнія, что наши уставы относительно управленія писаны по винченіямъ самыхъ благонамѣренныхъ, самыхъ человѣколюбивыхъ; но наши законы въ общача, наши идеи въ формѣ судопроизводства столь же непрѣподѣльны (непрѣгодны?) состоянію общества въ Индіи, сколько наши дома и одежды тяжелому климату». (Англійская Индія въ 1843 году. Соч. графа Эд. Варрона. Изд. Ил. Голубкова. Частъ первія. Москва, 1845 г. стр. 223—224).

лицъ, происходившихъ прежде въ этомъ городѣ, мы можемъ предполагать, что и въ 1865 г. въ Ташкентѣ порядка было мало.

„Въ Ташкентѣ, говоритъ Араслановъ, „ханы производятся такимъ образомъ, что кто усилится и хана убить можетъ, тотъ себѣ ханство тѣмъ и получитъ; и народъ уже тому, когда убьетъ, не препятствуетъ, а напротивъ того—ежели еще кто вынѣтется и того уже убійцу убьетъ, то онъ потому же и ханство принять удостоится“.

„Прежде Ташкентомъ владѣлъ ханъ Юлбарсъ, изъ Киргизь-кайсацкой орды, „обще“ съ Тюле-біемъ (у которого есть домъ въ Ташкентѣ, откуда и жена его родомъ). Тогда Ташкентъ былъ подчиненъ Большой Киргизь-кайсацкой Ордѣ. Тюле-бій съ своими „старшинами“ бралъ съ Ташкента ежегодную дань въ 40 тысячъ „тепегъ“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Юлбарса „не стало; не знаемъ убить, не знаемъ выгнать вонъ отъ тутовыхъ Сартовъ“. Въ этомъ темномъ дѣлѣ главную роль игралъ Кусекъ-бекъ, который и завладѣлъ Ташкентомъ, но „такмо ханомъ отъ народа и понынѣ еще не учиненъ“. Хотя Кусекъ выжилъ Тюле-бія изъ города, но не могъ лишить его прежнихъ правъ на Ташкентское ханство, такъ что Тюле-бій и старшины Большой Орды попрежнему получаютъ съ Ташкента дань. Ташкентцы не могутъ отказаться отъ нея, такъ какъ они „весьма утыснены“ кочевьями Киргизь-кайсаковъ, которыхъ близко подходятъ къ городскимъ „пашнямъ и дровосѣкамъ“. Когда Ташкентцы вздумаютъ „не удовольствовать“ Киргизовъ, то изъ города нельзя бывать выѣхать даже за дровами и на пашни, а кто осмѣялся выѣхать, того Киргизы „забираютъ въ полонъ“.

„Хотя Кусекъ „дѣйствительного ханства“ еще не получилъ, „по такъ усилился, что наче настоящаго хана“. Причину этого Араслановъ видѣть въ томъ, что онъ имѣеть „родъ свой весьма великъ“ (трехъ сыновей и пр.). Кроме того, онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ здѣшнихъ „знатныхъ батырей“, которыхъ Кусекъ „къ себѣ въ ближнє старшины подобралъ и весьма ихъ награждаетъ“. Но народъ имъ недоволенъ, потому что „за спыня

малая дѣла со всеми домами разоряетъ“. Однако Ташкентцы „сами дивятся, что у нихъ никогда ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали, а Кусекъ 4-й годъ уже сидитъ“...

„Вирочемъ, въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ образовался тамъ заговоръ противъ Кусека. Подъ предводительствомъ бека Сали-Хузя (который нѣкогда самъ въ Ташкентѣ „нѣсколько ханствовалъ“), собралось заговорщиковъ около 40 Сартовъ. Они порѣшили убить Кусека и посадить на ханство Сали-бека. Въ назначеннюю ночь заговорщики собрались ко двору Кусека, отворили „дворовые ворота“ и пробрались до „покоя“, гдѣ Кусекъ „спалъ съ невѣстою“.... При немъ былъ одинъ изъ его прислужниковъ. Покой былъ запертъ. Только что „согласники“ (заговорщики) стали ломиться въ дверь „покоя“, какъ прибѣжала толпа, предводительствуемая сыновьями Кусека и Шукуръ-батыремъ (у которого Араслановъ и Юсуповъ жили въ Ташкентѣ) и отбила „согласниковъ“ отъ ханскаго покоя. Пятеро заговорщиковъ были пойманы, а остальные разбрѣжались и „пропали безвѣстно“. Оказалось, что одинъ изъ „согласниковъ“, Сартъ, измѣнилъ товарищамъ, „исчужався“ ихъ замысла. Когда они отправились къ ханскому двору, этотъ Сартъ побѣжалъ къ сыновьямъ Кусека и къ Шукуръ-батырю и предупредилъ ихъ о заговорѣ. Кусекъ жестоко отомстилъ „согласникамъ“. Какъ весь пятеро пойманныхъ, такъ отцы и братья важнѣйшихъ изъ бѣжавшихъ заговорщиковъ—всего около 25 человѣкъ—были казнены: явыхъ повѣсили, другимъ отрубили головы, нѣкоторыхъ „кололи“.... Кусекъ, родичи его и старшины разобрали „въ холопство“ женъ и дѣтей казненныхъ. Дома ихъ были „въ конецъ“ разорены.

„Тюле-бій, котораго Кусекъ выжилъ изъ Ташкента, питаетъ къ своему врагу большую ненависть. Онъ много разъ „войною“ наступалъ на Ташкентъ и убилъ нѣсколько родичей Кусека и замышлялъ убить его самого, пользуясь услугами Ташкентскихъ сартовъ, изъ которыхъ многіе „дружны“ Тюле-бію. Послѣдній охотно принимаетъ всѣхъ тѣхъ сартовъ, которые бѣгутъ изъ Ташкента отъ притѣженій Кусека. „Согласники“ бѣжалы главнымъ

образомъ именно къ Тюле-бію. Самъ Тюле-бій, однако, не рѣшается вѣхать въ Ташкентъ, такъ какъ Кусекъ грозилъ, что непремѣнно поймаеть его и „посадить въ заточеніе“. Въ разстояніи полудня отъ Ташкента, Тюле-бій поставилъ „городокъ“, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ изъ рѣки Цырцюка¹⁾ проведенъ каналъ въ Ташкентъ. Городокъ населенъ главнымъ образомъ выходцами изъ Ташкента, бѣжавшими отъ Кусека, также выѣхавшими изъ другихъ мѣстъ, „полоненными людьми“ и проч. Всѣ они пашутъ здѣсь хлѣбъ на Тюле-бія. Но задача постройки городка была совсѣмъ другая: онъ поставленъ „съ такимъ утѣшненіемъ“ для Ташкента, что если Тюле-бій захочетъ, то можетъ запрудить каналъ и отвести воду въ другую сторону, т. е. можетъ заставить Ташкентцевъ умереть отъ жажды и голода, такъ какъ городъ и пашни горожанъ останутся безъ воды²⁾.

Мы, живущіе въ Ташкентѣ черезъ 30 лѣтъ послѣ его завоеванія, не можемъ, конечно, представить себѣ всего того, что происходило въ Ташкентѣ на первыхъ дніахъ послѣ 15 іюля 1865 г. А эти дни, безъ сомнѣнія, были тяжелы для завоевателей.... И что же? Не далѣе, какъ на четвертый день послѣ взятія города, т. е. 18 іюля, генераль Черняевъ, въ сопровожденіи своего немногочисленного штаба и пяти казаковъ, Ѳдетъ по глухимъ улицамъ громаднаго города, многіе жители котораго не были еще твердо увѣрены въ человѣческомъ образѣ побѣдителей-невѣрныхъ.... Что же долженъ былъ думать и чувствовать въ эти первые дни побѣдитель?... Что думали и чувствовали побѣденны?... Несомнѣнно, что взятіе Ташкента произвело на ташкентцевъ ошеломляющее дѣйствіе, такъ что они сами ясно не сознавали своего новаго положенія въ то время. Да и кто можетъ вообразить, что значитъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ людьми, въ рукахъ которыхъ жизнь и смерть, неприкосновенность домашнаго очага и, что особенно важно для мусульманъ, неприкосновенность ихъ религії? Мнѣ рассказывали иѣкоторые туземцы, что они съ покорностію

¹⁾ Т. е. Чарчовъ. И. О.

²⁾ Русскій Архивъ. 1888 г. ин. 8, стр. 413--414.

волѣ Божій ожидали отъ русскихъ всего худшаго, начиная съ избенія жителей и кончая отиѣной ислама. И вдругъ они видѣть, что по ихъ улицамъ Ѳдетъ тихо и спокойно счастливый, почти баснословный побѣдитель; видѣть, что и онъ самъ, и его спутники не одноглазыя страшныя чудовища¹⁾, а настоящіе и притомъ благообразные люди; видѣть, что „Генераль Черняевъ²⁾“, державшій въ страхѣ окрестности Ташкента, привѣтливо кланяется побѣженнымъ, вступаетъ миро въ жилище главнаго представителя ислама, казы-каліна Хакима-ходжы³⁾, довѣрчиво принимаетъ его угожденіе и бесѣдуетъ съ нимъ....

Не имѣя возможности представить положеніе русскихъ въ Ташкентѣ въ первое время по взятіи его, я тѣмъ не менѣе предполагаю, что завоеватель Ташкента не былъ увѣренъ въполномъ умиротвореніи враждовавшихъ партій въ городѣ. Такое предложеніе подтверждается высылкою изъ города болѣе опасныхъ лицъ и особенно Салихъ-бека, а равно и уступчивостью побѣдителя.... Тѣмъ не менѣе городъ былъ взятъ; нужно было управлять имъ и всѣми прежде завоеванными городами. Но устроить самостоятельное управление въ Ташкентѣ едва ли было тогда возможно: для организаціи новаго управления въ Ташкентѣ нужно было имѣть свободное отъ военныхъ заботъ и спокойное время; необходимо было знакомство съ законами страны, съ нравами и обычаями жителей, не имѣвшими ничего общаго съ русскими нравами и законами; необходимы были разные чиновники-администраторы, достаточныя материальныя средства и известныя полномочія.... Завоеватель же Ташкента находился во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ незавидномъ положеніи, и переживаемое имъ послѣ завоеванія Ташкента время было, несомнѣнно, очень тревожное;

¹⁾ Многіе туземцы вмѣнно были убѣждены, что русскіе солдаты—страшныя, одноглазыя чудовища, какъ и обѣ этоѢ иѣсколько разъ слышали отъ разныхъ жителей Ташкента и Чимкента.

²⁾ Каргозы по свойству своей фонетики, произносила фамилію М. Г. Черняева, «Ширинаш», а местные острогонцы ристолковали значеніе этого слова, какъ «намѣстника самого льва» (шири-напбъ) т. е. непобѣдимаго полководца. И. О.

³⁾ Отецъ Мухитдана-ходжи. См. стр. 130.

а потому едва ли исторія осудить его за то, что онъ не успѣлъ приступить къ организаціи управлениія въ завоеванной странѣ, прежде чѣмъ былъ отозванъ изъ Ташкента....

Самостоятельное управлениe Ташкентомъ и всѣмъ Туркестанскимъ краемъ началось только съ 1867 года, когда было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство. До прибытія въ Ташкентъ Генералъ-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, жители Ташкента не знали, строго говоря, нового, русского управлени, какъ обѣ этомъ разсказывалъ мнѣ одинъ почтенный пожилой туземецъ. Передаю его разсказъ въ дословномъ почти переводе:

„До прѣзда Генерала Кауфмана въ Ташкентъ, мы видѣли нѣсколькихъ начальниковъ русскихъ: Генерала Черняева, Генерала Романовскаго, генерала Крыжановскаго. Всѣ они казались намъ людьми простыми, добродушными. Мы удивлялись, что они ходили по городу пѣшкомъ, посѣщали наши дома, раскланивались, разговаривали съ нами при встрѣчѣ и оставляли насъ жить, какъ мы жили дотолѣ; но русского закона мы еще не знали.... Но вотъ 7 ноября 1867 г. подѣхалъ къ Ташкенту новый начальникъ, Генералъ Кауфманъ. День былъ сырой; на дорогѣ было грязно. За чертой города Генералъ пересѣлъ изъ экипажа на верховую лошадь, и всѣ лица, бывшія при немъ—также; сотни казаковъ съ саблями на-голо сопровождала его. Крупною рысьюѣхали они по нашему городу, при оглушительныхъ звукахъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ одномъ мѣстѣ представители туземцевъ приготовились встрѣтить нового начальника хлѣбомъ-солью. Приблизившись къ намъ, вся эта внушительная кавалькада, по командѣ передового офицера, сразу остановилась. Генералъ принялъ хлѣбъ-соль и, поблагодаривъ жителей, сказалъ имъ приблизительно слѣдующее: „Меня прислали БѢЛЫЙ ЦАРЬ, мой Государь, управлять щѣшимъ краемъ. Благодарю васъ за хлѣбъ-соль, которую вы встрѣчаете меня; но я не могу сейчасъ долго остановиться и говорить съ вами, а приглашу васъ для этой цѣли къ себѣ, какъ только отдохну отъ продолжительной и утомительной дороги; теперь же я скажу вамъ одно: будемъ жить мирно и стремиться

къ добру, а „кто старое помянетъ, тому глазъ болѣ“¹⁾, какъ говорить русская пословица“.—Сказавъ эту краткую, но внушительную рѣчь, Генералъ и всѣ сопровождавшія его лица и казаки полною рысьюѣхали дальше, къ русскому городу. Топотъ лошадей, блескъ казачьихъ сабель и грохотъ пушекъ произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе; мы долго не могли одуматься и, когда пришли въ себя, сказали: „вотъ когда прибылъ настоящий-то Урусъ!“...

Неподдѣльное чувство и тонъ разсказчика невольно дѣйствовали на меня, и я входилъ въ самый духъ разсказа. По этому разсказу можно до нѣкоторой степени судить, что первый Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ, съ первого для своей жизни въ Ташкентѣ, явился въ глазахъ туземцевъ настоящимъ представителемъ русской Верховной власти въ краѣ, почему его туземцы и называли „Ярымъ-наидж“¹⁾, т. е. полуцарь¹⁾).

Незабвенный устроитель Туркестанскаго края грозно и честно держалъ русское имя въ краѣ, умѣть поддерживать престижъ Великой Россіи въ глазахъ туземцевъ. Генералъ-Адъютантъ фонъ-Кауфманъ съ энергией и вполнѣ обдуманно принялъ за организацію управлениія новообразованныхъ генералъ-губернаторствомъ во всѣхъ его частяхъ и, располагая большими нравственными и материальными средствами, достигъ большихъ результатовъ. Въ Проектѣ своего всеподданнѣйшаго отчета по управлению краемъ за время отъ 7 ноября 1867 года по 25 марта 1881 года онъ говорилъ, что истекшіе годы были для внутренней исторіи среднеазіатскихъ владѣній важнымъ и благотворнымъ periodомъ всестороннаго устроенія въ духѣ началь, указанныхъ ему Высочайшиими повелѣніями,... что „недавно еще враждебный намъ соседнія страны нынѣ ищутъ себѣ въ благодѣніяхъ высокаго

¹⁾ Это название башк. напоминаетъ «Ваце-короля» Индія, что называлъ и самъ покойный Генералъ-Губернаторъ. Его торжественные выѣзы и встречи, устраиваемыи ему въ Ташкентѣ, а также парады въ высокоторжественные дни, приемы бухарскихъ и ноганскихъ пословъ производила на туземцевъ сплошное впечатлѣніе, чекуя я лично было много разъ свидѣтелемъ. И нельзя осуждать покойного за эту торжественную вѣшність, которая на первыхъ порахъ русского управления Туркестаномъ была необходима. Н. О.

покровительства Б҃ЛАГО ЦАРЯ единственное прочное условіе спокойного и мирного существованія".

Далѣе въ Проектѣ отчета безпристрастно говорилось:

"Учреждение Генераль-Губернаторства застало русскій элементъ и русскую власть въ краѣ пріютившимися въ лагерь, только что остановленномъ на походѣ и готовящимся стать на зимнія квартиры. Русскія жилица, помѣщенія войскъ и учрежденій, все это имѣло характеръ временный и видъ беспорядочный, почти нищенскій. Ничто не внушало по внѣшности покоренному населенію мысли о прочности завоеванія; все, напротивъ, давало ему поводъ держаться надежды на скорое освобожденіе отъ горсти русскихъ¹⁾), мужество и оружіе которыхъ было испытано, но вліяніе порядка и началь, которыхъ русская победа была только провозглашена, еще не ощущалось, нечувствовалось.

"Обацніе оружія могло уже исчезать при подобныхъ условіяхъ, а между тѣмъ гораздо болѣе глубокое и мощное вліяніе нового строя государственного и новой цивилизациіи еще не возвѣщалось. Изъ законовъ нашихъ дѣйствовали одни полевые законы, примѣняющіеся и на территории, на которую никакихъ притязаній не заявляется законодателемъ. Всѣ русскія учрежденія имѣли одно вышнее наблюдательное значеніе, не принимая на себя никакого учредительного почину и ни во что не входя. Ограниченнія полномочія ихъ были неясны ни для нихъ самихъ, ни для массы населенія, не сирѣдѣлъ никакими точными постановленіями. Подати, судъ, полиція и повинности оставались прежнія, стародавнія; но чуждыя русскимъ начальникамъ, не отмѣненные и вмѣстѣ съ тѣмъ не признанные организующею властью, эти обычные порядки населенія падали, искажались и по прихоти произвола и случая утрачивали свой прежній обычный характеръ....

"Внутренняя организація края и болѣе правильныхъ учрежденій въ немъ представлялись дѣломъ неотложной необходимости.

¹⁾ См. ниже «Воспоминанія Саттаръ-хана». И. О.

Всѣ первыя усиленія новой администраціи обращены были на это дѣло, при многочисленныхъ трудностяхъ съ полнымъ успѣхомъ законченное къ 1869 году. Образованіе опредѣленной системы управлениія и податей, разъясненіе существеннѣйшихъ правъ, льготъ и обязанностей населенія, организація правильнаго народнаго суда были приняты народомъ съ довѣріемъ и съ доброжелательствомъ къ власти. Послѣдовавшее затѣмъ устройство и улучшеніе путей сообщенія, возведеніе публичныхъ и общественныхъ зданій, обезпечепіе торговли и караванныхъ путей, устройство общеполезныхъ учрежденій разнаго рода, возстановленіе и усовершенствованіе иригаціонныхъ системъ, облегченія и гарантіи для труда и народной промышленности, залѣчивающая многочисленныя раны, причиненные предшествовавшими смутами и войною, съ каждымъ днемъ упрочивали наше положеніе внутри занятыхъ территорій, водворяя идею безповоротности и благотворности русского владычества въ краѣ и въ умахъ сосѣднихъ народовъ...

"Экономическое благосостояніе края, поставленное въ благопріятныя условія, возрасло и поднялось повсемѣстно до уровня, неслыханного при тузеныхъ правительствахъ, и тѣмъ болѣе въ смутную пору первого занятія края. () томъ свидѣтельствуетъ быстрое увеличеніе народонаселенія, прибывающаго нынѣ ежегодно по меньшей мѣрѣ на 4%, и еще болѣе значительное на ряду съ симъ увеличеніе заселекъ и промысловъ, разростаніе культурныхъ осѣдлостей, дѣятельный приливъ рабочей, торговой и земледѣльческой эмиграціи изъ сосѣднихъ владѣній....

"Водвореніе спокойствія, обезпеченіе личности и имущества возвратило бѣжавшее съ своихъ полей населеніе и ежегодно обращаетъ къ производительному труду значительная массы бѣдняковъ, эмигрирующихъ къ намъ изъ смежныхъ владѣній, и бѣднѣйшихъ киргизъ, безцѣльно бродившихъ прежде съ болѣе богатыми родовичами. Развивающаяся экономическая дѣятельность охватываетъ и переноситъ всѣ инстинкты массы, ставя ее все болѣе и болѣе довѣрчивою и послушною передъ русской

властью, въ которой пародъ уже не видитъ чуждаго ему и временного элемента одной силы¹⁾.

Во всеподданнейшей запискѣ третьего Туркестанскаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта И. О. Розенбаха, отъ 29 сентября 1888 года, представлений имъ на Всемилостивѣйшее благовозграждіе Государя Императора указаны слѣдующія главнѣйшия мѣропріятія русской власти въ краѣ, направленныя къ выгодамъ туземного населенія гор. Ташкента²⁾.

Основанная въ 1884 году Ташкентская грекажная станція за четыре года работъ, посвященныхъ изученію настоящаго состоянія мѣстнаго шелководства и разработкѣ рациональной программы необходимыхъ мѣропріятій къ поднятію этой важной отрасли туркестанской промышленности, въ 1888 г. уже достигла результатовъ, которые въ главныхъ чертахъ заключаются въ слѣдующемъ: научнымъ способомъ констатировано опасное положеніе туземного шелководства, зависящее отъ болѣзниности всѣхъ воспитываемыхъ въ краѣ породъ шелковичнаго червя, не исключая и лучшихъ изъ этихъ породъ, пользующихся наибольшою известностью у нашихъ московскихъ фабрикантовъ (такъ называемыхъ живишкой и варданзи). Ухудшеніе мѣстныхъ породъ, какъ оказалось, проявляется въ такой уже степени, что, по изслѣдованіямъ завѣдывающей станціею, никакой нѣть надежды на самую возможность ихъ возрожденія, и единственнымъ средствомъ помочи туземному шелководству представилось одно лишь возможно широкое введеніе въ культуру въ краѣ здоровыхъ породъ шелкоцряда иноземнаго происхожденія путемъ производства и распространенія между шелководами гренъ, выводимой такъ называемымъ целиннымъ способомъ. Съ этой цѣлью, испытанъ предварительно до

1) См. Проектъ всеподданнейшаго отчета Ген.-Адъютанта К. И. фонъ-Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генераль-губернаторства. 7 Ноября 1867 г. - 25 Марта 1881 года. (Сост. И. И. Хонутовымъ). Издание военно-ученаго коміт. Глав. Штаба (С.-Петербургъ, 1885). Введение, стр. 1--11.

2) Изъ названной всеподданнейшей записки (сост. И. И. Хонутовымъ), согласно ближайшей эдитивной настонной главы, сокращенно приводится, въ буквицахъ выраженияхъ, что инвестоѣ висятъ ташкентскихъ сортовъ. И. О.

шести болѣе известныхъ иноземныхъ породъ и оставившихъ на лучшіхъ изъ нихъ, Ташкентская станція оказалась въ состояніи съ весны слѣдующаго года приступить и къ бесплатной раздачѣ здоровой целинной грены населенію.

Сверхъ того, для возможно большаго распространенія въ средѣ туземныхъ шелководовъ правильныхъ понятий о наиболѣе выгодныхъ и рациональныхъ способахъ воспитанія шелковичныхъ червей и ухода за ними, по распоряженію Генераль-Губернатора, было составлено и напечатано въ переводѣ на туземный языкъ популярное наставленіе, которое и раздано населенію во всѣхъ пунктахъ городскихъ и сельскихъ, где распространено занятіе шелководствомъ¹⁾. Въ виду опасности занесенія въ край филоксеры и приимая во внимание, что дальнѣйшее расширение туркестанскихъ виноградниковъ можетъ яти съ полнымъ успѣхомъ, опираясь и на одни средства мѣстныхъ пиявниковъ²⁾, въ коихъ имеется уже значительное количество акклиматизированныхъ лучшихъ европейскихъ сортовъ винограда, Генераль-Адъютантъ Розенбахъ ходатайствовалъ передъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ о безусловномъ запрещеніи ввоза въ предѣлы Туркестанскаго генераль-губернаторства виноградной лозы какого бы то ни было возраста.

Въ концѣ 1886 г., Ген.-Ад. Розенбахъ входилъ въ сношеніе съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ, и вслѣдствіе этого въ Ташкентъ былъ высланъ экземпляръ американской плодосушки съ необходимыми при ней снарядами и подробными наставлениями объ огневой сушкѣ плодовъ. Для производства опытовъ сушки снаряды эти были переданы Туркестанскому отдѣлу Императорскаго Россійскаго Общества садоводства, обратившему на это дѣло особенное свое вниманіе. Введеніе и распространеніе въ

1) Общая стоимость шелкового производства въ ташкентскомъ районѣ въ 1888 г. достигала до 100 т. р., какъ замѣчено въ отчетѣ Военнаго Губернатора области. И. О.

2) Въ Ташкентѣ и Ташкентской уѣзда въ 1888 г. было занято виноградниками всего 2708 десят., съ которыхъ было собрано 2,166,200 пуд. винограда, проданныагося въ Ташкентѣ по 30-60 коп. за пудъ. (Отч. Воен. Губернатора).

краѣ огневаго способа сушки плодовъ можетъ имѣть очень важное значеніе для Русскаго Туркестана съ его обширнымъ садоводствомъ, составляющимъ любимый промыселъ населения, тѣмъ болѣе, что въ при теперешнемъ первобытномъ способѣ веденія дѣла, сушены фрукты составляютъ одну изъ видныхъ статей мѣстнаго торговаго вывоза.

Въ ряду мѣръ содѣйствія развитію туземной промышленности особенно важное значеніе для края имѣло устройство periodическихъ выставокъ мѣстныхъ произведеній, что хорошо сознавалось уже и прежнею Туркестанской администрацией. По прибытии въ край въ 1884 г., Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ Розенбахъ обратилъ на это дѣло должное вниманіе и тогда же поручилъ особой комиссіи выработать болѣе соотвѣтственную программу для устройства мѣстныхъ выставокъ, съ тѣмъ, чтобы предположенія эти имѣли характеръ нормальной программы periodическихъ выставокъ сельско-хозяйственныхъ, кустарно-промышленныхъ и заводско-промышленныхъ. Устроенная осенью 1885 г. сельско-хозяйственная выставка въ г. Ташкентѣ имѣла успѣхъ настолько значительный, что Отдѣлъ общества садоводства призналъ возможнымъ взять на себя устройство и дальнѣйшихъ periodическихъ выставокъ на тѣхъ же основаніяхъ. На осенней сельско-хозяйственной выставкѣ въ г. Ташкентѣ, въ 1886 г., при соединеніи были отдѣлы: кустарно-промышленный и фабрично-заводскій. Самая выставка, проходившая съ 8 по 21 сентября 1886 г., удалась вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ ней принимали участіе 725 экспонентовъ, въ томъ числѣ 139 русскихъ и 586 туземцевъ, при чемъ 220 экспонентамъ были присуждены преміи и награды, состоявшія изъ медалей золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, похвальныхъ отзывовъ, а также почетныхъ и подарочныхъ халатовъ. Въ виду успѣшиаго результата выставки 1886 г., было предположено устроить выставку въ Ташкентѣ въ 1890 году. Обсужденіе и разработка программы предположенной выставки были возложены на особую, учрежденную въ маѣ 1888 года, комиссію, подъ предсѣдательствомъ Военнаго

Губернатора Сыръ-Дарьинской области, Генералъ-Майора Н. И. Гродекова (нынѣ помощникъ Приамурскаго ген.-губернатора).

Особаго вниманія по чрезвычайной важности своей для края заслуживаетъ вопросъ о сбереженіи естественныхъ запасовъ дикорастущаго лѣса въ горныхъ яѣстностяхъ, а также саксаульныхъ и другихъ зарослей въ песчаныхъ степяхъ генералъ-губернаторства. По этому предмету были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) воспрещена безусловно рубка сырорастущаго саксаула и другихъ стенихъ зарослей съ цѣлью промыщенія обжиганія изъ нихъ угля; 2) надзоръ за соблюденіемъ этого распоряженія былъ возложенъ, подъ особымъ попеченіемъ мѣстной уѣздной администраціи, на лѣсныхъ объѣздчиковъ и 3) подтверждено прежнее распоряженіе о запрещеніи вывоза угля за границы генералъ-губернаторства, при чёмъ, для обеспеченія исполненія этой мѣры, усиленъ таможенный надзоръ назначеніемъ нѣсколькихъ стражниковъ изъ русскихъ людей.

Изъ числа мѣръ, относящихся къ городскому хозяйству и благоустройству, въ запискѣ упомянуто о послѣдовавшемъ разрешеніи вопроса о передачѣ г. Ташкенту незанятой территории бывшей Ташкентской ярмарки и о капитальной перестройкѣ лавокъ и помѣщеній туземнаго ташкентскаго базара, съ шоссированіемъ улицъ этого обширнаго центра средне-азіатской торговли, до самаго послѣдняго времени остававшихся почти непроѣздными отъ вѣкамъ копившейся на нихъ грязи.

Въ интересахъ болѣе правильнаго устройства въ краѣ врачебныхъ учрежденій, было обращено особенное вниманіе на устройство въ наиболѣе населенныхъ изъ городскихъ центровъ Туркестанскаго края амбулаторій лѣчебницъ для туземныхъ женщинъ и дѣтей, съ исключительно женскимъ персоналомъ врачей и прислуги. Образцомъ въ этомъ случаѣ служила лѣчебница, устроенная въ г. Ташкентѣ въ концѣ 1883 года, которая уже въ первый годъ своей полезной дѣятельности снискала полное сочувствіе и довѣріе къ себѣ со стороны женскаго населения туземнаго города. Въ лѣчебницѣ исключительна, чѣмъ гдѣ либо, сказалась наступ-

ная потребность мусульманского города, половина туземного населения коего, безъ такого рода учреждения, оставалась бы въ силу религиозного закона, строго соблюдаемаго, безъ научно-медицинской помощи въ дѣлѣ охраненія здоровья¹).

Для обезспеченія бѣднѣйшему населенію, сельскому и кочевому, дешеваго и доступнаго кредита, въ выдахъ ограниченнія разорительной для этого населенія эксплуатации народной нужды ростовщиками изъ сартовъ, татаръ и индійцевъ, въ 1884 году устроено было 11 уѣздныхъ ссудныхъ кассъ, съ капиталомъ слишкомъ въ 230.000 руб., дѣйствующихъ съ того времени во всѣхъ уѣздахъ областей Сыръ-Дарьинской и Самаркандской, а также и въ Наманганскомъ уѣзде Ферганской области.

Принесенный въ заиски Тимирязевъ-Адъютанта Розенбаха мѣроприятія Туркестанской администраціи, имѣвшія вліяніе на развитіе мѣстной производительности, необходимо дополнить свѣдѣніями объ улучшеніи садоводства въ краѣ. Мѣстная плодовая деревня, при однообразіи породъ, не отличались качествомъ фруктовъ: яблоки, груши, дули, абрикосы и пр., до прихода въ край русскихъ, не могли похвастаться изысканностью вкуса; русские любители садоводства, съ большими затратами своихъ денежныхъ средствъ и приложеніемъ личнаго труда, развели въ Ташкентѣ (и другихъ городахъ) лучшія европейскія породы плодовыхъ деревьевъ, послѣ чего туземцы, безъ всякихъ затратъ и усилий съ своей стороны, переносятъ улучшенныя породы въ свои обширные сады. Кромѣ того, ташкентскіе сарты служатъ и главными продавцами этихъ фруктовъ въ Ташкентѣ. Основанный въ 1885 г. въ Ташкентѣ Отдѣль Императорскаго Общества садоводства²) съ своей стороны стремился придать садоводству характеръ самостоятельной отрасли мѣстного производства, заботясь при этомъ не только объ усовершенствованіи культуры плодовыхъ деревьевъ,

¹⁾ См. Обзоръ десятилетней деятельности амбулаторной зѣчебницы для туземныхъ женщинъ и детей въ г. Ташкентѣ (1883—1894). Состав. женщины-врачи: А. Позланской и Е. Миндельштамъ. (Ташкентъ, 1894).

²⁾ Въ 1895 г. преобразованъ въ Сельско-хозяйственное общество.

но и объ отысканіи сбыта продуктовъ садоводства. Тоже нужно сказать и о табаководствѣ, которое еще до прихода русскихъ было известно въ краѣ, но съ приходомъ русскихъ несомнѣнно улучшилось. Къ улучшению породы рогатаго скота русской администрацией также были приняты мѣры, а двумя частными лицами—Коммерціи советникомъ Ивановымъ и Потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Сидѣ-Азиябасовымъ—содержатся въ настоящее время два конскихъ завода. Хотя вліяніе этихъ хѣръ еще не определено на животномъ скотоводствѣ и коневодствѣ, но какъ фактъ мѣроприятія къ этому существуютъ и въ будущемъ могутъ привести пользу мѣстному населенію.

Не перечисляя всѣхъ отдельныхъ видовъ мѣстной промышленности и не указывая въ каждомъ изъ нихъ того или другого улучшения подъ вліяніемъ русского управления¹), должно сказать, что,—при всей косности туземной производительности, косности, объясняемой главнымъ образомъ необыкновенною разсчетливостью сартовъ, не затрачивающихъ ни одного рубля безъ увѣренности получить прибыль,—ташкентскіе сарты, съ приходомъ русскихъ, расширили свой свободный трудъ въ разныхъ отрасляхъ мѣстного производства и получили возможность зарабатывать большія деньги, о чёмъ они въ прежнее, ханское, время и думать не могли. Достаточно представить себѣ, что съ самого вступленія русскихъ войскъ въ Ташкентъ и до настоящаго времени все русское населеніе города Ташкента и русскія войска получаютъ всѣ съѣстные продукты изъ рукъ сартовъ (и частію киргизъ), такъ что въ это же время русскіе являются только потребителями и потребителями необыкновенно выгодными для туземцевъ. Получаемое русскими чиновниками содержаніе и прибыли русскихъ торговцевъ переходятъ естественно въ руки сартовъ.—Русскихъ капиталисты въ строгомъ смыслѣ слова въ Ташкентѣ нѣть, а среди сартовъ есть уже несомнѣнно очень богатые люди, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

¹⁾ См. Обзоръ Сыръ-Дарьинской области за 1888 годъ. Приложение къ всеподданнейшему отчету Военного Губернатора. Ташкентъ, 1890 г.

Словомъ: если судить о хорошихъ сторонахъ русского вліянія на ташкентскихъ сартовъ по настоящему материальному ихъ благосостоянію, то съ этой стороны не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что русское управление Ташкентомъ за минувшія 30 лѣтъ обогатило туземное населеніе города такъ, какъ оно не могло никогда обогатиться. Русская администрація съ своей стороны дѣлаетъ все, что клонится къ улучшенію быта населенія края. Если бы было возможно сравнить настоящее положеніе этого города съ положеніемъ предъ занятіемъ его отрядомъ Генерала М. Г. Черняева въ 1865 году, то сравненіе вышло бы въ пользу современного Ташкента, подъ русскимъ управлениемъ расширяющагося, облагообразившаго и разбогатѣвшаго. Тоже нужно сказать и о другихъ городахъ края.

Вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго общества, П. П. Семеновъ, въ докладѣ своемъ общему собранию Общества, 5 октября 1888 года, сдѣлалъ такой отзывъ о Ташкентѣ, на основаніи личнаго осмотра города:

„Ташкентъ, какъ главный культурный русскій центръ въ нашихъ средис-азіатскихъ владѣніяхъ, производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Рядомъ съ 100-тысячнымъ туземнымъ азіатскимъ городомъ выросъ въ теченіе четверти столѣтія цвѣтущій и обширный русскій городъ въ 30 тысячъ жителей. Видъ Ташкента съ вновь строящейся¹⁾ обширной мечети очарователенъ: это—цѣлое море садовъ, въ которомъ уточакъ строенія города, особенно въ русской его части.

„Однимъ изъ интереснейшихъ и важнѣйшихъ культурныхъ учрежденій города служить грекажная станція, основанная для снабженія здорою греною, т. е. яичками шелковыхъ червей, Туркестанскаго края, въ которомъ болѣзнь шелковыхъ червей, какъ это было лѣтъ 25 тому въ Италіи, грозила окончательнымъ уничтоженіемъ шелководства во всемъ Туркестанѣ. На станціи производится, основанная на микроскопическомъ осмотрѣ, тица-

¹⁾ П. П. Семеновъ былъ въ Ташкентѣ въ началѣ июня 1888 г. Н. О.

тельная сортировка сѣмянъ, или яичекъ, шелковыхъ червей и отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ. Опытъ показалъ, что это средство—единственное въ борьбѣ съ развитіемъ болѣзни шелковыхъ червей, и отъ развитія грекажныхъ станцій зависитъ обеспеченіе развитія шелководства, какъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства въ краѣ.

„Попытки улучшения въ другой, еще болѣе важной отрасли народнаго хозяйства Туркестанскаго края, а именно—хлопчатобумажной производительности, осуществлялись въ нѣкоторыхъ частныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ значительного техническаго усовершенствованія достигъ, посвященный мною хлопкоочистительный заводъ купца Лахтина (нынѣ Бр. Каменскихъ).

„Особенно интересовали меня русскія мусульманскія училища¹⁾, такъ какъ именно въ этихъ училищахъ всего болѣе выражается вліяніе русскаго просвѣщенія на туземное населеніе. Одно изъ этихъ училищъ, посвященное мною, произвело на меня самое благопріятное впечатлѣніе.

„Не менѣе интересны въ мусульманской части города и лечебные заведенія, оспопрививательное заведеніе, въ которомъ осенняя матерія добывается съ необыкновенною аккуратностью и опрятностью туземцами, подъ присмотромъ русскихъ медиковъ, амбулаторная мужская и дѣтская лечебница²⁾, въ которую приходятъ туземцы съ большимъ довѣріемъ и въ большомъ количествѣ, принося съ собою и своихъ больныхъ дѣтей, къ которымъ относятся съ большою иѣзжностію. Но всего интереснѣе—недавно устроенная попеченіемъ женщинъ-врачей, амбулаторная женская лечебница, впервые давшая возможность оказывать какую бы то ни было медицинскую помощь женскому населенію, остававшемуся безъ всякой медицинской помощи, такъ какъ помощью врачей мусульманки

¹⁾ Говорится о русско-туземныхъ школахъ. Н. О.

²⁾ Г. Семеновъ, очевидно, имѣлъ въ виду существующихъ въ Ташкентѣ амбулаторіи; въ Ташкентѣ дѣт. амбулаторіи: мужская и женская; больные дѣти приносятся своими матерями въ женскую лечебницу, которая была открыта прежде мужской, именно, въ концѣ 1883 года. Н. О.

пользоваться не могли. Сначала женская лечебница посещалась только женщинами простых классовъ, а теперь приобрѣла такое всеобщее довѣріе, что и ташкентскія туземныя аристократки охотно¹⁾ посѣщають больницу. Въ научно-медицинской отношеніи больница эта съ своими обстоятельными записями дала не мало интересныхъ результатовъ; такъ, напримѣръ, оказалось, что распространение зоба, обычное между мужчинами въ Кокандѣ и заставившее жѣстную администрацію избрать областнымъ городомъ Ферганы не Кокандъ, а Новый Маргеланъ, теперь константирано и притомъ въ сильной степени между женскимъ населеніемъ Ташкента, между тѣмъ какъ между мужскимъ населеніемъ города зобы почти не встрѣчаются. Это обстоятельство, повидимому, указываетъ, что развитіе зоба обусловливается не столько климатическими условіями данной жѣстности, сколько условіями жизни населенія, которая въ мусульманскихъ странахъ весьма различна для мужскаго и женского населенія.

„Обширная мусульманская соборная мечеть, къ радости туземного населенія, воздвигается въ мусульманской части города, самую интересную и характерную часть которого составляетъ базарь, поставленный, благодаря разумиумъ полицейскимъ и административнымъ мѣрамъ, въ несравненно лучшія гигіевическая условия, безъ особыхъ стѣсненій своеобразной азіатской торговли“²⁾.

5-го Декабря 1888 года состоялось Высочайше повелѣніе о распространеніи на городъ Ташкентъ дѣйствующаго или въ большей части городовъ Россійской Имперіи Городового положенія, Высочайше утвержденаго 16 Іюля 1870 г., съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. По этому случаю, 15 ливаря 1890 года, въ 12 часовъ дня, въ помѣщеніи Ташкентской Городской Думы собрались русские и мусульманскіе гласные и въ присутствіи Военнаго Губернатора Сиръ-Даргинской области, Ген-

ераль-Майора Гродекова, выслушали прочитанное Городскимъ Головой, полковникомъ Путинцевымъ, Высочайше повелѣніе, а затѣмъ русскіе гласные, во главѣ съ Военнымъ Губернаторомъ области, вознесли благодарственное Господу Богу моленіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику и Всему Царствующему Дому. Въ это время гласные мусульмане въ другой залѣ, въ присутствіи Городского Головы, совершили свою молитву за Государя Императора. По окончаніи молебствія русскіхъ гласныхъ, мусульманскіе гласные вошли въ главную думскую залу, и тогда полковникъ Путинцевъ поздравилъ всѣхъ съ Высочайшимъ милостію и отиравилъ въ С.-Петербургъ, на имя Туркестанскаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта Розенбаха, отъ лица гласныхъ, телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Державною волею Императорскаго Величества, древнейший въ мусульманской Азіи Ташкентъ, только четверть вѣка тому назадъ воспріявши съмена европейской культуры и ставшій центральнымъ пунктомъ вѣренія Вашему Высокопревосходительству Туркестана, вступаетъ нынѣ, въ юнициальномъ отношеніи, въ великую семью городовъ Россійской имперіи. Знаменательнымъ въ жизни городского общества актомъ Державной Воли, начертаннымъ пятаго минувшаго декабря, еще прочне и неразрывнѣе укрѣпляется та политическая связь между двумя національностями, которая положена въ основу дѣйствій Вашего Высокопревосходительства на поющѣ сліянія туркестанской колоніи съ метрополіею. Дарованныя ташкентскому городскому обществу, состоящему изъ разнородныхъ элементовъ, соединившихся между собою по волѣ Прорицанія и судебъ историческихъ, права самоуправленія, на началахъ Городового Положенія 1870 года, открываютъ ему широкій и свободный путь къ умственному и нравственному развитію и преуспѣянію экономическому. Шествуя по этому пути рука-объ-руку, обѣ національности будутъ постепенно, по прогрессивно сливаться между собою въ общую семью, родственную по политическимъ стремленіямъ съ русскимъ народомъ.“

¹⁾ Это сказано пренесено. См. Отчетъ женщины-прачки. II. О.

²⁾ «Туркестанъ и Закаспійскій край въ 1888 году». Извѣстія Имп. Рус. Геог. Общества, т. XXIV. 1888 г., ч. II, стр. 316, 318, 325—326.

„Одушевленное этими мыслями и надеждами, стотычное ташкентское городское общество, въ лицѣ представительницы своей, Городской Думы, принесло сегодня благодарственное Господу Богу молебствие о здравіи и долголетіи Императора Все-Россійскаго и Государя Туркестанскаго, даровавшаго гор. Ташкенту права, которыми пользуются коренные города имперіи.

„Сливаясь со всѣмъ русскимъ народомъ въ чувствѣ благоговѣнія предъ Всемогущимъ Промысломъ, чудесно спасшимъ Помазанника своего и Августайше Свяйство Его въ страшный день крушения Императорскаго поѣзда на Курско-Харьковской желѣзной дорогѣ, и въ чувствахъ безпредѣльной вѣрноподданнической преданности Государю Императору, Городская Дума почтительнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство повергнуть эти сердечныя чувства къ стопамъ Его Императорскаго Величества“.

Начальникъ Главнаго Штаба увѣдомилъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, что представленіе Его Высокопревосходительства съ выражениемъ вѣрноподданническихъ чувствъ жителей г. Ташкента было повергнуто на Высочайшее Государя Императора благовозрѣніе, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: благодарить отъ Имени Ихъ Величествъ жителей г. Ташкента и Городскую Думу за выраженные сердечныя вѣрноподданническія чувства¹⁾.

15 мая 1888 года состоялось открытие желѣзной дороги, приблизившее къ Россіи древнюю столицу грознаго Тимура, паводившаго трепетъ на средневѣковую Европу. Эта дорога сближаетъ съ русскимъ народомъ не только сарновъ Туркестана, но и бухарцевъ и туркменъ. Рядомъ почти съ недоступной еще недавно Бухарой, теперь растетъ русскій городъ — Новая Бухара — съ вокзаломъ желѣзной дороги и русскою церковью; въ Асхабадѣ и Мервѣ, среди окружающихъ эти мѣста песковъ, возникли также новые русскіе города. Ташкентская Городская Дума какъ

¹⁾ Туркестан. Туземн. газета за 1889 г. № 3 п 9.

представительница интересовъ русскаго и сартскаго населенія гор. Ташкента, въ телеграммѣ своей, отправленной въ Самаркандъ, на имя Туркестанскаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта Розенбаха, по случаю открытия дороги, такъ выразила свои мысли и чувства, вызванныя этимъ многознаменательнымъ фактомъ, одновременно изумившимъ Азію и Европу:

„Пятнадцатаго сего маѣ, въ восьмой годъ счастливаго царствованія обожаемаго всею стомиліонною Россіей Государя Императора и въ знаменательный день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Ташкентская Городская Дума, представительница стотычичаго русскаго и мусульманскаго населенія города Ташкента, какъ центрально-административнаго пункта Туркестанскаго края, считаетъ своимъ долгомъ выразить Вашему Высокопревосходительству привѣтствіе въ знаменательный для Средней Азіи день соединенія ея рельсовымъ путемъ съ землею коренного русскаго народа и со всѣмъ цивилизованнымъ европейскимъ міромъ. Съ этого великаго дня, который на вѣчныя времена запечатлѣется на скрижаляхъ политической и военной исторіи нашего отечества, семнадцатиміліонная страна, еще вчера разобщенная съ европейскимъ міромъ огромными и труднопроходимыми степными пространствами, служащими жилищемъ полудикихъnomadovъ, навсегда соединяется съ Европою такимъ путемъ, по которому пройдутъ въ эту страну блага культуры народовъ новаго міра.

„Во времена глубокой древности, Маверанинградъ, въ центрѣ котораго прошла русская желѣзная дорога, освящаемая и открывавшая въ пятый годъ Вашего управления Туркестанскимъ краемъ, заключающимъ въ себѣ значительную часть страны, когда-то носившій это малоизвѣстное современной исторіи название, служилъ средоточiemъ своеобразной арабской цивилизациіи и пунктомъ, чрезъ который совершалось широкое торговое движение съ запада на востокъ, изъ Европы въ Азію. Сильныя и могущественные орды монголовъ, съ которыми не могли бороться культурные народы Маверанинграда, довели эту цвѣтущую и богатую страну до пол-

наго политического, экономического и нравственного ущадка, и въ послѣднія столѣтія она представляла собою группу мелкихъ ханствъ, правители которыхъ постоянно враждовали между собою и, разоряя войною управляемые ими народы, довели ихъ до того, несмыслимаго въ благоустроенныхъ государствахъ состоянія, когда люди не имѣютъ права считать обеспеченными отъ произвола и насилия ни свою собственность, ни свою личность, ни даже жизнь. Въ теченіе послѣднія двадцати пяти лѣтъ, часть древняго Мавераннара была покорена силой русскаго оружія и, державною волею покойнаго Императора, вошла въ составъ Русскаго царства. Въ этотъ переходный періодъ, въ жизни многомиліоннаго мусульманскаго міра произошелъ роковой исторический переломъ, послѣ котораго народы Средней Азіи, подъ скипетромъ могущественнаго Бѣлаго Царя, вступили на путь мирнаго, въ духѣ русской гражданственности, исторического развитія и экономического прогресса.

„Прогрессивному шествію по этому пути окажеть огромное содѣйствіе проведенный изъ Европейской въ Средне-Азіатскую Россію рельсовый путь, торжественное открытие которого празднуется сегодня.

Съ проведениемъ средне-азіатской желѣзной дороги, врѣзавшейся въ самое сердце когда-то богатой и промышленной Согдаи, цѣлые вѣка находившейся въ упадкѣ, а иныѣ снова воскресающей къ жизни, осуществилась, но уже въ современныхъ, болѣе совершенныхъ формахъ, завѣтиая и гениальная мысль великаго преобразователя Россіи, Императора Петра Великаго, таѣ горячо и неотступно стремившагося и положить Аму-дарьинскій водный путь чрезъ средне-азіатскія ханства, обѣщавшій, по его государственнымъ соображеніямъ, неисчислимые торговые и промышленные выгоды для Россіи. Пути сообщенія играютъ великую роль въ жизни государствъ, способствуя развитію международныхъ сношеній, торговли и промышленности, а следовательно и цивилизаций; но средне-азіатскій желѣзный путь будетъ имѣть на многие годы не только это общее, но и особенное значеніе:

пролегая чрезъ огромную, степную территорію, по границѣ Хивинскаго ханства и чрезъ Бухарію, ведущую обширную торговлю съ Россіею сырьемъ, хлопкомъ, шелкомъ и разными другими производствами животнаго и растительнаго царствъ, и имѣя служить путемъ для ввоза въ Среднюю Азію фабrikатовъ русской промышленности, которымъ недоступны рынки Западной Европы, средне-азіатская желѣзная дорога будетъ имѣть значеніе не только въ индустриальномъ отношеніи, но и въ смыслѣ нравственнаго фактора, долженствующаго вліять на ускореніе сближенія двухъ народностей въ общую русскую семью.

„Періодъ войнъ за русское господство въ Средней Азіи, продолжавшійся почти четверть вѣка, окончился. Уничтоживъ рабство въ средне-азіатскихъ ханствахъ, существовавшее до появленія русскихъ, уполномоченные представители Бѣлаго Царя выполнили одну изъ величайшихъ миссій, возложенныхъ Проридѣніемъ на европейскія государства, находящіяся въ сосѣствѣ съ азіатскими. Теперь наступилъ періодъ мирнаго развитія экономического и нравственнаго,—наступилъ періодъ вторженія въ умственный и нравственный міръ этихъ народовъ не съ тѣмъ оружиемъ, которое покоренную Центральную Азію привело къ подножію Русскаго Престола, а съ другимъ, столь-же могущественнымъ, но еще болѣе плодотворнымъ: съ оружіемъ умиротворенія, умственнаго прогресса и экономического развитія. Рельсовый путь, соединившій Европу съ Азіей, Западъ съ Востокомъ, новый міръ со старымъ, цивилизованныя государства съ странами, государственный строй которыхъ постоянно колебался отъ народныхъ волненій и непрекращавшихъ безурядицъ, есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ, имѣющихъ служить залогомъ тѣхъ благъ европейской цивилизациіи, свѣтъ которой озаритъ средне-азіатскій мусульманскій міръ¹⁾....

¹⁾ Текстъ этой телеграммы въ переводе на сартскій языкъ напечатанъ въ № 20 Туземной газетѣ отъ 21 мая 1888 г. Марѣ-Сандъ-Ахадъ-ханъ, родственникъ Бухарскаго Амира, проживавшій въ Ташкентѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (умеръ въ 1895 г. въ Ташкентѣ) сообщала автору настоящаго изданія слѣдующее: «Лѣтомъ 1889 года, я для

Съ того времени прошло всего восемь лѣтъ, какъ Ташкентъ и Ферганы соединяются уже строящеюся желѣзной дорогой отъ Самарканда. Проведеніе новой линіи „Самаркандъ-Андижанъ“ еще болѣе сблизить Русскій Туркестанъ съ Россіей и еще болѣе расширить мѣстную, особенно хлопковую промышленность. Уже въ и въ настоащее время въ городахъ Кокандѣ, Намангапѣ и Андижанѣ производятся миллионы закупки хлопка для разныхъ русскихъ мануфактуръ, а въ будущемъ площасть, засѣянная хлопкомъ, должна будетъ увеличиться.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ четвертаго Туркестанскаго Генераль-Губернатора Барона А. Б. Вревскаго за 1889—1895 гг. указано, что населеніе края, исчислявшееся въ 1880 году въ 2.269.520 душъ обоего пола, увеличилось за 13 лѣтъ приблизительно на 37%, то есть достигло цифры 3.102.385 душъ, и что весь этотъ приростъ касается осѣдлаго населенія края, тогда какъ за указанный периодъ число кочевниковъ (киргизъ) уменьшилось вслѣдствіе осѣданія ихъ, ясно обнаружившагося за это время.

Исправленія своего здоровья бѣжалъ изъ Чаянгансікіхъ горъ, находящихся въ 80 верстахъ отъ Ташкента. Проживъ тамъ нѣсколько времени, и, на возвращеніи пути въ Ташкентъ, ночью проѣзжалъ по степи, где протекаетъ новый «Александъ-арыкъ». Хотя почь была только звѣздная въ зуны не было видно, проѣзжающій могъ однако разложить на путѣ человѣческія фигуры. И вотъ, среди почной пыли, въ совершеніи безлюдной мѣстности, я догналъ женщину-мусульманку,—очевидно, бѣдную вдову, которая съ своею маленькою дочерью въ сыномъ шла впереда меня, неся на головѣ корзину съ хлопкомъ. Изъ состраданія къ бѣдной женщинѣ, я остановился и спросилъ ее, куда она идетъ и какъ не боится вѣти одна почью по такой пустынной мѣстности? Бѣдная женщина отвѣчала мнѣ, что она днемъ собрала нѣсколько фунтовъ хлопка и теперь спѣшитъ прѣбыть къ утру на ближайшій базаръ, чтобы продать таѣ свой хлопокъ; къ этому она прибавила: «Когда я боялась, что дурные люди обидятъ меня почью въ такой безлюдной мѣстности, то я, конечно, не рѣшилась бы одна отправляться въ путь... Такой отвѣтъ одиночной бѣдной вдовы успокоилъ меня за нее и за ея дѣтей, и я по-желалъ ей благополучно добраться до караванъ-страда, и сказъ подумалъ: «Хвала Богу! Мы, ташкентцы, пользуемся теперь такою спокойствіемъ, что и бѣдная вдова не боится вѣти почью по безлюдной дорогѣ! И я сажъ, хотя я мужчина, бѣду въ почной пылинѣ и прохладѣ, нѣсколько не беспокоюсь за свою безопасность. А прежде было не то: прежде незѣя было не только беззащитной женщинѣ, но и одному мужчинѣѣхать почью по степи... Подумавъ это, я сѣзъ съ лошади и вознесъ ко Всевышнему усердную молитву за Государя Императора, подъ могущественнымъ покровительствомъ Котораго мы, мусульмане туркестанскіе, наслаждаемся безопасностью въ жаркѣ... (Ин-печат. въ № 1 Тузем. газеты за 1890 годъ).

Въ связи съ этимъ знаменательнымъ явленіемъ, интереснымъ и какъ историческій процессъ перехода кочевниковъ къ осѣдлой жизни, особенно значительно расширилась и площасть обработанныхъ земель, такъ что въ 1893 г. общая земледѣльческая площасть въ Туркестанскомъ краѣ исчислялась приблизительно въ 2.079.370 дес. На этой площасти въ 1893 г. собрано было зерновыхъ хлѣбовъ до 48 мил. пудовъ и американского хлопка болѣе 2 мил. пуд. Хлопководство имѣть особенно важное значеніе для края и для Россіи, такъ какъ вывозъ этого продукта изъ Туркестана обогащаетъ местное населеніе. Въ тоже время дѣлаетъ большую государственную экономію, задерживая въ Имперіи значительную сумму. Выгодность и быстрое развитіе этой отрасли мѣстной сельско-хозяйственной промышленности очевидно изъ со-поставленія слѣдующихъ цифръ: въ 1883 г. посыпи американского хлопчатника занимали всего лишь нѣсколько десятинъ въ краѣ, въ 1884 г.—450 дес., а въ 1887 г. уже до 14.500 дес., давшихъ болѣе 200.000 пуд. чистаго волокна на сумму болѣе 1.500.000 руб. Въ 1888 г. очищенаго хлопка было собрано уже болѣе 1 мил. пуд. на сумму около $7\frac{1}{2}$ мил. рублей, а въ 1893 г. болѣе 2 мил. пуд. на сумму до 17 мил. руб.

Точно также и садоводство въ краѣ быстро развивается и улучшается. Въ краѣ разводятся: яблони, абрикосы, персики, сливы, груши, айва, вишня ягоды, черешни, виноградъ, греческій орѣхъ, фисташки, миндаль. Но особенное значеніе для населенія имѣть давно развитый въ краѣ, а при русскомъ правленіи значительно улучшившийся промыселъ разведенія винограда, поддерживаемый русское винодѣліе. Въ 1890 г. съ мѣстныхъ виноградниковъ было собрано до $6\frac{1}{2}$ мил. пуд. на сумму до 3 мил. руб. А различныхъ супченыхъ фруктовъ было вывезено на сумму до пол-милліона руб. Шелководство въ краѣ, иѣогда обширное и сопѣхъ было упавшее, было энергично поддержано русской администрацией, и въ 1894 году было вывезено изъ края 6572 пуда коконовъ на сумму болѣе 1 мил. руб. Несомнѣнно, развились въ краѣ и разные мелкие (кустарные) промыслы сартовъ.

Вообще необходимо заметить, что въѣстъ съ быстрымъ возрастаніемъ производительности края увеличиваются и торговые обороты сартовъ. Въ 1889 г. торговые обороты края по объему съ рынками Европейской Россіи простирались до $6\frac{1}{2}$ мил. руб., а въ 1893 г. возросли до 32 мил. руб., такъ какъ вывозъ американского хлопка составляетъ 80% всего вывоза изъ Туркестана.

Однихъ этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы сказать, что производительные силы края при русскомъ управлении несомнѣнно возросли и продолжаютъ развиваться, а съ предстоящимъ улучшеніемъ путей сообщенія въ краѣ сарты еще болѣе должны обогатиться, что они ясно сознаютъ и сами. Развѣ могли сарты когда-нибудь прежде, во время мусульманскаго господства въ Туркестанѣ, думать, что они будутъ пользоваться правильнымъ почтовымъ сообщеніемъ, желѣзно-дорожнымъ путемъ, телеграфомъ и помоюю кредита отъ Государственнаго Банка и частныхъ бакирскихъ конторъ. Съ русскимъ управлениемъ для торговыхъ оборотовъ сартовъ настала самая благопріятная эпоха: *спросъ сплынъ, до пебывалыхъ размѣровъ, увеличился и для предложенія есть всѣ необходимыя условія, въ числѣ которыхъ первое и самое главное—внутреннее и виѣтнное умноженіе края и личная безопасность, чѣмъ сарты по преимуществу до занятія края русскими не пользовались. До русскаго управления, городскіе сарты, даже въ Ташкентѣ, съ наступленіемъ вечера, запирали городскія ворота, а находившіеся за городомъ сѣнили въ вечеру прибыть за черту городской стѣны... (См. ниже „Воспоминанія Сатархана“).*

Постепенно развивается и дѣло врачебной помощи туземному населенію: въ 1880 году за врачебную помощію обращались къ русскимъ врачамъ 20.757 чел., а въ 1893 году 122.884 чел. Въ этомъ отношеніи туземцы пользуются, кроме военныхъ госпиталей, городскими больницами, амбулаторными лѣчебницами, амбулаторными фельдшерскими пунктами, родильнымъ покоямъ и глазной лѣчебницей. Особеннаго вниманія, съ точки зрењія сближенія туземного населения съ русскимъ, заслуживаютъ женскія

амбулаторіи лѣчебницы. Живое непосредственное общеніе туземныхъ женщинъ съ образоваными женщинами-врачами вносить въ занятую и недоступную мусульманскую семью животворящій лучъ свѣта и притомъ, по самой сущности своей, не рѣжущій мусульманскій глазъ, а успокаивающій.

Наконецъ, въ санитарномъ отношеніи русскою администрациєй сдѣлано очень много для туземнаго населения не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Помимо улучшения дорогъ, въ ханскоѣ время часто непроѣздныхъ, въ 25 лѣтъ русскаго управления краехъ, въ значительной степени уничтожены источники гніющіхъ водъ, установленъ надзоръ за чисткой прудовъ (хаузъ) и проточныхъ каналовъ (арыкъ), за опрятнину содержаніемъ скотобоенъ, бань, заводовъ, караванъ-сааревъ, базаровъ, улицъ и кладбищъ. Послѣднія, устраивавшіяся обыкновенно среди жилыхъ центровъ, въ городахъ и селахъ и загрязнявшія почву, воду и воздухъ, въ Ташкентѣ закрыты и перенесены за черту города.

Словомъ: для туземнаго населения сдѣлано и дѣлается такъ много, сколько въ силахъ сдѣлать администрація края при не большихъ денежныхъ средствахъ и при косности невѣжественаго и фанатичнаго туземнаго населения.

IV.

ТУРКЕСТАНСКАЯ ТУЗЕМНАЯ ГАЗЕТА И РУССКО-ТУЗЕМНЫЕ ШКОЛЫ.

„Просвещать постепенно инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и народностью составляетъ задачу величайшей государственной важности“.

Гр. А. Толстой.

Туркестанская туземная газета издается въ Ташкентѣ съ 1870 года. Первоначально она составляла особое приложение къ Туркестанскимъ Вѣдомостямъ и издавалась на небольшихъ полулистахъ подъ заглавиемъ: ترکستان ولايىتى كىزىتى. Она имѣла цѣллю распространение между туземцами Туркестанского края свѣдѣній о распоряженіяхъ русского правительства и мѣстной администраціи. Съ 1871 г. эти „Приложения“ печатались на листахъ малаго формата (четверть листа) и выходили *четыре* раза въ мѣсяцъ: два раза на сартскомъ языке и два раза на киргизскомъ. Къ редакціи Туркестанскихъ Вѣдомостей позванныя „Приложения“ не имѣли никакихъ другихъ отишепій, кроме денежныхъ расчетовъ, такъ какъ расходъ по изданію этихъ „Приложений“ покрывался изъ общаго кредита, ассигнованного на изданіе Туркестанскихъ Вѣдомостей и находившагося въ вѣдѣніи редактора этой газеты. Въ такомъ положеніи „Приложения“ находились тринаадцать лѣтъ, до 1883 года. Издались ихъ сначала завѣдывалъ состоявшій при генераль-губернаторѣ переводчикъ Ш. Ибрагимовъ, а потомъ переводчикъ генераль-губернаторской канцеляріи Х. Чанышевъ.

Съ начала 1883 г. редакція этихъ „Приложений“, по приказанию Туркестанского генераль-губернатора, генер.-лейтенанта Черняева, была передана мнѣ. При этомъ мнѣ было приказано главнымъ начальникомъ Туркестанского края прекратить изданіе Приложений на киргизскомъ языке и начать еженедѣльное изданіе небольшой газеты на сартскомъ языке (приказъ по военно-народному управлению отъ 30 января 1883 года за № 29). На расходы по изданію этой газеты въ 1883 г. было отпущено въ мое распоряженіе 2640 руб., и газета печаталась въ количествѣ 500 экземпл. Въ концѣ 1884 г. я получилъ отъ генераль-адъютанта Розенбаха предложеніе издавать туземную газету, съ начала 1885 года, съ буквальнымъ русскимъ переводомъ сартскаго ея текста, вслѣдствіе чего долженъ быть увеличиться и разиѣръ листа газеты¹⁾.

Что касается характера туземной газеты, то онъ опредѣляется назначениемъ ея, главнымъ образомъ, для туземныхъ должностныхъ лицъ Туркестанского края, съ цѣллю ознакомленія ихъ съ распоряженіями мѣстной администраціи и распространенія среди нихъ полезныхъ свѣдѣній, преимущественно изъ исторіи и географіи. Съ начала 1887 года Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ было разрѣшено самостоятельное изданіе Туземной газеты по слѣдующей программѣ:

I. Высочайшия повелѣнія, Высочайшия телеграммы, Высочайшия награды и пожертвованія, касающіяся туземного населія; краткія сообщенія о высокоторжественныхъ дѣянияхъ.

¹⁾ Въ № 1 газеты за 1885 годъ было по ятому поводу напечатано:

«Господинъ Туркестанскій Генераль-Губернаторъ, Генераль-Адъютантъ Розенбахъ, назначенныи Высочайшия приказомъ Его Величества Государя Императора на должность Генераль-Губернатора въ этомъ краѣ, по прибытии въ краѣ въ конунѣ 1884 г., взволъ обратить свое высокое внимание на превычайную пользу изученія населеніемъ этого края русскаго языка и грамоты. Съ этого цѣлію онъ несомнѣнно разъ указывать на это почетными представителями туземцевъ-мусульманъ, а для того, чтобы сдѣлать болѣе легкимъ изученіе дѣтьми мусульманъ русскаго языка и грамоты. Его Высоконравоходительство приказываетъ открыть въ Ташкентѣ особую школу.

«Кромѣ того, усиленно заботясь о томъ, чтобы выходящая на сартскомъ языке газета привноситъ жителямъ этого края большую пользу, Его Высоконравоходительство всегда освѣдомлялся о томъ, какія сиѣдѣнія въ какихъ происшествіяхъ печатаются въ этой газетѣ... и приказалъ пздавать эту газету въ будущемъ году съ русскимъ переводомъ»

II. Распоряженія Туркестанскаго генераль-губернатора и военныхъ губернаторовъ, имѣющія отношенія къ туземному населенію края; приговоры русской судебнай власти, касающіеся туземцевъ, и общія правительственные распоряженія, распространяемыя на Туркестанскій край.

III. Краткіе разсказы изъ жизни русскихъ государей. Замѣчательныя события въ жизни русскаго народа и въ жизни другихъ государствъ, представляющія интересъ для туземцевъ. Мѣстныя извѣстія, касающіеся, промышленности и сельскаго хозяйства и разныя извѣстія.

IV. Объявленія Почтово-Телеграфнаго округа и другихъ правительственныхъ учрежденій Туркестанскаго края и частныхъ объявленій.

Эту программу туземная газета выполняла и выполняетъ до настоящаго времени. При общемъ, офиціальномъ, характерѣ газеты, въ ней печатались: краткія сообщенія изъ жизни Всероссійскаго Императорскаго Дома; высокоторжественные дни всегда отмѣчались въ газетѣ съ поясненіемъ событий, лежащихъ въ основѣ этихъ торжествъ; въ иѣкоторыхъ случаяхъ печатались и Высочайшие манифести.

Съ цѣлію ознакомленія туземнаго населенія съ исторіей русскаго народа, въ газетѣ за 1886 г. были помѣщены краткія свѣдѣнія о русскомъ государствѣ съ основанія его до настоящаго времени; кроме того, въ газетѣ печатались отдѣльные разсказы изъ жизни русскихъ государей: Петра Великаго, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. О путешествіи Императорской фамиліи на Кавказъ въ 1888 г. и о событии 17 августа 1888 г. было своевременно напечатано въ газетѣ. Упоминалось въ газетѣ и о прѣздахъ въ Россію царствующихъ особъ Западной Европы для свиданія съ Русскимъ Государемъ Императоромъ. Въ 1894 году печатались въ газетѣ свѣдѣнія о послѣднихъ дниахъ жизни Императора Александра III и стихи на кончину Его. (См. прилож.). О вступлениѣ на престоль Императора Николая

Александровича было печатано въ иѣсколькоихъ №№ газетъ. Въ 1895 году печатались сообщенія о русскомъ посольствѣ въ Бухару и Хиву по случаю вступленія на Всероссійскій престоль Императора Николая II.

Кромѣ того, въ газетѣ упоминалось о выдающихся случаяхъ изъ жизни русскаго народа (особенно о замѣчательныхъ по своемъ разнѣрамъ и цѣлямъ пожертвованіяхъ) и сообщалось краткія свѣдѣнія о современномъ состояніи Россіи.

Приказы и другія распоряженія Туркестанскаго генераль-губернатора, а также приказы и распоряженія военнаго губернатора Сырь-Дарьинской области и начальника гор. Ташкента, касающіеся туземцевъ, печатались въ газетѣ или въ переводѣ подлиннаго текста, или въ извлеченіи. Сюда же относятся разъясненія разныхъ распоряженій русской администраціи края, касающіеся туземцевъ, а также общія русскія правительственные распоряженія, имѣющія отношеніе къ Туркестанскому краю, и приговоры русской судебнай власти по дѣламъ туземцевъ. О поѣзданіяхъ генераль-губернатора по краю, о приемахъ представителей туземнаго населенія генераль-губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ Сырь-дарьинской области, о посѣщеніи разными начальствующими лицами туземнаго города и русско-туземныхъ школъ въ газетѣ своевременно дѣлались сообщенія.

Въ „Разныхъ извѣстіяхъ“ печатались краткія свѣдѣнія о выдающихся фактахъ изъ жизни разныхъ странъ, при чеѣ болѣе подробныя замѣтки касались Россіи и Азіи. Извѣстія, касающіяся Туркестанскаго края въ его настоящемъ положеніи, пожѣщались въ газетѣ предпочтительно передъ другими. Сюда относятся не только офиціальные, но и частныя извѣстія, извлечения изъ отчетовъ военнаго губернатора Сырь-дарьинской области, амбулаторныхъ лѣчебницъ разныхъ городовъ края, ссудныхъ кассъ, свѣдѣнія о русско-туземныхъ школахъ и о русскихъ школахъ, въ которыхъ обучаются дѣти туземцевъ, и пр. Въ газетѣ было помѣщено краткое извлеченіе изъ исторіи Чингизъ-хана и вѣсколько разсказовъ изъ жизни Тимура, а также описание древностей Са-

марканда и Сарыяма. Чтобы познакомить туземцев съ исторію древнихъ и новыхъ народовъ, въ газетѣ, кромъ законченныхъ очерковъ Индіи, Китая и Египта, также помѣщались извѣстія о разныхъ современныхъ народахъ. Съ цѣлью ознакомленія туземцевъ съ выдающимися явленіями природы, въ газетѣ помѣщались краткія статьи о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, о землетрясеніяхъ, а въ 1890 году печатался переводъ краткаго учебника физической географіи. Общиа географическая свѣдѣнія, касающіяся всего земного шара, были помѣщены въ газетѣ за 1884 и 1887 гг. При этомъ нужно иметь въ виду, что себольшой размѣръ туземной газеты, при двойномъ текстѣ, не дозволяетъ помѣщать въ каждомъ лѣ ея много материала.

Нѣкоторыя статьи, печатавшіяся въ газетѣ, въ отдельныхъ оттискахъ высыпались бесплатно поддисчикамъ. Въ разные годы было издано такимъ образомъ нѣсколько брошюръ, пущающихся переворстки изъ разныхъ лѣнѣ газеты, именно: въ 1884 г.—О вредномъ дѣйствіи ошума, кукнара, хамиша, аиши, водки и тому подобныхъ веществъ (35 стр.); О дифтеритѣ и скарлатинѣ—ст. областнаго врача; въ 1885 г. О хлопководствѣ (31 стран.); въ 1886 г. издана первая карта всѣхъ частей свѣта съ мусульманскими надписями важнѣйшихъ городовъ; въ 1887 году изданъ переводъ рассказа Гр. Л. Н. Толстаго „Чьи люди живы?“ (38 стран.); въ 1888 г.: О бѣшенствѣ собакъ и о заболѣваніи людей водо-боязнью (7 страницъ); въ 1889 году: Краткая исторія Египта, съ приложеніемъ гравюръ (44 стран.) и Десятидневная поездка Туркестанскаго Генераль-Губернатора Генералъ-Адъютанта Николая Оттоновича Розенбаха въ Ферганскую область въ маѣ маѣсяца 1889 года (44 стр.); въ 1890 году: Разсказы изъ физической Географіи, на сартскомъ языке. Излож. по сочиненію профессора А. Гейки. Вып. 1-й (стр. 1—46). Въ 1889 году при газетѣ было разослано поддисчикамъ ея краткое наставленіе объ уходѣ за шелковичными червями (7 стр.), а въ 1890 году подробное объявление о Туркестанской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ въ гор. Ташкентѣ (35 стр.),—обѣ брошюры на сарт-

скомъ языкѣ. Въ 1895 г. въ газетѣ было напечатано подробное извлеченіе изъ отчета Россійскаго консульства въ Джеддѣ относительно мусульманскихъ богомольцевъ (русскихъ подданныхъ) въ Меккѣ и Мединѣ и разъясненіе туземцамъ о подготовляемой въ Россіи всеобщей переписи. Въ разные годы въ газетѣ печатались также разъясненія относительно археологическихъ находокъ и о раскопкахъ въ краѣ, а въ настоящемъ году печатается переводъ устава Туркестанскаго кружка любителей археологии.

При газетѣ издается ежегодно, въ видѣ бесплатнаго приложения, стѣнной календарь, съ Россійскимъ государственнымъ гербомъ, на большомъ печатномъ листѣ и содержитъ слѣдующія свѣдѣнія: годъ отъ Рождества Христова и годъ гиджры; годъ отъ основанія Россійского государства и годъ царствованія Государя Императора, въ особыхъ рамкахъ; годъ отъ сотворенія міра и число дней въ текущемъ году, съ обозначеніемъ высокоснаго или невисокоснаго года. Въ календарь на 1890-й и слѣдующіе годы выставленъ и 1865 годъ, съ указаниемъ исполнившаго 25-тилѣтія со дня взятія Ташкента и времени открытия Ташкентской выставки. Кроме хѣсѧцевъ, чиселъ и дней христіанскаго и мусульманскаго времячислений, въ календарь означаются высокоторжественные дни съ краткимъ поясненіемъ событий, лежащихъ въ основѣ русскихъ торжествъ, а также русскіе неизрѣстанные дни, дни двухъ главныхъ мусульманскихъ праздниковъ, понимающиеся должностіи, чинамъ и фамиліи начальствующихъ лицъ Туркестанскаго края: генераль-губернаторъ, военные губернаторы трехъ областей и начальникъ Аму-Дарьинскаго Отдѣла и яѣкоторыя другія русскія должностныя лица. Въ календарь указывались также дни солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. Наконецъ, въ календаряхъ помѣщались рисунки: С.-Петербургскаго Зимняго Дворца, парохода, желѣзной дороги, а въ 1896 г. видъ Нижегородской всероссійской выставки.

Словомъ, Туземная газета разъясняетъ туземному населенію Туркестанскаго края распоряженія местной администраціи, запоминать туземцевъ съ Россіей и русскими народомъ, указываетъ

йіть на пользу изученія русскаго языка и русской грамоты, преимущественно къ понятіямъ сартовъ, большинство которыхъ смотрѣтъ еще на европейское образованіе, какъ на нечто несомнѣвшее съ мусульманскимъ міровозрѣніемъ. Современные сарты въ этомъ отношеніи напоминаютъ russкихъ XVII вѣка, говорившихъ: „Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философию? И ты сму рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ(!) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно мои грѣшия душа очистити отъ грѣхъ“¹⁾... Извѣстно, что учрежденіе южно-руссаки школъ съ новыми, не преподававшимися дотолѣ, предметами недружелюбно встрѣчено было тогда нѣкоторыми ревнителями православія въ консервативнымъ образомъ мыслей. „Сила духа—говорили они—не въ художествѣ вымысла наказанія и философскаго постиженія обрѣтается, но върою смиренномудрія даруется. Хитрощіемъ простота и буяя премудрость Божія безчестится, крестъ Христовъ поруганъ бываетъ... Латинская премудрость—прямая дорога къ адѣ. Реторики, діалектики и прочія поганскія (латинскія) хитрости и руководства суть изобрѣтенія діавола, ведущаго борьбу съ словянскимъ языкомъ, какъ съ сильнымъ, плодоноснѣшнимъ и самыи пріятійшимъ Богу“. Подобные взгляды на образованіе служили немалою преградою къ расширению объема преподававшихъ въ юго-западныхъ russкихъ школахъ наукъ,—тѣмъ болѣе что подобные взгляды и наставленія зачастую исходили отъ лицъ, извѣстныхъ своею приверженностью къ православію и использовавшихъ сильнымъ вліяніемъ въ средѣ южно-руссакаго народонаселенія²⁾. Подобно этому, и туркестанскіе туземцы недовѣрчиво относятся къ разнымъ нововведеніямъ russкой администраціи, особенно касающимися образования туземцевъ. Подъ вліяніемъ безтолковыхъ

¹⁾ Наука и литература въ Россіи при Петре Великомъ. Издѣд. И. Пешерского. Томъ I, стр. 3. С.-Петербургъ. 1862

²⁾ Ст. Глаубера «Школы до-Могланскіи въ Юго-Западной Руси и основаніе Могланской коллегіи». Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи russкой словесности. Вып. III. Составилъ В. Поприщевъ. Москва, 1888 г. стр. 241

людей, и среди сартовъ появляются иногда нелѣпые предположенія относительно нововведеній въ школѣ, какъ напримѣръ: опасение быть взятымъ въ солдаты или быть окрещенными.

Поэтому, чтобы установить правильный взглядъ на туземную газету, должно иметьъ въ виду, что хотя она издается въ концѣ XIX в., но издается для сартовъ (и киргизовъ), о которыхъ только-что было замѣчено, что они, въ отношеніи умственнаго своего развитія, напоминаютъ собою russкихъ XVII и начала XVIII в.в. Russкое управление въ краѣ неизбѣжно вывело сартовъ на новый жизненный путь, на путь преобразованія ихъ быта, которое совершается естественно, безъ принудительныхъ яѣръ. Поэтому и вопросъ о томъ, какой смыслъ и какое значеніе имѣть туземная газета для сартовъ, самъ собою разъясняется указаніемъ соотвѣтствующей параллели въ жизни russкихъ. Въ Исторіи Россіи С. Соловьевъ, по поводу изданія первыхъ „Вѣдомостей“ говорится: „Послѣ школъ и книгъ третьимъ могущественнымъ средствомъ для умственнаго развитія, для расширенія умственной сферы russкаго человѣка, могущественнымъ средствомъ для уничтоженія прѣжней замкнутости и застоя было сообщеніе свѣдѣній о тойъ, что дѣлается въ Россіи и въ другихъ земляхъ. До Петра знать, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ, было привилегію правительства; извлечения изъ иностраннѣхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ и бережно хранились, какъ тайна. Петръ хотѣлъ, чтобы все russкіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ. 17-го декабря 1702 года великий Государь указалъ: по вѣдомостямъ о военныхъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, и для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказаю о чёмъ ишь какія есть и впередъ будущіе, присыпать въ монетнѣрскій приказъ, откуда тѣ вѣдомости отсыпать на Печатный дворъ. Указъ былъ исполненъ, и съ 1703 г. начали издаваться въ Москвѣ куранты подъ заглавиемъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ“

достойных знаний и памяти, служивших въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ”¹⁾.

Первые русскія вѣдомости печатались въ количествѣ 1000 экзэмп. и выходили въ неопредѣленные сроки, вѣроятно, по мѣрѣ накопленія материала²⁾). Печатались первыя вѣдомости сначала церковно-славянскимъ шрифтомъ, а потомъ то церковнымъ, то гражданскимъ. О содержаніи первыхъ №№ Московск. Вѣдомостей известно, что впереди печатались русскія извѣстія, излагавшіеся вообще довольно безинтересно. Такъ, напримѣръ, въ № отъ 2 января 1703 года, вслѣдъ за сообщеніемъ обѣ отлитіи въ Москвѣ „пушекъ медныхъ и гаубицъ и мартировъ”, помѣщено извѣстіе о московскихъ школахъ, доказывающее, между прочимъ,

¹⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочин. С. Семёнова. Томъ пятнадцатый. Издание второе. Москва, 1873 г. Стр. 96—97. Ср. соч. Некарского, Т. II.

²⁾ Въ продолженіе первого 1703 г. было напечатано всего 39 №№, объемомъ отъ 2 до 7-ю страницами, съ отдельною нумерацией, а иногда и по две безъ пояснѣя страницы. (Некарский, Т. II.) Туркестанская туземная газета въ 1895 году печаталась въ количествѣ 725 экземп., про 50 единодѣльныхъ №№, и высыпалась въ сѣдующіе города въ уѣздахъ Туркестанскаго края въ внутренней Россіи:

въ г. Ташкентъ	52	и въ Петербургѣ	7
> Ташкентскій уѣздъ	27	> Самаркандъ и уѣздъ	72
> Енисейскъ	1	> Туркестанскій участокъ	22
> Андижанъ въ уѣздѣ	59	> Ура-тюбе и участокъ	16
> Аудіята и уѣздъ	14	> Хиву	2
> Гельсингфорсъ	1	> Ходжентъ и уѣздъ	17
> Джизикъ въ уѣздѣ	89	> Чонкентъ и уѣздъ	21
> Кизалонекъ въ уѣздѣ	14	> Чиназъ	4
> Казань	3	> Чустъ и уѣздъ	21
> Китта-курганъ въ уѣздѣ	26	> Шураханъ	22
> Кашгарь	1	> Константинополь	1
> Конишъ въ уѣздѣ	52	> Керип	1
> Ионый-Маргеланъ, Старый-Маргеланъ въ уѣздѣ	59	> Чарджуй	1
> Мерке въ участокѣ	14	> Оренбургъ	1
> Номангантъ въ уѣздѣ	26	> Кульджу	1
> Нукусъ въ уѣздѣ	31	> Москву	2
> Бахчисарай	1	> Некентъ	1
> Бухару	2	> Мерінъ	1
> Омскъ	1	> Ахабадъ	1
> Ошъ въ уѣздѣ	11	> Джулевъ	1
> Перинскъ въ уѣздѣ	16		
		Итого	715

что школы составляли для Императора Петра I предметъ большой заботливости: „Повеліемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философию и уже діалектику окончили“; „Въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ“.

Затѣмъ слѣдовали извѣстія о томъ, что „на Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужска и женска полу 386 человѣкъ“. Или: „Изъ Сибири пишутъ: Въ китайскомъ государствѣ іезуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иныя изъ нихъ и смертю казнены“.

За русскими извѣстіями слѣдовали извѣстія заграницы, получавшіяся изъ европейскихъ газетъ и изъ офиціальной переписки русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ; потому заграницы извѣстія начинаялись выражениемъ: „Изо Львова, Стекольны (Стокгольма), изъ Парижа, изъ Персиды и т. п.—пишутъ“¹⁾.

Приведенная выше параллель между современными сартами и русскими XVII в. можетъ служить лучшимъ доказательствомъ той мысли, что принятая туземною газетой программа является самою естественною. Если русскіе XVII ст. не сразу привыкли къ газетѣ, то какъ требовать этого отъ сартовъ XIX в., изъ которыхъ многіе только грамотны. Извѣстно также, что и въ Индіи туземные газеты долгое время оставались простыми „акбарами“ (извѣстіями), ограничивавшимися сообщеніемъ современныхъ новостей; если-же въ нихъ говорилось о предметахъ болѣе возвышеныхъ, то кругъ читателей ихъ не простидался далѣе главныхъ городовъ каждого президентства, гдѣ только и могли понимать ихъ²⁾). О туркестанскихъ туземцахъ пока и этого сказать нельзя, потому что мысль ихъ еще не пріучена къ формамъ европейскаго изложенія.

Любопытную также справку къ нашему вопросу даетъ Исто-

¹⁾ Очерки исторіи русской литературы. Соч. Г. Караваева. Т. I. Издание третье. Москва, 1888 г., стр. 257; ср. соч. Некарского, т. II.

²⁾ Англійская Индія въ 1843 году. Соч. Гр. Э. Варрана. Изд. В. Голубкова. (Москва, 1845 г.) ч. 3, стр. 379.

рический Вѣстникъ (іюль 1895 г.). Въ 1859 году въ Ригѣ былъ сдѣланъ первый опытъ изданія русской газеты „Остзейскій Вѣстникъ“, которая просуществовала всего съ 3 января 1859 г. по 4 апрѣля того же года. Редакторъ надѣялся на усиѣхъ своего изданія и на то, что русское рижское купечество поддержитъ его „Вѣстникъ“. Однако редактору не удалось придать своей газетѣ мѣстнаго интереса; онъ мѣнилъ программу газеты, стараясь угодить русской купеческой публикѣ, но успеха не имѣлъ: у него было всего 140 подписчиковъ и притомъ собственно въ Остзейскомъ краѣ 111 челов., между тѣмъ какъ общее число жителей Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній простипалось до 1.666,400 чел. № 39-й газеты былъ послѣднимъ ся №-мъ. Причиною такого неуспѣха газеты было главнымъ образомъ равнодушіе публики, съ которымъ черезъ 10—12 лѣтъ затѣмъ подобнымъ-же образомъ боролся „Рижскій Вѣстникъ“, поддержаніемъ въ первые годы своего существованія московскимъ, а не мѣстнымъ купечествомъ¹⁾.

Приведенные историческія параллели и послѣдняя справка могутъ въ значительной степени оправдать Туркестанскую туземную газету и со стороны ея содержанія, и малаго распространенія среди туземцевъ, которые естественно не могутъ прежде всего не думать, что и 3 р. (годовая плата)—деньги. Притомъ разныя извѣстія, особенно интересныя, они умѣютъ передавать другъ другу при помощи базара быстро и даромъ. Сколько можно судить, на основаніи 12-тилѣтняго опыта, современныхъ сартовъ болѣе всего занимаютъ извѣстія, касающіяся личнаго ихъ благосостоянія. Научнаго интереса въ европейскомъ смыслѣ они еще не имѣютъ и мало придаютъ значенія даже современнымъ открытиямъ науки, если изъ этихъ открытій не могутъ извлечь положительной выгоды. Извѣстія о наградахъ туземцевъ, похвалы и одобренія русскаго начальства пріятно затрагиваютъ ихъ само-

¹⁾ Ст. Вѣтранскаго: «Первая русская газета въ Царбаатайскомъ краѣ», стр. 152—159.

любое, а неблагощріятныя для личной чести сообщепія, хотя бы безъ указанія имени, обижаютъ ихъ и даютъ пищу разговорамъ на базарахъ. Вотъ два выдающіеся случая: когда въ 1894 г. въ газетѣ была напечатана замѣтка, въ разъясненіе новой инструкціи, данной въ руководство туземнымъ школамъ (мадраса), при чемъ были указаны недостатки внутренней жизни этихъ школъ, то представители ташкентскихъ мадраса обидѣлись и собирались жаловаться начальству на автора статьи и редактора. Вскорѣ послѣ того редакторъ получилъ отпускъ для поѣздки въ Россію, а газета была пріостановлена на время его отсутствія, по распоряженію генералъ-губернатора; тогда пѣкоторыя обиженные лица старались распространять на базарѣ нелѣпый вымыселъ, что редакторъ уѣхалъ и газета больше издаваться не будетъ, именно изъ-за той статьи. Но редакторъ рапоѣ срокъ возвратился изъ отпуска и закончилъ печатаніе статьи, пепріятной для учащихъ (мударришъ) и учащихся (муллы) въ туземныхъ школахъ.—Другой случай касался выборовъ должностныхъ лицъ. По поводу подкуновъ и ссоръ среди Омскихъ киргизъ предъ выборами, въ газетѣ была помещена въ 1895 г. замѣтка туземца о томъ, что и въ Ташкентѣ выборы сопровождаются яптригами и подкупами. Одно должностное лицо (казій), пріявшее па свой счетъ эту рѣзкую замѣтку, заявило свою личную обиду начальству, и редактору пришлось давать объясненіе по этому поводу и. д. генералъ-губернатора. Между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ тотъ же самый казій пользовался въ газетѣ постояннымъ вниманіемъ: благодарности и одобренія русскаго начальства этому лицу печатались постоянно, причемъ и самое лицо называлось по имени, что вызывало у другихъ казіевъ непріятныя чувства.

Въ заключеніе, редакторъ газеты считаетъ позволительнымъ заявить, что къ нему не разъ предъявляемы были со стороны русскихъ и туземцевъ трудно выполнимыя требования, что онъ незаслуженно подвергался осужденію, а дважды¹⁾ печатны

¹⁾ Весточное Обозрѣніе 1883 г. № 52 (отв. въ Туркест. Вѣдом. 1884 г. № 5) и Октябрь 1895 г. № 5 (Фельетонъ).

насмѣшкамъ, тогда какъ образованные иностранцы (Бастіанъ, Мориссонъ, Ленедель), посѣщавши Ташкентъ и разсуждавши съ редакторомъ о туземной газетѣ, высказывали ему неизриворное удивленіе, какъ онъ можетъ держать въ своихъ рукахъ столь капризное дѣло при такомъ ничтожномъ бюджетѣ газеты (2963 р. на всѣ расходы), безъ возможности имѣть сотрудниковъ. Сотрудники изъ туземцевъ почти невозможны, потому что они не понимаютъ требованій условій печати и притомъ не могутъ отрѣшиться въ своихъ сообщеніяхъ отъ личныхъ разсчетовъ, а русскіе корреспонденты совсѣмъ не заинтересованы въ этомъ изданіи. Главное затрудненіе для редактора Туземной газеты заключается въ ея маломъ размѣрѣ, вслѣдствіе чего южнѣ ея часто бываютъ наполнены только свѣдѣніями офиціального характера; а остающееся свободное място въ газетѣ приходится замѣщатьъ съ большими разборомъ, какъ того требуютъ программа газеты и уровень развитія ея читателей, среди которыхъ есть простые, грамотные только, туземцы. Да и ученыѣ туземцы, по складу своего образованія, многихъ современныхъ положеній не способны понимать; говорить же въ газетѣ о предметахъ мусульманской учености не входитъ въ задачу газеты. Между тѣмъ туземцы не понимаютъ этого и при каждомъ случаѣ готовы заявить о своемъ недовольствѣ, какъ это было недавно съ киргизской газетой¹⁾.

Но во вскомъ случаѣ очевидно, что теперь сарты начинаютъ цѣнить печатное слово выше базарныхъ разговоровъ, а это уже служитъ ручательствомъ за возможность успѣха для газеты, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ.

¹⁾ «Киргизская Странная Газета» издается въ г. Омскѣ съ русскимъ переводомъ. Въ № 49 отъ 24 декабря 1895 г., было напечатано письмо одного киргиза, въ которомъ онъ статьи русскихъ сотрудниковъ Киргизской газеты считаетъ бесполезными для киргизъ, вслѣдствіе незнанія русскими крановъ и быта киргизъ. Далѣе авторъ письма упрекаетъ сотрудниковъ-киргизъ въ томъ, что они хвастать въ газетѣ распоряженіемъ начальства въ притомъ подпишаются свое имя, чтобы обратить на себя вниманіе того же начальства. Наконецъ, авторъ письма выражаетъ недовольство сию и на то, что однѣ изъ сотрудниковъ-киргизъ обвиняютъ въ газетѣ своихъ сородичей въ пристрастіи къ конопрядству.

Первая русско-туземная школа въ Туркестанскомъ краѣ была открыта въ Ташкентѣ 19-го декабря 1884 года. Прямая задача этой школы состояла въ томъ, чтобы дать туземному населенію азіатской части города возможность обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ и русскому языку. Эта часть города, расположенная въ сторонѣ отъ русской части, населена почти исключительно сартами, среди которыхъ только нѣсколько человѣкъ знали русскій языкъ, а между тѣмъ настоятельная нужда такого знанія съ каждымъ годомъ давала себя чувствовать. Отношенія къ русской администраціи и суду, промышленности и торговли дѣлались русскими ясно указывали туземцамъ на пользу и необходимость знанія русского языка. Затрудненіе на первыхъ порахъ представлялось въ отысканіи подходящаго дома и учителя; но то и другое было скоро устранено. При посѣщеніи азіатскаго Ташкента главнымъ начальникомъ края, генер.-адъют. Н. О. Розенбахомъ, туземецъ Сайдъ-Азимбаевъ обратилъ на себя вниманіе своею правильною русскою рѣчью. Изъ разговора выяснилось, что молодой человѣкъ-сартъ своимъ знаніемъ русского языка обязалъ покойному своему отцу Сайдъ-Азимбаю и въ память своего покойнаго отца предложилъ даровое помѣщеніе въ своемъ богатомъ домѣ подъ училище. Намѣченъ былъ и первый учитель для этой своеобразной школы, г. Наливкинъ, основательно изучившій жизнь сартовъ, ихъ языки, нравы и обычай. Онъ (бывшій офицеръ-артиллеристъ), единственно изъ любви къ дѣлу, нѣсколько лѣтъ провелъ въ сартовскомъ селеніи, чтобы пройти дѣйствительную школу сартовской жизни. Только такой человѣкъ и могъ пользоваться уваженіемъ со стороны туземцевъ.

Открытие училища состоялось, въ присутствіи военнаго губернатора генераль-майора Н. И. Гродекова, начальника города и городского головы—полковника Путинцева, директора учительской семинаріи Ю. Ф. Крачковскаго, директора мужской гимназіи Н. П. Остроумова, гласныхъ думы и представителей туземнаго населенія, а также родителей тѣхъ дѣтей, которые поступали въ школу. Множество туземцевъ, разнаго возраста и званія, съ любо-

пытствомъ окружали училищное зданіе. Ко времени открытия училища собралось 39 мальчиковъ, которые, по мусульманскому обычаю, все сидѣли на разостланныхъ коврахъ и ватныхъ одѣлахъ съ книгами въ рукахъ. Никакой классной мебели въ школѣ не было, такъ какъ это не въ обычай у туземцевъ, и на первыхъ порахъ нужно было дѣйствовать очень осторожно, чтобы разными мелочными, ничтожными на нашъ взглядъ нововведеніями не подорвать довѣрія туземцевъ къ школѣ. Поздравивъ собравшихся туземцевъ съ открытиемъ первого у нихъ русского училища, генералъ-майоръ Гродековъ замѣтилъ, что учрежденіемъ этого училища, по мысли главнаго начальника края, дается туземцамъ возможность изучить языкъ того государства, гражданами котораго они состоятъ и съ житейлии которого ведутъ такія обширныя торговыя и промышленныя предпріятія. Настоящее взрослое поколѣніе сознаетъ уже необходимость этого знанія; тѣмъ болѣе потребуется знаніе русскаго языка отъ подростающаго поколѣнія. На слова губернатора, переданныя присутствовавшимъ туземцамъ переводчикомъ, послѣдніе говорили, что радуются настоящему событию, съ полнымъ сочувствіемъ принимаютъ его и постараются воспользоваться имъ для блага своихъ дѣтей. Указавъ затѣмъ на пользу ученія вообще и совѣтуя не смущаться тѣмъ, что въ началѣ каждое приобрѣтеніе дается съ трудомъ, начальникъ области указалъ на результаты этого дѣла. „Счастливъ для васъ этотъ деній вашей жизни; да будетъ же благословенъ и тотъ часъ, когда послѣдовало у васъ открытие этого училища“, заключилъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ присутствовавшимъ туземцамъ. Разспросивъ затѣмъ подробнѣо каждого ученика, кто онъ и чѣмъ занимаются его родители, генералъ-майоръ Гродековъ многихъ дѣтей заставлялъ читать по-туземному и пожелалъ имъ крѣпнуть физически и успѣвать въ изученіи русскаго языка на радость своимъ родителямъ и на пользу нашего общаго Русскаго государства.

Затѣмъ начальникъ города, полковникъ Путинцевъ, обращаясь къ генералъ-майору Гродекову, указалъ на центральное

положеніе Ташкента въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ и на большое значеніе для его обывателей русской грамотности, а въ тоже время и на отсталость его въ этомъ отношеніи. Затѣмъ онъ продолжалъ, что и въ Ташкентѣ потребность въ русской грамотности сознавалась, хотя и не высказывалась явно, но для удовлетворенія этой потребности принимались мѣропріятія, которыхъ, къ сожалѣнію, не достигали цѣли отчасти потому, что хотѣли обучать дѣтей туземцевъ въ нашихъ русскихъ училищахъ, гдѣ ихъ дѣти лишены были бы возможности обучаться своему вѣроученію. Другимъ препятствиемъ въ этомъ дѣлѣ служила отдаленность русскихъ училищъ отъ туземной части города и неудовлетворительное состояніе городскихъ дорогъ, особенно весною и осенью, т. е. въ самое учебное время. И въ русской части города приходится часто слышать жалобы родителей на дальность разстоянія школы и на неудовлетворительное состояніе улицъ, что нерѣдко служитъ причиной неаккуратнаго посещенія дѣтьми учебнаго заведенія; но это нежеланное явленіе въ русскомъ Ташкентѣ не можетъ втти ни въ какое сравненіе съ Ташкентомъ азіатскимъ, и каждый, можно быть увѣреннымъ, по этому одному уже будетъ къ туземцамъ снисходителенъ. Съ открытиемъ училища въ азіатской части Ташкента, въ самомъ ея центрѣ, съ обученіемъ въ школѣ русской грамотности и мусульманскому вѣроученію, устраниются прежнія препятствія. Затѣмъ не малое значеніе, особенно для начала дѣла, имѣеть выборъ непосредственнаго руководителя школы: необходимо, чтобы и дѣти, и ихъ родители относились къ такому руководителю съ полнымъ довѣріемъ. Только такая увѣренность гарантируетъ успѣхъ учащихся и спокойствіе населенія. Сказавъ о назначеніи г. Наливкина въ школу учителемъ, полковникъ Путинцевъ замѣтилъ, что населеніе города отнеслось къ такому назначенію съ полнымъ довѣріемъ и спокойствiemъ; имѣющія дѣтей почетная лица—казаки, ягламы, аксакалы, гласные думы, торговый классъ отдали своихъ дѣтей въ открываемое училище, чтобы тѣмъ положить начало дѣлу и послужить примѣромъ для всѣхъ другихъ.

Оставляя другія подробности открытия первой русско-туземной школы въ Ташкентѣ, приведемъ взглядъ представителя учебнаго вѣдомства на ея значеніе:

„Это, повидимому, скромное и малое дѣло, если всмотрѣться въ него ближе и внимательнѣе, является великимъ, дѣломъ первої государственной важности. Край въ свое время такъ или иначе завоеванъ и онъ становится не малою частицею нашего обширнаго отечества. Сліяніе, ассимиляція съ метрополіей здѣсь само собою подразумѣваются. Но какъ достигнуть этого? Одно и главнѣйшее условіе—возможно широкое распространеніе отечественнаго языка. Если бы туземцы, сарты и киргизы, свободно заговорили по-русски, то русское дѣло въ краѣ можно было бы считать утвержденнымъ. Фактъ общезвестный, что мы—духовныи дѣти того государства, того народа, на языкѣ котораго говоримъ. Съ этой точки зренія слова генераль-майора Гродекова, что день открытия русского училища въ азіатскомъ Ташкентѣ долженъ быть счастливѣйшимъ днемъ въ жизни туземцевъ, что должно быть благословенъ часъ его открытия,—слова эти имѣютъ глубокій историческій смыслъ и славную будущность. Вновь открытое училище будетъ прототипомъ всѣхъ другихъ подобныхъ училищъ; оно является такимъ образомъ маленькимъ зерномъ, роскошные и желанные всходы котораго должны все болѣе и болѣе покрывать дикія духовныя пустыни и дебри. А все это вмѣстѣ должно повести къ сліянію Азіи съ Европой, къ удаленію нравственного и духовнаго застоя и вступленію на путь истинной культуры, истиннаго прогресса¹⁾“).

Въ циркуларѣ по учебному вѣдомству Туркестанскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Н. О. Розенбахъ (отъ 30 сентября 1886 года) писалъ начальникамъ областей края:

„Однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ моему ходатайству объ открытии русско-мусульманскихъ школъ для туземцевъ послужили какъ заявленія объ этомъ со стороны ихъ самихъ (на-

примѣръ, лучшихъ представителей мѣстнаго общества въ азіатской части г. Ташкента), такъ и главнымъ образомъ—желаніе мое способствовать зарожденію и укрепленію русскаго духа въ этомъ населеніи и развитію его въ материальномъ и нравственномъ отношеніи. Подобно воспитанію отдельныхъ личностей, и воспитаніе цѣлыхъ человѣческихъ обществъ не должно быть предоставлено на волю случая. Возможно, что и юная общества, лишенныя всякихъ высшихъ благотворныхъ попеченій, возрастутъ и окрѣпнутъ, благодаря влиянию только одной благотворной среды, мощному темпераменту и счастливымъ обстоятельствамъ. Но если вообще такой ростъ является очень рѣдкимъ исключениемъ и совершается при томъ медленно и съ большимъ трудомъ, то въ данномъ случаѣ на него никакъ нельзя расчитывать. До принятия Туркестанскаго края Всемилостивѣйшимъ Монархомъ въ подданство, мирные жители страны не знали мира. На ихъ трудовыхъ нивахъ не высыхала кровь, проливаемая постоянными заводчиками междуусобной смуты. Никто не зналъ своей собственности. Закономъ служила нерѣдко преступная воля случайно воззвышившагося мятежника, противъ котораго въ свою очередь готовился уже заговоръ. Лесть, коварство, измена царили на каждомъ шагу. Вездѣ господствовало общее недовѣріе. Таковы грустныя страницы прошедшей истории бывшихъ здѣсь ханствъ; и не среди этого нравственнаго убожества возможно было зародиться мощному народному характеру, открытой прямотѣ, смѣлой честности; не при такихъ условіяхъ могла развиться здѣсь сельскохозяйственная промышленность, процветать торговля. Нашъ долгъ теперь состоять въ томъ, чтобы юное, обезличенное общество туземцевъ поставить въ наиболѣе выгодныя условія для развитія его естественныхъ способностей, сгладить ему путь, представить средства и всѣ необходимыя и полезныя орудія прогресса для его нравственного и материальнаго роста.

„Лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ этому должны послужить вновь открываемыя школы. Онѣ ближайшимъ и самымъ вѣрнымъ путемъ объединять бытовые и экономические интересы

¹⁾ Туркест. Вѣдом. отъ 8 января 1895 г. № 1.

всѣхъ народностей, заселяющихъ Туркестанскій край, съ обще-государственными, и такимъ образомъ легче всего пособѣйствуютъ къ прочному и окончательному сліянію всѣхъ народностей съ великой семьей коренного русского народа въ нашей могут-щественной метрополіи. Еще при открытии первой русско-мусульманской школы въ азіатской части гор. Ташкента, почти два года тому назадъ (19 декабря 1884 г.) сказалось въ туземцахъ сознаніе того, что русская государственная власть—родная для нихъ власть, что русскій языкъ долженъ сдѣлаться роднымъ ихъ языкомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ это сознаніе значительно развило, окрѣпло. Почти во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края пришлось открыть при училищахъ вечерніе курсы для взрослыхъ туземцевъ, чтобы облегчить имъ возможность усвоенія русской рѣчи, а въ Ташкентѣ, кроме того, многие туземцы изу-чаютъ русскій языкъ и частнымъ образомъ. Вновь открываются двери для всякаго, желающаго изучить русскую грамоту, не устраяя въ то же время туземцевъ отъ усвоенія ими религіозныхъ воззрѣй и грамоты. Вводимая въ открываемыхъ школахъ система образованія не имѣетъ въ виду лишить послѣднихъ религіозного характера. Напротивъ, для успѣха русско-мусульманской школы считается необходимымъ, чтобы въ ней преподавался туземцамъ законъ ихъ вѣры ихъ же муллой. Введеніе такой мѣры имѣеть двоякую цѣль: во-первыхъ, гарантируя туземцамъ свободу религіозныхъ убѣждений, оно лишаетъ всякаго основанія продолжающее гнѣздиться еще кой-гдѣ опасеніе, что русская школа стремится къ уничтоженію среди туземцевъ ихъ религіозного мировоззрѣнія. И во-вторыхъ, лишая почвы пріютившейся подъ благовиднымъ предлогомъ въ мусульманскихъ школахъ сепаратизмъ, оно постепенно поведетъ къ ихъ сліянію съ открываемыми вновь русскими школами грамотности въ туземныхъ селеніяхъ и аулахъ. Черезъ это откроется возможность установить действительный и постоянный контроль за направленіемъ мусульманскихъ школъ вообще, давать имъ необходимыя указанія, помогать въ ихъ нуждахъ, а въ случаѣ—и противодѣйствовать

злонамѣреннымъ проповѣдникамъ, которые среди кочеваго насе-ленія проводятъ обманыя идеи и неправильно истолковываютъ распоряженія правительственной власти.

„Въ видахъ возможно болѣе близкаго приюровленія открываемыхъ школъ къ мѣстныиѣ требованіямъ и бытовымъ условіямъ среды, для которой они пред назначаются, иною предположено дать имъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующее устройство:

1. По отношенію учебной программы ограничить препода-ваніе сообщеніемъ основныхъ началъ русской грамотности, т. е. пріученіемъ къ правильному чтенію, письму и счету (арифметикѣ) въ предѣлахъ, строго-необходимыхъ для элементарныхъ потреб-ностей инородческаго быта, а главнымъ образомъ—направить усилия къ возможно болѣе совершенному усвоенію туземцами рус-ской рѣчи и къ наибольшему навыку въ употребленіи обыден-наго русского, разговорнаго языка.

2. По отношенію материальной обстановки—ограничиться самымъ необходимымъ въ такой мѣрѣ, чтобы школы эти въ мѣстностяхъ, занятыхъ кочевымъ населеніемъ, имѣли возможность безъ затрудненій слѣдовать за передвиженіемъ ауловъ въ ихъ періодическихъ перекочевкахъ; вообще же дать всѣмъ имъ пе-дорого стоящую постановку, которая бы не производила слиш-комъ замѣтной розни съ примитивнымъ складомъ домашней жизни инородцевъ. Образцомъ въ этомъ отношеніи должна послужить русско-мусульманская школа въ Ташкентѣ, съ обстановкой которой и вообще съ введеніемъ въ ней дѣла и должны познакомиться всѣ, назначаемые на должности учителей во вновь открываемая школы.

3. Въ отношеніи школьнаго управления, возложить веденіе дѣла на одного только учителя, съ тѣмъ условиемъ, чтобы незави-симо отъ педагогической подготовки, онъ обладалъ знаніемъ на-рѣчія той народности, для которой предназначено данное училище.

„Небольшое, сравнительно, на первое время число (18) школъ, проектируемыхъ на счетъ казны, несомнѣнно заслужить довѣріе туземцевъ и будетъ честепено увеличиваться на ихъ собствен-ный счетъ.

„Такое увеличение и возможно широкое распространение русско-мусульманской школы тѣмъ болѣе желательно, что оно должно привести къ плодотворнымъ результатамъ. Повторяю, что судьба народа, его процвѣтаніе или упадокъ зависятъ въ послѣдней инстанціи отъ направленія и состоянія его школъ. Народъ, имѣющій самая лучшія училища—это первый народъ: если онъ не первый сегодня, будетъ имъ завтра“¹⁾).

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что всѣ сарты отнеслись къ новооткрытымъ школамъ съ расположениемъ и довѣріемъ. Самое открытие школъ, особенно въ Ташкента, происходило при значительномъ давленіи сверху: главный начальникъ края генералъ-адъютантъ Н. О. Розенбахъ желалъ провести свой взглядъ возможно шире, а одинъ уѣздный начальникъ проявилъ усердіе свое чрезъ мѣру. Вслѣдствіе этого иѣкоторымъ русско-туземная школы были открыты преждевременно и были пополнены *наемными* дѣтьми бѣдняковъ; образовалась негласно новая повинность, известная въ народѣ подъ именемъ „школъ-цули“—деньги на школу, которая шла на наемъ подставныхъ дѣтей бѣдняковъ взамѣнъ дѣйствительныхъ сыновей влиятельныхъ сартовъ. Разумѣется, такія школы не привились къ населенію, и ихъ пришлось перевести въ другіе пункты. Были и злонамѣренные люди, страшавшіе сартовъ нелѣпью выдумкою, что вновь открытые школы имѣютъ цѣллю подготовить дѣтей ихъ къ отбыванію воинской повинности и даже къ крещенію. Это безсмысленное запугивание шло, очевидно, отъ татаръ, такъ какъ внутри Россіи подобные же страхи татары распространяли среди другихъ инородцевъ Поволжья и сами противились введенію въ своихъ школахъ русского языка. Наконецъ, и сами сарты не могли такъ скоро проникнуться мыслю о необходимости сближенія съ русскимъ управлениемъ, съ русскими законами и съ самимъ русскимъ народомъ. Торговцы въ городахъ сами-собой учились русскому языку: это было выгодно имъ и давалось легко. Не то было съ

¹⁾ Туркест. Вѣдом. отъ 14 октября 1886 г. № 40.

учеными представителями сартскаго населенія: казіи, мударрисы, агламы, муфтіи, аксакалы и пр., если и сознавали про себя очевидную выгоду знанія русского языка, то лицемѣрно скрывали это сознаніе предъ народомъ, чтобы не прослыть отступниками отъ народныхъ взглядовъ и измѣнниками своей вѣрѣ (по мусульманской логикѣ это выходитъ послѣдовательно). Даже въ Ташкентѣ туземная должностная лица, за исключеніемъ двухъ-трехъ, до сихъ поръ русского языка не знаютъ и русской грамотѣ не научились; въ туземныхъ школахъ (мадраса и мактабъ) о русскомъ языке и помину неѣтъ. Поэтому въ туземной газетѣ не разъ печаталось разъясненіе относительно неосновательности предубѣжденія сартовъ противъ русского языка и грамоты; въ тѣхъ же видахъ газета съ 1885 года и до сихъ поръ печатается съ русскимъ текстомъ.

Въ концѣ 1891 года Туркестанскій генералъ-губернаторъ Баронъ А. Б. Вревскій въ циркулярѣ своемъ на имя военныхъ губернаторовъ областей края писалъ: „При близкомъ и подробномъ ознакомлении съ русско-туземными школами, существующими въ краѣ шестой годъ, оказывается, что школы эти заняли среди туземного населенія устойчивое положеніе. Мѣстные жители относятся къ нимъ безъ противодѣйствія и безъ фанатической непріязни. Наиболѣе здравомыслящіе сарты и киргизы довѣрчиво поимѣшаются въ эти школы своихъ дѣтей и довольны успѣхами ихъ въ знаніи русского языка, въ умѣніи говорить, читать, писать и считать по-русски. Разсказы о вербованіи сартовскихъ дѣтей въ русско-туземные школы принудительными, будто бы, мѣрами или подкупаніемъ отошли въ область преданій. Тѣмъ не менѣе настоящимъ положеніемъ русско-туземныхъ школъ довольствоваться нельзя и оставлять ихъ въ такомъ положеніи не слѣдуетъ. Число учащихся въ каждой школѣ незначительно, даже въ городахъ и кишлакахъ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Ученики посѣщають русскую школу крайне неаккуратно, и многие, не утвердившись въ знаніяхъ, перестаютъ учиться, когда хотятъ. Результаты отъ такого ученія, за немно-

гими исключеними, ничтожны и не соответствуют затратѣ заплатительныхъ суммъ (свыше 23000 руб. въ годъ), которых расходуются на содержаніе туземныхъ школъ изъ государственного казначейства и изъ сбора съ местнаго населенія.

„Причина неудовлетворительного состоянія русско-туземныхъ школъ очевидна. До сихъ поръ туземцы, за исключениемъ, можетъ быть, торгующихъ съ русскими или на русскихъ базарахъ, не могутъ понять того, какое значеніе имѣеть для ихъ дѣтей обученіе по-русски, какую пользу можетъ приносить имъ знаніе русского языка, какъ разговорнаго, такъ особенно книжнаго, ради чего должны они посыпать дѣтей своихъ въ русскую школу, изъ которой если и выносятся полезныя знанія, то нигдѣ и ни къ чему не приложимыя. Этого мало. Усердные къ ученію юноши, обучившись русскому языку и не находя въ жизни никакого приложенія своихъ знаній къ дѣлу, легко и скоро забываютъ то, чему учились, тѣмъ болѣе, что въ домашнемъ быту не имѣютъ ни возможности говорить, ни потребности читать и писать по-русски.

„Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и восчувствуютъ удовольствіе отъ изученія русского языка, отъ тѣхъ знаній, которыхъ сообщаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусьпіе или духовное общеніе средне-азіатской окраины съ русскою народностью и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не приводить къ желательной цѣли: дѣти, приступая къ ученію не по желанію родителей или родственниковъ, а по внѣшнему понужденію, учатся неохотно, подневольно и безусиѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русской школы и русского правительства.

„Настало время поставить дѣло такъ, чтобы въ русской и только въ русской школѣ туземцы видѣли носительницу и наследительницу знаній, необходимыхъ для всякаго рода общественной службы и дѣятельности, чтобы знали о неприложимости

къ настоящему государственному и общественному строю ихъ быта тѣхъ ученій, которые выносятся изъ мадраса и мактаба. Быть этотъ самъ собою, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, предъявляетъ требованія на такія знанія и умѣнія, которыхъ не даютъ и не могутъ дать школы мусульманскія. А туземцы, какъ и всѣ простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороной книжнаго ученія, его приложимостью къ практическимъ цѣлямъ.

„Мѣстные мусульмане, знающіе русскій языкъ, могутъ и должны пользоваться имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не только при исполненіи обязанностей казаевъ, біевъ, волостныхъ управителей, аксакаловъ и состоящихъ при сихъ лицахъ мирзъ, а также сельскихъ старшинъ, всѣхъ полицейскихъ служителей въ русскихъ частяхъ каждого города и, по крайней мѣрѣ, старшихъ въ частяхъ туземныхъ, не только при этихъ обязанностяхъ, но и при другихъ разнообразныхъ службахъ и занятіяхъ въ областныхъ правленіяхъ, судахъ, казначействахъ, банкахъ, почтовыхъ конторахъ, при работахъ по садоводству и особенно по ирригациі. Для подготовки къ послѣднимъ занятіямъ, ученикамъ русско-туземныхъ школъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, слѣдуетъ сообщать главнѣйшія свѣдѣнія и умѣнія, необходимыя для выполненія культурныхъ работъ и для правильнаго наблюденія за ними.

„Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь просить Ваше Превосходительство неотложно принять настоятельный мѣры къ тому, чтобы отнынѣ туземцы, знающіе русскій языкъ, избирались и назначались на указанныя и другія должности и службы предпочтительно предъ вѣзнающими его и чтобы сущность настоящаго распоряженія возможно чаще была озовѣщаема и уясняема населенію ввѣренного миѣ края“¹⁾.

Но и объщанныя въ циркулярѣ поощренія не могли сразу измѣнить положенія дѣла частію потому, что обучавшіяся въ

¹⁾ Тузем. газета 1892 г. № 3.

русско-туземныхъ школахъ дѣти туземцевъ, и по выходѣ изъ школы, оставались еще въ большинствѣ случаевъ несовершеннолѣтними и потому не могли выступать въ дѣятельной роли должностныхъ лицъ. Были и другія препятствія, зависѣвшія иногда отъ личнаго усмотрѣнія тѣхъ начальниковъ, которые могли бы поощрять обучавшихся въ этихъ школахъ туземцевъ... Но изложенный въ циркулярѣ взглядъ поддерживался въ населеніи; сарты съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе убѣждаются въ необходимости и пользѣ обучения своихъ дѣтей русскому языку и русской грамотѣ: къ 1 января 1896 года въ 14 русско-туземныхъ школахъ Сырь-Дарынскай области обучалось 402 туземныхъ мальчика, да въ 6 городскихъ училищахъ 104 мальчика. Въ Ферганской и Самаркандской областяхъ въ русскихъ и русско-туземныхъ школахъ обучалось 309 мальчиковъ; на вечернихъ курсахъ при разныхъ школахъ обучалось 200 взрослыхъ туземцевъ. Цифры эти значительны, особенно если приять во вниманіе недавнее существованіе русско-туземныхъ школъ въ краѣ (съ конца 1884 г.) и своеобразные взгляды туземцевъ на образование вообще и на предметъ обучения языкамъ иностранныхъ и новѣрныхъ побѣдителей. Слѣдуетъ припомнить, что и русскіе времена Петра I всѣми мѣрами противились новымъ, заводимымъ Пробразователемъ Россіи школамъ. Достаточно сказать, что указъ 1708 г. обѣ обученія дѣтей священнослужителей въ школахъ греческому и латинскому языкамъ сопровождался неоднократными подтвержденіями обязательности такого обучения и, несмотря на это, герой современной Петру I интермедіи сначала давалъ подъячимъ взятки, чтобы его дѣтей не брали въ семинарію, а когда и взятки не помогли, онъ говорилъ слѣдующія горькія слова:

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
И въ проеклятую семинарію¹⁾ на муку обираютъ.

¹⁾ Т. е. семинарію.

О, мои дѣтушки сордечные,
Не на ученье васъ берутъ, но на мученіе безконечное.
Лучше ваять не родится на сей свѣтъ, а хотя и родится,
Того же часа киселемъ задавится и въ воду утонется.
О, мои яицы дѣтушки,
И белые лебедушки,
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопать,
Нежели въ семинарію на муку отдать!
Процрайте, мои дѣтушки, ужъ явѣ васъ не видать,
И съ вами ужъ никогда не живать¹⁾.

Въ Ташкентѣ казій Сибзарской части Мухитдинъ-ходжа, только послѣ десятилѣтняго существованія русско-туземныхъ школъ въ самомъ городѣ, рѣшился отдать въ одну изъ нихъ своего младшаго сына, въ которой онъ и подготовился къ поступленію въ 1895 г. въ Ташкентскую гимназію. Но и при этомъ онъ настаивалъ, чтобы сынъ его, хотя бы въ первый годъ своего обучения въ гимназіи, имѣлъ право носить домашнюю (туземную), а не общегимназическую одежду, что и было разрѣшено ему въ виду необязательности гимназической формы для учениковъ подготовительного класса.

¹⁾ Пекарскій. Наука и литература при Петре В. Спб. т. I. 1862 г. стр. 448, 454.

ученый и благоразумный, способный подать полезный советъ въ трудныхъ дѣлахъ, и былъ назначенъ на должность чимкентскаго казія. Въ этой должности дѣдъ мой былъ полезенъ чимкентцамъ не однимъ своимъ знаніемъ шаріата; онъ отечески заботился о благосостояніи своего роднаго города и его жителей и особенно о распространеніи грамотности среди его населенія. Однажды, зимой, предводитель отряда кокандскаго войска, таджикъ Зухуръ Диванъ-бек осадилъ Чимкентъ и держалъ городъ въ осадѣ... Наконецъ обѣ стороны помирились подъ условіемъ, чтобы чимкентцы приняли къ себѣ двѣсти человѣкъ изъ непріятельского отряда на жительство. Тогда Зухуръ обѣщалъ снять осаду и возвратиться назадъ. Чимкентцы приняли это условіе и впустили въ цитадель двѣсти кокандскихъ воиновъ. Послѣ того дѣдъ мой, проходя мимо кокандцевъ въ мечеть на молитву, услышалъ разговоръ ихъ между собою на персидскомъ языке и понялъ, что они сговаривались произвести рѣзню въ Чимкентѣ и завладѣть городомъ. Обѣ этомъ дѣдъ мой тотчасъ же сообщилъ чимкентцамъ, а чимкентцы обезоружили кокандскихъ воиновъ и такимъ образомъ избавились отъ угрожавшей имъ бѣды.

Пробывши затѣмъ казіемъ много лѣтъ, дѣдъ мой пріобрѣлъ себѣ уваженіе въ народѣ и получилъ званіе ишана. Однажды одинъ житель Чимкента, имѣвши тяжелое дѣло, принесъ моему дѣду въ подарокъ нѣсколько аршинъ холста. Дѣдъ, на основаніи шаріата, воспрещающаго получать отъ тяжущихся какіе-бы то ни было подарки, привязалъ однимъ концомъ принесшаго холстъ, а другимъ концомъ самого себя и въ такомъ видѣ водилъ чимкентца по городу, приговаривая: „таково наказаніе тому, о комъ думали, какъ о взяточнике!“, а принесшаго холстъ онъ заставилъ кричать: „таково наказаніе тому, кто принесъ взятку!“ Обошедшіи такимъ образомъ нѣсколько городскихъ улицъ Чимкента, онъ отказался потомъ отъ должности казія.

Услышавъ, что Перовскъ уже взять русскими войсками, дѣдъ мой еще тогда неоднократно высказывалъ, что весь Туркестанъ будетъ заносанъ русскими. Слышавшіе это отъ дѣда моего до

V.

ВОСПОМИНАНІЯ САТТАРЪ-ХАНА АБДУЛЪ-ГАФАРОВА¹⁾.

Въ городѣ Чимкентѣ до сихъ поръ съ уваженіемъ вспоминаютъ почтеннаго Муминъ-хана-ходжу ишана, моего дѣда. Онъ жилъ восемьдесятъ три года и умеръ за пять лѣтъ до взятия Чимкента, т. е. въ 1859 году. Во время его жизни Чимкентъ, Ташкентъ и Кокандъ съ прилегающими къ нимъ землями составляли отдельныя владѣнія, часто враждовавшія между собою. Въ то время въ этихъ владѣніяхъ не было большаго порядка и грамотныхъ людей вообще было мало. Сношенія жителей разныхъ городовъ между собою и торговля, вслѣдствіе взаимной вражды жителей и неустроенныхъ путей, были очень затруднительны. Отъ Чимкента до Ташкента не было стоянокъ для отдыха проѣзжающихъ и для пріобрѣтенія ими необходимаго прокормленія себѣ и животнымъ. Кроме того, во время перѣзда изъ одного города въ другой, путешественники, опасаясь нападеній своеобразныхъ киргизъ, выбирали для перѣзда самое хорошее время лѣта, собирались большими толпами и имѣли при себѣ тогдашнія оборонительныя принадлежности, въ родѣ кистеней и дубинъ. Но несмотря на это, дѣдъ мой отправился въ путь и добрался до Бухары для своего образованія. Проучившись тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился якъ свою родину, въ Чимкентъ, и былъ въ короткое время отличенъ жителями Чимкента, какъ человѣкъ

¹⁾ Эти воспоминанія были записаны мною со словъ самого Саттаръ-хана въ начальствіи въ Туркестанской туземной газетѣ за 1890 годъ. Н. О.

настоящаго времени считаютъ такія слова его какъ-бы предсказаниемъ. Я помню, какъ однажды онъ погладилъ моиа (я было тогда 8—9 лѣтъ) по плечу и сказалъ: „вы будете жить уже подъ владычествомъ русскихъ“.

Прежній правитель Ташкентской области, Мирза-Ахмадъ кушбеги¹⁾ построилъ въ г. Чимкентѣ соборную мечеть и при ней мадрасу съ нѣсколькими кельями для учащихся; на содержаніе мадрасы онъ назначалъ доходы съ караванъ-сарая и бани, а главнымъ преподавателемъ наукъ въ мадрасѣ опредѣлилъ моего дѣда. Но дѣдъ мой, достигши преклонныхъ лѣтъ, не могъ уже выходить изъ дома и потому это мѣсто занялъ мой покойный отецъ, Абдуль-Гафаръ-ходжа ишанъ. Мой отецъ сначала учился у своего отца (моего дѣда), а потомъ слушалъ лекціи въ Ташкентѣ, въ мадрасѣ „Ходжа-Ахраръ“, у главаго преподавателя Дамуллы Салихъ-бека²⁾). Возвратившись въ Чимкентъ, онъ былъ назначенъ имамомъ въ свое мѣсто кварталѣ и хатибомъ при соборной мечети; при этой же мечети онъ былъ преподавателемъ. Мирза-Ахмадъ парваначи назначилъ моего отца казіемъ въ Саръямъ (теперь селеніе Чимкентскаго уѣзда); но отецъ мой, по созданію большой ответственности, соединенной съ этою должностю, отказался, руководясь преданіемъ отъ Мухаммада: „Кто приметъ на себя должностъ казія, тотъ зарѣзанъ безъ ножа“, и примѣромъ Имама-Агзама, который отказался отъ предложенной ему Гаруномъ ар-Рашидомъ должности казія, сказавъ: „Я лучше готовъ переплыть море“. (За это Имамъ-Агзамъ былъ наказанъ 90 ударами и умеръ въ тюрьмѣ).

Я родился въ 1259 г. гиджры (1843 г.) и на 12-мъ году началъ учиться у своего дѣда, а когда достигъ 14 лѣтъ, то прибылъ въ Ташкентъ, въ мадрасу „Шукуръ-ханъ“, во время

¹⁾ Кушбеги—первый министръ хана, а въ Бухарѣ и бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ—должность главнокомандующаго. Мирза-Ахмадъ въ настоящее время живетъ въ Ташкентѣ и не имѣть даже тѣни прежнаго величія и власти. Портретъ его приложенъ къ настоящей книжѣ. Н. О.

²⁾ Онъ былъ высланъ изъ Ташкента ген. Черняевымъ. Н. О.

преподавательской дѣятельности Дамуллы Наръ-Мухаммада. Прочувшись здѣсь шесть лѣтъ и достигши 20-ти лѣтняго возраста, я въ 1279 (1862) г. былъ назначенъ въ Чимкентъ муфтіемъ.

Въ то время ханы, согласно шаріату, назначали на должностъ муфтія людей ученыхъ и, смотря по городу, въ большіе города назначали большее число муфтіевъ, а въ небольшіе города—меньшее число. Обязанность муфтія состояла въ томъ, чтобы писать просьбы тяжущимся и дѣлать на этихъ просьбахъ надписи о томъ, подлежитъ ли написанная жалоба удовлетворенію по шаріату, или нѣтъ. Къ надписямъ муфтіи прикладывали свои печати. И кромѣ муфтіевъ, никто не могъ писать тяжущимся просьбы и жалобы. Тѣ муфтіи, которые были и старше по возрасту, и болѣе свѣдущими въ шаріатѣ, назывались *агамами*. Большинство муфтіевъ, особенно во время разбирательства важныхъ дѣлъ, жили въ городѣ при казіи. Во время разбирательства тяжущихся сторонъ они выслушивали жалобы и отвѣты на нихъ и вмѣстѣ съ казіями обсуждали встрѣчавшіяся недоразумѣнія и сомнительные случаи. Тогда казій, по выслушаніи всѣхъ высказанныхъ мнѣній, постановлялъ рѣшеніе по единогласному или, по крайней мѣрѣ, по большинству высказанныхъ мнѣній. Казій боялись оказывать тяжущимся противозаконное покровительство, а если казій оказывалъ кому-нибудь такое покровительство, то ханъ или правитель подвергалъ такого казія взысканію¹⁾.

Въ должностіи муфтія я оставался до взятія Чимкента русскими въ 1280 г. гиджры (1864 г.). Я зналъ свой шаріатъ, жилъ и разсуждалъ такъ же, какъ и всѣ мусульманскіе ученые. Я думалъ, что такимъ образомъ пройдетъ вся моя жизнь; но вотъ, по волѣ Божіей, пришли русскія войска и взяли нашъ городъ. Тогда въ городѣ было до 10 тысячъ войска и 43 пушки; при войскахъ находился главнокомандующій Мирза-Ахмадъ, и мы мало опасались угрожавшаго намъ нападенія со стороны неболь-

¹⁾ Такъ, одному казію въ Кокандѣ ханъ Худаляръ приказалъ выщишать половину бороды за неправильное рѣшеніе и за несознаніе въ своей неправотѣ. Н. О.

шаго русского отряда, тѣмъ болѣе что въ ожиданіи нападенія русскихъ городская стѣна была возобновлена и окружена глубокимъ и широкимъ рвомъ, а артиллеріей завѣдывали два опытныхъ афганца. Мы были совершенно спокойны за неприступность городской стѣны, и я отправился па поминки. Это было, по русскому счислению, 22 сентября 1864 г. День былъ вторникъ²⁾). Вдругъ я услышалъ, что нашъ чимкентскій Бай-Мухаммадъ-бекъ скакать на лошади по улицѣ и кричить: „Богъ наказалъ насъ! Богъ наказалъ насъ!“ Я вмѣстѣ съ другими, бывшими на поминкахъ, спросилъ, что значитъ этотъ крикъ?—Мнѣ сказали, что русскіе вошли уже въ городъ... Отъ страха потерявъ присутствіе духа, я бросился вмѣстѣ съ другими чимкентцами бѣжать по направлению къ Ташкенту. Какъ бѣжалъ я, я не сознавалъ и пришелъ въ себя только тогда, когда былъ уже за рѣчкой Бадамомъ, па горѣ, вмѣстѣ съ толпой убѣжавшихъ чимкентцевъ. Добравшись до Ташкента, я прожилъ въ немъ около мѣсяца, пока не получилъ извѣстія, что мои родители и родственники остались въ живыхъ. Но выбраться изъ Ташкента мнѣ было трудно, потому что по дорогѣ въ Чимкентъ были выставлены воинные караулы, чтобы никого не выпускать изъ Ташкента. Поэтому я вмѣстѣ съ некоторыми другими чимкентцами ушелъ по направлению къ Чимганскимъ горамъ и черезъ горы добрался до Чимкента.

Увидѣвшись съ родными, я сталъ жить въ своемъ домѣ и продолжалъ отправлять обязанности муфтія. Такъ прожилъ я года три, думая и чувствуя попрежнему. Хотя Ташкентъ былъ взятъ уже русскими въ 1865 г., но нась не оставляла еще надежда на помощь Бухарского Амира, въ силу которого мы сильно вѣрили. Мы думали, что если Музаффаръ-ханъ панишетъ только ниско русскому генералу, то онъ тотчасъ же оставитъ нашу страну и удалится съ своимъ войскомъ. Но надежда наша не сбылась: русскіе остались въ Ташкентѣ. Несмотря на это, у меня не было еще сознанія необходимости сближаться съ русскими, хотя я видѣлъ

²⁾ Вторникъ у мѣстныхъ мусульманъ считается несчастнымъ днемъ. И. О.

постоянно русскихъ въ Чимкентѣ. Тогда отдѣльного русского квартала въ Чимкентѣ еще не было, и потому, русскіе офицеры и солдаты жили на квартирахъ у сартовъ; но мы мало интересовались ими и мало знали о нихъ. Свѣдѣнія мои о русскихъ ограничивались только рассказами другихъ сартовъ, что русскіе не ёдятъ лошадинаго мяса, а ёдятъ свинину; что вместо нашей бузы они употребляютъ свой особый напитокъ; что они любятъ больше всего пельмени и что во время принятия пищи употребляютъ какіе-то страшные желѣзные крючки, называемые вилками... Но вотъ наконецъ я случайно познакомился съ однимъ офицеромъ изъ русского войска, мусульманиномъ, артиллеристомъ Еникѣевымъ, и съ того времени мои мысли о русскихъ начали постепенно измѣняться.

Я продолжалъ исполнять обязанности муфтія въ Чимкентѣ, соблюдалъ въ точности требованія своего закона, а также и народные обычаи, а людей въ русскомъ платьѣ избѣгалъ. Упомянутый офицеръ Еникѣевъ услышалъ обо мнѣ и разъ пришелъ ко мнѣ, чтобы познакомиться со мною, но я принялъ его недовѣрчиво и обошелся съ нимъ грубо. Онъ понялъ, что сразу нельзя сблизиться со мною, потому что я былъ ревностнымъ исполнителемъ обрядовъ своей религіи; поэтому онъ просилъ меня читать Коранъ по умершимъ его родственникамъ и сталъ учиться у меня персидскому языку. За ученіе онъ предложилъ мнѣ деньги, но я не принялъ его деньги, потому что у насъ получать деньги за ученіе считалось неприличнымъ. Тогда онъ предложилъ учить меня русской грамотѣ, и я послѣ некотораго колебанія согласился. Во время уроковъ онъ разсказывалъ мнѣ о жизни русскихъ и о разныхъ другихъ народахъ, а также сообщалъ мнѣ разныя научныя сѣдѣнія. Сначала рассказы его смущали меня, а потому мало-по-малу я началъ соглашаться съ нимъ, что жить въ отчужденности отъ русского народа, нельзя. Я успокоился, когда подумалъ, что самъ Богъ послалъ русскихъ завоевать нашъ край, потому что все въ мірѣ дѣлается по Божію опредѣленію.

У насть въ Чимкентѣ, какъ и въ Ташкентѣ, былъ и до

сихъ поръ есть обычай, называемый „джура“. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько человѣкъ соглашаются поочередно собираться другъ у друга на вечернія бесѣды (*глчи*). И я съ Еникѣевымъ приходилъ на *джуру*, но бесѣдовали больше между собою, а въ разговорахъ прочихъ членовъ собранія участія не принимали. За это меня не хвалили мои земляки; но къ этому прибавилось еще одно тяжелое дѣло. Умеръ одинъ брататый чимкентецъ, Раҳимъ-бай, оставившій послѣ себя трехъ женъ и пять-шесть человѣкъ дѣтей. Опекуномъ былъ назначенъ сынъ его Муса. Муса мало заботился о сиротахъ, и мнѣ пришлось хлопотать за нихъ предъ казіемъ. Казій поддерживалъ Мусу, и я остался виноватымъ; на меня предъявленъ былъ искъ... А народъ сталъ чуждаться меня за то, что я обращался за помощью къ русскому судью. Я вынужденъ былъ два разаѣздить въ Ташкентъ: въ первый разъ къ военному губернатору, генералу Головачеву, а во второй разъ къ генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману.

Такъ какъ я не зналъ русскихъ порядковъ и не умѣлъ еще говорить по-русски, то мнѣ очень трудно пришлось въ Ташкентѣ: спросить было некого; переводчики же плохо понимали меня, потому что я выражался по книжному, съ примѣсью арабскихъ и персидскихъ словъ. Съ большимъ трудомъ я могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Когда я представлялся военному губернатору и генералъ-губернатору, то не могъ разсказать имъ ясно и толково свою просьбу; я остался неоправданнымъ предъ судомъ казіевъ и заплатилъ 500 руб. Въ то же время я былъ отставленъ отъ должности муфтія. Черезъ нѣсколько времени потомъ меня защитилъ русскій чиновникъ (Ю—въ), прѣѣзжавшій въ Чимкентъ; я былъ назначенъ казіемъ въ городѣ Чимкентѣ, но черезъ девять мѣсяцевъ остался опять безъ должности. Тогда пріятель мой, офицеръ Еникѣевъ, посовѣтовалъ мнѣ подать прошеніе генералъ-губернатору о предоставлѣніи мнѣ должности учителя въ русско-туземной школѣ, которую генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ хотѣлъ открыть въ городѣ Чимкентѣ. Генералъ-губернаторъ благо-

склонно принялъ мое прошеніе и непремѣнно обѣщалъ исполнить мою просьбу. Я сталъ заниматься русскимъ языкомъ, но учился только четыре мѣсяца, потому что мой учитель Еникѣевъ отправился въ хивинскій походъ. По возвращеніи русскихъ войскъ изъ хивинскаго похода, генералъ-губернаторъ приказалъ открыть русскую школу въ Чимкентѣ. Учителемъ русского языка въ школѣ былъ назначенъ оренбургскій киргизъ Хасановъ, а я—учителемъ мусульманской грамоты. Это была первая русско-туземная школа въ краѣ; въ ней обучалось до 40 мальчиковъ. Къ этому времени населеніе города Чимкента забыло свою вражду ко мнѣ; возникшая противъ меня несправедливость разъяснилась въ мою пользу, и я имѣлъ вліяніе на своихъ знакомыхъ чимкентскихъ жителей, чтобы они отдавали своихъ сыновей въ русскую школу.

Учителемъ въ школѣ я былъ года два. Въ этомъ положеніи меня узналъ полковникъ Корольковъ, прїѣзжавшій въ Чимкентъ на ревизію. Когда онъ сталъ начальникомъ города Коканда, то вызвалъ меня въ Кокандъ на должность казія. Прослуживъ на этой должности три мѣсяца, я былъ отправленъ, по приказанію господина генералъ-губернатора, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мусульманами Туркестанскаго края (Джура-Бекъ, Ширъ-Мухаммадъ и Абдулла Ніазовъ) въ С.-Петербургъ, на съѣздъ ориенталистовъ. Передъ отѣѣздомъ въ Петербургъ, я представлялся генералъ-губернатору, былъ очень ласково принятъ имъ и получилъ отъ него почетный халатъ въ награду за службу и два дорогихъ халата (парчевый и китайскій шелковый) въ даръ лично отъ генералъ-губернатора. При этомъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ собственноручно подписалъ свидѣтельство на награжденіе меня почетнымъ халатомъ. Это было 22 июля 1876 г.

Поѣзда въ Петербургъ доставила мнѣ возможность въ первый разъ увидѣть разные города и обѣ столицы Россіи и сравнить ихъ съ нашими туркестанскими городами. Въ Оренбургѣ я въ первый разъ увидѣлъ всѣ особенности русскаго города и удивлялся красотѣ и большимъ размѣрамъ каменныхъ домовъ, ширинѣ и прямизнѣ улицъ, чистотѣ дорогъ и т. д. Городъ Самара про-

изъезжая на меня еще лучшее впечатление, я же еще более удивлялся хорошимъ порядкамъ русскихъ городовъ. Въ Самарѣ я увидѣлъ самую большую реку Россіи—Волгу и любовался величиною ея и красотою ея береговъ. Сотни пароходовъ быстро бѣгали по Волгѣ въ разныя стороны. И я на пароходѣ доѣхалъ до гор. Сызрани. О пароходахъ я до того времени не имѣлъ понятія и тогда въ первый разъ узналъ ихъ устройство. До этого времени я видѣлъ парѣ только во время кипаченія воды въ самоварѣ и во время приготовленія пищи на кухнѣ, но никакъ не могъ подумать, чтобы этотъ же самый парѣ можно было, при помощи науки, заставить двигать огромныя колеса у парохода и тащить пароходъ съ болѣтою скоростью, даже противъ теченія. Но еще болѣе я удивился, когда сѣлъ въ Сызранѣ въ вагонъ желѣзной дороги. Сначала мнѣ казалось непонятнымъ, какъ могутъ эти огромныя телѣги (вагоны) двигаться безъ лошадей; по я еще болѣе изумился, когда машина, при помощи того же пара, потащила за собою множество огромныхъ телѣгъ съ быстротою тридцати верстъ въ часъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и быстрѣе. На первыхъ же станціяхъ я старался узнать устройство паровой машины, и мое небольшое знаніе русского языка помогло мнѣ въ этомъ случаѣ. Я свободно обращался къ своимъ сосѣдамъ по вагону во время дороги съ разными вопросами относительно желѣзной дороги, и образованные сосѣди мои охотно отвѣчали на всѣ мои вопросы. Во время этихъ разговоровъ я болѣе и болѣе убеждался, что мы, туркестанскіе мусульмане, жили однообразною жизнью, мало видѣли свѣтъ, мало знали людей другихъ государствъ и очень отстали во всѣхъ отношеніяхъ отъ русского народа.

Такъ мы доѣхали наконецъ до Москвы, этой древней столицы Русскаго государства. Въ этомъ огромномъ городѣ я совершенно терялся, но желаніе посмотреть такою замѣчательныю го-родѣ заставило меня выти изъ квартиры, и я долго ходилъ по улицамъ. И въ этомъ случаѣ снова помогло мнѣ небольшое знаніе русского языка: въ разныхъ мѣстахъ я останавливался, прочиты-валъ разныя надписи на магазинахъ и обращался къ проходив-

шимъ людямъ съ вопросами. Мнѣ любезно давали отвѣты на мой вопросы. Эта черта въ характерѣ русскихъ людей мнѣ очень понравилась: я удивлялся, что русскіе люди не обращали вниманія на мою туркестанскую одежду и безъ всякой гордости разговаривали со мною.

Изъ Москвы я вмѣстѣ съ своими спутниками отправился въ С.-Петербургъ. Когда мы прибыли въ эту столицу, то явились къ предсѣдателю съѣзда ориенталистовъ, русскому профессору В. В. Григорьеву. Онъ сообщилъ намъ время засѣданій съѣзда. Первое засѣданіе происходило въ университетской залѣ, 20 августа 1876 г. Профессоръ Григорьевъ въ своей рѣчи, обращенной къ ученымъ съѣзда, сказалъ, что „среди разъяренного моря разнозданныхъ страстей есть одно спокойное убѣжище—наука, къ которому стремятся ученые всѣхъ странъ и народовъ“. Въ доказательство этого онъ указалъ на присутствовавшихъ ученыхъ разныхъ государствъ Европы и Азіи. Эти ученые знали разные восточные языки: китайскій, еврейскій, арабскій, персидскій, монгольскій, турецкій и разные другіе; всѣ эти ученые имѣли только одну цѣль—стремленіе къ истинѣ. Вмѣстѣ съ учеными на съѣздѣ были разные инородцы: китайцы, турки, персы и проч. Мнѣ было удивительно и приятно видѣть, какъ наука сближаетъ людей разныхъ племенъ и разныхъ вѣръ. Ученые европейцы говорили въ засѣданіяхъ на разныхъ языкахъ рѣчи, содержанія которыхъ я, къ сожалѣнію, не могъ самъ понимать; меня знакомили только съ главными мыслями ихъ рѣчей. Наконецъ, на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій съѣзда было и мнѣ предложено сказать нѣсколько словъ. Я затруднялся выбрать предметъ для своей рѣчи... Подумавъ о цѣли этихъ собраній, я сказалъ на персидскомъ языкѣ нѣсколько словъ о томъ, что до завоеванія Туркестана русскими мы, туркестанскіе мусульмане, жили обособленно, въ отчужденіи отъ образованныхъ европейскихъ народовъ; но, по волѣ Божіей, теперь мы, при посредствѣ русскаго народа, можемъ вступить въ общеніе съ европейскими народами и сдѣлаемся, такимъ образомъ, участниками общечеловѣческой жизни и научнаго прогресса. Рус-

скій профессоръ Григорьевъ отвѣчалъ на мою рѣчъ также по персидски и сказалъ, что завоеваніе русскими Туркестана не имѣть цѣлью только обладаніе мусульманскимъ Туркестаномъ, а—общее благо двухъ сосѣднихъ народовъ, русскаго и туркестанскаго, и что покоренное русскими туркестанское населеніе присоединится къ общей жизни человѣчества. Моя рѣчъ и отвѣтъ профессора Григорьева были выслушаны всѣми членами засѣданія и вызвали одобрение.

Во время происходившихъ засѣданій съѣзда и послѣ я много думалъ о томъ, какъ образованные народы заботятся о наукѣ и общими силами стараются объ увеличеніи знаній и о распространеніи ихъ между всѣми народами. Я своимъ глазами увидѣлъ теперь ученыхъ людей разныхъ странъ и узналъ, что эти ученые дѣйствительно имѣли основательныя познанія въ исторіи и языкахъ вышеупомянутыхъ восточныхъ народовъ. Правительства образованныхъ государствъ съ своей стороны доставляютъ ученымъ возможность путешествовать по разнымъ странамъ, изучать языки разныхъ народовъ, ихъ нравы и обычай, сравнивать жизнь разныхъ народовъ и разяснять все, что есть непонятного въ исторіи. Свои знанія европейскіе ученые не оставляютъ при себѣ только, а печатаютъ ихъ для общаго свѣдѣнія. Эти сочиненія переводятся потомъ на языки разныхъ народовъ, и такимъ образомъ знанія каждого европейскаго ученаго распространяются во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Кроме того ученые разныхъ странъ по очереди собираются въ разныхъ государствахъ и обмѣниваются своими мыслами. Такое отношеніе европейскихъ ученыхъ и ихъ правительства къ наукѣ вызвало у меня уваженіе къ нимъ.

Засѣданія происходили сначала по два раза въ день, а потомъ—по одному разу; 26, 29 и 30 августа засѣданій не было, такъ какъ эти дни были праздничные. Въ эти дни члены съѣзда осматривали достопримѣчательности С.-Петербургра и окрестности этой столицы. Въ музеяхъ мы осматривали разные рѣдкіе предметы, касающіеся восточныхъ народовъ, а въ Публичной Библіотекѣ—многочисленныя восточные рукописи. Кроме того, намъ

показали старинныя географическія карты азіатскихъ странъ. Ничего подобнаго я раньше не видѣлъ и съ уваженіемъ отнесся къ собирaniю и храненію русскимъ правительствомъ разныхъ древнихъ предметовъ.

26 августа, въ день коронація (нынѣ покойнаго) Государя Императора, мыѣздили на военномъ пароходѣ въ Петергофъ. Во время дороги я въ первый разъ познакомился съ устройствомъ военного судна; офицеры парохода очень любезно намъ все показывали и рассказывали. Въ Петергофѣ мы катались по замѣчательнымъ во всемъ мірѣ садамъ и любовались необыкновенными и многочисленными фонтанами, потомъ осматривали дворцы. Въ 7 часовъ вечера мы собрались въ Большомъ Дворцѣ и сначала осмотрѣли его, а затѣмъ сѣли за столъ. Обѣдъ былъ превосходный: не только кушанья, но и самая посуда отличались великолѣпіемъ.

29 августа мы отправились въ Царское Село по желѣзной дорогѣ, а со станціи поѣхали въ придворныхъ экипажахъ въ Дворцовыи Арсеналъ. Осмотръ сокровищъ Арсенала продолжался очень долго, и мы дивились богатству его. Здѣсь мы видѣли разные подарки Кокандскаго Хана и Бухарскаго Амира, присланыи Русскому Государю Императору. Затѣмъ, послѣ прогулки по дворцовымъ садамъ, мы обѣдали въ Большомъ Дворцѣ. Этотъ обѣдъ также былъ великолѣпенъ. Послѣ обѣда мы снова въ придворныхъ экипажахъ отправились на прогулку въ Павловскъ, а вечеромъ, въ $10\frac{1}{2}$ часовъ, возвратились по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

Утромъ, 30 августа, мы катались на пароходахъ по рѣкѣ Невѣ и завтракали на пристани. Рѣка Нева—широкая и величественная. Своимъ величиемъ она соответствуетъ столицѣ могущественной Россіи.

31 августа происходило послѣднєе засѣданіе ориенталистовъ. Ученые разныхъ странъ говорили прощальныхъ рѣчи. Профессоръ Григорьевъ благодарилъ всѣхъ ученыхъ гостей за то, что они почтили Петербургскій съѣздъ своимъ присутствіемъ, а француз-

скій ученый де-Рони высказалъ, что бывшіе па съѣздѣ иностранные гости никогда не забудутъ оказанного имъ радушнаго приема и той пользы, какую этотъ съѣздъ принесъ наукѣ. Въ заключеніе онъ высказалъ, что въ памяти гостей и въ ихъ сердцахъ останется навсегда почтительная благодарность къ Его Императорскому Величеству, Государю Императору Россіи, за высокое покровительство наукѣ.

Этю рѣчью, въ $2\frac{1}{2}$ часа дня, собраніе закончилось, и съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ. Послѣ того всѣ гости были приглашены на прощальный обѣдъ. На этомъ обѣдѣ нѣкоторые ученые говорили рѣчи. Послѣднюю рѣчь сказалъ на латинскомъ языкѣ ученый профессоръ изъ Финляндіи, Лагусъ. Онъ пожелалъ, чтобы Востокъ и Западъ находились въ постоянномъ сближеніи между собою.

По окончаніи съѣзда, я и земляки мои, туркестанцы (г.г. Джура-бекъ, Ширъ-Мухаммадъ и Абдулла Ніязовъ), оставались еще нѣкоторое время въ Петербургѣ. Въ свободное время мы гуляли по городу и бесѣдовали въ своей квартирѣ о видѣнномъ и слышанномъ. Предметомъ нашего разговора иногда служило также деликатное обращеніе съ нами разныхъ русскихъ лицъ. Такъ, однажды, идя по Невскому проспекту, мы увидѣли идущаго на встречу къ намъ военного генерала и задали себѣ вопросъ: неужели у русскихъ и высокопоставленныхъ лица одинаково вѣжливы и отзывчивы къ людямъ, даже незнакомымъ имъ? А намъ нужно было спросить, какъ прямѣе пройти на улицу, на которой мы жили. Я былъ смильѣ своихъ спутниковъ и рѣшился спросить о томъ идущаго навстрѣчу къ намъ генерала... Удивленію нашему не было границъ, когда почтенный русский генераль остановился и ласково объяснилъ намъ, по какой улицѣ мы должны были возвращаться на свою квартиру. Въ другой разъ мнѣ была надобность явиться къ г. оберъ-полиціймейстеру, генераль-адъютанту Трепову, и я былъ весьма ласково принятъ и выслушанъ его превосходительствомъ. Всѣ наши чинъ петербургской полиціи были къ намъ предупредительны и внимательны,

такъ что, думалъ я, русская столица, Петербургъ, служить примеромъ вѣжливости для всей обширной Россіи.

На возвратномъ пути изъ Петербурга въ Ташкентъ, я въ каждомъ городѣ сталъ замѣчать, что эти города кажутся мнѣ уже другими, а не такими, какими я ихъ нашелъ во время первой своей дороги въ Петербургъ. Даже Москва послѣ Петербурга показалась мнѣ уже не тою, а хуже; Самара и Оренбургъ вызвали у меня даже удивленіе сравнительно съ двумя столицами Россіи; когда же мы возвратились въ Ташкентъ, то онъ показался мнѣ бѣдной и неустроенной деревней...

Такъ бываетъ со всеми людьми, когда они живутъ только въ своей странѣ и не видятъ, какъ живутъ другіе народы, даже ихъ близкіе соседи. Мы, туркестанцы, жили цѣлня столѣтія въ своей странѣ и думали, что лучше, умнѣе и сильнѣе настъ никого нѣть на свѣтѣ. Отъ такого взгляда на себя у насъ являлось самомнѣніе, а самомнѣніе вело къ застою. И мы оказались въ положеніи чуть не малыхъ дѣтей. Я помню, какъ нѣкоторые туркестанцы и бухарцы, юздавшіе въ Россію при посланствахъ, по возвращеніи на родину, желали увѣрить себя и своихъ соотечественниковъ, что Россія хуже Туркестана и Бухары.

Теперь, друзья-соотечественники, надѣюсь, никто изъ васъ не сомнѣвается болѣе въ могуществѣ и благоустройствѣ Российской Имперіи. Особенно же для настъ поучительно, что Россія достигла такого своего могущества и благоустройства просвѣщеніемъ и близкими дружественными сношеніями съ соседними образованными народами Европы.

По возвращеніи изъ Петербурга въ Ташкентъ, мы представлялись Туркестанскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, и были благосклонно приняты его высокопревосходительствомъ. На вопросъ господина генераль-губернатора, какъ понравился намъ Петербургъ, я отвѣтилъ, что мнѣ и во снѣ не могло представиться все то, что я видѣлъ наяву. Обласканый вниманіемъ его высокопревосходительства, я отправился въ Кокандъ къ исполненію своихъ казацкихъ обязанностей, которыхъ

и исполнялъ до 1881 года. При отправлениі обязанностей казія я болѣе всего встрѣчалъ затрудненій, а иногда и непріятностей со стороны переводчика. Дѣло въ томъ, что переводчики, пользуясь знаніемъ русскаго языка и русскихъ административныхъ порядковъ, держали себя передъ казіями и передъ населеніемъ съ важностю, по-начальнически; я же самъ зналъ русскій языкъ достаточно и въ крайнихъ случаяхъ могъ лично доложить о дѣлѣ и объясняться съ г. уѣзднымъ начальникомъ. Это переводчику не нравилось, и у насъ выходили непріятности, окончившіяся доносомъ на меня, что и побудило меня просить начальство освободить меня отъ обязанностей казія. Но г. военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Абрамовъ, принимая во вниманіе, что, по произведеному уѣзднымъ начальникомъ дознанію, я оказался совершенно правымъ и что ни одно изъ указанныхъ въ доносѣ обвиненій не подтвердилось, не видѣлъ причины уволить меня отъ должности казія и предложилъ уѣздному начальнику предписаніемъ уѣздить меня¹⁾) оставаться въ должности и не обижаться доносомъ, ибо, писалъ онъ, дурныхъ людей, способныхъ на доносы, вездѣ много. Я успокоился, но не могъ оставаться въ должности Кокандскаго казія. Не мало огорченій я получалъ также отъ влиятельныхъ и богатыхъ туземцевъ. Послѣдніе пользовались услугами казія для того, чтобы держать въ своей зависимости меньшую братію, и достигали этого большою частію на счетъ правосудія. Врагами моими были также фанатичные ишаны и ученые муллы. Они враждебно относились ко всему, что было чуждо для нихъ по своей новизнѣ; они не входили въ разборъ того, хорошо или плохо было русское нововведеніе²⁾), и часто видѣли опасность тамъ, где ея вовсе не было, и смущали тѣмный народъ. Мнѣ приходилось опровергать ложныя опасенія мусульманскаго населенія...

¹⁾ Такъ написано въ предписаніи г. военнаго губернатора Ферганской области отъ 12/13 декабря 1880 г. за № 9333 начальнику Кокандскаго уѣзда.

²⁾ Однажды русской администрациѣ Ферганской области было предложено, въ видѣ санитарныхъ, наблюдать за частотой въ городахъ и на кладбищахъ, а на будущее время рекомендовалось отнести для кладбища особое место за городомъ. Мусульмано-гор. Чуста не поняла этого предложения и прислава за разъясненіемъ въ Кокандъ,

Въ 1881 году я оставилъ Кокандъ и прибылъ въ Ташкентъ. Время, проведенное мною въ должности кокандскаго казія, я вспоминаю до сихъ поръ съ особеннымъ удовольствиемъ: русское начальство относилось ко мнѣ всегда ласково и награждало меня, а я съ своей стороны старался оправдать вниманіе ко мнѣ начальства и быть полезнымъ ему въ сношеніяхъ съ туземнымъ населеніемъ, которому я не одинъ разъ разъяснялъ разныя распоряженія русской власти въ краѣ. Между прочимъ мнѣ постоянно приходилось внушать туземцамъ, что мы обязаны изучать для собственной нашей пользы русскій языкъ, какъ языкъ русского правительства и русскаго народа. Въ мое время туземные жители гор. Коканда очень мало понимали это важное дѣло, и потому въ февралѣ иѣсяцѣ 1879 года Инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области ходатайствовалъ о назначеніи меня почетнымъ смотрителемъ Кокандскаго городскаго училища¹⁾). Господинъ Туркестанскій генералъ-губернаторъ изволилъ согласиться съ означеніемъ ходатайствомъ и приказалъ въ представлениі своемъ Господину Министру Народнаго Просвѣщенія высказать мнѣніе въ пользу моего назначенія почетнымъ смотрителемъ Кокандскаго училища, что и было исполнено Управленіемъ учебными заведеніями Турк. края²⁾.

къ тамошнемъ мусульманамъ. Но кокандскіе мусульмане сами недоумѣвали и вѣѣтъ съ чутскими посланными извратили совершенно смыслъ русскаго предложенія... Стало уже говорить, что русскіе хотятъ потревожить кости покойниковъ-мусульманъ... Положеніе становилось опаснымъ, такъ что изъ Н.-Маргелана прѣѣхалъ въ Кокандъ военный губернаторъ области, генералъ-лейтенантъ Абрамовъ и арестовалъ нѣсколькоихъ фанатиковъ, распускавшихъ въ народѣ нелѣпые слухи.

И до сихъ поръ, по словамъ Саттаръ-хана, хатрые и фанатичные муллы пользуются случаемъ, чтобы смутить народъ, пользуясь иногда самыми простыми обстоятельствами, напримѣръ: въ открытіи русско-туземныхъ школъ вѣдать желаніе русскаго правительства подготовлять учениковъ этихъ школъ къ поступленію въ военную службу; въ одобрѣніи порядковъ русской школы вѣдать взмѣну своей вѣрѣ и т. п. Н. О.

¹⁾ Въ представлениі Инспектора Народныхъ училищъ отъ 8 февраля 1879 года за № 100 было написано, что казій Абду-Саттаръ, какъ человѣкъ, понимающій высокое значеніе европейскаго образования, своимъ служебнымъ и нравственнымъ авторитетомъ, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать успѣху русской школы среди Кокандскаго населения. Н. О.

²⁾ Въ отношеніи отъ 28 февраля 1879 г. за № 468 Г. Туркестанскій Генераль-Губернаторъ между прочимъ писалъ: «Въ виду того, что въ Высочайше утвержден-

3-го мая 1879 года Графъ Д. А. Толстой увѣдомилъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана (отнош. за № 4841), что Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу его (г. Министра), въ 30-й день апрѣля сего года, Высочайшия сопроводилъ на утвержденіе меня въ званіи почетнаго смотрителя Кокандскаго городскаго училища. Въ этомъ почетномъ званіи я оставался до 1 августа 1886 года. Пока я жилъ въ Кокандѣ, завѣдующій училищемъ, кандидатъ факультета восточныхъ языковъ, г. Юрашкевичъ приглашалъ меня на засѣданія педагогическаго совѣта для обсужденія мѣръ къ привлечению дѣтей кокандскихъ мусульманъ въ русскую школу.

Въ 1883 году я былъ назначенъ переводчикомъ Туркестанской туземной газеты, а съ августа 1884 года репетиторомъ-практикантомъ сартскаго и персидскаго языковъ при Туркестанской Учительской Семинаріи и занималъ послѣднюю должность по 1-е марта 1889 г., послѣ чего былъ назначенъ переводчикомъ поземельно-податной комиссіи при Сырь-даринскомъ Областномъ Правлѣніи.

Заканчивая свою воспоминанія, я считаю долгомъ призна-

номъ 31 мая 1872 года Положенія о городскихъ училищахъ нѣть никакихъ указаній о томъ, могутъ ли не могутъ лица вообще нехристіанскаго вѣровѣспоѣданія и магометанскаго въ особенности занимать должности почетныхъ смотрителей при городскихъ училищахъ, имѣю честь просить Ваше Сиятельство о разъясненіи вышеозначенаго вопроса для руководства какъ въ данномъ случаѣ, такъ и на будущее время.

«При этомъ имѣю честь просовокунуть, что, по моему мнѣнію, было бы весьма полезно утвердить Абду-Саттаръ-ходжу, какъ членомъ вѣятельнаго среди туземцевъ, въ должности почетнаго смотрителя при Кокандскомъ городскомъ училищѣ. Свипъ интонационъ Абду-Саттаръ-ходжа могъ бы въ этомъ званіи поддерживать въ распросстранять среди туземцевъ мысль о необходимости для нихъ европейскаго образования и о благотворномъ вліяніи его на умственную, практикную и вообще на бытовую жизнь мусульманъ, что въ свою очередь имѣло бы большое значеніе для успѣховъ русской правительственный школы среди туземного населения Ферганской области и къ чему я постоянно стремлюсь и принаимашъ всѣ зависящія отъ меня мѣры. Въ то же время я исхожу никакихъ оснований опасаться за то, чтобы Абду-Саттаръ-ходжа, какъ мусульманинъ, могъ оказать какое-либо вредное вліяніе на направление учебнаго дѣла въ училищѣ, потому что обязанности почетнаго смотрителя § 33 Положенія о городскихъ училищахъ ограничены «шестояннымъ содѣйствіемъ благоустройству училищъ въ материальномъ отношеніи». Н. О.

тельности сказать, что Туркестанскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, 22 іюля 1876 года наградилъ меня почетнымъ халатомъ, 10 августа 1877 года—малою серебряною медалью для ношения на груди на Станиславской лентѣ, а 7 ноября того же года—большою серебряною медалью для ношения на шеѣ на Станиславской лентѣ; 14 августа 1880 года я былъ награжденъ большой золотою медалью для ношения на шеѣ на Анненской лентѣ; въ 1884 году генераль-адъютантъ Розенбахъ наградилъ меня золотыми часами съ надписью: „Отъ Туркестанскаго Генерал-Губернатора“.

Наконецъ съ особенною благодарностью я вспоминаю ходатайство бывшаго Туркестанскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Розенбаха, по представленію котораго я былъ удостоенъ Высочайшей милости Государя Императора: Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 11-го февраля 1889 года за № 2, я былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора³⁾.

На этомъ „Воспоминанія Саттаръ-хана“ окончились. Послѣ того Саттаръ-ханъ былъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а затѣмъ, по закрытіи поземельно-податной комиссіи въ Ташкентѣ, онъ остался за штатомъ, безъ офиціальной должности и потому возвратился въ г. Чимкентъ, гдѣ былъ избранъ населеніемъ на должность народнаго судьи (казій), каковую должность занимаетъ и по настоящему (1896 г.) время. Любопытный примѣръ представляеть Саттаръ-ханъ, какъ единственный туземецъ въ должности народнаго судьи, числясь отставнымъ губернскимъ секретаремъ.

Въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ своихъ онъ былъ кратокъ, и причина этого понятна: многое, касающееся пережитыхъ

³⁾ Офиціальная свѣдѣнія о службѣ Саттаръ-хана Абдулъ-Гафарова и завѣтование, съ разрешенія Г. Главнаго Инспектора училищъ, изъ дѣла Управл. Учеб. Завед. Туркест. края, по описи 1879 г. № 30. Н. О.

Саттаръ-ханомъ душевныхъ состояній, едва ли совершенно ясно для него самого. Да эти подробности и не входятъ въ программу настоящаго краткаго очерка. Съ своей стороны я нахожу умѣстнымъ сказать здѣсь, что сближеніе Саттаръ-хана съ русскими, какъ началось случайно, такъ и продолжалось случайно: разныя обстоятельства его жизни ставили его въ различныя, иногда совершаюя неожиданныя для него, условія, которыя и опредѣляли дальнѣйшую его судьбу, какъ это видно даже и изъ краткихъ его воспоминаній. Не говоря о многоразличныхъ случайныхъ встрѣчахъ его съ русскими людьми самыхъ разнородныхъ взглядовъ и положеній, Саттаръ-ханъ не одинъ разъ оказывался безъ опредѣленныхъ занятій и безъ надежды на будущее, а между тѣмъ свои естественные связи съ единовѣрцами онъ порвалъ и, кроме того, не имѣлъ постоянного опытнаго руководителя на новомъ и скользкомъ для него жизненномъ пути. Я не одинъ разъ слышалъ, что нѣкоторые русскіе и многіе мусульмане осуждали Саттаръ-хана мусульмане—за то, что онъ отъ своихъ отсталъ, а русскіе—за то, что къ русскимъ не присталъ... Но кто не знаетъ, въ какихъ странныхъ положеніяхъ оказывались и нѣкоторые русскіе люди въ эпоху преобразованія Россіи (отчасти даже въ предшествующую эпоху) и вообще въ XVIII вѣкѣ!...¹⁾). Кромѣ того, справедливость обязываетъ сказать, что Саттаръ-ханъ первые шаги своего сближенія съ русскими дѣлалъ въ самые первые годы русскаго управления Туркестанскимъ краемъ и былъ невольнымъ участникомъ неустроенной русской жизни въ Туркестанѣ... Онъ увлекался новою жизнью и за то подвергался осужденію.

1) «Большинство русскихъ людей понятие европейское образование чисто пифшное образомъ, какъ умѣніе одѣваться и жить по европейски, позиционировать исключительно удовлетвореніемъ пріятностями жизни, добытыми европейской наукой и цивилизацией, поскольку не заботясь объ усвоеніи самой науки и цивилизациіи. При этомъ, стараясь сдѣлаться европейцами, старавъ съ презрѣніемъ относиться ко всему отечественному; перенимая европейскіе обычаи, бросая исѣ благочестивые русскіе обычаи; вместо хорошихъ качествъ часто усвоивали одни европейскіе пороки и, наконецъ, изучая иностранные языки, особенно французскій, начали отвыкать отъ своего роднаго языка». (Порфирьевъ, ч. II, отд. I, стр. 116. Казань, 1881 г.).

Въ 1883 году я встрѣтилъ Саттаръ-хана въ Ташкентѣ безъ опредѣленныхъ занятій, безъ денежнѣхъ средствъ и безъ нравственной поддержки... Съ тѣхъ поръ я не оставлялъ его и считалъ долгомъ *русскаго* человѣка поддерживать его, сколько у меня было средствъ къ тому. Нѣкоторое время Саттаръ-ханъ носилъ мундиръ русскаго чиновника, а это также сильно отдало его отъ массы туземнаго населения, и онъ въ большиѣ мусульманскіе праздники стѣснялся бывать въ мусульманской части города Ташкента, потому что весьма многіе ташкентскіе сарты не жаловали его своимъ вниманіемъ за рѣзкую перемѣну въ образѣ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ мало развитой сартъ хладнокровно смотрѣть на бывшаго муфтія и казія, сына и внука чиновниковъ казіевъ, а теперь чиновника Саттаръ-хана, который выстроилъ себѣ русскій домъ, завелъ въ немъ русскую мебель; обрядилъ жену свою въ русское платье, а трехъ сыновей ея обучаетъ въ русской гимназіи, есть русскую пишу, пить вино и вообще мало отличается отъ русскихъ... Впрочемъ, люди толковые убѣждались доводами Саттаръ-хана и не чуждались его.

Приходилось слышать несочувственные отзывы мусульманъ о Саттаръ-ханѣ и за нѣкоторыя его мысли, какія онъ высказывалъ устно, при встрѣчахъ съ мусульманами, и печатно—въ туземной газетѣ. Но въ правѣ ли мы порицать его за это? Вотъ что между прочимъ печаталось отъ его имени въ туземной газетѣ за 1885 г., въ № 8 и 11:

„Я взялъ на себя смѣлость высказать въ нѣсколькихъ словахъ свои мысли относительно знанія, хотя эти мысли не новы и не мною самимъ выдуманы, а были высказываемы и древними учеными и высказываются въ настоящее время.

„Дѣйствительно, всякое знаніе приобрѣтается; люди не рождаются съ готовымъ знаніемъ, а когда возрастаютъ, согласно своей природѣ, то и умъ ихъ со дня на день развивается въ своихъ способностяхъ при помощи зрѣнія и слуха и приобрѣтаетъ разныя познанія. Но каждый человѣкъ, по мѣрѣ развитія своего ума, долженъ прежде всего узнать, кто онъ такой, долженъ по-

знать самого себя. Для человека нѣтъ предмета болѣе близкаго, кроме его самого, а цѣль его появленія на землѣ—познать премудрость своего Господа и исполнять всѣ Его опредѣленія. Откуда же человекъ узнаетъ самый первый свой долгъ—принести пользу своему ближнему, если не будетъ знать самого себя? И если знаніе самого себя будетъ состоять (только) въ томъ, что у васъ есть наружные органы: руки, ноги, глаза и другое, посредствомъ которыхъ мы можемъ брать, ходить и т. д., и внутреннія ощущенія, посредствомъ которыхъ мы чувствуемъ голодъ и жажду, то такое знаніе будетъ недостаточно. Если мы скажемъ, что знаемъ себя только въ этомъ отношеніи, то это будетъ только заблужденіе и ошибка, такъ какъ такимъ знаніемъ обладаютъ и животныя, и насѣкомыя; и если мы будемъ довольствоваться (только) этимъ, тогда мы ничѣмъ не будемъ отъ нихъ отличаться. А между тѣмъ въ Коранѣ сказано: „Мы (Богъ) предпочли сыновъ Адама“, и мы не можемъ преступить указанную этими словами границу. Намъ необходимо изучать себя, то есть изслѣдовать: каковы мы, откуда произошли и куда пойдемъ, зачѣмъ прибыли на эту стоянку (земная жизнь) и для чего мы сотворены, въ чёмъ заключается наше счастіе и несчастіе... А ключемъ къ этимъ вопросамъ служитъ знаніе. Знаніе служить рѣшительнымъ средствомъ къ уразумѣнію всего этого и къ достижению основныхъ нашихъ желаній и цѣлей. Родовъ знанія много, напримѣръ: шаріатъ, математика, медицина, астрономія и другія науки. Съ приобрѣтеніемъ этихъ знаній люди будутъ по возможности постигать твореніе своего Создателя и Его совершенное могущество. И мы говоримъ, что приобрѣтеніе знаній необходимо, а цѣль такого приобрѣтенія состоить въ томъ, чтобы различать истину отъ лжи и своевременно пользоваться истиной для блага своихъ близкихъ и дѣлать имъ добро. Тогда только мы исполнимъ всѣ опредѣленія нашего всемогущаго Владыки (Бога) и познаемъ самихъ себя, а не тогда, когда приобрѣтемъ знанія и не будемъ приводить ихъ въ дѣло, не будемъ никому приносить посредствомъ ихъ пользы: такое знаніе противно главной цѣли человѣчества,

и такие люди, будучи хуже животныхъ и оставаясь въ заблужденіи, не заслужатъ почтенія на этомъ свѣтѣ и милости Божіей въ будущей жизни.

„Въ прошломъ (8) № газеты мы сказали, что родовъ знанія много и приобрѣтать его необходимо. Этого положенія никто, надѣемся, не будетъ отрицать: не можетъ быть относительно этого никакого сомнѣнія. Каждому известно, что, въ отношеніи свѣтскихъ знаній, мы, въ сравненіи съ другими народами, находимся на самой низкой степени. Если же мы, пробудившись отъ сна забвенія, откроемъ свои глаза и посмотримъ кругомъ во все стороны, то увидимъ, что европейскіе народы, при помощи свѣтскихъ наукъ, привели въ исполненіе столь полезныя дѣла. Напримеръ: они изобрѣли всѣмъ известную паровую машину, телеграфъ и разныя другія машины, посредствомъ которыхъ люди избавились отъ большихъ трудовъ. При помощи пара десятидневное разстояніе проходится въ одинъ день; известія, которымъ раньше получались чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, телеграфъ доставляется теперь въ нѣсколько часовъ; работы, для исполненія которыхъ требовалась мѣсяцы, исполняются теперь въ короткое время. Результаты такихъ изобрѣтеній достигли и до нашего края послѣ подчиненія его одному изъ европейскихъ народовъ, русскому. Когда были устроены мосты на ходжентской рѣкѣ и на Чирчикѣ, жители избавились отъ труда и опасности переправъ черезъ воду. И подобныхъ этому полезныхъ дѣлъ много... И такъ, намъ необходимо научиться свѣтскимъ наукамъ у русскаго народа и стараться прилагать ихъ къ дѣлу. Самымъ главнымъ средствомъ къ изученію этихъ наукъ служить знаніе русскаго языка, безъ котораго нѣть никакой возможности достичь того. И для этого не нужно испытывать трудности путешествій во внутренніе города Российской имперіи, такъ какъ, по волѣ Божіей, мы стали подвластны этому народу и вмѣстѣ съ нимъ живемъ, а русскіе стали нашими властителями. Они, по особенному своему сочувствію къ намъ, заботятся о наученіи наѣ русскому языку, открыли, какъ вамъ, почтенные читатели газеты, известно, въ городѣ Ташкентѣ школу и тѣмъ посыпали сѣмена

знанія. И если мы оцѣнимъ такую милость ихъ къ намъ и будемъ готовы усвоять такія знанія, то и сами получимъ много пользы и заслужимъ благодарность отъ своихъ потомковъ, когда они воспользуются знаніями, и духъ нашъ будетъ искосенъ и доволенъ".

Послѣ того отъ редакціи, въ № 13-мъ, было напечатано:

"Въ № 8 и 11 нашей газеты мы съ удовольствіемъ дали мѣсто словамъ одного почтеннаго мусульманина изъ сартскаго народа о знаніи. Съ своей стороны мы прибавимъ къ этимъ словамъ, что Творецъ всѣхъ людей—одинъ Господь и что по этой причинѣ у народовъ, жившихъ въ ирежнія времена и у живущихъ въ настоящее время въ разныхъ странахъ, душа и разумъ одинаковы. Каждый народъ въ разныхъ времена пріобрѣтастъ такія знанія, какія ему были доступны по его силамъ. Сущность знанія составляеть истину, а истина у всѣхъ народовъ одна и та же. Различіе только въ томъ, что одинъ народъ узнаеть ее прежде, а другой народъ послѣ. Напримеръ: въ настоящее время у европейскихъ народовъ много разныхъ знаній, а у мусульманскихъ народовъ мало: и нѣтъ стыда и ничего предосудительного для нихъ (мусульманъ) учиться у русскаго народа знаніямъ, какими обладаютъ европейцы, такъ какъ въ минувшія времена у мусульманскихъ народовъ было много разныхъ знаній, и европейскіе народы учились у нихъ разнымъ наукамъ, не считая этого стыдомъ и предосудительнымъ для себя. И если въ настоящее время, на-оборотъ, мусульманскій народъ, не считал для себя стыдомъ и предосудительнымъ, будеть учиться у европейскихъ народовъ разнымъ наукамъ, то это будеть хорошо. А для изученія этихъ наукъ необходимо знать русскій языкъ, какъ сказаъ упомянутый почтенный Мулла Абдулла. Мы съ своей стороны будемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, печатать въ газетѣ полезныя свѣдѣнія о разныхъ наукахъ и ремеслахъ, а въ настоящемъ № приводимъ нѣсколько изреченій, высказанныхъ древнимъ греческимъ мудрецомъ, Солономъ. Съ этими изреченіями нельзя не согласиться, а изъ этого слѣдуетъ, что цѣль знанія во всѣ времена была одна—истина.

"Изреченія этого мудреца слѣдующія:

"Богу покланяйся; родителей почитай; законамъ повинуйся; добродѣтель хвали; твердо держись истины; подавляй свой гнѣвъ; избѣгай дурныхъ людей; никому не завидуй; будь далекъ отъ удовольствія, доставляющаго печаль.

"Не хули отошедшихъ изъ этого міра людей; не спѣши выбирать себѣ какого-нибудь человека въ друзья и не бросай его послѣ того, какъ сдѣлалъ его другомъ (своимъ).

"Каково значеніе желѣза во времени битвы, таково значеніе честнаго слова въ жизни.

"Слушать совѣты ушаго друга тоже, что принимать лѣкарство изъ золотой чаши.

"Совѣты хорошаго друга подобны молоку и меду¹⁾.

Въ такомъ же тонѣ Саттаръ-ханъ писалъ въ туземной газетѣ въ 1887 году, въ видахъ привлеченія въ русско-туземную школы дѣтей мусульманъ:

"Конечно, вышнее усовершенствованіе наше не возможно безъ усовершенствованія внутренняго; внутреннее же усовершенствованіе совершаеться посредствомъ знанія, а знаніе пріобрѣтается обученіемъ и чтеніемъ; обученіе же и чтеніе, на какомъ бы языкѣ ни происходило, на языке ли мусульманъ, или христіанъ, на еврейскомъ, или на какомъ другомъ—все равно. И получаемое такимъ образомъ научное знаніе не только не противорѣчить ученію ислама, но дѣлаетъ его болѣе яснымъ для нашего ума и способствуетъ намъ лучше исполнять въ жизни предписанія религіи. Напримеръ, въ богословія нашемъ сказано, что Богъ премудръ, и мы вѣримъ этому; но если мы не знаемъ анатоміи, астрономіи, физики, химіи и другихъ свѣтскихъ наукъ, то мы не будемъ ясно понимать, въ чемъ заключается Божія премудрость. Кроме того, при помощи этихъ свѣтскихъ наукъ мы и себѣ, и близкимъ своимъ будемъ въ состояніи больше приносить пользу. Но у мусульманъ свѣтскихъ знаній вообще мало; поэтому намъ не-

¹⁾ Избранныя изреченія другихъ древнихъ греческихъ мудрецовъ печатались въ Туземной газетѣ за 1886—1887 г.г.

обходимо пріобрѣтать у русскаго народа эти знанія и употреблять ихъ въ свою пользу. А такъ какъ въ нашихъ мадрасахъ такихъ знаній нѣть и такъ какъ мы не устраивали особыхъ школъ для пріобрѣтенія мірскихъ знаній, то да воздаетъ Богъ добромъ господину генералъ-губернатору нашему за то, что онъ открываетъ для нашей пользы такія школы. Намъ необходимо пробудиться отъ сна забвенія и стараться о пріобрѣтеніи такихъ знаній. И наши почтенные ученые и казіи должны говорить, разъяснять и располагать къ этому нашъ простой народъ. Между тѣмъ, напротивъ, слышно, что нѣкоторые наши мусульмане говорятъ, что учиться русскому языку не нужно... Такія слова ихъ неосновательны, потому что выше было сказано, что для пріобрѣтенія знанія всякой языкъ, какой бы ни былъ, все равно. Доказательства своимъ словамъ мы изложимъ въ слѣдующемъ № газеты.

„Въ прошломъ № 6 газеты было сказано, что знаніе, на какомъ бы языкѣ ни пріобрѣталось—все равно. Доказательства: въ книгѣ „Джамигу-р-рамузъ“, въ главѣ „о молитвѣ“, сказано: „обязательную часть молитвы составляетъ чтеніе какого-нибудь стиха изъ Корана. Въ объясненіи этого текста сказано: „и правильно мнѣніе: если читать изъ Корана по списку, написанному Ибнъ-Масгудомъ и Ибнъ-Аббасомъ, то такая молитва, хотя не считается испорченной, но не засчитывается молящемуся, а напротивъ, если читается изъ Тѣурада (Закона Моисея) и Индія (Евангелія), то такая молитва засчитывается, если смыслъ прочитанного заключается въ Коранѣ“. Всѣмъ мусульманскимъ ученымъ известно, что Тауратъ и Индія были написаны не на арабскомъ языкѣ, а на еврейскомъ и греческомъ языкахъ. А также: арабскій языкъ до Мухаммеда былъ языкомъ язычниковъ, не знавшихъ вѣры ислама; поэтому, если бы было грѣшино говорить о вѣрѣ и о житейскихъ дѣлахъ на языкѣ иностранныго народа и изучать этотъ языкъ, то Богъ Всевышнай не послалъ бы священный Коранъ на арабскомъ языкѣ. И еще: турки и персы существовали до появленія среди нихъ ислама и были язычниками, но они даже до настоящаго времени разговариваютъ о вѣрѣ на

своихъ языкахъ, и это не считается грѣхомъ. На этихъ же языкахъ они составляютъ разныя книги, которые въ мадрасахъ и низшихъ училищахъ читаются. Эти два языка, и послѣ принятія турками и персами ислама, остаются такими же, какими были и до ислама. Даже болѣе: до подданства нашего Туркестанскаго края Русскому государству, мы персовъ продавали въ рабство и до сихъ поръ считаемъ ихъ невѣрными. Несмотря на это, написанныя на языкахъ этого народа книги мы очень много читаемъ и на этомъ языкахъ разговариваемъ. Точно также, самъ главный изъ мусульманскихъ государей, Его Величество Турсцкій Султанъ изучаетъ разные языки европейскихъ народовъ и разговариваетъ на этихъ языкахъ, а для изученія этихъ языковъ стамбульскими мусульманами открылъ въ городѣ Стамбулѣ особая училища.

„Еще: развѣ до подданства нашего Туркестана Русскому государству нѣкоторые наши торговцы-мусульмане, отправляясь во внутреннею Россію, не научались и не разговаривали на русскомъ языкѣ? Въ то время и наши мусульманскіе государи и ученые не считали грѣхомъ и не запрещали говорить на этомъ языкѣ. И не только простые торговцы, но и руководитель нашихъ хановъ и большинства мусульманскихъ ученыхъ, всѣмъ известный, покойный *Мілліз-Халилъ*, отправившись посломъ въ Россію, научился русскому языку и, кроме того, разговаривалъ также съ здѣшними индійцами, которые до сего времени остаются идолопоклонниками. Разговоръ его съ индійцами на индійскомъ языке я слышалъ собственными ушами.

„Вышесказанныя мысли я написалъ для того, чтобы почтенные читатели этой газеты сами обсудили доказательства того, что изучать русскій языкъ никакъ не противорѣчить нашему религіозному закону (шаріату)“.

Много разъ приходилось мнѣ говорить съ Саттаръ-ханомъ о причинахъ косности мусульманъ, и онъ высказывалъ, что одна причина этого кроется въ отсутствіи образования, а другая—въ ишанияхъ.

„пирг“), хотя и не все ишаны имѣютъ преклонный возрастъ. Послѣдователи ишана или пира называются *мюридами*, т. е. учениками, послушниками, а буквально: „стремящимися къ цѣли, желающими спасенія“. Отсюда происходитъ извѣстное въ русской литературѣ выраженіе *мюризмъ*.

Ишанами бываютъ люди книжные, знакомые съ ученіемъ *тириката*¹⁾ и иногда отличающіеся строгою жизнью; но чаще всего ишанами бываютъ люди немудрые въ отношеніи книжной учености, а среди киргизъ встрѣчаются и совсѣмъ неграмотные. Чаще всего ишанами бываютъ простецы, пользующіеся своимъ положеніемъ среди невѣжественного народа и при помощи разныхъ хитростей эксплоатирующіе простой народъ. Но въ Туркестанскомъ краѣ есть ишаны *наследственные*, потомки знаменитаго имама Раббани, жившаго въ Гератѣ лѣтъ 400 тому назадъ и отличавшагося при жизни ученостію и строгою жизнію. Его потомки—ишаны по наслѣдству—живутъ въ Бухарѣ, Кокандѣ и Ташкентѣ. Существуетъ среди мусульманъ преданіе, будто бы Раббани сказалъ, что въ его потомствѣ должны быть непремѣнно святые; это и дало поводъ смотрѣть на его потомковъ, какъ на природныхъ ишановъ. Наслѣдственные ишаны большою частью бываютъ люди набожные, воздержные, но и очень хитрые; они знаютъ наизусть коранъ, и большая часть изъ нихъ грамотны. Задумавшій сдѣлаться ишаномъ такъ начинаетъ свою карьеру: предварительно отправляется къ одному изъ извѣстныхъ ишановъ, преимущественно изъ потомковъ имама Раббани, и выбираетъ цѣлую своего путешествія городъ, отстоящій подальше отъ его мѣстожительства, хотя бы ишанъ находился и въ *его* родномъ городѣ. Для путешествія выбирается время, совпадающее съ днемъ смерти Мухаммада или съ постомъ *чила*, который предшествуетъ великому посту мусульманъ въ мѣсяцѣ Рамазанъ и вмѣстѣ съ этимъ постомъ образуетъ сорокадневный постъ. Ишанъ все это время проводить въ мечети. Будущій ишанъ отправляется въ путеше-

VI.

МУСУЛЬМАНСКІЕ ИШАНЫ*).

Въ русской литературѣ до сихъ поръ очень немного было извѣстно о мусульманскихъ ишанахъ, частію потому, что весьма немногіе интересовались этимъ вопросомъ, а главнымъ образомъ потому, что русскому человѣку трудно и разобраться въ этомъ вопросѣ. Ишанство представляетъ собою своеобразное явленіе въ мусульманствѣ и можетъ быть правильно описано и истолковано только мусульманиномъ, которому приходилось лично сталкиваться съ ишанами и наблюдать ихъ дѣятельность въ разное время и при различной обстановкѣ. Вотъ почему я, какъ уроженецъ Туркестанского края, рѣшаюсь высказать нѣсколько своихъ наблюдений надъ туркестанскими ишанами.

Название „*ишанъ*“ есть персидское слово, означающее мѣстоименіе третьаго лица множественнаго числа, т. е. *они*. Такое название получилось частію изъ почтенія мусульманъ къ ишанамъ, а частію изъ обычая мусульманъ не называть людей почтенныхъ по имени не только въ глаза, но и заглаза. Къ этому мѣстоименію „*они—ишанъ*“ обыкновенно туземцы привыкаютъ еще парицательное имя „*хазримъ*“, т. е. господинъ, имѣющее оттѣнокъ не мірской вѣжливости, а религіознаго почтенія.

Ишаны суть духовные наставники мусульманъ, руководители ихъ въ религіозно-нравственной жизни. По отношенію къ своимъ послѣдователямъ, они называются также „*старцами*“ (персид.

*.) Эта статья Саттаръ-хана была напечатана въ Православномъ Собесѣднико (сент. 1895 г.) и перепечатывается въ настоящемъ изданіи съ согласія автора, И. О.

) Такъ называется ученіе о жизни шииновъ-суфіевъ. И. О.

ствіе вмѣстѣ съ муридами своего города изъ числа бѣдаѣйшихъ. Будущій ишанъ старается расположить въ свою пользу товарищій путешествія; онъ угощаетъ ихъ во время пути, платить за нихъ и за ихъ лошадей въ караванъ-сараяхъ. Извившись къ ишану, онъ преподноситъ ему цѣнныя подарки и всячески старается обратить на себя вниманіе ишана. Онъ разсказываетъ ишану что-нибудь въ родѣ того, что ему во спѣ явился умершій отецъ, или известный святой, или самъ пророкъ и говорилъ ему, чтобы онъ обратился къ такому-то ишану (къ которому онъ пришелъ) и записался его муридомъ. Ишантъ, самъ когда-то начинавший такимъ же образомъ свою карьеру, притворяется, что вѣрить разсказу своего новаго муріда, самодовольно улыбается и даетъ согласіе на принятіе его въ число своихъ учениковъ. Новый мурідъ даетъ руку ишану и при этомъ говоритъ: „я вамъ далъ свою руку“. Это значитъ, что мурідъ во всемъ подчиняется руководству ишана. Ишанъ ему отвѣчаетъ: „Кайса во всѣхъ своихъ грѣхахъ большихъ и малыхъ“. Новый мурідъ остается при ишанѣ въ продолженіе сорокадневнаго поста и вмѣстѣ съ нимъ предается духовнымъ упражненіямъ. Ишанъ назначаетъ муриду, кроме опредѣленныхъ, еще другія молитвы, напримѣръ, произносить имя Аллаха тысячу, двѣ тысячи разъ въ теченіе дня. Во время поста бѣдаѣйшіе муриды получаютъ пищу отъ ишана, а самому ишану пищу доставляютъ жители. Послѣ сорокадневнаго поста ишанъ угощаетъ всѣхъ своихъ муридовъ. Если нашъ мурідъ, будущій ишанъ, понравился ишану и обратилъ на себя его вниманіе, то ишанъ собираетъ справки о немъ и о его жизни черезъ другихъ муридовъ и попутчиковъ нашего муріда: онъ разспрашиваетъ, каковъ человѣкъ ихъ товарищъ, пользуется ли онъ значеніемъ и уваженіемъ въ своемъ городѣ и т. п. Тѣ, будучи задобреиы во время пути своимъ спутникомъ, даютъ о немъ самый лестный отзывъ. Затѣмъ будущій ишанъ обращается къ своему „пиру“ съ просьбой дать ему свидѣтельство на право поучать другихъ. Ишанъ сразу не соглашается и, отправляя въ обратный путь нового муріда, совѣтуетъ ему еще подождать и

лучше подготовиться, поработать нѣсколько надъ собою, а затѣмъ притти въ другой разъ для получения просимаго. Наконецъ, ишанъ даетъ новому муриду грамоту, такъ называемую хатти-иршадъ, что значитъ письмо или разрѣшеніе направлять другихъ. Иногда, и помимо просьбы муріда, ишанъ даетъ ему грамоту на ишанство, если онъ видѣть въ своемъ мурідѣ вліятельнаго и достойнаго человека. Вмѣстѣ съ грамотой ишанъ даетъ своему новому муриду бѣлуу тибітейку, такой же халатъ, чалиу и четки. Бѣлый халатъ, бѣлая тибітейка и четки составляютъ принадлежность каждого ишана.

Возратившись въ свой городъ съ грамотой на ишанство, новый ишанъ начинаетъ съ того, что ведеть воздержную жизнь, молчитъ, много молится, носить плохую одежду, и во всякому случаѣ не шелковую, избѣгаетъ увеселеній, держится подальше отъ дурныхъ людей и отчитывается больныхъ людей и бездѣтныхъ женщинъ. О томъ, что онъ получилъ грамоту на ишанство, онъ не говорить; говорять объ этомъ тѣ его товарищи-муриды, которые съ нимъ вмѣстѣ путешествовали къ „пиру“. Новый ишанъ заявляетъ, что хотя онъ и не достоинъ быть пиромъ, по ишанъ, его пиръ, призналъ его достойнымъ. Новый ишанъ приглашаетъ къ себѣ своихъ сосѣдей и пріятелей и угощаетъ ихъ щедрѣ, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ онъ подкупаетъ ихъ въ свою пользу, а тѣ, отплачивая за угощеніе, распространяютъ о новомъ ишанѣ всевозможныя небылицы, напримѣръ, что онъ оставилъ чудеса, что больные, которыхъ онъ отчитывалъ, выздоравливаютъ, а бесплодныя женщины дѣлаются матерями. Конечно, бывали случаи выздоровленія больныхъ, которыхъ отчитывалъ ишанъ, но вѣдь случаи эти могли имѣть мѣсто и помимо отчитываній ишана. Объ этомъ муриды не разсуждаютъ, а приписываютъ все чудодѣйствующей силѣ ишана. Къ ишану обращаются за талисманами противъ болѣзней, отоворовъ, чаръ и пр. Особенно часто обращаются къ ишану женщины, бесплодныя или использующія почему-либо расположеніемъ своихъ мужей. Просительницамъ ишанъ даетъ талисманъ, заключающій или стихи изъ

корана, или молитвы, или же кусочекъ хлѣба, соли или сахару, надъ которыми онъ читаетъ молитвы и которыхъ должны быть даны мужу. Такія же средства употребляются для пріобрѣтенія любви любимаго человѣка. На талисманахъ всего чаще выписываютъ стихи, находящіеся будто бы въ коранѣ, но никому, кроме однихъ ишановъ, неизвѣстные. Стихи эти, по повѣрю, имѣютъ такую силу, что кто ихъ носить, того всѣ желанія исполняются. Если у враговъ ишана случилось какое-либо несчастье, сейчасъ это истолковывается въ смыслѣ наказанія Божія за враждебное отношение къ ишану. Нашъ ишанъ, подобно другимъ своимъ товарищамъ, старается привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и могущихъ быть ему полезными. Если на нихъ нельзя дѣйствовать прямо, то ишанъ дѣйствуетъ черезъ ихъ женъ, матерей, сестеръ и дочерей. Женщины у сартовъ невѣжественны и суевѣрны и потому легче мужчинъ поддаются вліянію ишана.

Болѣе всего ишанъ обязанъ своею славой и своимъ возвышенiemъ своимъ ученикамъ, или муридамъ; безъ муридовъ ишанъ немыслимъ. Муриды рассказываютъ о своемъ шири, или ишанѣ чудесная вещь; они превозносятъ его добродѣтели; они приписываютъ своему ишану такія рѣчи и такія дѣйствія, о которыхъ самъ ишанъ не знаетъ и даже не догадывается. Муриды вербуютъ своему ишану новыхъ послѣдователей, тѣ въ свою очередь привлекаютъ другихъ и т. д. Ревностнѣе другихъ дѣйствуютъ тѣ муриды, которые почему-либо заинтересованы въ славѣ и популярности своего шира. Это тѣ муриды, которые будучи бѣдны, находятъ кусокъ хлѣба около ишана, или тѣ, кои, желая играть видную роль въ обществѣ и быть обезпечеными материально, присоединяются къ ишану въ качествѣ первыхъ его учениковъ и раздѣляютъ славу и корысть со своимъ шиromъ. Такимъ муридомъ былъ муфтій Мингаджиддинъ у ишана Ахмадъ-Хальса. Онъ былъ человѣкъ способный и по-мусульмански ученый. Первоначально муфтій былъ злѣйшимъ врагомъ ишана Ахмада; онъ занималъ хорошее положеніе, былъ обезщенъ и не нуждался въ ишанѣ. Но вотъ надъ муфтіемъ стяглось несчастье: его высылаетъ русское

правительство въ ссылку въ Казани на 5 лѣтъ. Вернувшись изъ ссылки, онъ не могъ уже занять прежняго положенія и потому остался безъ средствъ: тогда онъ идетъ съ повинною къ ненавистному когда-то ему ишану Ахмаду, проситъ у него прощенія и умоляетъ принять его въ число муридовъ ишана. Онъ каcтается, что прежде познавшъ ишана, но что теперь узналъ истину и обѣщаѣтъ быть самымъ ревностнѣмъ его послѣдователемъ; онъ считаетъ свою ссылку наказаніемъ за враждебное отношение къ ишану. Ишанъ принимаетъ его ласково, говоря, что Богъ хотѣлъ показать свою мудрость и доброту, обративъ на путь истины его заклятаго врага и сдѣлавъ его вѣрѣйшимъ его муридомъ. Узнавъ объ обращеніи муфтія Мингаджиддина, многіе не вѣровавшіе въ ишана Ахмада, сдѣлались муридами послѣдняго, разсуждая такимъ образомъ, что если, моль, такой заклятый врагъ ишана и при томъ такой ученый, какъ муфтій Мингаджиддинъ, сдѣлался послѣдователемъ Ахмадъ-ишана, то значитъ Ахмадъ дѣйствительно человѣкъ святой и великой. Новый муридъ, желая выслужиться передъ ишаномъ, разсказывалъ и писалъ объ немъ просто чудесныя вещи; онъ написалъ объ Ахмадъ-ишанѣ цѣлую книжку, содержащую біографію ишана, полную чудесъ и невѣроятныхъ разсказовъ. Ишанъ отплачивалъ своему ревностному ученику тѣмъ, что повсюду бралъ его съ собою, давалъ ему первое мѣсто возлѣ себѣ и дѣлалъ его участникомъ своего торжества и своихъ барышей. Если бы этотъ муридъ не умеръ раньше своего шира, онъ навѣрно занялъ бы мѣсто послѣдняго.

Разъ начинаяющій ишанъ возвысился надъ уровнемъ обыкновенныхъ людей, популярность его ростетъ все шире и шире. Даже люди, имѣюще хорошее положеніе и не вѣрующіе въ ишановъ, поступаютъ муридами къ знаменитому ишану съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при случаѣ опереться на вліяніе и силу своего ишана. Ишанъ, напримѣръ, можетъ имѣть большое вліяніе на выборы казіевъ, волостныхъ управителей и другихъ должностныхъ лицъ, приказывая своимъ муридамъ подавать голоса въ пользу того или другаго кандидата. Нерѣдко ишаны имѣли боль-

шое влияние на бековъ и на хановъ. Такъ, кокандскій ишанъ Міяпъ-Фазлій-Ахадъ давалъ у себя убѣжище отъ ханскаго гнѣва государственнымъ преступникамъ, и ханъ, изъ уваженія къ ишану и по его ходатайству, прощалъ такихъ преступниковъ. Ишанъ является патрономъ своихъ муридовъ, онъ ходатайствуетъ за нихъ передъ властями и передъ судомъ. Минь самому въ бытность кокандскимъ казіемъ случалось часто получать письма отъ ишановъ съ рекомендацией того или другаго изъ тяжущихся и съ просьбою помочь его дѣлу.

Въ каждомъ городѣ туркестанскаго края есть по крайней мѣрѣ одинъ ишанъ. Въ большихъ городахъ ихъ много и при томъ самые знаменитые. Знаменитости между ишанами во всемъ краѣ имѣютъ муридовъ, не исключая и Бухары. Муриды набираются изъ всѣхъ народностей, изъ сартовъ и еще болѣе изъ киргизъ. Самую благопріятную почву для начищающихъ и для мелкихъ ишановъ представляютъ киргизскія стени Тургайской, Акмолинской и Семирѣченской областей. Каждый годъ изъ городовъ туркестанскаго края стремятся въ киргизскія стени толпы ишановъ и возвращаются оттуда со стадами верблюдовъ, лошадей и барановъ и съ деньгами. Изъ киргизъ попадаются тоже ишаны, но рѣдко, и при томъ не пользующіеся широкой известностью. Въ Чимкентскомъ уѣздѣ я знаю одного ишана изъ киргизъ, чо имени Сатубалды Абдуллина. Онъ каждый годъ уѣзжалъ за добычей къ тургайскимъ киргизамъ и возвращался домой далеко не съ пустыми руками. Прежде онъ пользовался большой популярностью и среди чимкентскихъ киргизъ; но, когда они ближе узнали его, то не стали больше считать его своимъ шиromъ. Всего легче начинать карьеру ишана въ Наманганѣ. Жители этого города отличаются наивностью, простотою нравовъ и необыкновенно суевѣриемъ. Тамъ нѣть ни одного жителя, который бы не былъ муридомъ какого-либо ишана. Одинъ мой чимкентскій товарищъ по училищу, мулла Закиръ, по совѣту бывшаго чимкентскаго казія Ай-Мухаммада, отиравился въ Наманганъ и тамъ объявилъ себя ишаномъ. Черезъ 5 лѣтъ я встрѣтилъ его

въ Кокандѣ; онъ очень пополнѣлъ, па немъ была хорошая одежда и въ карманѣ порточная деньги. Я спросилъ его, откуда у него взялось все это. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что богатство и довольство дало ему ишанство въ Наманганѣ. Теперь онъ тамъ главный ишанъ. Муриды изъ иногороднихъ стараются по крайней мѣрѣ однажды въ годъ посѣтить своего шири. Они прѣѣжаютъ къ нему за сотни верстъ, чтобы посмотреть лицо ишана и помочьться вмѣстѣ съ нимъ. Для посѣщенія шири выбирается мѣсяцъ Рамазанъ, когда у мусульманъ бываетъ посты. Муриды проводятъ этотъ постъ съ своимъ шиromъ. При посѣщеніи шири муриды преподносятъ ему подарки не только отъ себя, но и отъ своихъ отсутствующихъ земляковъ, тоже муридовъ: дарятъ верблюдовъ, лошадей, барановъ, деньги, халаты, хлѣбъ и пр. Сартовская пословица говоритъ: „Усердіе муріда узнается по его подаркамъ“. Мѣстные жители каждый день приносятъ ишану пищу, которая еще остается для бѣдныхъ муридовъ, состоящихъ при ишанѣ. Нѣкоторые изъ муридовъ исполняютъ для ишана разную работу, не получая за то никакого вознагражденія. Они считаютъ для себя счастьемъ служить ишану. Тѣ изъ муридовъ, кои по бѣдности не могутъ давать ишану подарковъ, стараются о томъ, чтобы навербовать своему ширу богатыхъ муридовъ, подарки которыхъ восполнили бы недостатокъ ихъ, бѣдныхъ муридовъ. При этомъ бѣдные муриды не остаются безъ вознагражденія за свое посредничество; они получаютъ какъ отъ ишана, такъ и отъ новообращенныхъ муридовъ. Этимъ еще больше поощряется ихъ усердіе. Нѣкоторые изъ муридовъ жертвуютъ ишанамъ все свое имущество при жизни или завѣщаютъ таковое на случай смерти. Благодаря такой щедрости муридовъ, ишаны обладаютъ большимъ богатствомъ и живутъ роскошно. Нѣкоторые бываютъ въ одно и тоже время муридами у разныхъ ишановъ. А сами ишаны состоять муридами другъ у друга. Время отъ времени ишаны предпринимаютъ путешествія для посѣщенія могилъ святыхъ и для сбора подаяній. Объ ихъ прїездѣ въ городъ или кишлакъ зачастѣе узнаютъ мѣстные жители и спѣшатъ къ ишану для по-

лученія отъ него талисмана; муриды же для того, чтобы посмотрѣть лицо своего пира и помолиться съ нимъ; при этомъ всякой приносить съ собою подарки¹⁾.

Въ одной сартовской книжкѣ „Адабу-с-салихинъ“²⁾ находится слѣдующее ученіе о мурідахъ и ихъ отношеніяхъ къ пиру, или ишану: „Муридъ долженъ сидѣть поодаль отъ пира на самомъ низкомъ мѣстѣ и вести себя самымъ приличнымъ образомъ, т. е. не шевелиться, не кашлять, не чесать и -- Боже упаси! — курить; не разговаривать громко, не употреблять никотинального табаку (насвай), не сидѣть съ грязными ногами въ калошахъ, не быть съ открытою грудью, имѣть на головѣ чалму и у пояса четки, не быть наряженнымъ, не имѣть на себѣ шелковой одежды и быть готовымъ въ каждую минуту совершилъ молитву съ омовеніемъ. Если пиръ приважетъ муриду занять высшее мѣсто, даже выше тѣхъ, кои по своему положенію имѣютъ преимущество передъ нимъ, то онъ, муридъ, долженъ безпрекословно подчиниться волѣ пира. Самъ пиръ долженъ сидѣть, имѣя нозу молящагося мусульманина, на колѣнѣахъ съ подогнутыми подъ себя ногами. Прикажетъ-ли пиръ сѣдѣвать то или другое, или велѣтъ не сѣдѣвать того или другого, муридъ съ душою и сердцемъ обязанъ слушать и исполнять. Съ кѣмъ бы ни говорилъ пиръ и о чемъ бы онъ ни говорилъ, муридъ долженъ внимательно слушать и стараться не проронить ни одного слова изъ разговора пира. Если пиръ отдастъ одному изъ муридовъ остатки отъ своей пищи, то этотъ муридъ долженъ самъ сѣсть эту пищу, не предлагая другимъ; въ противномъ случаѣ можно будетъ предполагать, что онъ брезгаетъ остатками пищи ишана и радѣ бы отъ нихъ отѣваться, уступивъ другимъ. Если муридъ желаетъ заговорить съ пиромъ, то обязанъ предварительно убѣдиться, есть ли къ тому свободное время у пира, и

1) Къ своему пиру муридъ подходитъ съ большими почтеніемъ и робостію и даже цѣлуєтъ у него руку, какъ это я самъ видѣлъ въ домѣ Абуль-Касымъ-хана. Н. О.

2) Переведена на русскій языкъ Н. Лыкошинымъ и издана въ Ташкентѣ въ 1895 г. подъ заглавиемъ: «Кодексъ приличій на мусульманскомъ востокѣ». Н. О.

занять ли пиръ чѣмъ-нибудь. Муридъ долженъ обращаться къ пиру тихо, но не шепотомъ, съ разстановкой и по возможности кратко и сдержанно, притомъ съ мягкостію, нѣжно. Вообще же муридъ долженъ въ присутствіи пира соблюдать молчаніе. Сидя передъ пиромъ, муридъ долженъ сосредоточиться; ибо, какъ вода, подверженная волненію, не отражаетъ въ себѣ образа человѣка, такъ и муридъ, держащий себя разсѣянно, лишаетъ пира возможности читать на его лицѣ и видѣть, что дѣлается въ его душѣ. Если пиръ намѣревается куда-либо ити, муридъ не долженъ спрашивать, куда онъ идетъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ, муридъ долженъ спрашивать совета у своего пира, даже относительно пищи, питья и одежды. Не посовѣтовавшись съ пиромъ, муридъ не долженъ предпринимать никакихъ дѣлъ. Если самъ пиръ будетъ спрашивать совета у своего муріда насчетъ своихъ мірскихъ дѣлъ, то такой муридъ не долженъ тотчасъ же высказывать свое мнѣніе, а обязанъ скромно отвѣтить: „Вы сами хорошо знаете, какъ вамъ поступить“. Если же пиръ будетъ настаивать, тогда муридъ долженъ высказать свое мнѣніе въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Въ комнатѣ, такъ называемую „хильватъ-хана“, гдѣ пиръ совершаетъ молитвы и занимается своими дѣлами на-единѣ, безъ его позволенія входить нельзя. Не должно занимать мѣста, на которомъ обыкновенно сидѣтъ ишанъ¹⁾). Никто изъ муридовъ не долженъ надѣваться на себя одежду и обувь пира. Въ одномъ мѣстѣ съ пиромъ не должно спать; если же ишанъ позволитъ муриду спать въ одной комнатѣ съ собою, то муридъ не долженъ спать крѣпкимъ сномъ, а настолько чутко, чтобы быть всегда готовымъ по первому зову пира встать и исполнить его приказаніе. Съ пиромъ не должно позволять себѣ шутокъ и съ другими не шутить въ его присутствіи и даже избѣгать разговоровъ. Передъ пиромъ муридъ не долженъ выставлять на видъ свои превосходства: умъ, богатство, добродѣтели и т. п. Если пиръ высказываетъ какое-либо мнѣніе,

1) У себя дома пиръ всегда сидѣтъ на определенномъ мѣстѣ.

не должно его спрашивать, почему это такъ, гдѣ такое мнѣніе содержится. Не надо вынуждать пира прибѣгать къ хитрости, какъ напримѣръ: если муридъ совершилъ въ присутствіи пира какую-либо неловкость и пиръ не замѣтилъ обѣ этомъ муриду, послѣдній пусть не думаетъ, что пиръ ничего не видалъ; нѣтъ, пиръ видѣлъ, но только притворяется, что не замѣтилъ; это есть хитрость со стороны пира. И такая хитрость есть знакъ неудовольствія пира по отношенію къ своимъ ученикамъ. Напротивъ, если пиръ замѣтилъ дурной поступокъ, то муридъ долженъ радоваться, такъ какъ это доказываетъ, что пиръ имъ доволенъ. Муридъ долженъ составить себѣ о пирѣ такое мнѣніе, что его пиръ стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Муриды должны быть убѣждены, что пиръ знаетъ всѣ ихъ дѣйствія, тайны и явныя. Муридъ, имѣющій такое убѣженіе, старается избѣгать дурныхъ дѣлъ. Въ присутствіи и отсутствіи пира муридъ долженъ воображать себѣ, что пиръ сидитъ у него въ головѣ между бровями и видитъ все, что онъ дѣлаетъ, что мыслитъ. Если пиръ въ дурномъ расположеніи духа, значитъ, онъ борется съ своими страстями и въ это время его нужно оставлять одного и уходить. Всѣ свои тайны муридъ долженъ открывать передъ пиромъ, а всѣ тайны пира скрывать. Если муридъ хочетъ совершить чудо, то долженъ обратиться за позволеніемъ къ ишану. Во всѣхъ духовныхъ вопросахъ муриды не должны полагаться на свои знанія. Кто не любить или порицаетъ пира, того должно избѣгать и не вести съ нимъ знакомства. Не должно позволять себѣ смотрѣть прямо въ лицо пиру, а должно сидѣть передъ нимъ съ опущенными глазами. Сидя передъ пиромъ, надо думать только о немъ и имѣть его въ своемъ сердцѣ. Если муридъ видѣлъ чудеса отъ пира, то можетъ сказать пиру, что видѣлъ такія-то его чудеса, но не долженъ распрашивать пира, какимъ образомъ онъ совершилъ чудо. Если муридъ желаетъ посѣтить ишана, онъ долженъ это дѣлать не потому, что привыкъ къ обществу ишана, а потому, что онъ думаетъ почерпнуть что-нибудь поучительное отъ ишана, что онъ жадаетъ очистить свою совѣсть отъ всѣхъ

грѣховъ. Вообще же должно избѣгать всѣхъ дурныхъ поступковъ и мыслей, которые могли бы не понравиться пиру. Не надо критиковать слова и поступки пира, кои муриду кажутся неодобрительными; муридъ не долженъ даже допускать подобной мысли, а обязанъ стараться убѣдить себя, что въ поступкѣ пира таится что-нибудь такое, чего онъ, муридъ, не знаетъ и что оправдываетъ поступокъ пира. Чтобы быть пріятнымъ пиру, муридъ долженъ держать въ чистотѣ свое тѣло и одѣжду, избѣгать прикосновенія съ предметами нечистыми, чистить зубы, не употреблять луку, чесноку и тому подобныхъ дурно пахучихъ вещей.

Изъ ишановъ, принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, въ Кокандѣ во время Худаляръ-хана былъ Міянъ-Фазлій Ахадъ, а въ Ташкентѣ Міянъ-Халиль. Къ числу знаменитѣйшихъ ишановъ, не принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, слѣдуетъ отнести: въ Ташкентѣ Ахмада-Хальпу, а въ Кокандѣ—Алтыша и Тальки-Суфи-Бадала.

Приведемъ нѣкоторые факты изъ жизни ишановъ Міянъ-Фазлія-Ахада и Ахмада-Хальпы. Какъ-то однажды прибылъ въ Чимкентъ ишанъ Міянъ-Фазлій. Это было до прихода русскихъ. Ишанъ остановился въ Чимкентѣ проѣздомъ въ Туркестанъ, къ могилѣ имама Хазрета. По дорогѣ онъ посѣщалъ могилы другихъ имамовъ и ишановъ. Для этой цѣли онъ остановился и въ Чимкентѣ. Могила ишана находится среди могилъ обыкновенныхъ смертныхъ. Остановившись около одного кладбища, которое не имѣло еще могилы святаго, проѣзжій ишанъ сказалъ: „Здѣсь тоже есть могила святаго, именно Саибъ-баба“; затѣмъ, принявъ видъ *муракаба*, т. е. человѣка созерцающаго, онъ наклонилъ голову и опустилъ глаза. Постоявъ нѣкоторое время въ такомъ положеніи, ишанъ сказалъ: „Я ошибся; здѣсь нѣтъ тѣла такого святаго, о которомъ я говорилъ; святой этотъ только проходилъ черезъ мѣстность, гдѣ расположено кладбище“. Такое мѣсто у мусульманъ носить название *кадамъ-джай*. Всѣ присутствующіе удивились такой прозорливости ишана и приписали это чуду. Объ этомъ случаѣ разсказывалъ мнѣ мой отецъ въ полномъ убѣ-

жденіи, что тутъ нѣтъ никакой фальши и что ишанъ обладалъ даромъ узнаванія прошлаго и будущаго. На мѣстѣ, указанномъ ишаномъ, теперь стоитъ жердь, увѣшанная тряпками,—знакъ, что мѣсто это священно. Ишанъ Міянъ-Фазлій пользовался огромнымъ вліяніемъ въ столицѣ кокандскаго ханства. Ханъ *Мадали* былъ озлобленъ на ишана за то, что послѣдній давалъ у себя убѣжище государственнымъ преступникамъ и присваивалъ себѣ ихъ имущество, подлежавшее конфискаціи въ казну. *Мадали-ханъ* велѣлъ ишану убраться за предѣлы ханства, и тогда Міянъ-Фазлій уѣхалъ въ Мекку. Въ это время бухарскій амиръ напалъ на кокандское ханство, взялъ въ плѣнъ самого *Мадали-хана* и казнилъ его. Всѣ стали толковать этотъ случай въ смыслѣ наказанія Божія за изгнаніе ишана, Міянъ-Фазлія-Ахада. Муриды по-слѣдніго, раздѣлявшіе съ нимъ изгнаніе, рассказывали вносясь въ ствіи, что ишанъ въ день и часъ казни *Мадали-хана* сказалъ: „Въ этотъ часъ мой врагъ наказанъ; пойдемъ назадъ въ Кокандъ“. Знать это онъ могъ, какъ разсуждалъ народъ, только сплою пророческаго духа.

Когда я былъ мальчикомъ, въ Чимкентѣ прїехалъ изъ Коканда ишанъ..., совершившій чудеса. По приказанію отца, я отправился къ этому ишану съ двумя своими сверстниками. Ишанъ въ это время совершалъ въ саду омовеніе. Онъ былъ въ бѣломъ халатѣ и въ такой же тибітейкѣ. Я сказалъ своимъ товарищамъ, что это, вѣроятно,—ишанъ. Его окружали нѣсколько человѣкъ: кто держалъ рукомойникъ, кто полотенце, кто стоялъ безъ дѣла, готовый исполнить всякое приказаніе ишана.

Мы зашли въ помѣщеніе ишана. Мой разговоръ съ товарищами слышали муриды, окружавшіе ишана и бывшіе около помѣщенія ишана. Когда ишанъ вошелъ въ свое помѣщеніе, мы почтительно подошли къ нему и подали ему руки. Ишанъ сказалъ тогда, обращаясь ко мнѣ: „Вы говорили между собою обо мнѣ (ишанъ указалъ на себя) что это, вѣроятно, ишанъ“. Этимъ онъ хотѣлъ удивить насъ и показать, что онъ, не слыша, знаетъ, что мы говорили. Присутствующіе, логковѣрные муриды, приняли это

за чудо; но я былъ убѣжденъ, что мои слова къ товарищамъ были переданы ишану кѣмъ-либо изъ лицъ, его окружавшихъ. Къ этому ишану стали обращаться бездѣтныя женщины въ видѣ получить талисманъ противъ своей бесплодности. Онъ велѣлъ собраться къ нему нѣсколькимъ женщинамъ и ночевать въ его помѣщеніи. Женщинъ собралось числомъ около 10 человѣкъ, и всѣ они остались ночевать у ишана. Между ними была моя сестра Рузыджанъ, жена Алибая. Переночевавъ у ишана, женщины вернулись домой. Тогда Алибай спрашивавъ свою Рузы-джанъ: „Нѣтъ ли какой надежды на дѣтей?“—„Мы несчастны, отвѣчаетъ ему жена, а счастливы Аимъ-джанъ и ея мужъ Рузыбай; у насъ нѣтъ надежды на дѣтей. Дѣло происходило такъ, продолжала Рузы-джанъ: когда мы, женщины, пришли къ ишану, послѣдній оставилъ насъ ночевать у себя и объявилъ намъ, что онъ не Богъ, что всѣмъ не можетъ дать дѣтей, но что онъ будетъ молиться Богу, и Богъ присыпетъ своего ангела ночью въ образѣ его, ишана; ангелъ Божій будетъ насъ обнимать и будетъ спать съ избранною. Ишанъ велѣлъ намъ приготовиться къ принятію ангела и не тушить свѣчи. Мы ожидали ангела съ нетерпѣніемъ, и каждая изъ насъ лелеяла мысль, что ее осчастливить своимъ посвѣщеніемъ ангелъ Божій. Ночью, когда мы все лежали, явился ангелъ, похожій на ишана, въ его одѣждѣ, и сталъ рассматривать насъ по-одиночкѣ. Онъ остановился на женѣ Рузыбая Аимдженѣ и съ нею спалъ“. (Нужно замѣтить, что Аимдженъ, жена Рузыбая, была красавица).—Выслушавъ этотъ разсказъ жены, Алибай сталъ смеяться, говоря: „Я очень радъ, что Богъ не послалъ своего ангела къ моей женѣ“. Онъ пошелъ въ мечеть и рассказалъ обо всемъ этомъ сосѣдямъ. Одни вѣрили, а другие считали это вымысломъ, но репутація ишана ничего не потеряла въ глазахъ его муридовъ; многие изъ нихъ, вѣра разсказу Алибая и его жены, признавали дѣяніе ишана за чудо.

Въ другой разъ этотъ же ишанъ прїехалъ въ Чимкентъ, подъ предлогомъ посѣтить чимкентскаго ишана, котораго одного онъ считалъ хорошимъ ишаномъ. Когда прїезжій находился въ

гостяхъ у чиркентскаго ишана, вдругъ во время угощенія гость-ишанъ какъ бы очнулся и сказалъ: „За городомъ есть могила святого, Кочкаръ-ата; тамъ горятъ двѣ свѣчи, одна для меня, другая для васъ“, т. е. для ишана, у которого онъ находился въ гостяхъ; „духъ святого, продолжалъ ишанъ, приглашаетъ меня и васъ къ себѣ“. Послѣ этихъ словъ оба ишана и ихъ муриды отправились на могилу святаго Кочкаръ-ата и дѣйствительно нашли тамъ двѣ горѣвшія свѣчки. Всѣ сочли это за великое чудо, и послѣ этого чуда нашему ишану посыпались обильные подарки.—Ишанъ просто схитрилъ, но толпа не умѣла понять его хитрости, а сочла то за чудо. Впослѣдствіи этого самаго ишана Худаярханъ за подобные фокусы приказалъ повѣсить.

Въ Бухарѣ былъ при Насруллахѣ ишанъ, который пускалъся между прочимъ на слѣдующія хитрости, чтобы показать себя чудотворцемъ. Онъ велѣлъ одному изъ своихъ учениковъ прикинуться слѣпымъ, а другому хромымъ. Ученики ишана нѣсколько лѣтъ разыгрывали одинъ слѣпаго, а другой хромого. Однажды отъ ишана, настоятельно потребовали чуда. Тогда онъ, призвавъ слѣпого своего ученика, приказалъ ему прозрѣть,—и слѣпой прозрѣлъ. Такое же чудо ишанъ совершилъ и надъ хромымъ своимъ ученикомъ...

Одинъ только амиръ Насруллахъ не вѣрилъ въ чудеса ишана. Онъ послалъ къ ишану рагіа¹⁾ съ приказаніемъ доставить ишана къ нему, амиру. Посланый рагісъ почтительно слѣзъ передъ ишаномъ съ лошади и не зналъ, въ какихъ словахъ объявить ишану приказъ амира. Онъ боялся, что ишанъ чудеснымъ образомъ ниспошлетъ на него небесную кару. При этомъ ишанъ выразилъ сожалѣніе надъ участю амира, котораго неминуемо ждетъ наказаніе за неуваженіе къ нему, ишану. Рагісъ вернулся къ амиру ни съ чѣмъ. Тогда амиръ послалъ другаго своего приближенаго, и тотъ, не смотря на угрозы ишана, привелъ его къ амиру. Послѣдній тотчасъ же велѣлъ его повѣсить.

¹⁾ Рагісъ у мусульманъ называлось особы должностныя лица, наблюдавшія за благочиніемъ въ городахъ и за нравами жителей. См. выше стр. 59—60. И. О.

Въ Ташкентѣ при Худаярханѣ и въ первое время владѣнія страною русскими славился ишанъ Ахмадъ-Хальпа. Онъ умеръ въ 1889 г., доживъ до глубокой старости,—ему было около ста лѣтъ. Ахмадъ-ишанъ за свои богохульныя рѣчи былъ приговоренъ казіями къ смертной казни, но затѣмъ былъ освобожденъ ташкентскимъ бекомъ отъ казни на основаніи ривалята¹), въ которомъ говорилось, что приговоренный къ смерти за преступленія противъ вѣры, освобождается отъ наказанія, если сдѣлалъ какое-либо изобрѣтеніе въ области искусствъ или ремесль. Ишанъ Ахмадъ-Хальпа дѣлалъ особымъ способомъ, ему только известными, портфели для книгъ и бумагъ. Этимъ онъ спасся отъ неминуемой смерти. Отецъ Ахмада-Хальпы былъ тоже ишаномъ, а его сынъ былъ у него муридомъ. Ахмадъ-ишанъ жилъ то въ Шейхантаурской, то въ Бийпъ-агачской части города Ташкента. Онъ былъ очень богатъ, имѣлъ много садовъ и земель въ Ташкентѣ и уѣздѣ; у него было нѣсколько женъ и огромное семейство. Ахмадъ-ишанъ обладалъ образованностю ученаго мусульманина. Въ религії онъ былъ вполнѣ либералъ, толковалъ коранъ по своему и не считалъ его божественной книгой и въ своей самоувѣренности дошелъ до того, что сталъ величать себя пророкомъ. „Хотя Мухаммадъ и сказалъ“,—говорилъ Ахмадъ-ишанъ,—„что онъ (Мухаммадъ) послѣдній изъ пророковъ, но это неправда: пророки должны являться и послѣ Мухаммада отъ времени до времени“. За эти-то слова Ахмадъ-ишанъ и былъ приговоренъ ташкентскими казіями къ смерти, какъ о томъ было сказано выше. Онъ находилъ противорѣчія въ самомъ коранѣ, такъ напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ корана самъ Богъ кляется луною, солнцемъ и землею, а въ другомъ мѣстѣ корана тотъ же Богъ повелѣваетъ, чтобы люди не клялись ни луною, ни солнцемъ, ни чѣмъ-либо другимъ. Ишанъ высказывалъ свои мысли муридамъ а тѣ, хотя слушали его, но не понимали, и потому не соблазнялись.

Ахмаду-ишану много приписывается чудесъ. Объ его чуде-

¹⁾ Ривайтъ—отдельное мнѣніе, имѣющее силу закона. И. О.

сахъ и замѣчательныхъ дѣяніяхъ написалъ цѣлую книгу его преданнѣйшій мурідъ, бывшій муфтій Мингаджиддинъ. Онъ возносилъ своего ишана до небесъ и приписывалъ ему такія дѣянія, къ которымъ вовсе не былъ причастенъ самъ ишанъ. Какую цѣль преслѣдовалъ Мингаджиддинъ, обѣ этомъ мы говорили выше. Однажды Ахмадъ-ишанъ отправился на поклоненіе къ могилѣ святаго Хазретъ-султана въ Туркестанѣ. По пути онъ остановился въ Чимкентѣ у своего муріда Саїбджана. Эти путешествія и остановки дѣлались съ цѣлью собирать приношенія въ провинціи. Проживъ въ Чимкентѣ нѣсколько дней, Ахмадъ-ишанъ вдругъ объявилъ, что онъ считаетъ излишнимъ продолжать путь въ Туркестанъ къ Хазрету, ибо духъ святаго Хазрета самъ пришелъ къ нему на встречу въ Чимкентѣ и остановился на данномъ мѣстѣ, которое Ахмадъ-ишанъ указалъ окружающимъ. Ему повѣрили и сочли это за чудо. Въ ознаменованіе встречи духа Хазрета съ Ахмадъ-ишаномъ тамъ поставленъ шесть съ знакомъ, обозначающей святое мѣсто. Ахмадъ-ишанъ былъ маловѣрующимъ мусульманиномъ; ученые ненавидѣли его. Ташкентскій ишанъ Абуль-Касымъ писалъ амиру, прося его исходатайствовать у русскаго правительства высылку изъ края Ахмадъ-ишана за его противорелигіозныя рѣчи. Но народная толпа очень любила и уважала Ахмадъ-ишана. Онъ имѣлъ мурідовъ во всемъ краѣ, не исключая и Бухары, и многочисленныхъ послѣдователей въ Ташкентѣ, Кокандѣ, Самаркандѣ и въ киргизской степи. Незадолго до своей смерти, Ахмадъ-ишанъ въ 1889 годуѣздилъ въ Мекку. Ташкентцы провожали его многочисленною толпою до Чиназа, а нѣкоторые даже до Самарканда. Самаркандине муріды вышли встрѣтить своего ишана на первую станцію и дожидались тамъ его нѣсколько дней. Они разбили дорогія палатки, землю устлали коврами и приготовили всевозможныя яства и дорогіе подарки. Самаркандинскій уѣзжий начальникъ былъ такъ пораженъ такими приготовленіями къ встречѣ какого-то Ахмада-Хальпы, что телеграфировалъ къ начальнику города Ташкента, спрашивая его, что за личность выѣхала изъ Ташкента въ Мекку, для

которой приготовляется столь торжественная встреча? Ахмадъ ишанъ умеръ въ 1889 году и оставилъ наследникомъ своего ишанства своего сына. Но сынъ его не пользуется славою и популярностью своего отца; для этого ему не достаетъ ума, хитрости и краснорѣчія.

Вотъ еще случай изъ жизни ишановъ. Разъ прѣѣхалъ изъ Коканда въ Чимкентъ какой-то ишанъ (имени его я не знаю) и познакомился съ однимъ чимкентскимъ ишаномъ Анарь-Мухаммадъ-аглямомъ. Они сговорилисьѣхать въ Аулізатинскій уѣздъ въ степній киргизамъ съ цѣлью собирать пожертвованія. Такъ какъ обоихъ тамошніе киргизы не знаютъ, то чимкентскій ишанъ предложилъ кокандскому такое условіе: „я тебя буду хвалить тамъ, какъ замѣчательнаго и знаменитаго ишана, а все вырученное будемъ дѣлить пополамъ“. Кокандскій ишанъ согласился на такое условіе, и они поѣхали. Собравъ у киргизовъ подарки и раздѣливъ ихъ пополамъ, ишаны воротились и начали разѣзжать по окрестнымъ селеніямъ Чимкента. Собравъ въ окрестностяхъ Чимкента пожертвованія, они прѣѣхали въ Чимкентъ. На требование чимкентскаго ишана—раздѣлить пополамъ поступившія здѣсь пожертвованія, кокандскій ишанъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ дѣлиться, потому что пожертвованія были собраны тамъ, гдѣ всѣ его хорошо знаютъ. Тогда чимкентскій ишанъ пригрозилъ, что онъ подастъ жалобу казію, а если и казій не рѣшилъ дѣла въ его пользу, то напишетъ въ Кокандъ ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ кокандскаго ишана и осрамить послѣдняго. Тогда кокандскій ишанъ, испугавшись такой угрозы со стороны своего друга по ремеслу, отправился къ бывшему чимкентскому казію Султанъ-Ахмадъ-Хану, рассказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла и просилъ помирить его съ ишаномъ Анарь-Мухаммадъ-аглямомъ. Послѣдній получивъ известную часть пожертвованій, согласился на примиреніе. Случай этотъ рассказывалъ мнѣ въ присутствіи упомянутаго чимкентскаго ишана ихъ примиритель, Султанъ-Ахмадъ-Ханъ. Такіе случаи нерѣдко бываютъ въ жизни мусульманскихъ ишановъ.

Въ заключеніе нужно сказать, что ишаны ведутъ правильный образъ жизни и исполняютъ предписанія шаріата: совершаютъ омовенія, соблюдаютъ посты и молитвы, рано встаютъ, не курятъ табакъ, не пьютъ вина. Такимъ образомъ они доживаются до 80 и болѣе лѣтъ. Въ 1890 г. въ Ташкентѣ во время холеры умеръ престарѣлый ишанъ Абдулъ-Касымъ-Ханъ, и туземцы были увѣрены, что послѣ смерти такого замѣчательного ишана холера прекратится, какъ послѣ жертвы за грѣхи людей. У этого ишана было много тысячъ послѣдователей (муридовъ) въ окрестностяхъ Ташкента, и имя его пользовалось большою известностію. Онъ велъ скромную жизнь и былъ человѣкъ благотворительный: на свои сборы отъ муридовъ онъ содержалъ большую мадрасу, въ которой пропитывалось болѣе ста человѣкъ—учащихся¹⁾.

Дѣятельность покойнаго ишана въ настоящее время продолжаетъ сынъ его Сайдъ-Бакы-ханъ, который поддерживаетъ основанную отцомъ его мадрасу.

¹⁾ Почтенный Саттаръ-ханъ высказалъ объ ишанахъ свой взглядъ со стороны яхъ вліянія на простой народъ. Тоже объ ишанахъ въ столи, среди киргизъ, можно читать въ книжкѣ г. Арандаренко «Досуги въ Туркестанѣ» и въ Сборнике материаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области (Ташкентъ, 1891) ст. И. Гейера. Въ Туркест. Вѣдом. за 1895 г. въ ст. Н. Мылошана, приведенъ болѣе симпатичный взглядъ на ишановъ. Вообще же нужно сказать, что ишаны пользуются большими вліяніемъ среди туземного населения и привлекаютъ къ исламу простодушныхъ киргизъ. Поэтому вопросъ объ ишанахъ заслуживаетъ вниманія и со стороны русской администраціи. Русское вліяніе, конечно, подорветъ авторитетъ ишановъ, но необходимо изучить это сложное и своеобразное явленіе въ духовной жизни мусульманъ. П. О.

VII.

ПОѢЗДКА ВЪ РОССІЮ САМАРКАНДСКАГО КУПЦА МИРЗЫ БУХАРИНА МИРЗЫ АБДУЛЛИНА.

Въ октябрѣ мѣсяца 1887 года самарканскій 2-й гильдія купецъ Мирза Бухаринъ Мирза Абдуллинъ былъ на сельскохозяйственной выставкѣ въ городѣ Харьковѣ. По окончаніи выставки, онъ отправился въ Москву и Петербургъ, и 18 декабря, въ пятницу, былъ удостоенъ представленія Государю Императору, въ Гатчинскомъ Дворцѣ Его Величества. Возвратившись въ Москву, Мирза Бухаринъ составилъ описание своего путешествія и прислалъ мнѣ рукопись для напечатанія въ Туземной газетѣ. Рукопись была исправлена мню и напечатана въ № 4—7 газеты за 1888 годъ въ слѣдующемъ видѣ:

„По приѣздѣ моемъ въ городъ Харьковъ, я остановился въ гостиницѣ и на другой день явился къ членамъ комиссіи сельскохозяйственной выставки въ своеѣ почетномъ халатѣ, имѣя на шее двѣ золотыя медали. Члены комиссіи очень интересовались моей одеждой: мой халатъ былъ обшитъ галуномъ въ два ряда. Они обратили также вниманіе свое и на двѣ золотыя медали мои. До этого времени въ г. Харьковѣ изъ туземцевъ Туркестанского края въ такой одеждѣ еще никто не былъ. Кроме того, въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ было напечатано, что „въ кустарномъ отдѣлѣ выставки находится интересный экспонентъ—туземецъ изъ Туркестанского края, Мирза Бухаринъ, въ своеѣ мѣстномъ костюмѣ, что онъ прибылъ изъ Самарканда и привезъ съ собой

шелковые материи, которые успели обратить на себя внимание бывшей на выставке публики. Привезенные имъ шелковые материи очень скоро были распроданы, и онъ получилъ за эти материи вторую награду—медаль».

Далѣе Мирза Бухаринъ разсказываетъ, что когда онъ гулялъ по улицамъ города Харькова, то на него обращали внимание всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ, а нѣкоторые даже останавливали его на дорогѣ и спрашивали: откуда вы пріѣхали? гдѣ получили двѣ золотыя медали? „Когда зайдешь, говорить Бухаринъ, въ магазинъ что-нибудь купить, то русскіе купцы, видя меня въ почетномъ халатѣ и при медаляхъ, оказывали мнѣ большое вниманіе и разговаривали со мной очень вѣжливо. Былъ со мной русскій приказчикъ, тоже самаркандскій житель, Василій Ефимовичъ Жуковъ. Онъ знаетъ нашъ туземный языкъ, и мы во время покупки товара разговаривали съ нимъ по туземному. Слыша нашъ разговоръ, русскіе приказчики магазина смотрѣли на насъ съ удивленіемъ, а послѣ разговора спрашивали меня: кто это съ вами? Скажешь имъ, что это русскій—приказчикъ, они не вѣрятъ и говорятъ: должно быть и онъ тоже туркестанскій туземецъ. А нѣкоторые говорили даже: это—вашъ сынъ... Когда я проѣзжалъ рано утромъ изъ квартиры на выставку, то обыкновенно надѣвалъ чалму иѣхалъ по городу черезъ базаръ съ своимъ приказчикомъ. На базарѣ бывало народа всякаго очень много, и всѣ удивлялись, что у меня на головѣ такая большая чалма. Особенно дивились надо мной простолюдины, пріѣхавшіе на базаръ съ своими произведеніями для продажи ихъ. На выставку иной приходилъ что-нибудь купить, а другой приходилъ посмотреть на меня. Я спрашиваю: что вамъ угодно купить? А онъ отвѣчаетъ: мнѣ ничего не надо; я пришелъ только посмотреть на васъ. Въ городѣ Харьковѣ я видѣлся съ полковникомъ Шпицбергомъ, который прежде былъ у насъ въ Самаркандѣ начальникомъ уѣзда. Онъ принялъ меня очень хорошо. Зная, что туркестанскіе жители очень любятъ „палау“, онъ ежедневно посыпалъ ко мнѣ въ лавку наше палау, и мы кушали его съ большимъ удовольствиемъ,

такъ какъ въ дорогѣ отъ города Мерва до города Харькова этого любимаго кушанья мы не видѣли.

„По дорогѣ въ Харьковъ, первымъ русскимъ городомъ былъ городъ Баку. Я очень удивился, какая большая въ этомъ городѣ русская торговля; напримѣръ: въ нижнихъ этажахъ находится несолько лавокъ, а въ верхнихъ этажахъ, надъ лавками, помѣщаются всѣ жильцы, такъ что въ этихъ домахъ живеть очень много людей. Дома тамъ есть въ пять и шесть этажей, и часто бываетъ, что живущіе въ одномъ домѣ другъ друга не знаютъ. Въ слѣдующемъ за Баку городѣ—Тифлисѣ я увидѣлъ еще болѣе для меня удивительные постройки, какъ по величинѣ своей, такъ и по красотѣ. Постройкамъ я удивлялся и въ Харьковѣ. Въ этомъ городѣ я осматривалъ музей и былъ въ циркѣ, гдѣ видѣлъ интересныя представленія. Но когда я пріѣхалъ въ древнюю столицу Русскаго государства, въ городѣ Москву, то еще болѣе былъ удивленъ, нежели въ Харьковѣ. Въ Москвѣ я увидѣлъ много достопримѣчательныхъ построекъ и предметовъ. Я былъ въ Кремль и видѣлъ Грановитую Палату, гдѣ древніе русскіе Государи принимали иноземныхъ пословъ и давали церемоніальные обѣды. Потомъ въ Оружейной Палатѣ я видѣлъ разныя старинныя и драгоцѣнныя вещи прежнихъ государей: короны, золотую и серебряную посуду, разныя одежды и украшенія, разное оружіе, древніе царскіе экипажи и всего таcъ много, что трудно вспомнить. Видѣлъ я древній и новый дворецъ Государя Императора и храмъ, въ которомъ короновался Его Величество. Все это посмотрѣть нашимъ туземцамъ очень интересно; есть что разсказать теперь моимъ единоплеменникамъ—туземцамъ, какъ коронуются русскіе государи, какой тронъ устроенъ для Его Величества, и много-много удивительного. Я видѣлъ, напримѣръ, во дворцѣ люстры очень большия; люстра имѣеть вѣсу четыреста пудовъ; въ нее заправляется до двухъ тысяч свѣчъ. Какія замѣчательныя комнаты во дворцѣ и какія дорогія украшенія! Съ древніхъ временъ у русскихъ сохраняются бережно всѣ древнія достопримѣчательныя вещи; у насъ же

отъ ханскихъ временъ ничего подобнаго не сохранилось для памяти; по смерти хановъ разныя вещи переходили въ частные руки, и никто не заботился о сохраненіи этихъ предметовъ для будущаго времени. Еще я былъ въ картинной галерѣ Третьякова и видѣлъ тамъ очень много картинъ разныхъ временъ и народовъ. Въ числѣ этихъ картинъ есть очень большія и писались много лѣтъ. Одна картина стоитъ 50 тысячъ рублей. вся картинная галерея Третьякова стоитъ три миллиона. И дѣйствительно, стоитъ посмотреть эти картины. Я видѣлъ картины, на которыхъ нарисованы очень хорошо и натурально: мадраса, туркестанскій базаръ, битва генерала Скобелева подъ Плевной и многое другое. Удивительно, какъ хорошо нарисовано,—точно все живое стоитъ передъ глазами.

„Еще я былъ въ Политехническомъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Тамъ тоже есть разныя картины; на картинахъ изображены народы прежнихъ временъ, въ какой одеждѣ они ходили и что чѣмъ одѣвались. Каждый стоитъ съ своимъ руководствомъ. Изъ нашего Туркестанскаго края тамъ есть изображеніе сарга съ женой. Бывалъ я много разъ въ циркахъ и видѣлъ тамъ замѣчательныя представленія: обученная лошадь подъ музыку пляшутъ, такъ же и другія животныя: слонъ, собака, кошки, медведь и даже птицы... Видѣлъ я тоже, какъ человѣкъ летаетъ по воздуху.

„Когда я возвращусь въ свой край, домой, то, конечно, будутъ спрашивать меня, и я разскажу, какія рѣдкія и драгоценныя вещи я видѣлъ. Я думаю, что моему разсказу нѣкоторые даже не повѣрятъ. Я самъ, еще до поѣздки въ Россію, много слышалъ о томъ, что во внутренней Россіи, особенно въ городахъ Москвѣ и Петербургѣ, много есть разныхъ достопримѣчательностей, а теперь я уже видѣлъ самъ лично и хочу употребить всѣ силы свои, чтобы разсказать объ этомъ туземцамъ.

„Изъ Москвы я поѣхалъ въ главный городъ Русскаго государства, въ Петербургъ, и на другой день отправился къ профессору Н. И. Веселовскому. Онъ прїѣзжалъ въ г. Самаркандъ въ 1885 г., познакомился со мной и теперь радушно встрѣтилъ

меня. Я заходилъ къ нему часто, и онъ показывалъ мнѣ замѣчательныя въ Петербургѣ зданія и находящіяся въ нихъ рѣдкости. Прежде всего онъ показалъ мнѣ замѣчательный во всей Европѣ Исаакіевскій соборъ. Этотъ соборъ имѣеть огромную величину, строился сорокъ лѣтъ и стоилъ двадцать три миллиона рублей. Вышина его внутри, отъ пола до верха купола, сто тридцать два аршина, а ширина снаружи болѣе ста двадцати аршинъ, въ каждую сторону. Внутри собора много большихъ колоннъ, обложенныхъ малахитомъ, а двѣ колонны изъ ляписъ-лазури, имѣющія въ вышину около семи аршинъ и въ толщину около одного аршина. Стѣны обложены разноцвѣтнымъ мраморомъ и украшены картинами, выпуклыми изображеніями и позолотой. На позолоту внутри собора употреблено три пуда золота. Громадный куполь имѣеть вѣсъ сто тридцать шесть тысячъ пудовъ; крыша его позолочена лучшимъ золотомъ, на позолоту ея пошло двѣсти сорокъ семь фунтовъ золота. Съ трехъ сторонъ собора устроены великолѣпныя литыя бронзовыя двери съ разными изображеніями. Кроме того, въ соборѣ висятъ огромныя люстры бронзовыя, вызолоченные; въ одну люстру заправляется 1800 свѣчей. Эта люстра вѣситъ 600 пуд. Вообще нужно только удивляться такому искусству европейскихъ ученыхъ мастеровъ: они, при помощи науки, выстроили такое огромное и красивое зданіе, на которомъ, кроме того, подвѣшены огромные колокола. Одинъ колоколъ вѣситъ 1800 пудовъ, другой 900 пудовъ и одинъ въ 1000 пудовъ. Если смотрѣть съ купола этого зданія внизъ, то люди кажутся маленькими, какъ мухи.

„На другой день профессоръ г. Веселовскій повелъ меня въ Эрмитажъ. Въ Эрмитажѣ мы ходили три дня и были тамъ съ утра и до вечера: въ одинъ день нельзя было осмотрѣть хранящіеся тамъ многочисленные предметы. Эрмитажъ—громадное зданіе въ четыре этажа, и во всѣхъ его помѣщеніяхъ находятся замѣчательныя рѣдкости разныхъ странъ. Я видѣлъ тамъ такие предметы, что только удивлялся. Тамъ есть разная посуда древнихъ народовъ, разная одежда, разныя картины, разныя статуи, разныя

золотыя и серебряныя монеты и медали всѣхъ странъ и народовъ, а также разные древніе предметы, полученные изъ земли во время раскопокъ. Есть въ Эрмитажѣ много мраморныхъ статуй, необыкновенно дорогихъ. Миѣ показывали всѣ эти драгоценныя вещи члены Эрмитажа: Иванъ Ивановичъ Графъ Толстой и Николай Ивановичъ Веселовскій. Безъ ихъ вниманія ко мнѣ, я никогда бы хорошо не разсмотрѣлъ всѣ находящіеся въ Эрмитажѣ многочисленныя предметы и не понялъ бы ихъ значенія. Удивительно, что въ четвертомъ этажѣ этого зданія устроенъ громадный садъ; въ немъ растутъ очень большія деревья и толстыя, на подобіе патного кайрагача. Есть тамъ картина „Мухимили-Шарифъ“. На ней нарисовано, какъ везутъ на верблюдовъ покрывало для Каабы, а арабы поддерживаютъ его плечами; одни ведутъ верблюда подъ уздцы, а другіе дѣлаютъ большия поклоны. Эта картина очень замѣчательна и интересна, и русскіе хранятъ ее въ Эрмитажѣ. Затѣмъ я былъ въ петербургскомъ пассажѣ. Тамъ также есть небольшой музей; я видѣлъ тамъ великана-татарина Уфимской губерніи; ростъ его 3 аршина 6 вершковъ. Послѣ того г. Веселовскій водилъ меня въ Императорскую Публичную Библіотеку. Это большой каменный домъ, въ которомъ сохраняются иѣсколько сотъ тысячъ древнихъ и новыхъ книгъ и рукописей разныхъ народовъ. Тамъ хранится и нашъ самарканскій алкоранъ, подаренный въ Библіотеку Туркестан. ген.-губернаторомъ фонъ-Кауфманомъ. Этотъ алкоранъ написанъ на кожѣ куфическими буквами рукой Чаръ-яръ Хазраты-Усмана Дзи-нурайи. Кромѣ того, я видѣлъ въ Библіотекѣ иѣсколько разныхъ книгъ, писанныхъ золотыми буквами, напримѣръ: книгу Миръ Али-Шира, Шахъ-нама, Искандаръ-нама, Новай-тарихи, Таварихъ раузат-ус-сафа, Зафаръ-нама Шараф-уд-дина Язди, Касас-уль-анбія, Сіару-Шарифъ, Ходжа-Хафізъ, Мауляви Джами, Хамсан-Низами, Хамсан-Амиръ-шарки и ярлыки прежнихъ нашихъ хановъ. Ярлыки написаны золотыми буквами. Кромѣ того, я видѣлъ разные словари: арабскіе, персидскіе, турецкіе и много другихъ книгъ на разныхъ языкахъ. Удивительно, какъ русскіе собираютъ всѣ древности и

тщательно берегутъ ихъ. Напримѣръ: нашъ алкоранъ хранится очень бережно, точно новый лежитъ, весь въ золотой отделькѣ, въ футлярѣ подъ стекломъ.

„Въ первый день декабря я былъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, гдѣ видѣлъ многихъ ученыхъ, которые знаютъ языки разныхъ мусульманскихъ народовъ, а также языки: монгольскій, китайскій, индійскій и изучаютъ древности разныхъ народовъ. При мнѣ ученый В. В. Радловъ, отлично знающій тюркскіе языки и древнее уйгурское письмо, объяснялъ два ярлыка: одинъ — Тохтамышъ-хана, другой — Тимуръ-Кутлука. Очень пріятно мнѣ было слышать, какъ въ отдаленномъ Петербургѣ русскіе ученые люди изучаютъ исторію прежнихъ нашихъ хановъ и знаютъ, что происходило при нихъ. И мнѣ пришлось бесѣдовать съ этими учеными: у меня спрашивали объясненія вѣкоторыхъ словъ, и я, что зналъ, объяснялъ. Другой ученый, профессоръ Георгіевскій, читалъ, какъ живутъ теперь люди въ Китаѣ и объяснялъ, что есть у нихъ хорошаго.

„Послѣ всего того, осмотрѣвъ достопримѣчательности С.-Петербурга, я пожелалъ угостить г. Веселовскаго обѣдомъ и пригласилъ къ обѣду петербургскаго ахунда Муллу Баазитова и авганца Шайхъ-Джамалюддина, который путешествовалъ по Европѣ и получилъ хорошее образованіе. Онъ владѣетъ французскимъ и арабскимъ языками. Я читалъ о немъ въ Туркестанской туземной газетѣ, а раньше не зналъ его. Миѣ было очень пріятно по говорить съ нимъ. Мулла Баазитовъ тоже человѣкъ образованный, знаетъ хорошо персидскіе и потурецкіе. За обѣдомъ мы пріятно провели время, бесѣдуя о разныхъ предметахъ. Всѣхъ насть было пять человѣкъ, и каждый отличался отъ другихъ происхожденіемъ и образованіемъ, но все мы сближались въ столицѣ Русскаго государства.

„26-го ноября и 6-го декабря 1887 года въ Петербургѣ были большия военные парады. Первый парадъ былъ передъ Зимнимъ дворцомъ Его Императорскаго Величества, а второй парадъ, 6-го декабря, въ манежѣ. На этихъ парадахъ я видѣлъ Государя

ИМПЕРАТОРА и прочихъ лицъ Царской Фамилии. При этомъ я, туркестанецъ, испытывалъ особяное высокое чувство, потому что видѣлъ Государя великой Россіи. У меня въ это время пробивались на глазахъ слезы удовольствія. На парадѣ были разныя войска, какія только находятся въ Петербургѣ; я видѣлъ разныя одежды военныхъ, очень красивыя, такъ что засмотрѣвшись, глядя на войска, когда они проходятъ церемоніальнымъ маршемъ. Посмотрѣть парадъ въ Петербургѣ каждому очень интересно.

„13-го декабря мнѣ было дано знать о Высочайшемъ разрѣшенія представиться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. 18-го декабря, въ пятницу, въ Гатчинскомъ дворцѣ Его Величества, я былъ представленъ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Наслѣднику Цесаревичу и былъ удостоенъ отъ Ихъ Величествъ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые я далъ почтительные отвѣты. Послѣ представленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, для насы въ особой комнатѣ дворца былъ накрытъ столъ, и мы обѣдали вдвоемъ съ русскимъ приказчикомъ Жуковымъ. Обѣдъ былъ такой, что я не имѣю силъ разсказать обѣ этомъ. Какъ во дворецъ, такъ и изъ дворца мыѣхали въ каретѣ.

„21-го декабря я былъ удостоенъ представленія Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Владимиру Александровичу и Супругѣ Его Высочества Великой Княгинѣ Марии Павловнѣ. Послѣ представленія я удостоился обѣдать во дворцѣ и былъ отправленъ изъ дворца въ каретѣ.

„По возвращеніи въ Москву, я рассказалъ туркестанскимъ купцамъ о томъ, что удостоился представиться Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику и Великому Князю Владимиру Александровичу и Супругѣ Его Высочества Марии Павловнѣ. И всѣ дивились моему счастію“¹⁾.

¹⁾ Марза Абдуллаевъ не согласился однако израсходовать нѣсколько рублей на отдельные оттиски перевода его брошюры, печатавшагося въ Тузем. газетѣ. И. О.

VIII.

АВТОБІОГРАФІЯ КОКАНДСКАГО ПОЭТА ЗАКИРДЖАНА ФІРКАТА*).

До 1889 года я наслаждался счастьемъ и спокойствіемъ въ гор. Маргеланѣ; сердце мое было полно радости въ кругу моихъ друзей и, какъ огня, боялось разлуки съ ними. Потомъ, когда зеркало—мое лицо—покрылось ржавчиной отъ пыли несчастія, я рѣшился совершить путешествіе. Изъ гор. Маргелана, который имѣть свойство рая, я въ зимнее время поневолѣ отправился въ гор. Кокандъ, на свою родину, гдѣ прожилъ сутки. Отсюда въ три дня я прибыль въ Ходжентъ и остановился въ домѣ одного торговца, Мирзы Насруллы, моего друга. Я жилъ у него нѣсколько дней. Однажды пошелъ я на базарь прогуляться, и вдругъ одинъ ходжентскій сартъ, съ которымъ я познакомился въ Маргеланѣ, встрѣтился со мной и, попрежнему знакомству, пригласилъ меня къ себѣ. Съ разрѣшенія хозяина дома, гдѣ я остановился, я отправился въ домъ нового своего друга и погостили у него нѣкоторое время. Пріемъ, оказанный мнѣ хозяиномъ, былъ очень радушный: онъ всячески старался развеселить меня. Я познакомился у него съ однимъ ученымъ, у которого научился нѣкоторому знанію. Въ разное время я посещалъ дома ученыхъ людей и пѣвалъ пѣсни съ поэтами, иногда ходилъ на охоту съ охотниками, иногда слушалъ музыкантовъ, нерѣдко осматривалъ

* Перепечатано, съ нѣкоторыми исправленіями изложениа, изъ №№ 2, 3, 5, 8, 10, 14, 15, 16, 19, 20, 22 въ 23 Туземной газеты за 1891 г. Н. О.

берега рѣки Сырь-Дарыи. Разъ со своими друзьями отправился я на Сырь-Дарью удить рыбу, но ничего мы не могли поймать. Переправившись на другой берегъ, мы встрѣтили шалашъ старого слѣповатаго рыбака. Послѣдній поклонился и пригласилъ насъ зайти къ нему въ шалашъ. Я никогда не видаль такого привѣтливаго человѣка. Онъ опаялся веревкой и переплылъ на другой берегъ, собралъ тамъ связку дровъ и переплылъ обратно такъ, что не замочилъ дровъ. Потомъ онъ изжарилъ намъ рыбу, которую мы остались очень довольны. Мы спросили у этого старика о его жизни, и онъ объяснилъ, что постоянно живеть въ упомянутомъ шалашѣ, занимаясь рыболовствомъ, и сколько наловить рыбы, то и продаетъ на базарѣ, а вырученныя деньги раздѣляетъ на три части: одну часть дасть своему тиру, т. е. учителю по религії, а другую часть своему семейству; оставынія деньги онъ оставляетъ себѣ для проитанія. Когда мы узнали, что онъ дервишъ, то просили его помолиться и за насъ. Онъ исполнилъ нашу просьбу... При прощаніи съ нами онъ поручилъ насть Богу, а вечеромъ мы пришли въ городъ и пріютились въ своихъ жилищахъ.

Такимъ образомъ я гулялъ каждый день по городу въ разныхъ мѣстахъ, бесѣдовалъ съ нѣкоторыми людьми, освѣдомляясь о ихъ положеніи и спрашивалъ у опытныхъ людей объ удивительныхъ и рѣдкихъ предметахъ. Особенно показался мнѣ непріятнымъ обычай здѣшнихъ жителей, что большинство ихъ не занимается ремеслами и промышленностью и что поэтому богатыхъ среди нихъ мало, а бѣдныхъ много. Напримеръ, три четверти здѣшнихъ жителей занимаются земледѣліемъ, четвертая часть занимается ремеслами и промышленностью, и только очень немногіе обучаются грамотѣ. Я убѣдился и въ невѣжествѣ ходжентскихъ лѣкарей (табибъ), которые имѣютъ обыкновеніе пускать кровь всякому, кто жалуется на слабость зрѣнія. Отъ такого вреднаго лѣченія портится здоровье многихъ людей. Воздухъ Ходжента показался мнѣ непріятнымъ, ибо тамъ часто бываетъ душно отъ ближайшихъ горъ и наводненій. Въ Ходжентѣ отъ

духоты я началъ болѣть и, вспомнивъ изреченіе мудрыхъ людей, что „путешествіе уничтожаетъ болѣзнь“, отправился въ городъ Ташкентъ.

1306 года гиджры, въ половинѣ мѣсяца шаввала (въ маѣ мѣсяцѣ 1890 года), я прибылъ въ городъ Ташкентъ и остановился у одного друга, Хаджи-Агзама. По его совѣту я жилъ въ мадрасѣ Кукальдашъ, а пропитывался у него. Онъ старался о моемъ образованіи. Я и вылѣчился на его средства въ непродолжительномъ времени. Онъ въ продолженіе 9 мѣсяцевъ принималъ меня, какъ слѣдуетъ, а я между тѣмъ занимался своимъ образованіемъ. Познакомился я съ представителями города—казиими и аксакалами и, встрѣчаясь съ ними, слышалъ отъ нихъ ласковыя слова. Наконецъ, я познакомился съ ученымъ человѣкомъ гор. Ташкента—Шарифъ-ходжей ишаномъ и слушалъ его полезные совѣты, которыми наполнялось сердце мое. Онъ обратилъ на меня свое вниманіе и, спросивъ о моемъ положеніи, узналъ, что я стихотворецъ, и прочиталъ два мои стихотворенія. Тогда рѣчь зашла о моемъ прозвищѣ (*лякабѣ*). Я сказалъ ему, что мое прозвище—„Фиркатъ“; но это прозвище ишану не понравилось, потому что значеніе этого слова—разлука.

Тогда я просилъ его сказать другое прозвище, и онъ соѣттовалъ мнѣ выбросить изъ слова „Фиркатъ“ букву „к“ и замѣнить ее буквою „х“, такъ какъ тогда изъ слова „Фиркатъ“ получится „Фирхатъ“, что обозначаетъ радость. Дѣйствительно, въ послѣдствіи это дало хороший результатъ: я стала потомъ распространять это прозвище въ моихъ новыхъ стихотвореніяхъ.

Онъ познакомилъ меня съ пришедшими изъ разныхъ странъ учеными, бесѣдами которыхъ я и воспользовался. Кроме того, я посредствомъ одного моего друга познакомился съ казиемъ Мухаммадъ-Мухиддиномъ-ходжей, имя которого известно среди народныхъ судей¹⁾. Онъ обратилъ на меня свое милостивое вниманіе и просилъ иочаще приходить для бесѣды съ нимъ. Между про-

1) Портретъ его приложенъ въ началѣ книги. И. О.

Чимъ я познакомился съ однимъ щедрымъ человѣкомъ, по имени Максудъ-ходжей, который жилъ близъ Шайхантаурскаго кладбища. Онъ пріютилъ меня у себя и оказалъ намъ высшее человѣковѣбіе. Онъ былъ музыкантъ и имѣлъ нѣсколько товарищъ, которые такъ же были музыканты. Я часто бывалъ въ ихъ обществѣ и находилъ для себя много удовольствія.

Я былъ знакомъ съ мирабомъ Исфаринскимъ (Ферганской области) Мухаммадъ-Зухуръ-хаджемъ, который пріезжалъ въ Ташкентъ по своимъ дѣламъ. Узнавъ, что я нахожусь въ Ташкентѣ, онъ розыскалъ меня и пригласилъ въ свой домъ, находящійся въ Ташкентѣ. Однажды онъ пригласилъ меня посмотретьъ русскую часть города Ташкента; мы сѣли на извозчика и поѣхали... Мы увидѣли, что каждое зданіе имѣло свой собственный видъ; улицы были вымощены галькой; по обѣ стороны улицъ были тротуары изъ жженаго кирпича для пѣшеходовъ и обсажены деревьями. Въ разныхъ мѣстахъ были площадки и сады для прогулокъ. Мы видѣли больши магазины со множествомъ всевозможныхъ товаровъ, которые описать невозможно; увидѣли мы наконецъ большое двухъ-этажное зданіе, которое называлось гимназіей. Это зданіе намъ очень понравилось, и мы остановились. Въ длину это зданіе имѣло 135 арш.; оно построено въ два этажа. Зданіе гимназіи состоитъ изъ трехъ корпусовъ; между корпусами устроены желѣзныя ворота, надъ которыми были коридоры, соединяющіе корпуса. Никогда въ жизни не видя такого зданія, мы были очень удивлены, и у насъ явилось желаніе посмотретьъ это зданіе внутри. Слѣзли мы съ извозчика, подошли къ швейцару и послали его къ начальнику гимназіи спросить, нельзя ли посмотретьъ внутри эти зданія. Черезъ нѣсколько времени вышелъ начальникъ заведенія и, поздоровавшись съ нами, пригласилъ насъ къ себѣ. Онъ спросилъ насъ, откуда мы. Мы отвѣтили, что пріѣхали изъ города Коканда. Онъ предложилъ намъ нѣсколько вопросовъ о наукѣ и, когда получилъ отъ насъ соответствующіе вопросы отвѣты и узналъ, что я стихотворецъ, самъ сталъ рассказывать намъ о русскихъ поэтахъ. По окончаніи

бесѣды онъ повелъ насъ на верхъ, чтобы показать намъ гимназію. Гимназія состоитъ изъ 8 классовъ. Въ ней преподавались: законъ Вожій, русскій, латинскій, французскій и греческій языки, логика, словесность, математика, исторія, географія, физика, рисованіе и музыка. Мы заходили въ каждый классъ и, поздоровавшись съ преподавателемъ, слушали, какъ онъ преподаетъ. Мы спросили у начальника заведенія о порядкахъ обученія въ гимназіи, и онъ объяснилъ намъ, что при гимназіи находится 12 учителей, и каждый преподаетъ особую науку. Въ теченіе недѣли всѣмъ ученикамъ гимназіи дается 225 уроковъ и каждый урокъ продолжается часъ. Въ концѣ учебнаго года, въ маѣ мѣсяцѣ, ученики экзаменуются. Весь курсъ гимназіи раздѣляется на двѣ половины. Ученики, окончившіе курсъ первыхъ четырехъ классовъ, имѣютъ право поступать на государственную службу. Имъ дается свидѣтельство, и они получаютъ чинъ безъ экзамена.

Вторая половина учебнаго курса гимназіи—отъ четвертаго класса до восьмого. Кончившіе курсъ въ шестомъ классѣ поступаютъ съ предпочтеніемъ на государственную и военную службу, а кто кончить курсъ въ восьмомъ классѣ, тотъ поступаетъ въ высшія учебныя заведенія безъ экзамена. Хорошо окончившіе курсъ ученики получаютъ на гимназическомъ актѣ серебряную или золотую медаль. Получившіе золотую или серебряную медали имѣютъ предпочтеніе при поступлении въ высшія учебныя заведенія.

Нѣкоторые ученики гимназіи по болѣзни и по другимъ причинамъ не оказываются успѣховъ и потому бываютъ не въ состояніи держать экзаменъ. Такіе ученики остаются въ томъ же классѣ на второй годъ. О тѣхъ ученикахъ, которые учатся плохо, гимназія письменно объявляетъ ихъ родителямъ.

Для каждой науки, особенно для физики и исторіи, въ гимназіи есть разныя способы и картины.—Мы все это видѣли, но если будемъ подробно описывать, то нашъ разсказъ выйдетъ очень длиннымъ.

Ученики гимназіи, послѣ приготовленія ежедневныхъ своихъ уроковъ, занимаются чтеніемъ разныхъ другихъ книгъ. Въ гим-

възій находятся двѣ казенные библиотеки: одна для учениковъ, а другая для учителей. Въ гимназіи есть также докторъ, который каждый день пріѣзжаетъ и освѣдомляется о здоровьѣ учениковъ и наблюдаетъ за чистотой воздуха. Въ гимназіи по градуснику наблюдаютъ за теплотою и холодомъ и держать въ комнатахъ не менѣе 14° тепла. Въ классахъ есть отверстія, называемыя вентиляторами. Открывая ихъ и форточки въ рамкахъ, выпускаютъ испорченный воздухъ изъ комнаты и впускаютъ чистый воздухъ изъ сада. Это, по словамъ русскихъ докторовъ, дѣлается потому, что если соберутся вѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, то воздухъ отъ ихъ дыханія портится, и если этотъ испорченный воздухъ будетъ оставаться въ той комнатѣ, то непремѣнно будетъ вредить здоровью учениковъ, находящихся въ классѣ. Поэтому русскіе поступаютъ съ большою осторожностью: вмѣстимость классныхъ комнатъ у нихъ бываетъ сообразна съ числомъ учениковъ, именно: для каждого ученика назначено пространство въ квадратную сажень. Русскіе заботятся также и о больныхъ ученикахъ разными способами. Учащимся въ гимназіи дѣтямъ-сиротамъ и бѣднымъ выдается пособіе на одѣжду, на книги и пр. Нѣсколько бѣдныхъ и сиротъ постоянно живутъ въ гимназіи. Для спанья ихъ есть въ гимназіи особыя спальные комнаты и особыя кровати. Однимъ словомъ, мы увидѣли въ гимназіи рѣдкіе и хорошия порядки, касающіеся ученія и учащихся. Намъ вообще понравились порядки и обычай русскаго народа, о чёмъ раньше мы никогда не слыхали... Потомъ мы простились съ начальникомъ гимназіи и возвратились домой.

Прибывъ къ своимъ товарищамъ, мы рассказали имъ о томъ, что видѣли и слышали въ гимназіи. Тогда и они заинтересовались и пожелали видѣть гимназію, а я написалъ 20---30 стиховъ и послалъ начальнику гимназіи; онъ принялъ ихъ и напечаталъ въ газетѣ. Спустя нѣкоторое время въ этой гимназіи былъ актъ. Собрались: генераль-губернаторъ, военный губернаторъ, главный инспекторъ училищъ, военные начальствующія лица, высшіе чиновники, родители учащихся. Тамъ читались: истори-

ческая рѣчь объ Александрѣ Македонскомъ и отчетъ по гимназіи; музыка играла; большоѣ было торжество. По приглашенію начальника гимназіи, я былъ тамъ и смотрѣлъ. О происходившемъ на этомъ собраніи я сочинилъ болѣе 50---60 стиховъ и передалъ въ газету. Стихи эти были также напечатаны и распространились между русскими и мусульманами. Нѣсколько разъ я былъ въ русскомъ театрѣ и видѣлъ дававшіяся тамъ представленія. Представленія у русскихъ даются не для смѣха, какъ дѣлаютъ наши скоморохи, а для наизданія: въ театрѣ русскіе актеры воспроизводятъ нравы прежнихъ людей, ихъ семейную жизнь и поступки. Въ театрѣ приходятъ мужчины и женщины и сидѣть тамъ всѣ на стульяхъ, соблюдая приличіе. Въ театрѣ не бываетъ срамныхъ словъ и представлений. Сочиненные мною объ этомъ стихи также нашли мѣсто въ газетѣ.—Я писалъ стихи о томъ, что видѣлъ, какъ умѣлъ и какъ понималъ. Нѣкоторые не все въ моихъ стихахъ одобрили; но въ моей душѣ никто не былъ, и судить о моихъ чувствахъ трудно другому человѣку¹⁾.

Познакомившись съ начальникомъ гимназіи, я часто хаживалъ къ нему. При его посредствѣ я имѣлъ случай познакомиться съ многими русскими людьми. Особенно мнѣ было дорого милостивое вниманіе господина генераль-губернатора, наградившаго меня халатомъ.

Оцѣнивъ мое маленькое поэтическое дарованіе, начальникъ гимназіи указалъ мнѣ на необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія этого дарованія. Однажды мы бесѣдовали, и разговоръ у насъ шелъ о порядкахъ обучения въ мусульманскихъ школахъ. Онъ просилъ меня разсказать, какъ я учился съ дѣтства въ своей школѣ и мою біографію до настоящаго времени. Я обдумалъ свое прошлое и написалъ такъ: я сынъ Муллы-Халь-Мухаммада. Отецъ мой занимался хозяйствомъ и немного былъ знакомъ со стихотворствомъ. Когда я достигъ семилѣтняго возраста, то не зналъ мірскихъ заботъ, былъ свободенъ отъ всѣхъ житейскихъ

¹⁾ Стихи Фариата напечатаны выше, на стр. 115---118. Н. О.

дѣль и игралъ на улицахъ со своими сверстниками: сдѣлавъ себѣ лошадь изъ палки, я ъздила на ней. Родители мои, не желая оставлять меня въ такомъ положеніи, надумали отдать меня въ школу. Я опечалился, узнавъ объ ихъ намѣреніи. По нашему мусульманскому повѣрью, суббота считается счастливымъ днемъ, и мусульмане каждое новое дѣло начинаютъ въ этотъ день. Но это невѣрно, потому что въ субботу звѣзды Зухалъ царствуетъ на небѣ, а подъ ея вліяніемъ во многихъ дѣлахъ бываетъ несчастіе; сверхъ того суббота—праздничный день евреевъ. Не смотря на это, отецъ далъ мнѣ въ руки блюдо съ лепешками и намѣревался отвести меня въ школу. Я поставилъ блюдо на голову и вышелъ на улицу раньше отца;бросивъ блюдо на улицѣ, я убѣжалъ въ другой кварталъ и игралъ тамъ цѣлый день. Послѣ заката солнца я потихоньку пришелъ домой. Между тѣмъ прошло 6 дней. На седьмой день, т. е. въ субботу, отецъ поймалъ меня на постели, схватилъ за руку, взялъ блюдо съ лепешками и повелъ меня въ школу. Я дорогой плакалъ: мое положеніе показалось мнѣ подобнымъ тому, когда ведутъ человѣка на смертную казнь. Отецъ привелъ меня въ мечеть, поручилъ учителю и просилъ его наказывать меня, если я не буду приходить въ школу и не буду учиться. Онъ сказалъ учителю: „мясо этого мальчика ваше, а кости мои“. Учителемъ моимъ былъ Мулла-Мухаммадъ-Аминъ, хромой. У него было нѣсколько длинныхъ палокъ и нѣсколько нагаекъ, на которыхъ были узлы. Отъ страха наказаній шалуны сидѣли смироно, но со слезами на глазахъ. Если какой-нибудь ученикъ совершалъ даже маловажный проступокъ, учителъ сильно наказывалъ его: нѣкоторыхъ онъ билъ по пяткамъ палкой, скрутивъ имъ ноги, нѣкоторыхъ подвѣшивалъ вверхъ ногами, а нѣкоторыхъ клалъ на землю и скручивалъ имъ ноги фалакомъ (палка съ веревкой на концѣ). За оба конца этой палки держали два человѣка, а учителъ былъ мальчика дощечкой по подошвамъ; потомъ, срѣзавъ бритвой подошвы наказанного, посыпалъ ихъ солью и отческалъ его домой. Если ученикъ не приходилъ въ школу, то учителъ посыпалъ за нимъ

нѣсколько другихъ учениковъ, чтобы притащить лѣнтия въ школу. Когда лѣнтия приводили въ школу, учителъ приказывалъ раздѣлть его и бить. Если кто-нибудь изъ постороннихъ просилъ за виновнаго, то учителъ на перекоръ ihmъ усиливалъ наказаніе.

Въ то время въ нашей школѣ старшимъ ученикомъ школы былъ Ахматъ-Ахунъ. Онъ разъ убѣжалъ, но учителъ послалъ привести его, а потомъ заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ темную комнату, лишивъ пищи и питья на сутки. Утромъ мы узнали, что онъ снова убѣжалъ черезъ окно темницы.

Отъ страха наказаній я каждый день неопустительно ходилъ въ школу и охотно занимался уроками. Послѣ того какъ я запутилъ напамять 15—20 краткихъ главъ изъ корана, я сталъ учиться читать на доскѣ (лаухѣ). Обученіе это происходитъ такъ: на деревянной дощечкѣ пишутъ алфавитъ и заставляютъ учить буквы безъ гласныхъ знаковъ. Потомъ, начиная съ первой главы корана до конца, обучаются читать уже съ гласными знаками. Послѣ того переходятъ къ афтіяку¹). Я кончилъ азбуку очень скоро и началъ учить афтіякъ. Тогда отецъ мой взялъ два-три блюда угожденій и нѣсколько коп. денегъ, принесъ все это къ учителю моему и поблагодарили его. Я кончилъ афтіякъ въ шесть мѣсяцевъ. Между прочимъ я приносилъ своему учителю подарки. Каждый ученикъ, проучившій 5—10 уроковъ, начинаетъ другой, высшій отдѣлъ. Въ тотъ день ученикъ съ нѣсколькими своими товарищами приходитъ въ своему отцу и, получивъ отъ него одинъ или два кокана (40 к.), приноситъ ихъ учителю. Учителъ въ этотъ день освобождаетъ учениковъ отъ уроковъ.

Когда я началъ учить коранъ, отецъ мой пригласилъ учителя съ его двадцатью учениками къ себѣ, угостилъ ихъ и подарилъ учителю хаатъ, а ученикамъ по платку. Въ скоромъ времени я окончилъ коранъ и началъ учить „Чарь-китабъ“²). При этомъ отецъ снова угостилъ учителя съ его учениками.

¹⁾ Небольшая книжка, содержаніемъ которой служатъ избранные главы корана. Н. О.

²⁾ Персидская книжка, состоящая изъ четырехъ отдѣловъ, касающихся омовеній, молитвъ и пр. Н. О.

Потомъ я сталъ учиться писать: съ утра до полдня я занимался чтенiemъ, а затѣmъ до вечера писалъ. Когда мнѣ минуло 8 лѣтъ, я началъ читать книгу „Мантику-т-тайръ“ (Разсказъ о птицахъ).. Эту книгу я кончилъ въ 6 мѣсяцевъ. Я читалъ сочиненіе Хафиза Шамсуддинъ-Мухаммада, подобного соловью въ цвѣтниkѣ и по-ученiemъ его очень наслаждался. Потомъ я началъ читать поэта Бидиля, которого кончилъ въ пять мѣсяцевъ. Когда минуло мнѣ 9 лѣтъ, я началъ читать сочиненія Амиръ-Али-Шира Навай на тюркскомъ языкѣ. Тогда со мной произошелъ удивительный случай: ночью въ пятницу я видѣлъ сонъ; мнѣ снился райскій садъ; въ саду были прекрасная зелень и разные цвѣты и пруды, а около нихъ бесѣдка, хорошо убранная. Я гулялъ одинъ въ этомъ роскошномъ саду, а потомъ залѣзъ на одно дерево и сорвалъ нѣсколько плодовъ. Вдругъ является одинъ красивый юноша, у которого только пробивались усы, и сказалъ мнѣ, что меня зовутъ ученые люди. Услышавъ это приглашеніе, я тотчасъ слѣзъ съ дерева и вмѣстѣ съ юношей отправился къ ученымъ. Придя къ нимъ, я увидѣлъ, что они сидятъ на упомянутой бесѣдкѣ кругомъ. На почетныхъ мѣстахъ сидѣли три старика; предъ ними были открыты книги, и старцы вели ученый споръ. Я приложилъ руку къ сердцу и поклонился имъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ на поклонъ и указалъ мѣсто, чтобы и я сѣлъ. Я присѣлъ вѣжливо. Они спросили меня о моемъ учени, и я почтительно отвѣтилъ, что учу книгу „Навай“. Тогда одинъ старецъ открылъ предо мной книгу. Эта книга оказалась „Навай“. Потомъ они дали мнѣ перо и бумагу; каждый изъ нихъ читалъ стихи, а я ихъ записывалъ. Они благословили меня и позволили мнѣ самому писать стихи... Когда я услышалъ голосъ пѣтуховъ и проснулся. Сердце мое было свѣтлѣе зари и чище зеркала. Совершивъ омовеніе, я пошелъ въ мечеть на утреннюю молитву, а послѣ молитвы отправился въ школу и рассказалъ свой сонъ учителю. Учитель поздравилъ меня и, поцѣловавъ въ лобъ, объяснилъ мнѣ сонъ слѣдующимъ образомъ: „видѣнныи тобою на возвышеннѣи человѣкъ—Навай Амиръ-Али-Ширъ, при помощи которого и

ты будешь поэтомъ“. Отъ этихъ словъ сердце мое наполнилось новою радостью.

Однажды я, оставшись одинъ въ школѣ, занимался писаниемъ; вдругъ на меня нашло поэтическое настроеніе, и я написалъ слѣдующіе стихи: „цѣль моя—научиться въ школѣ читать и писать“. Когда я показалъ эти стихи своему учителю, онъ сотворилъ молитву и пожелалъ мнѣ успѣха. Когда минуло мнѣ 10 лѣтъ, я кончилъ книги: „Фузули“ и „Маслякуль-муттикинъ“ и сталъ понимать стихи. Въ продолженіе года я остался въ школѣ старшимъ ученикомъ и училъ младшихъ учениковъ. Почеркъ у моего учителя не былъ красивъ; потому я въ другой разъ занимался чистописаніемъ у Камбаръ-бія, который писалъ хорошо и написалъ много книгъ. Когда минуло мнѣ одиннадцать лѣтъ, я кончилъ школу, и учитель освободилъ меня отъ занятій. Отецъ мой снова угостилъ учителя и наградилъ его халатомъ. Потомъ я обратился къ одному слѣпцу (кари) Ашуръ-Мухаммаду и учился у него правильно читать Коранъ. Въ 5—6 мѣсяцевъ я кончилъ и это. Отецъ мой желалъ, чтобы я продолжалъ образованіе и отдалъ меня учителю Падша-Ходжѣ, который преподавалъ уроки въ школѣ, построенной Амромъ Умаръ-ханомъ. Этотъ учитель былъ человѣкъ ученый и скромный. Сначала я началъ учить одну рукопись, называемую началомъ знанія, потомъ учился сирягать. Въ этомъ году я кончилъ Музи и Занджані. Когда минуло мнѣ 13 лѣтъ, я сталъ учить „Авамиль“. Въ этомъ же году я началъ учить книгу „Каяфія“. Въ то время въ Ферганѣ ханомъ былъ уже Сандъ-Мухаммадъ-Худаляръ-ханъ, по приказанію которого начались каникулы. Обыкновенно учебный годъ начинается въ сентябрѣ мѣсяца. Ученики сѣѣзжаются съ разныхъ странъ и окрестностей и живутъ въ школахъ и мечетяхъ; нѣкоторые занимаютъ кели въ школѣ. Въ недѣлю учебныхъ дней бываетъ—четыре: суббота, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ; остальные три дня т. е. среда, четвергъ и пятница употребляются на повтореніе прошедшаго. Такимъ образомъ учатся шесть мѣсяцевъ, а въ мартѣ мѣсяцъ наступаютъ

каникулы. Получивъ отпускъ, ученики школы занимаются своими дѣлами, а прибывшіе изъ кишлаковъ отправляются домой въ своей землѣ, чтобы запастись средствами къ ученію; кроме того, они получаютъ вакуфныя деньги (отъ школы). Вакуфъ устраивается слѣдующимъ образомъ: напримѣръ, какой-нибудь государь или богатый человѣкъ построитъ школу и пожертвуетъ въ пользу школы нѣсколько танаповъ ($\frac{1}{4}$ десят.) земли на разныхъ условіяхъ, совершаеть вакуфные документы, свидѣтельствующіе печатями казіевъ, назначаетъ одного честнаго человѣка мутаваллемъ и поручаетъ ему завѣдываніе вакуфомъ. Мутаваллій отдаетъ земли подъ посѣвъ кукурузы, пшеницы и другихъ хлѣбовъ. Собранное съ полей онъ продаетъ и вырученныя деньги раздѣляетъ ученикамъ, проживающимъ въ школѣ, на основаніи вакуфнаго документа; напримѣръ: старшему ученику дастъ 3 рубля, среднему 2 рубля и младшему 1 рубль. Однимъ словомъ, дѣлятся деньги, соразмѣрно величинѣ доходовъ, то есть: если съ вакуфа получается мало, то и ученикамъ выдается мало; если доходовъ получается много, то и учащимся выдается много. Напримѣръ: если въ одной кельѣ живутъ три младшихъ ученика, то имъ выдается всѣмъ три рубля; если же въ одной кельѣ живетъ одинъ старшій ученикъ, то онъ одинъ получаетъ три рубля: деньги выдаются соотвѣтственно познаніямъ учениковъ. При нѣкоторыхъ школахъ бываетъ много вакуфовъ, такъ что въ годъ старшій ученикъ получаетъ 15—тиллей, младшій $7\frac{1}{2}$ тиллей¹⁾.

Когда наступилъ сентябрь мѣсяцъ и окончилось каникулярное время, я отправился въ училище продолжать ученіе и оставался въ школѣ до марта мѣсяца. Такимъ образомъ я учился три года и кончилъ арабскую грамматику и логику. Такъ какъ небо даетъ нѣкоторымъ властителямъ матѣ, обижая ихъ, а лукавымъ людямъ подаетъ успѣхъ, то подвластные кокандскому ханству киргизы-кипчаки возстали и въ непродолжительномъ времени захватили Андижанъ, а сына Худаиръ-хана Сайдъ-Насруддинъ-Бека провоз-

¹⁾ Тиллі—золотая монета въ 3—4 руб. И. О.

гласили ханомъ. Черезъ нѣсколько дней они запаслись оружіемъ и направились въ Кокандъ. Услышавъ о возмущеніи, Худаиръ-ханъ изумился. Наконецъ стѣсненный возмущеніемъ упомянутаго народа, онъ искалъ себѣ убѣжища и отправился въ Ташкентъ. Это было въ 1292 году гиджры, а по русскому лѣточисленію въ 1875 г. Послѣ трехъ дней, киргизы-кипчаки вошли въ Кокандъ, сдѣлали явное возмущеніе, которое подробно описано въ другомъ моемъ сочиненіи. Послѣ такой смуты ученики большою частью разошлись въ разныя стороны; большинство изъ нихъ занялись разными дѣлами. Я тоже оставилъ ученіе и вмѣстѣ съ своимъ отцомъ трудился, чтобы доставать себѣ пропитаніе. Чрезъ нѣсколько времени Кокандское ханство было завоевано русскими. Русскіе выбрали място для нового города около Маргелана открыли тамъ базары и сдѣлали разныя постройки. Многіе изъ мусульманъ открыли тамъ лавки, дворы и сараи и получили много прибыли. Этотъ городъ въ скоромъ времени получилъ название Нового-Маргелана. Тамъ находятся Ферганское Областное Управление и много другихъ учрежденій и большихъ зданій; тамъ же живутъ и русскіе начальники. Улицы тамъ прямые, какъ и въ Ташкентѣ. Дядя мой открылъ въ Маргеланѣ лавку и звалъ меня къ себѣ; но я отказался, потому что въ то время я убѣгалъ, когда видѣлъ русскаго; я даже не любилъ тѣхъ, кто разговаривалъ съ русскими. Чрезъ три года пріѣхалъ дядя мой и рассказалъ мнѣ о тамошней жизни; я нѣсколько успокоился и изъявилъ желаніеѣ вѣтъ съ нимъ. Возвращаясь, онъ взялъ меня съ собой въ Новый-Маргеланъ. Сперва мы торговали вмѣстѣ въ одной лавкѣ, а потомъ я открылъ собственную лавку. Поторговавъ два-три года, я скопилъ немнога денегъ. Хотя я занимался торговлей, но не бросалъ и ученія и, найдя себѣ учителя, началъ учиться богословію. Послѣ утренней молитвы я училъ урокъ, потомъ отправлялся въ лавку и писалъ жителямъ разныя прошенія. Въ этомъ дѣлѣ, я оказывалъ хорошіе успѣхи; выслушавъ просителей, я записывалъ ихъ несвязныя слова хорошими фразами. Эти прошенія нравились переводчикамъ Управленія, и они изъявляли

свое довольство. Когда генералъ Абрамовъ былъ въ Маргеланѣ, я писалъ желающимъ прошения на туземномъ языке. Тогда я познакомился съ ташкентскимъ богатымъ сартомъ Абдулъ-Халикомъ, проживавшимъ въ Маргеланѣ. Постепенно дружба наша сдѣлалась до того тѣсною, что онъ отдалъ мнѣ на воспитаніе двухъ сыновей, и я долгое время училъ ихъ читать и писать. Я былъ холостъ; но когда, по желанію отца, я женился, то, по совѣту друзей, предпочелъ жить въ родномъ городѣ Кокандѣ. Простишись съ Новымъ-Марголаномъ и порвавъ съ нимъ жизненная отношенія, я сталъ жить въ Кокандѣ у своего отца. Жилъ я долгое время на родинѣ, занимаясь чтеніемъ и писаніемъ: я написалъ брошюру „Хаммами-халаль“ въ стихахъ и перевелъ разсказъ „Чаръ-Дарвишъ“, который былъ написанъ на персидскомъ языке; по просьбѣ одного своего друга, я написалъ разсказъ „Нухъ-Манзаръ“ въ стихахъ. Кроме этого, есть и другие мои стихи, которые распространены въ Ферганской области и въ другихъ странахъ. Читая стихи мои въ собранияхъ, добрые люди одобряли ихъ, а пѣвцы доставляли удовольствие публикѣ, распѣвая ихъ подъ музыку. Всѣ свои стихи я потомъ собралъ въ одну книгу.

Когда мнѣ минуло 24 года, я подружился съ учеными кокандскими мусульманами и отъ нихъ пріобрѣлъ много знаній. Я бывалъ у поэтовъ: Мавляна-Мухыи, Мауляна-Мукими, Мауляна-Зауки и Мауляна-Насбата. Постоянно сходясь вмѣстѣ, мы сочиняли стихи, то подражая образцу, то толкуя различно содержаніе его. Иногда мы рвали цветы изъ цвѣтника славы, а иногда доставали плоды изъ фруктовыхъ садовъ похвалы,---то о любви, то о красотѣ писали стихи. Отыскавъ бойкіе стихи въ книгахъ, написанные другими поэтами, мы отъ себя прибавляли къ этимъ стихамъ. И другие поэты интересовались и посыпали насъ. Когда мы сочиняли какіе-нибудь приятные стихи, разумные люди списывали ихъ себѣ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько времени, когда я получилъ письмо отъ своего друга, маргеланского сарта, торговца Мухаммадъ-Шарифа, который приглашалъ меня въ Мар-

геланъ. Въ Маргеланѣ я посѣтилъ его и у него познакомился съ муфтіемъ Муллой-Шамсуддиномъ. По его настоянію, я познакомился съ маргеланскимъ кази-каляномъ Дамулла-Ходжа-джаномъ, въ которомъ я нашелъ много одобрительныхъ качествъ. Это былъ очень ученый человѣкъ и сочинялъ на тюркскомъ языке стихи очень легко. Я читалъ одни его стихи, прибавленные къ стихамъ Амиръ-Али-Шира Наваи; стихи оказались очень хорошиими. Онъ былъ любознательный и въ высшей степени религиозный человѣкъ. При его дружеской помощи и поддержкѣ, я самъ скоро открылъ лавку и сталъ торговать чаемъ и другими предметами. Жилъ я въ келіи при соборной мечети съ однимъ учителемъ, юздинвшимъ въ Мекку на поклоненіе, и днемъ занимался своей торговлей, а вечеромъ въ той же келіи упражнялся въ чтеніи и письмѣ. Въ устроенной Махзунъ-баемъ высшей школѣ я пользовался объясненіями учителя Муллы-Мухаммадъ-Алами на Шархъ-викая. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ наскучило сидѣть въ лавкѣ, и я свою торговлю бросилъ, а наблюдалъ за торговлей своего друга, который имѣлъ лавку въ сараѣ Султанъ-Мурадъ-хана и велъ его торговую книгу. Этотъ человѣкъ ласкалъ меня, доставлялъ мнѣ удовольствія и заботился о поправленіи моего дѣла. Послѣ этого у меня явилось желаніе путешествовать, и я отправился въ Ташкентъ.

Когда я жилъ въ Маргеланѣ и видѣлъ у торговцевъ южнотуземной газеты, то бралъ ихъ и читалъ. Я удивлялся напечатаннымъ въ газетѣ извѣстіямъ, но не понималъ настоящаго назначенія ея. Относительно самого способа печатанія газеты я много размышлялъ и предполагалъ, что слова газеты сначала вырѣзываются на большой желѣзной доскѣ, а потомъ уже отпечатываются на бумагѣ; если (думалъ я) такимъ образомъ дѣлается, то это соединено съ большою трудностію, такъ какъ каждую недѣлю приходилось бы вырѣзывать слова на отдѣльной доскѣ, да и невозможно въ одну недѣлю вырѣзывать такое количество словъ... Кроме меня, и другие маргеланцы думали такъ же. Но прибывъ въ Ташкентъ, я сходилъ въ типо-литографію Лахтина и тамъ

увидѣлъ нѣсколько различныхъ машинъ и станковъ; въ маленькихъ деревянныхъ ящикахъ (кассахъ) лежали мусульманскія и русскія буквы, приготовленныя изъ свинца, — каждая буква отдѣльными кучками. Когда нужно, наборщикъ составляетъ изъ этихъ буквъ цѣлые слова, сообразно съ рукописью, и ставить ихъ въ порядкѣ. Приготовленныя такимъ образомъ изъ буквъ строчки онъ скрѣпляетъ и ставить на большую машину, потомъ накладываетъ на буквы бумагу, а машина сама намазываетъ краской эти буквы и печатаетъ. Тамъ печатались: двѣ газеты, русскія книги, объявленія правительственныхъ учрежденій, повѣстки судей, счета и разныя другія бумаги. Литографскій станокъ дѣйствуетъ такъ: сначала чистую бумагу намазываютъ особымъ составомъ съ одной ея стороны и, когда она просохнетъ, хороій писецъ пишетъ на ней особо приготовленными чернилами. Это письмо переводится на гладкій камень, который потомъ устанавливается на большую машину, и написанное на камнѣ отпечатывается уже на бумагѣ въ сколькихъ угодно экземплярахъ.—Машина литографская устроена вся изъ стали и желѣза. У машины есть большое колесо, которое легко повертываетъ одинъ работникъ. При этомъ одинъ валикъ передаетъ буквамъ краску, а одинъ человѣкъ накладываетъ на камнѣ листы бумаги,—и тотчасъ машина, при помощи своихъ приспособленій, печатаетъ, а еще одно приспособленіе подхватываетъ напечатанную бумагу и выбрасываетъ наружу. Каждый разъ, какъ колесо обернется, на камнѣ накладывается краска, получается оттискъ на бумагѣ, и бумага выходитъ наружу. Такимъ образомъ, съ одного такого письма, находящагося на камнѣ, можно получить нѣсколько тысячъ оттисковъ.—Въ типографіи такихъ машинъ есть пять-шесть, и камней литографскихъ тамъ много. Въ этой типографіи работаетъ много русскихъ и мусульманъ. Если какой-нибудь мусульманинъ вздумаетъ отлитографировать книгу, то, получивъ разрѣшеніе отъ цензора, условливается съ управляющимъ типографіи относительно цѣны и количества экземпляровъ и затѣмъ, нашедши искуснаго писца, особо платить ему за каждый листъ, сколько бы листовъ въ рукописи ни было.

Напримеръ: если въ рукописи сто листовъ, то издатель платить писцу 25 рублей, а литографскія чернила выдаются отъ типографіи. Писецъ въ каждые три дня пишетъ восемь страницъ и передаетъ ихъ въ литографію. Такъ, одинъ издатель литографировалъ сборникъ „Фузум“ и „Лай-и-мяджунг“, и ему тысяча экземпляровъ обошлись въ тысячу рублей. Каждый экземпляръ онъ продавалъ по 1 р. 40 коп. и получилъ съ тысячи экземпляровъ прибыли двѣсти рублей.

Однажды я зашелъ въ фотографію Назарова и увидѣлъ тамъ много развѣшанныхъ на стѣнахъ портретовъ миловидныхъ мальчиковъ и красивыхъ девочекъ, до такой степени хорошо сдѣланныхъ, что можно позавидовать. Художникъ Назаровъ показалъ мнѣ свои аппараты и объяснилъ свойства составовъ и бумаги, употребляемыхъ въ фотографіи. Чтобы показать мнѣ пріимѣрную съемку портретовъ, онъ снялъ при мнѣ портретъ съ одного человѣка, а я наблюдалъ за его дѣйствіями. Такъ было это: сначала онъ въ темной комнатѣ облилъ особымъ составомъ стеклянную пластинку и, высушивъ ее, осторожно, защищая отъ свѣта, вставилъ въ глухую закрытую рамку, потому что, если лучъ свѣта коснется стекла, то составъ этотъ потеряетъ свою силу. На треножникѣ была установлена особая машина со стеклами. Человѣкъ, съ котораго нужно снимать портретъ, садять на стулъ въ пяти-шести аршинахъ отъ этой машины и, когда крышка будетъ отнята отъ машины, то на особомъ стеклѣ на задней сторонѣ машины получается обратное изображеніе этого человѣка, такъ что даже цветъ одежды и узоры бывають видны. Я изумился, увидѣвъ такое диво. Это дѣлается для того, чтобы вѣрно опредѣлить разстояніе, на какомъ долженъ находиться человѣкъ отъ машины, когда снимается портретъ съ него. Когда человѣкъ будетъ усаженъ какъ должно, фотографъ вынимаетъ изъ машины заднее стекло и, закрывъ машину спереди крышкой, вставляетъ съ задней стороны ея упомянутое выше стекло, облитое особымъ составомъ. Затѣмъ, сказавъ сидящему на стулѣ человѣку, чтобы онъ не двигался, фотографъ снимаетъ съ машины

крышку, и тотчасъ лучи свѣта отъ сидящаго передъ машиной человѣка чрезъ открытую машину падаютъ на вставленное стекло, и на немъ получается изображеніе человѣка. На это требуется двѣ-три секунды времени. Закрывъ снова машину, фотографъ осторожно вынимаетъ то стекло изъ машины и, прикрывъ его сукномъ, уноситъ въ темную комнату и тамъ обливаетъ особымъ составомъ, чтобы задержать на стеклѣ изображеніе человѣка, а потомъ уже выноситъ это стекло на свѣтъ и показываетъ тому человѣку, съ которого снимаютъ портретъ.

Послѣ того подъ это стекло подкладывается бумага, намазанная особымъ составомъ, укрѣпляется въ рамкѣ и ставится на свѣтъ. По прошествіи пяти-десяти минутъ, изображеніе, находящееся на стеклѣ, отпечатывается на бумагѣ, и бумага затѣмъ вынимается изъ рамки, а подъ стекло кладется другая бумага и такъ далѣе, сколько нужно приготовить портретовъ. Замоченную бумагу съ изображеніемъ просушиваютъ, наклеиваютъ на картонъ и выпрямляютъ на стальной машинѣ. Гдѣ нужно подправить изображеніе, помощникъ фотографа дѣлаетъ это при помощи тонкихъ кисточекъ и черной туши. За 12 маленькихъ портретовъ берутъ 6 руб. или даже 4 руб. Въ настоящее время и некоторые мусульмане снимаютъ съ себя такие портреты¹⁾. Фотографъ рассказалъ мнѣ, что теперь, при помощи фотографской машины, дѣлаютъ изображеніе звѣздъ, находящихся на небѣ, а также изображенія съ быстро сѣгущихъ лошадей.

Въ заключеніе своихъ словъ я разскажу еще о томъ, какъ русскіе проводятъ два большихъ праздника: Рождество Христово и Пасху. Первый праздникъ бываетъ 25 декабря и продолжается до 6 января. Въ это время въ школахъ ученья не бываетъ. По вечерамъ богатые люди сходятся другъ къ другу въ гости и, гдѣ есть помѣщеніе, танцуютъ. У русскихъ есть одинъ хороший

обычай: въ большихъ городахъ устраивается большой домъ-клубъ. Въ этомъ домѣ въ назначенные дни играетъ музыка и желающіе танцуютъ. Кто хочетъ, можетъ тамъ за деньги получить чай и ужинъ. Иногда тамъ собирается много народа. Чтобыходить на вечера въ клубъ, нужно быть членомъ клуба и платить годовую установленную плату. Не всякий можетъ быть членомъ клуба: дурнаго человѣка въ клубъ не принимаютъ. Но члены клуба могутъ приводить съ собой знакомыхъ своихъ, и тогда они отвѣчаютъ за ихъ поведеніе. Въ ташкентскомъ клубѣ каждый разъ бываютъ дежурные офицеры, которые наблюдаютъ за порядкомъ. И я одинъ разъ былъ со своимъ знакомымъ въ этомъ клубѣ. Тогда былъ вечеръ для дѣтей: болѣе ста мальчиковъ и девочекъ были тамъ вмѣстѣ со своими отцами и матерями. Когда играла музыка, дѣти танцевали; у кого были деньги, тѣ своихъ дѣтей поили чаемъ и кормили ужиномъ. Въ клубѣ все держать себя просто, безъ гордости; на меня некоторые русскіе обратили тамъ вниманіе, показывали имъ помѣщеніе клуба, объясняли все и угостили чаемъ.

Этотъ обычай у русскихъ мнѣ очень понравился. Большинство русскихъ не имѣютъ большихъ домовъ и большихъ средствъ, чтобы устраивать у себя большія развлечения и приглашать много гостей, а заплативъ въ клубъ годовую плату, русскіе могутъ и сами ходить туда, и своему семейству доставлять удовольствія. У насъ-мусульманъ такого обычая неѣть. Наши развлечения происходятъ подъ открытымъ небомъ, на дворѣ; въ холодное время и во время дождя приглашать много гостей уже нельзя. Русскіе же въ клубѣ могутъ собираться и въ холодное время, и во время дождя. Помѣщеніе отличное; въ немъ тепло и свѣтло; музыка—самая лучшая, и присутствующіе—люди почтенные. Съ высшихъ людей внизу могутъ брать примѣръ для подражанія. А главное преимущество русскаго обычая состоять въ томъ, что русскіе люди могутъ проводить свободное время вмѣстѣ со своими семействами,—съ женами и дѣтьми. Въ клубѣ можно встрѣтить разныхъ своихъ знакомыхъ; съ ними можно поговорить и о дѣлахъ.

¹⁾ Въ свое оправданіе такие сарты говорятъ, что они не имѣютъ права держать портреты своихъ открыто и потому закрываютъ изображеніе, или же просто кладутъ на полку изображеніемъ внизъ. Одинъ сартъ держалъ свой портретъ за пазухой. И. О.

Тамъ есть особая комната для чтенія: кто не хочетъ танцевать, можетъ заняться чтеніемъ книгъ и газетъ.

Я видѣлъ и слышалъ, что въ ташкентскомъ клубѣ бываютъ и нѣкоторые мусульмане. Думаю я, что въ этомъ грѣха нѣтъ; напротивъ, намъ-мусульманамъ нужно знать обычай русского народа, сравнивать ихъ жизнь съ своею и подражать тому, что разумно и пріятно.

Въ день нового года русскіе мужчины ѻздятъ другъ къ другу, поздравляютъ съ новымъ годомъ, желаютъ здоровья и счастья. Теперь и нѣкоторые мусульмане подражаютъ этому обычая.

Когда наступило время самого главнаго праздника русскихъ—Пасхи, то въ субботу (20 апр. 1891 г.), въ 11½ час. вечера, былъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки, а па колокольняхъ начался звонъ колоколовъ. Я пошелъ, чтобы видѣть это празднованіе, остановился близъ церкви и смотрѣлъ... Кругомъ церкви и на улицѣ было зажжено безчисленное множество свѣтильниковъ, и русскихъ людей было такъ много, что всѣ не помѣщались въ большой церкви, а многіе стояли снаружи. Въ это время весь русскій народъ держалъ въ рукахъ горящія свѣчи и молился по своему обычаяу. Прошло нѣсколько времени, молящіеся вышли изъ церкви и обходили вокругъ ея. Въ это время пѣвчіе пѣли молитвы, а кругомъ церкви свѣтились разноцвѣтные огни. Подошли къ главнымъ дверямъ, священнослужители пропѣли нѣсколько молитвъ и послѣ того, какъ съ крѣпости было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, молящіеся снова вошли въ церковь и продолжали молиться въ церкви два съ половиною часа.

По окончаніи богослуженія, русскіе чиновники поздравляли Господина Генераль-Губернатора съ праздникомъ, а затѣмъ отправились къ нему въ домъ и тамъ разговаривали.

Въ 11 часовъ утра 21 апрѣля, въ воскресенье, мужчины посѣщали дома своихъ знакомыхъ для принесенія поздравленій,—дѣлали визиты, а на другой день и дамы, своимъ порядкомъ,—сначала низшія высшимъ дѣлали поздравленія, а на третій и четвертый дни старшія дамы отвѣчали своимъ поздравленіями

назшими. Визитъ болѣе нѣсколькихъ минутъ не продолжается, а нѣкоторые даже и въ дома не заходятъ, а только оставляютъ карточку съ написаннымъ на ней своимъ именемъ; если такой карточки нѣтъ, то, войдя въ домъ расписываютъ. Этотъ обычай уже есть и среди должностныхъ мусульманъ. По вечерамъ въ эти дни русскіе ходятъ другъ къ другу въ гости, по приглашенію, и веселятся. Этотъ праздникъ продолжается недѣлю. Въ дни этого праздника русскіе въ знакъ радости даютъ другъ другу окрашенныя куриныя яйца, и при этомъ говорятъ: „Христосъ воскресъ!“.

Послѣднее мое слово: когда я жилъ въ Кокандѣ и Мартеланѣ, то русскихъ обычаевъ вообще не зналъ; но, прибывъ въ Ташкентъ и проживъ здесь нѣсколько времени, я познакомился съ нѣсколькими русскими людьми и видѣлъ много ихъ обычаевъ, а чего не видалъ, о томъ спрашивалъ. Два раза я былъ гостемъ въ домѣ Господина Генераль-Губернатора и тамъ видѣлъ разныя развлечения¹⁾). Большая часть русскихъ обычаевъ не сходны съ нашими обычаями; поэтому я и сообщаю въ газетѣ о томъ своимъ соплеменникамъ-мусульманамъ. По волѣ Божіей, намъ пришлось жить съ русскими совмѣстно; поэтому намъ необходимо хорошо знать ихъ обычай: у насъ есть общая торговля и много другихъ дѣлъ, а потому для собственной нашей пользы намъ необходимо обращать вниманіе на жизнь русскихъ людей²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 119—124. Н. О.

²⁾ Оригинальный субъектъ авторъ напечатанного рассказа. Проживъ въ Ташкентѣ года два, онъ захотѣлъ сюда путешествовать и, не имѣя денегъ, отправился съ однимъ знакомымъ сначала до Самарканда, потомъ до Бухары, а оттуда въ Константинополь и Мекку. Извъ Мекки онъ прошелъ другой дорогой чрезъ Индию и остановился въ Ярендѣ. Съ дороги и изъ Яренда онъ нѣсколько разъ писалъ мнѣ письма и присыпалъ стихи для напечатанія въ газетѣ. Н. О.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Напечатанный въ этомъ выпускѣ материаломъ авторъ имѣлъ виду дать читателю общее понятіе о сартахъ и указать въ главныхъ чертахъ на тѣ благотворительныя послѣдствія, какими сопровождается для нихъ русское управление. Конечно, напечатанный материалъ не освѣщаетъ всѣхъ сторонъ жизни сартовъ, но онъ достаточно уясняетъ главную мысль автора, что протекшие со дня завоеванія Ташкента (1865 г.) годы не прошли безслѣдио для туземнаго населенія, которое, при своей косности и фанатизмѣ, постепенно дѣлаетъ уступки русскому вліянію. Въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе и поездки иѣкоторыхъ туземцевъ въ Россію. Въ настоящее время среди торговцевъ можно встрѣтить много лицъ, стремящихся повидать своими глазами города внутренней Россіи и тамошнюю жизнь. Предстоящее торжество св. коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ составляетъ предметъ чаинія многихъ туземцевъ. Всероссийская Нижегородская выставка и ярмарка съ своей стороны доставятъ туркестанскимъ сартамъ массу новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, передъ которыми трудно будетъ закрыть глаза. Да въ настоящее время къ этому иѣтъ и причинъ. Прежде, въ ханское время, сарты, бывавшіе въ Россіи, боялись рассказывать дома о томъ, что они видѣли внѣ своихъ городовъ, чтобы не унизить ихъ въ глазахъ темнаго народа, а тѣмъ болѣе въ глазахъ своихъ правителей; теперь настало для сартовъ время, когда они должны болѣе открывать глаза, чтобы видѣть и церенивать у русскихъ то, чего у нихъ самихъ иѣтъ и не было. Торговые интересы поддерживаютъ это сознаніе. Два года назадъ богатый сартъ Арифъ-ходжа, побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ,

прощалъ въ Лондонъ и Парижъ и мнѣ лично говорилъ, что сына своего будетъ учить въ русской школѣ, чтобы онъ могъ потомъ болѣе свободно и самостоятельно располагать собою при новыхъ условіяхъ жизни. Другой сартъ высказывалъ, что готовъ на собственные средства отправиться въ Москву, чтобы видѣть рѣдкое всероссийское торжество. Не нужно удивляться наивности, съ какою наши сарты относятся къ невиданнымъ ими явленіямъ; важно, что въ нихъ пробуждается сознаніе новыхъ формъ и требованій жизни и неизбѣжности болѣе тѣснаго сближенія съ русскими. Не входя въ подробное разсужденіе на обширную тему о происходящемъ сближеніи двухъ народовъ, русскихъ и сартовъ, и столкновеніи ихъ разныхъ культуръ, я нахожу весьма подходящими данному случаю привести здѣсь глубокомысленное замѣчаніе почтеннаго русскаго профессора и ученаго:

„Правильное соотношеніе двухъ предметовъ: народного самопознанія съ одной стороны и усвоенія того, что выработано духовными усилиями всего человѣчества съ другой, и составляетъ задачу истинной образованности. Эта задача вытекаетъ изъ понятія о народѣ, которой, будучи самостоятельнымъ общественнымъ тѣломъ, живя собственою, индивидуальною жизнью, есть въ то же время и необходимый членъ всенародной семьи. Въ его историческомъ развитіи дѣйствуютъ двѣ стихіи: національная и общечеловѣческая. Первая стихія образуетъ его личность, называемую народностью, по которой онъ отличается отъ другихъ народовъ и есть именно такой-то народъ, а не какой-либо другой; вторая ставить его въ общеніе со всеми прочими націями, дѣлаетъ его необходимымъ звеномъ въ цѣпи всего человѣчества. Обѣ стихіи народного развитія остроуно уподобляютъ силамъ центробѣжной и центростремительной, дѣйствующимъ въ небесной сфере. Сила центробѣжная (національная) охраняетъ особенное существованіе народа, удерживаетъ за нимъ его личность и самостоятельность; сила центростремительная (общечеловѣческая) влечетъ народъ къ единенію съ другими народами, не дозволяя ему совершать свою исторію въ отрѣшенной отъ нихъ области, жить исключительно,

въ себѣ самой замкнутою жизнію. Какъ отъ правильнаго соотношения силъ въ жизни солнечной системы зависитъ невозмущаемое теченіе планетъ, такъ отъ правильнаго соотношенія стихій въ жизни народа зависитъ его невозмущаемое развитіе. Господство или перевѣсъ одной какой-либо стихіи ишаетъ нормальному устройству народной судьбы. Если бы народъ подчинялся дѣйствію національности, нераздѣльному, единственному, онъ осудилъ бы себя на китайскую неподвижность; если бы онъ могъ отречься отъ своихъ национальныхъ отличій и жить единственно иноземнымъ вліяніемъ, онъ представилъ бы примѣръ чудорѣчнаго космополитизма, который и въ отдельныхъ личностяхъ возмутителенъ для каждого живаго человѣка. Цѣльное, гармоническое развитіе народа состоитъ въ возведеніи присущихъ ему началь на степень общечеловѣческихъ; оно тогда только возможно, когда народъ, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ, усвоиваетъ духовныя приобрѣтенія другихъ націй и въ свою очередь самъ становится участникомъ общечеловѣческаго развитія.

„О осуществленіе этой формулы требуетъ длиннаго ряда вѣковъ. Прежде чѣмъ стать на чреду народовъ историческихъ, имѣющихъ всемирное значеніе, народъ проживаетъ пѣсколько послѣдовательныхъ periodovъ: periodъ исключительной національности, заботливо сторожащейся отъ всего чуждаго; periodъ сближенія съ другими народами, подражательности иноземному, которая весьма часто не знаетъ мѣры заимствованій и упускаетъ изъ виду свое собственное; наконецъ, periodъ разумной самостоятельности, когда обѣ силы, національная и общечеловѣческая, приходятъ въ должное равновѣсіе, сохрания свои законныя права и дѣйствіе“¹⁾.

Не нужно подсказывать читателю, что ташкентскіе сарты въ настоящее время переживаютъ именно *второй* periodъ, periodъ подражательности русскому народу. Periodъ этотъ начался очень недавно, а для многихъ сартовъ только начинается и потому

будетъ еще продолжаться. Наша задача при этомъ должна состоять въ томъ, чтобы замѣтать, наблюдать эту новую фазу въ жизни сартовъ, регулировать проявленія ея и направлять къ обоюдной выгодѣ русскихъ и сартовъ. При подражательности могутъ быть и крайности, какъ это известно намъ, русскимъ, изъ собственной исторіи; могутъ быть при этомъ и дурные явленія въ жизни сартовъ; но разъ они неизбѣжны, самобичеваніе неумѣстно, равно какъ и восторженное отношеніе къ нѣкоторымъ чертамъ характера сартовъ. Отъ начала міра доселъ не было народовъ безъ недостатковъ и пороковъ; однако одни народы жили долѣе другихъ самостоятельною жизнію и имѣли periodъ полнаго расцвѣта своихъ духовныхъ силъ, другие народы не доживали до такого periodа и сходили съ исторической сцены, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда; трети, наконецъ, продолжали свое существование лишь подъ покровительствомъ могущественнаго завоевателя. Въ этомъ отношеніи уроки исторіи особенно должны быть поучительны не только для насть, завоевателей, но и для самихъ сартовъ, побѣжденныхъ. Что выжили отъ прежнихъ временъ сарты и что получать отъ насть? Это такой вопросъ, на который ученый сартъ можетъ про себя отвѣтить выражениемъ корана: ﴿مَنْ أَعْلَمُ بِالْأَوْقَاتِ﴾ т. е. Богъ лучше знаетъ, и такой отвѣтъ имѣть смыслъ: Богъ далъ людямъ разумъ, чтобы сравнивать настоящее съ прошедшимъ и стремиться къ лучшему; будущее же останется для людей только гаданіемъ...

¹⁾ А. Галаховъ. Исторія русской словесности, т. 1, отд. 2, стр. 276—277.

О мухтасибахъ или раисахъ.

Каждый мухтасибъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько человѣкъ прислужниковъ (гирянда), иногда—шесть, иногда—восемь, чаще—десять, которыхъ онъ нанималъ на собственный свой счетъ. Два изъ нихъ (иногда одинъ) назывались *халифы* (خليفة), т. е. замѣстителями, и пользовались довѣріемъ и полномочіями со стороны мухтасиба. Во время болѣзни мухтасиба они исполняли его обязанности, а также обѣзвжали городъ по его порученію.

Прислужники мухтасиба имѣли у себя особаго устройства ременная плети (سُر—*дарра*), состоящія изъ рукоятки и тройного ремня опредѣленныхъ размѣровъ. Рукоятка имѣла въ длину четыре съ половиной вершка: два съ половиной вершка ея назначались собственно для рукоятки, а два вершка—для укрѣпленія самой плети. Поэтому на концѣ рукоятки было утолщеніе въ вершокъ шириной и разрѣзъ почти въ палецъ шириной. Въ этотъ разрѣзъ вставлялась широкая тройная ременная плеть и укрѣплялась въ рукоятку тремя гвоздями. Ручка обыкновенно дѣлалась изъ маслины (*зайтуна*), а самая плеть шивалась изъ трехъ ремней (шириною въ вершокъ и длиною въ три четверти аршина) и закруглялась на свободномъ концѣ. По шаріату, одинъ ремень этой плети вырывался изъ кожи верблюда, другой изъ коровьей кожи, а третій изъ кожи зайца. Всѣ эти три ремня прошивались насѣвомъ тремя швами (два по краямъ и одинъ въ серединѣ); узлы при этомъ не допускались на поверхности ремней. Тонкій конецъ рукоятки имѣлъ отверстіе, въ которое продѣвался тонкій ремешокъ, образовавшій петлю въ три вершка, для надѣванія на руку или для привѣшиванія плети дома, когда она не была въ употребленіи.

Во время осмотра базара, мухтасибъ самъ ѿхалъ верхомъ на лошади; около него также верхомъ ѿхали его помощники, а за нимишли по-парно прислужники, держа въ рукахъ плети, приложивъ ихъ къ плечу ремнями.

Наказаніе виновныхъ мусульманъ плетью было установлено при второмъ халифѣ Омарѣ, а до этого времени наказаніе производилось: руками, халатомъ, тростью, подошвами валошъ и сырыми прутьями финикового дерева. Чтобы придать больше значенія этой плети, мусульманское преданіе разсказываетъ, что самая первая плеть была сдѣлана изъ кожи того барана, котораго Богъ послалъ Аврааму для *принесенія въ жертву вмѣсто сына его Измаила*¹), и изъ кожи верблюдицы пророка Салиха²), а ручка—изъ маслины.

Религіозный характеръ сказался и на самомъ обращеніи съ этой плетью: когда брали въ руки плеть, во время ударовъ плетью и когда плеть клали на място, рекомендовалось читать соотвѣтствующіе стихи изъ корана. И наказываемые должны были читать стихъ изъ корана.

Самое наказаніе плетью производилось такимъ образомъ: приговореннаго къ наказанію обнажали отъ шеи до поясницы; затѣмъ одинъ изъ прислужниковъ мухтасиба клалъ виновнаго на свою спину и придерживалъ своими руками за его руки; послѣ того другой прислужникъ отбивалъ по голой спинѣ наказываемаго опредѣленное число ударовъ плетью. При наказаніи женщинъ, имъ закрывали голову и спину особымъ плащемъ (такъ какъ видѣть наготу женщины для мужчинъ, кроме мужа, составляетъ грѣхъ) и вышеописаннымъ способомъ отсчитывали ей опредѣленное число ударовъ. По числу ударовъ были два рода наказанія: *хадд* (حد), т. е. наказаніе въ собственномъ смыслѣ, и *тагзир* (تجزى), т. е. исправительное наказаніе. Въ первомъ случаѣ

¹) Мусульмане вѣрятъ, что Авраамъ приносилъ въ жертву не Исаака, иначе учить Библія, а Измаила, хотя въ Коранѣ по этому случаю говорится безлично, т. е. не называется ни Исаакъ, ни Измаилъ. (См. гл. 37, ст. 97—113). Н.-О.

²) По учченію Корана, Салихъ былъ посланъ Богомъ къ Фемудянамъ, древнему арабскому племени, обитавшему въ Хиджрѣ. Пророкъ далъ имъ въ знакоміе верблюдицу и предупредилъ ихъ не дѣлать ей никакого вреда. Но верблюдица своимъ огромнымъ ростомъ стала пугать жителей и выпивала всю воду изъ колодцевъ; поэтому Фемудяне убили ее и были наказаны землетрясеніемъ, которое разрушило ихъ жилища и погубило ихъ самихъ. Объ этомъ говорится въ нѣсколькихъ главахъ Корана. Н.-О.

число ударовъ, смотря по преступлению, простирались отъ 40 до 100, а при наказаніи *тагизирѣ* отъ 3 до 39 ударовъ. Для нѣкоторыхъ преступленій число ударовъ было опредѣлено еще въ коранѣ, а именно: за прелюбодѣяніе—100 ударовъ, а за ложное свидѣтельство 80 ударовъ (гл. 24, ст. 2 и 4).

Удары плетью могли быть различной силы, начиная съ самыхъ слабыхъ и кончая самыми сильными. Болѣе сильные удары наносились за блудодѣяніе, затѣмъ—за употребленіе вина, далѣе—за клевету.

Если наказуемый умиралъ во время наказанія, то наказуемый не подлежалъ взысканію, подобно тому, какъ не отвѣтствуетъ кровопускатель за смерть лица, пожелавшаго пустить себѣ кровь и умершаго отъ кровопусканія.

Наказаніе *тагизирѣ* по отношенію къ правителямъ и ученымъ состояло въ напоминаніи проступка; начальниковъ войска казій могъ выставлять къ дверямъ на посмѣяніе; купцовъ и лавочниковъ наказывали также и лишениемъ свободы, а высшіе классы подвергались или лишенню свободы, или же тѣлесному наказанію.

Въ извѣстномъ мусульманскомъ кодексѣ „Хидаѣ“ упоминается наказаніе прутьями, на которыхъ сучки предварительно срѣзывались. Удары предписано наносить по разнымъ частямъ тѣла, а не по одному и тому же мѣсту, чтобы избѣгнуть опасности для жизни наказуемаго. По головѣ, лицу и дѣтейскимъ частямъ бить не позволялось, чтобы не обезобразить человека (лицо), чтобы не лишить его чувствъ (голова) и чтобы не подвергнуть жизнь его опасности (дѣтей. члены). Мужчина подвергался наказанію стоя, а женщина—сидя, ради приличія.

Число ударовъ опредѣлялось казіемъ; но когда въ лицѣ мухтасиба соединялась и власть казія, тогда и наказанія назначались имъ самимъ.

Приложение къ стр. 68—71.

Рассказъ ниргиза о развлеченияхъ сартовъ съ бачами.

По своимъ дѣламъ я бывалъ въ многихъ городахъ Туркестана и хорошо освоился съ нравами и обычаями сартовъ; но мнѣ не удавалось быть на сартскихъ увеселеніяхъ въ присутствіи бачей, потому что сарты свои гнустныя удовольствія старательно скрываютъ отъ „не-сартовъ“. Наконецъ, съ помощью одного знакомаго, мнѣ удалось почасть въ таинственный домъ, где происходили безнравственные удовольствія: я переодѣлся въ сартскій костюмъ и вошелъ въ саклю. Она была довольно помѣстительная, и въ ней было много сартовъ, между которыми находились и пожилые, украшенные бѣлой большой чалмой и сѣдой бородой. Всѣ сидѣли на полу. Въ срединѣ комнаты, на шелковъ коврикѣ сидѣлъ красивый мальчикъ; на немъ былъ роскошный и оригинальный женскій костюмъ. Съ головы до ногъ онъ былъ украшенъ серебряными и золотыми монетами. Передъ нимъ на подносѣ стоялъ большой чайникъ и маленькая китайская чашка. Я догадался, что этотъ мальчикъ никто иной, какъ бача. Бача налилъ чаю изъ чайника въ чашку, и всѣ присутствующіе впились въ него глазами. Когда онъ подалъ чаю одному богато одѣтому юношѣ, юноша моментально соскочилъ съ мѣста и, приложивъ руки къ груди,—чтобы выразить уваженіе, покорность и готовность услугить мальчику,—подошелъ къ бачѣ и низко поклонился. Юноша сѣлъ на колѣнахъ передъ мальчикомъ и принялъ отъ него чашку чаю. Когда чай былъ выпитъ, юноша возвратилъ бачѣ чашку, положивъ въ нее цѣлую горсть монетъ. Удостоившись цѣлованія рукъ и лица, молодой сартъ при крикѣ публики: „Ты счастливъ!“ сѣлъ на мѣсто. Потомъ бача изъ той же чашки угощалъ и остальныхъ своихъ поклонниковъ. Каждый изъ нихъ, возвращая чашку, дарилъ мальчику монеты; но никто изъ обожателей не удостоился той милости, какой заслужилъ первый поклонникъ бачи. При окончаніи чаепитія, унесли чайникъ и чашку. Тогда всѣ принялись курить гашашъ. Воздухъ напол-

нился дымомъ и трудно было дышать. Изъ рта курильщиковъ бѣжала слюна; они сидѣли неподвижно, наклонивъ свои головы въ одну сторону и не сводя глазъ съ своего кумира. Они были въ какомъ-то особенномъ состояніи... Когда бача всталъ, вдругъ всѣ оживились: кто ударилъ въ бубень, кто заигралъ въ сзызыгы (родъ флейты), кто затрубилъ. Бача то и дѣло дикими скачками кружился въ комнатѣ. По временамъ онъ останавливался возлѣ кого-нибудь и строилъ при этомъ различные гримасы и кривлянія. Каждый сартъ въ то время, когда возлѣ него останавливался бача, старался цѣловать полы его одежды, руки и башмаки; иной прикасался къ его одеждѣ или башмакамъ, а потомъ цѣловалъ свою руку, съ умиленіемъ приговаривая: „Я готовъ быть твоимъ агицемъ, приноси меня въ жертву“.

Долго продолжались танцы; скорѣе сказать, скачки бачи. Отъ дыма гашаша у меня заболѣла голова, и я долженъ былъ оставить сартовъ. Что дальше было въ саклѣ, я не знаю...

По словамъ того же киргиза, и въ настоящее время вѣкоторые богатые сарты держатъ у себя тайно бачей, выдавая ихъ за своихъ приказчиковъ¹⁾.

¹⁾ Зависть. изъ Киргизской степной газеты отъ 11 февраля 1896 г. № 6.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПОДЪ ФИРМОЙ
„ВУКИЧИСТЪ“

въ Ташкентѣ.

Книги научного содержанія, бестселлеры новѣйшихъ и старыхъ писателей.

Большой выборъ книгъ для изученія Средней Азіи и Туркестанскаго края.

Антикварное отдѣленіе: покупка и продажа старыхъ и рѣдкихъ книгъ.

Приемъ подписки на всѣ периодическія изданія, какъ русскія такъ и иностраннныя.

Заказы многородникъ исполняются немедленно и наложеннымъ платежемъ.

При магазинѣ имѣется переплетная мастерская, желающіе могутъ получать книги въ переплетахъ.

ПРИ МАГАЗИНѢ ОТКРЫТА БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Алексѣевъ. Фразы сартовскаго языка	3 р. —
Гейеръ. Отъ Ташкента до Гавы	— 60 к.
Казанскій. Вблизи Памировъ	1 р. —
Средняя Азія. Альманахъ на 1896 г. . . .	1 р. 50 к.
Наливкинъ. Русско-персидскій словарь	3 р. —
Его-же. Исторія Кокандскаго ханства	1 р. 50 к.
Его-же. Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы	1 р. 50 к.

Книгопродающимъ 25%, казеннымъ и учебнымъ учрежденіямъ 10% скидки.

ИЗДАНИЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- Сарты. Выпускъ 2-й. Народныя сказки. . . 1 р. 20 к.
Сарты. Выпускъ 3-й. Пословицы и поговорки
сартовъ 1 р. 20 к.
Уложение Тимура 1 р. —

Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к.

ПРОДАЮТСЯ:

въ Ташкентѣ—въ книжномъ магазинѣ „Буниниѣ“,
въ Москвѣ и Петербургѣ—
въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и Суворина..